

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

XV–XVI

БРЯНСК
МОО «ИС»
2019

УДК 82/89; 882
ББК 83.3(0)5
DOI 10.25797/APG.2020.28.56.001
Н48

Н48 Некрасовский сборник. — Брянск: Издательство Межрегиональной общественной организации социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание», 2019. — 296 с.

Редакционная коллегия:

А. М. БЕРЁЗКИН,
М. Ю. ДАНИЛЕВСКАЯ (ответственный редактор)

Рецензенты:

А. Г. ГРОДЕЦКАЯ, Л. П. ГРОМОВА

Серия основана в 1951 г.

Редакционная коллегия благодарит Межрегиональную общественную организацию «Историческое сознание» за финансовую помощь в издании

ISBN 978-5-7164-0977-4

© Коллектив авторов, 2019
© Российская академия наук,
серия «Некрасовский сборник»
(разработка, оформление),
1951 (год основания), 2019
© Издательство МОО «ИС», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей представлен XV–XVI выпуск «Некрасовского сборника», увидевший свет спустя десять лет после выхода предшествующего, XIV-го, в 2008 году. Столь долгая пауза была вызвана отсутствием финансирования издания, однако настоящий сдвоенный выпуск, как и предыдущие, тесно связан с традицией Некрасовских конференций, которые проводились по четным годам. Кроме них, с 2009 года были учреждены Некрасовские чтения в Пушкинском Доме, которые проходили по нечетным годам. С 2012 года учреждены ежегодные Панаевские чтения, которые проводились совместными силами Группы по изучению биографии и творчества Н. А. Некрасова (Пушкинский Дом) и Всероссийским музеем А. С. Пушкина (Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова на Литейном пр., 36). Хроники конференций и чтений печатались в журнале «Русская литература». Избранные выступления, звучавшие на Панаевских чтениях, также легли в основу ряда статей данного сборника.

I. СТАТЬИ

В. А. Кошелев

«ПЕРЕЧЕЛ ВСЕГО ЖУКОВСКОГО...»: О ПОЭТИЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ НЕКРАСОВА

Приведенное в заглавии признание — из письма Н. А. Некрасова к И. С. Тургеневу от 30 июня — 1 июля 1855 г. Некрасов тогда скверно себя чувствовал: из-за болезни он весной ездил в деревню к отцу, а к лету перебрался в Москву, где жил (вместе с В. П. Боткиным) на даче в Петровском парке. Оттуда, в частности, писал:

«Я вообще азартно предаюсь чтению и обуреваем с некоторого времени жаждой узнать и того, и другого, да на русском ничего нет, особенно поэтов; а если и есть, то 20-30-х годов. В этом отношении литература русская 20 лет назад была дельнее. Перечел всего Жуковского — чудо-переводчик и ужасно беден как поэт; воеет, воеет, воеет — и не наткнешься ни на один стих, в котором мелькнула бы грация скорби — о другом о чем-нибудь и не спрашивай! Труженическому терпению, которое пригодилось ему как переводчику, обязан он своими оригинальными произведениями, в которых только одно это терпение и удивительно. Странно, как он — такой мастер переводить — не чувствовал слабости собственных своих произведений! Впрочем, вкус-то у него не совсем был ясен: сколько он и дряни перевел наряду с отличными вещами! Однако нельзя не заметить, что многие послания и некоторые Лицейские Годовщины Пушкина вышли прямо из посланий Жуковского; Пушкин брал у него — иную мысль, мотив и даже иногда выражение!» (Н 15. XIV-2: 205).

Перед нами фактически единственный развернутый отзыв Некрасова о стихотворениях Жуковского, поэта, с которым часто соотносят (по разным параметрам) некрасовскую «музу мести и печали». Именно стихам Жуковского особенно подражал Некрасов в тот ранний период творчества, который сам же и охарактеризовал как «подражательность бездумная» (Н 15. XIII-2: 56). Именно с Жуковским он захотел встретиться, когда издавал отдельной книжкой свой первый сборник «Мечты и звуки»:

«В начале 40-го года я приступил к изданию привезенных стихшков отдельной книжечкой. Имея ее еще в листах, пошел к Жуковскому в Шепелевский двор, близ Зимнего дворца. Он жил очень высоко. Вышел благообразный старик, весьма чисто одетый, с наклоненной вперед головой. Отдавая листы, просил его мнения.

Сказано — прийти чрез три дня. Явился. Указано мне два стихотворения из всех, как порядочные, о прочих сказано: “Если хотите печатать, то издавайте без имени, впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи”» (Н 15. XIII-2: 46–47). В другой заметке совет Жуковского звучит несколько иначе: «Вы потом пожалеете, если выдадите эту книгу» (Н 15. XIII-2: 58).

Позднейшая оценка Некрасовым творчества недавно умершего Жуковского — «чудо-переводчик и ужасно беден как поэт» — явно не основательна. Прежде всего она противоречит той парадигме восприятия поэтической личности, которую выстраивал сам Жуковский. Он и сам воспринимал себя прежде всего «переводчиком» — но совсем с иным знаком. Вот его самооценка-признание в письме к Н. В. Гоголю от 6 (18) февраля 1847 г.: «...я дам волю перу своему и наперед не делаю никакого плана — план был бы неуместен и мне бы даже повредил. Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого — и все, однако, мое»¹. Жуковский принципиально не отделял собственного «переводческого» пласта поэтического творчества от условно «поэтического»: самобытная поэзия может возникать и «по поводу чужого».

Это была сознательная позиция Жуковского, подробно развернутая им еще в 1809 г. в статье «О басне и баснях Крылова»: «Не опасаясь никакого возражения, мы позволяем себе утверждать решительно, что подражатель-стихотворец может быть автором *оригинальным*, хотя бы он не написал и ничего собственного. Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* — соперник. Вы видите двух актеров, которые занимают искусство декламации у третьего; один подражает с рабскою точностию и взорам и телодвижениям образца своего; другой, напротив, стараясь сравниться с ним в превосходстве представления одинакой роли, употребляет способы *собственные*, ему одному приличные. Поэт оригинальный воспламеняется идеалом, который находит *у себя в воображении*; поэт-подражатель в такой же степени воспламеняется образцом своим, который заступает для него тогда место идеала собственного: следственно, переводчик, уступая образцу своему пальму изобретательности, должен необходимо иметь почти одинакое с ним воображение, одинакое искусство слога, одинакую силу в уме и чувствах. Скажу более: подражатель, не будучи изобретателем *в целом*, должен им быть непременно *по частям*; прекрасное редко переходит из одного языка в другой, не утратив несколько своего совершенства: что же обязан делать переводчик? Находить у себя в воображении такие красоты, которые бы могли служить *заменою*, следовательно производить *собственное*, равно и превосходное: не значит ли это быть творцом? И не потребно ли для того иметь дарование писателя оригинального?»²

¹ Жуковский В. А. Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 468.

² Там же. С. 384.

Жуковского интересует прежде всего перевод как психологический эквивалент собственных «чувствований» поэта. Найти соответствующие переводимому оригиналу средства выражения — в этом прежде всего Жуковский видит цель «переводчика-соперника», непременно пересоздающего оригинал. Как заметил Ю. Д. Левин, «Жуковский требует не перевода в современном значении этого слова, не воспроизведения подлинника, но воссоздания эстетического “идеала”, которым вдохновлялся автор оригинала, “затекста”»³.

Жуковский культивировал такой перевод, в котором «подлинник» мог свободно изменяться. Он становился к оригиналу в такие же отношения, в какие «гений человечества к отдельному лицу», — и с этой позиции замечательно виднелся именно «затекст». А переводчик оказывался «поэтом поэта»⁴.

Такая «переимчивость чужих впечатлений» ставила Жуковского в противостественное положение и определяла весьма своеобразную его оценку — например, Пушкина: «Жуковского перевели бы на все языки, если бы он сам менее переводил»⁵. Но Пушкин, в отличие от Некрасова, вовсе не противопоставлял Жуковского-переводчика Жуковскому-поэту. Для пушкинской эпохи оригинальность и «русскость» даже переводных творений Жуковского была неоспоримой. Пушкин, Лермонтов или Тютчев не разделяли в собственных стихотворных сборниках оригинальных творений от переводов или стихов на заимствованную тему или мотив. Последние были теснейшим образом связаны с оригинальной лирикой и часто носили характер индивидуальной лирической темы.

Некрасов, поэт и поэтический «оценщик», изначально исходил из принципиально иной творческой установки. Прежде всего, он не владел в такой степени, как Жуковский, иностранными языками: не мог читать в подлиннике произведений, Жуковским «предлагавшихся», — и, соответственно, вряд ли мог по-настоящему оценить и мастерство Жуковского-переводчика.

Кроме того, даже в «бездумных» подражаниях своего первого поэтического сборника Некрасов, как подметил В. Э. Вацуру, исходил не столько из «чужих мыслей» (как Жуковский), сколько из «чужого безмыслия». «Проблема историко-литературной интерпретации сборника и комментирования отдельных стихотворений, — указывает исследователь, — осложняется той их особенностью, которая была отмечена уже первыми рецензентами и в дальнейшем подтверждена самим Некрасовым, вспоминая, что он подражал “фразерскому направлению” журнальной поэзии (“что ни прочту, тому и подражаю”). Подражание это в отдельных случаях носило характер реминисцирования, чаще же всего сводилось к воспроизведению общих, типовых форм массовой журнальной поэзии. Поэтому

³ Левин Ю. Д. 1) О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 227; 2) Русские переводчики XIX века. Л., 1985. С. 11.

⁴ См.: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и сердечного воображения. М., 1999. С. 391–401.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. АН СССР, 1949. Т. 11. С. 21.

для стихов Некрасова обычно трудно указать конкретный источник, но можно с большей или меньшей вероятностью установить ряд тематических, фразеологических и метроритмических аналогов в пределах журнального круга чтения молодого поэта. В своей совокупности такие аналоги позволяют решить вопрос о поэтической ориентации сборника «Мечты и звуки». Само название сборника также принадлежало к числу типовых...» (Н 15. I: 644).

Самые «образцы», которые одухотворяли творческую мысль юного Некрасова, показательны. В. С. Межевич в отзыве на «Мечты и звуки» указал на ряд безликих журнальных поэтов («гг. Якубович, Раич, Тимофеев, Менцов, Строилов, Бахтурин, Струйский, Бернет, Сушков, Траум, Банников и пр., и пр., и пр.»). В. Г. Белинский к этому списку добавил еще барона Розена, Бороздну, Печенегова, Падерную, Гогниева, Шахову и других (Н 15. I: 643).

Подобная творческая установка кажется странной: Некрасов вышел на литературное поприще на излете «золотого века» русской поэзии. Но почему-то выбрал в качестве объектов для собственных «подражаний» не Пушкина, Боратынского или Языкова, и даже не Кукольника, Подолинского или Бенедиктова, — а поэтическую беллетристику «третьего ряда», создававшуюся «гениями», лишенными каких бы то ни было творческих индивидуальностей. Эта ориентация на «толпу», на «массу» и на «шаблон» ярко раскрывает, между тем, вполне серьезные потенциальные данности будущего творческого пути Некрасова.

В самом деле, если «подражатель-стихотворец» отталкивается от безликого «шаблона», он не может осознавать себя *«поэтом поэта»* (как «переводчик в стихах» Жуковский). Он, конечно, оказывается не оригинален — но на подобной «массовой» основе гораздо ярче может развить собственную оригинальность, чем поэт, который поставил собственную «искру» в зависимость от чужого «кремня». Вот показательный пример.

В раннем стихотворении «Два мгновения» Некрасов по видимости отталкивается от традиции, возникшей в «журнальной» поэзии 1830-х гг. после пушкинского стихотворения «Поэт» («Пока не требует поэта...», 1828). Осложненная шеллингианскими увлечениями, эта традиция не просто противопоставляла поэта, погрязшего «в заботах суетного света», поэту, озаренному «Божественным глаголом», — но представляла поэтическое состояние как озарение, приобщение к высшему, предвечному началу и духовное преображение. Таково, например, стихотворение Н. В. Станкевича «Мгновение»: в нем поэт предстает как «незримый царь творенья»⁶. Некрасов как будто далек от подобного сознания. У него один поэт изображен в «двух мгновениях». В отсутствие «гостей заветных» (муз) он просто жалок, «как бедный труженик». А когда поэт осенен «святою благодатью» — он преображается: «Раскрыты перед ним земля и небосклон» (Н 15. I: 195)...

Некрасов как будто «эксплуатирует» пушкинскую модель — но использует ее «под знаком» уже сформировавшегося «шеллингианского» шаблона. Этот прием

⁶ Станкевич Н. В. Избранное. М., 1982. С. 52.

позволяет, во-первых, отдалиться от известной, слишком явной, модели — и, во-вторых, представить собственную, несколько «приземленную» картину поэтического «преображения», рассмотренную как антиномия двух «мгновений».

Вот — в том же первом некрасовском сборнике — цикл «ужасных» баллад, тоже как будто созданных «по модели» знаменитых баллад Жуковского. Три баллады, помещенные рядом, составляют как будто своеобразный цикл внутри сборника. Все они связаны с «загробными страшилками»: в одной голодный ворон провоцирует убийство «ратника лихого» и гибель его возлюбленной («Ворон»); в другой могучий рыцарь становится отшельником, чтобы иметь возможность общаться с мертвой возлюбленной («Рыцарь»); в третьей Водяной мстит русалке, полюбившей смертного, за неверность и губит возлюбленных, накрывая их волнами Дуная («Водяной»)… Фантастически-кровавый «шаблон» налицо: Некрасов нагнетает ужасы и (как позднее сам пенял Жуковскому) «воет, воет, воет — и не наткнешься ни на один стих, в котором мелькнула бы грация скорби».

Между тем, эта «шаблонная» ориентация позволяет поэту проявить характерные для его мышления приемы — например, *нарочитую приблизительность* отрицательных сравнений: «Не шум домовых на полночном пиру, // Не рати воинственной топот — // То слышен глухой в непробудном бору // Голодного ворона ропот» (Н 15. I: 233); «Не вихрь завывает, не море бушует, // Не громы грохочут в седых облаках — // Роланд, обнимая Заиру, целует…» (Н 15. I: 237). Довольно сложно сопоставить «ропот» ворона и «топот» воинственной рати, грохот громов — и звук поцелуя…

Но такую же нарочитую приблизительность встречаем и в самых известных стихах: «Не ветер бушует над бором, // Не с гор пробежали ручьи, // Мороз-воевода дозором // Обходит владенья свои» (Н 15. IV: 103). Также странно: «поступь» Мороза сопоставлена с шумом тающих весенних ручьев… Но Некрасову зачем-то необходима эта «приблизительность», идущая как будто от поэтики устного народного творчества.

Вообще некрасовский «вой» часто сопоставляли с «воем» Жуковского — особенно в отношении стихосложения, например, принципа чередования дактилических стоп:

Были и лето и осень дождливы;	Поздняя осень. Грачи улетели.
Были потоплены пажити, нивы;	Лес обнажился, поля опустели.
Хлеб на полях не созрел и пропал;	Только не сжата полоска одна…
Сделался голод; народ умирал. ⁷	Грустную думу наводит она.

(Н 15. I: 135)

Но два поэта похожими средствами представляют различное содержание. Жуковский дает изначально «балладную» ситуацию, предполагающую «сюжетное» продолжение; Некрасов ограничивается заявкой «элегической» думы по поводу конкретной «несжатой полосы». Более того: некрасовская элегия, в полном

⁷ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 156 («Суд Божий над епископом»).

соответствии с законами этого жанра, существует как будто «вне времени» — во всяком случае, календарного и «погодного». «Тучные зёрна купая в пыли!» — какая же «пыль» «поздней осенью»? «Нас, что ни ночь, разоряют станицы // Всякой пролетной прожорливой птицы», — но какие же еще «пролетные» птицы, когда даже «грачи улетели»? Если у Жуковского со скрупулезной точностью зафиксирована причина, почему «сделался голод» (хотя причина эта в балладе «Суд Божий над епископом» присутствует, что называется, «на втором плане»), то Некрасов даже в прямом представлении своего основного «предмета» — нарочито приблизителен.

Жуковский-поэт был ярчайшим представителем «школы гармонической точности». Л. Я. Гинзбург, выделившая эту «школу», отметила, что она появилась в то время, когда «русской литературе нужно было пройти через период стилистического упорядочения и очищения, выработки гибкого и точного языка, способного выразить всё усложняющийся мир нового человека»⁸. В соответствии с этой задачей «словесная система школы Жуковского — Батюшкова — раннего Пушкина была доведена до такой степени совершенства и устойчивости, что поэзия целых десятилетий могла питаться ее формулами и преодолением этих формул»⁹.

Некрасов в своем поэтическом развитии прошел и этап *повторения* этой поэтики «гармонической точности», и — мучительный — этап ее *преодоления*. Показательно, что Некрасов, после неуспеха первого сборника разуверившийся в собственном лирическом даровании, стал позиционировать себя в качестве сатирического (а то и «юмористического») писателя: автора фельетонов, водевилей, физиологических очерков — вроде бы далекого от «высокой» поэзии. Все четыре стихотворения, помещенные в «Петербургском сборнике», — те, которые, вопреки хронологии, открывают современные собрания сочинений Некрасова: «В дороге», «Пьяница», «Отрадно видеть, что находит...», «Колыбельная песня», — осознали современниками прежде всего как особого рода «сатиры».

Первое из названных стихотворений — «В дороге» — считается опорным для творческого самоопределения Некрасова-поэта. Вот фрагмент из «Литературных воспоминаний» И. И. Панаева, передающий восприятие Белинского:

«Литературная деятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особенного. Белинский полагал, что Некрасов навсегда останется не более как полезным журнальным сотрудником, но когда он прочел ему свое стихотворение “На дороге”, у Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами в глазах:

— Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?

С этой минуты Некрасов еще более возвысился в глазах его...»¹⁰

⁸ Гинзбург Л. О лирике. Изд. второе, доп. Л., 1974. С. 23.

⁹ Там же. С. 43.

¹⁰ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М.; Л., 1950. С. 249.

Воспоминания Панаева печатались в «Современнике» в течение 1861 г. — и печатная их редакция значительно отличалась от рукописной. Они были серьезнейшим образом отредактированы, «приспособлены» к цензурным осложнениям и т. д. Изменения проводились уже в корректуре — и какое-то участие в ней должен был принимать «соредактор» Панаева — сам Некрасов. Так вот, в «Современнике» цитированное место было напечатано несколько иначе: «Белинский был поражен им (стихотворением “В дороге” — В. К.) и сказал мне однажды: — А как-то Некрасов-то!.. Ведь он начинает обнаруживать глубокий поэтический талант. Сколько скорби и желчи в его стихе!..»¹¹

«Скорбь и желчь» сам поэт как будто считал в ту пору визитной карточкой своих стихов. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти показатели вовсе не становятся основой этого стихотворения. Оно начинается восклицанием: «Скучно! скучно!..» и завершается поминанием той же «неотвязной скуки». Со скуки путник просит ямщика то ли песню спеть (песню изначально грустную: «про рекрутский набор и разлуку»), то ли рассказать веселую «небылицу» («небылицей какой рассмеши»). Рассказчику-ямщику тоже «невесело» — и он делится своей заботой о «злодейке-жене»...

В основе этого рассказа, как установлено исследователями, — реальная судьба крепостной девушки из имени Некрасовых Грешнево¹². Но изложена она как будто с установкой на литературное — «антиромантическое» восприятие. Во-первых, рассказчик откровенно косноязычен, употребляет бесчисленные слова-паразиты («слышь ты», «тоись» и т. д.), диалектизмы («баит», «варган», «коты» и т. п.), просторечные конструкции («слышь, учитель-ста врезамшись был»). Во-вторых, сам сюжет повествования о тяжелой доле крестьянки, воспитанной «в барском доме», осложнен тем, что рассказчик повествует именно о «злодейке-жене», и возникает эффект обманутого ожидания. В-третьих, нравственная логика рассказанной истории как будто «перевернута»:

Погубили ее господу,
А была бы бабенка лихая!

(Н 15. I: 12)

«Господу» бабу действительно «погубили» — но чем? Только тем, что выучили и воспитали ее «в барском доме» и «вместе с барышней». Научили «разным наукам», необходимым для женщины в современном быту: «шить и вязать», читать, играть на музыкальных инструментах. И, приучив ко «всем дворянским манерам и штукам», научили ощущать себя женщиной. Причем красивой женщиной: не случайно же в нее «врезамшись был» домашний учитель и потом ухаживал «зятек» умершего барина, которому она «согубила», — за что и была наказана: «воротил он ее на село».

¹¹ Там же. С. 417.

¹² См.: Тарасов А. Ф. Новые архивные материалы о семье Некрасовых // Русская литература. 1967. № 3. С. 145; Гин М. М. Последняя страница «золотого детства» поэта // Н. А. Некрасов и русская литература. Кострома, 1974. С. 133–137.

А на селе — сразу перестала быть и красивой («слышь, как щепка худа и бледна»), и любимой (на ней женили не по любви, а потому что мужа «посадили на тягло»), и даже женщиной:

Вид такой, понимаешь, суровой...
 Ни косить, ни ходить за коровой!..
 Грех сказать, чтоб ленива была,
 Да, вишь, дело в руках не спорилось!..

(Н 15. I: 12)

Еще бы дело «спорилось» — героиня совсем не тому была обучена! Да и «дело» ли это настоящей женщине: не случайно мужу ее «инда жалко подчас», и он старается избавить жену от «неустанной работы».

М. М. Гин проанализировал это стихотворение Некрасова в сопоставлении с многочисленными повестями первой трети XIX в. о «крепостной интеллигенции»¹³. Но ведь Груша, героиня некрасовского повествования, как раз и не может проявить себя как «интеллигента»! Идиотизм существования русских крепостных крестьян просто не предполагает возможности существования в их среде — «интеллигенту». Единственно в чем проявляется «интеллигентская» деятельность Груши — это в воспитании сына: «Учит грамоте, моет, стрижет, // Словно барченка, каждый день чешет, // Бить не бьет — бить и мне не дает...». Но у мужика такое воспитание вызывает серьезное опасение: «Инда страх меня, слышь ты, щемит, // Что погубит она и сынишку...».

В повестях 1840-х гг. о «крестьянской интеллигенции» рисовались совсем иные ситуации. Так, почти одновременно с некрасовским стихотворением появилась (в сборнике «Вчера и сегодня»¹⁴) повесть В. Ф. Одоевского «Сиротинка», героиней которой стала крестьянская девочка Настя, получившая «интеллигентное» воспитание и вернувшаяся в деревню, дабы «просветить» остальных детей. Повесть князя Одоевского подверглась яростно-ироническому разбору «передового бойца славянофильства» К. С. Аксакова. «Литерское воспитание, — пишет критик, — сделало из Насти просто чудо; она уже одета не по-русски, не по-крестьянски. Мало того, что она необыкновенная рукодельница, она... она — совершенство. Вот она начала мало-помалу преобразовывать всю деревню, начиная сперва с мальчиков и девочек: она учит их всему; она говорит детям, что красть нехорошо и что Бог это увидит. Неужто же такие слова новость для деревни; неужто же г. автор думает, что надо съездить в Питер, чтоб это узнать, что в деревнях воруют без всякого зазрения совести, а в городе не воруют? Далеко же простирается смелость мысли писателя!»¹⁵

¹³ Гин М. От факта к образу и сюжету: О поэзии Н. А. Некрасова. М., 1971. С. 128–140.

¹⁴ Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Книга первая. Спб.: В тип. Императорской Академии наук, 1845.

¹⁵ Аксаков К. С. Три критические статьи г-на Имрек // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 119.

Здесь Аксаков проводит совершенно славянофильское представление о крестьянском «мире», носителе «народной» интеллигентности: «...никакая в свете Настя и никакой в свете образованный и воспитанный человек не может стать наряду с народом и осмелиться наставлять его в этом чувстве — его, силою веры прогнавшего стольких врагов иноплеменных. Можно ли так легко судить о народе, так легко воспитывать его посредством какой-нибудь Насти, такого отвлеченного и легкого лица; так не знать глубины и убеждений и многого, многого в народе, что для Насти темный лес и где бы тысячу раз она потерялась и пала бы, почувствовав и поняв свое бессилие, если б, к счастью, могла хоть сколько-нибудь понять его»¹⁶.

Одоевский в этой повести выступает как «западник»: по его разумению, нравственные нормы «западного» (городского, петербургского) мира способны благотворно воздействовать на народную мораль. Аксаков исходит из противного: нравственность «русского мира» сама по себе велика и значительна — и никакого «крепостного интеллигента» русский мужик слушать не будет. Некрасов в своем стихотворении явственно рисует *два несовместимых мира* — при этом народный мир являет такую нравственную дикость, что попросту губит вероятного «просветителя». Извозчик хвалится, что весьма гуманно относится к Груше:

А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

(Н 15. I: 13)

— и ему в голову не приходит, что в современном мире *бить* женщину — кто бы она ни была — почитается нравственным табу. То есть нравственные нормы, по которым живет народ, оказываются вовсе неприемлемыми и невозможными в принципе.

Аксаков противопоставлял утопии, нарисованной князем Одоевским, собственную нравственную утопию. А жестокую правду Некрасова предпочел попросту не заметить. В той же статье он дал разбор «Петербургского сборника» (а стихотворение Некрасова в нем почиталось такой же сенсацией, как «Бедные люди» Достоевского) — и сразу же причислил «В дороге» к числу тех произведений, о которых «говорить не стоит» (отметив разве что «мелочные подделки под русскую речь», в данном случае — лишние)¹⁷.

Наконец, в финале стихотворения Некрасова возникает романтический мотив смерти прекрасной женщины, воспринятый опять-таки у Жуковского, в произведениях которого этот мотив возникал наиболее часто. Вот типичные «воздыхания» Жуковского:

Плачь о себе: *твое* мы счастье схоронили;
Ее ж на родину из чужи проводили.

¹⁶ С. 121.

¹⁷ Там же. С. 145, 150.

Не для земли *она* назначена была.
 Прямая жизнь ее теперь лишь началась —
 Она уйти от нас спешила и рвалась,
 И здесь в свой краткий век два века прожила...¹⁸

Или:

И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
 Обет неизменной надежды:
 Что где-то в знакомой, но тайной стране
 Погибшее нам возвратится?..¹⁹

Некрасов представляет этот мотив принципиально иначе. У него и намек нет на иную, «прямую» (загробную) жизнь — никакого мира *там* для него не существует. Смерть присутствует только *здесь* — в качестве непреложного и естественного факта: «Чай, свалим через месяц в могилу...». Факта смерти еще не произошло — но он никуда не денется.

И — никакой «скорби». Смерть воспринимается исключительно как «освобождение». Освободится муж, которого жена «сокрушила». Освободится сын, которого она может «погубить» своим неуместным воспитанием. Да и сама она — освободится от той нелепой жизни, которую ведет.

Семантическая основа манеры зрелого Некрасова ориентирована на целостное приятие мира прежде всего *простым человеком*, который не обременен ни философскими сомнениями, ни моральными условностями. Мир, который его окружает, жесток — и поневоле человек, собирающийся выжить в нем, тоже бывает жестоким. Этот мир нравственно не определен — и человек в нем, тоже поневоле, становится неустойчив в своих поступках и стремлениях: не придумывает заранее заданных планов и обещаний. Наконец, этот мир косноязычен — и человеку в его пределах не до «гармонической точности».

Но столь же неустойчивый герой и в остальных «казовых» стихотворениях Некрасова, помещенных в «Петербургском сборнике» и явивших миру нового поэта. Персонаж «Пьяницы» отвращается от «жизни в трезвом положении» и от всех бытовых невзгод своих близких: ему просто не прийти на «путь иной», к которому призывают «правильные» лозунги. «Мгла черная» жизни оказывается значимее, чем самая правильная мораль.

Аморален и герой лирического признания «Отрадно видеть, что находит...»: в окружающем мире он видит лишь глупцов, пошляков, подлецов, злодеев и т. п. — и радуется, что окружающим бывает так же плохо, как ему. А о «Колыбельной песне» и говорить нечего: в этом «перепеве» подвергается сомнению вся концепция морального развития человека — «чиновника моего прекрасного»...

¹⁸ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 318.

¹⁹ Там же. С. 274.

В 1855 г., через десятилетие после своего первого поэтического «успеха», Некрасов, вполне определивший новую творческую манеру и свое поэтическое «лицо», подошел к предшествующей поэтической школе достаточно критически. Во-первых, он точно осознал, что в собственно поэтическом отношении «литература русская 20 лет назад была дельнее» — то есть, говоря грубо, «качественнее» и ярче, чем современная. Во-вторых, выделяя лидера тогдашней поэтической словесности и принимая его как непревзойденного мастера, «прямо из посланий» которого его гениальный поэтический «сосед» Пушкин запросто мог заимствовать «иную мысль, мотив и даже иногда выражение», Некрасов все-таки находит нужным уточнить его поэтическую личность, сопоставив с собственными представлениями на этот счет.

Жуковский — признанный «певец *печали*». Но за этой печалью «не наткнешься ни на один стих, в котором мелькнула бы грация *скорби*». Тут Некрасов абсолютно точен. Поэтическая «скорбь» может возникать лишь по поводу не «воображенного» (и, естественно, гармоничного, как всё воображенное!) поэтического мира, — а мира действительного, жестокого и нелепого, который требует именно «дисгармоничного» — неточного и противоречивого — поэтического отражения.

Новому поэту бессмысленно стремиться быть «повыше Жуковского» или «повыше Пушкина». Он существует в другом, несопоставимом измерении.

Осознав эту истину, Некрасов и стал Некрасовым.

Н. Л. Вершинина

К ПРОБЛЕМЕ СВОЕОБРАЗИЯ ОПИСАТЕЛЬНОГО СТИЛЯ В ЛИРИКЕ НЕКРАСОВА

Вопрос о функционировании описательной образности в лирике Некрасова к настоящему моменту представляется, в основном, уясненным. Своеобразие описательных элементов, как и иных составляющих поэтики Некрасова, правомерно соизмеряется с кругом фундаментальных ценностей, образующих неповторимый целостный образ его поэзии. Убедительно об этом писал Б. О. Корман: «Характер изображения вещного мира в лирике Некрасова был непосредственно связан с трагическим положением трудящегося люда. Если в стихотворение попадает «косуля», то это была «косуля тяжелая», которой «баба порезала ноженьку»...»¹. Речь идет, таким образом, не о констатации видимого и наблюдаемого в эмпирической реальности, а о возведении всех объектов наблюдения в статус «сверхэмоции», определяемой тенденцией. В лирике, как отмечает Б. О. Корман, «сверхэмоция» преобладает над частным и конкретным, что онтологически отличает лирику от эпоса: «Если эпос передает... общее через особенное, что и приводит к созданию множества индивидуальных образов-характеров, то лирика воспроизводит это общее в отвлечении от особенного, определенного природными склонностями, специфическим опытом и т. п.»².

Вместе с тем, ученый называет стихи, где «я» и «другой», лирика и эпос находятся в динамических соотношениях, причисляя к ним «Тройку», «Свадьбу», «Школьника» и ряд других произведений: «Эти стихотворения представляют собой двуродовые образования и относятся к области эпической (повествовательной) лирики. Лирическая поэзия во многом следует здесь за романной (повествовательно-прозаической) литературой, создавая ее поэтический аналог»³.

«Двуродовые образования» (или их элементы в сочинениях с нечетко фиксированной формой), очевидно, осложняют вопрос об описательной образности: трудность в том, что взаимопроникновение авторского и объективного

¹ Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / Ред.-сост. Е. А. Подшивалова, Н. А. Ремизова, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. Ижевск, 2006. С. 127.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 405.

миров в некрасовской лирике⁴, их соответствие в мировоззренческом плане или соприкосновение на уровне обобщающей эмоции — изначально определяют отсутствие *чистой* описательности, относящейся только к видению автора или исключительно к кругозору объекта. По наблюдению К. И. Чуковского, «ни одно слово не расценивалось Некрасовым само по себе, а всегда в зависимости от контекста стихов, от той стилевой атмосферы, в которую он вводил это слово»⁵. В большинстве произведений поэта данная связь неоспорима и органична, делая *неслучайным* формирование предметных рядов и соответствующей им атмосферы, отбор реалий для «общего очерка» (Н 15. II: 322) действительности и т. д. Читатель постигает объектно-субъектную целостность, не требующую специального уяснения и аналитического разъяснения на «распад» и «стяжение»⁶, общее и особенное.

Подобные двубращенные ряды включает в себя лирика Некрасова разных периодов: «Чиновник» (1844), «Новости» (1845), «Старушке» (1845), «Родина» (1846), «Тройка» (1846), «Филантроп» (1853), «В деревне» (1854), «Свадьба» (1855), «Памяти <Асенков>ой» (1855), «Извозчик» (1855), «Гадающей невесте» (1855), «В больнице» (1855), «Княгиня» (1856), «Убогая и нарядная» (1857), «Размышления у парадного подъезда» (1858), «Папаша» (1860), «На Волге (Детство Валежникова)» (1860), «О погоде» (1858–1865), «Балет» (1866), «Недавнее время» (1871), «Детство» (1873), «Муж и жена» (1877) и др.

Из анализа текстов видно: «идут чередой» (Н 15. II: 189) предметы, подчиненные закономерности, точно определенной И. Л. Альми как «намеренная случайность»⁷. В «Новостях», к примеру, это подкрепляемая отсылкой к Пушкину реализация метафоры праздной жизни («однообразна и пестра»⁸):

Однообразны месяцы и годы,
Обеды, карты, дребезжанье чаш,
Визиты, поздравленья и разводы...
(Н 15. I: 26);

в стихотворении «В деревне» — частая у Некрасова взаимообусловленность лирического настроения и картин окружающего мира:

С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый...
(Н 15. I: 127);

⁴ «Лирический мир автора раздвинулся. <...> герой так тесно связан с автором, настолько “врос” в него, что невозможно говорить о герое, не говоря о себе. Вернее, когда ты говоришь о герое, ты этим самым говоришь о себе...» (Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. С. 10).

⁵ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1971. С. 237.

⁶ Альми И. Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002. С. 234.

⁷ Там же.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1995. Т. VI. С. 20.

в «Памяти <Асенков>ой» (черновая редакция) — перечисление явлений, погубивших героиню, несовместимых с «поэзией» ее «души»:

...А дома зависть, барыши,
Коварство, злоба, слезы.

(Н 15. I: 127);

в «повести» «Убогая и нарядная» — набор атрибутов, которые характеризуют именно «эту улицу» — «роскоши, моды, // Офицеров, лореток и бар» (Н 15. II: 39) и *такой* образ жизни:

...ты завела
Рысаков, экипажи, наряды...

(Н 15. II: 40),

выше сказано: «Бриллианты, цветы, кружева» (Н 15. II: 40).

Из беловых редакций, как правило, исключаются подробности, прямо не относящиеся к «делу» — к изображению данного типа мировоззрения, определенного сословного типа, события, неотделимого от социально-типических обстоятельств, как в стихотворениях «Знахарка», «Извозчик» и др. Сопоставление редакций обнаруживает тенденцию к редуцированию всего, что находится в сфере индивидуально-личностного, неповторимого, единичного.

Очевидно, для лирики Некрасова особенно значим «эмоциональный тон», теоретически проанализированный Б. О. Корманом: «Передавая общее для многих людей, он в то же время является особенным для некоторых из них, и именно последнее обстоятельство объясняет нам, почему он всегда производит столь резкое впечатление конкретности»⁹. В этом смысле поэтике Некрасова-лирика присуща едва ли не уникальная реабилитация «поэтизмов», «общих мест», обретающих в читательской рецепции качество собственных душевных переживаний, разделяемых с героем:

...И даже иногда вечернею порой
Любуясь бледною и грустною луной,
Припоминать тот сад, ту темную аллею...

(«Пускай мечтатели осмеяны давно...»)

Н 15. I: 36. Курсив мой. — Н. В.)

Подробности же собственно фиксирующие, традиционно соотносимые с «натуральной школой»¹⁰, последовательно приглушаются, как, например, в миниатюре «Вор» из цикла «На улице» (1850). Описательный эпитет в строке: «Он был без сапогов, в *коротком* сертуке» (Н 15. I: 480) в окончательном тексте заменен социально значимым: «Он был без сапогов, в *дырявом* сертуке...» (Н 15. I: 76).

⁹ Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. С. 97.

¹⁰ См., например: Бойко М. Лирика Некрасова. М., 1977. С. 79.

Нейтральные детали в конечном счете признаются несущественными и не переносятся в беловой вариант, как в стихотворении «Извозчик»:

[Подбривал себе затылок
Красный цвет любил...];
.....
Был мясист его затылок
Широка ладонь

(Н 15. I: 523)

В случаях, когда фиксация мгновенного, сиюминутного расходится с основным художественным вектором, «нечаянная» конкретика не переходит в окончательный вариант. Так, в «Родине» (черновая редакция) выпадающим из монолитного ряда оказывается «быстрый-быстрый взгляд» — «точечная» деталь, не сочетаемая с «неслучайными» понятиями эмоционально-моралистического толка:

И быстрый-быстрый взгляд, сверкнувший не случайно,
И гневом, и грозой, и ненавистью тайной

(Н 15. I: 472)

«Стянутость» лексических рядов, когда одно слово влечет за собой другое и сама целостность становится фактором сильнейшего художественного воздействия, сказывается на описательности и частым появлением сдвоенных эпитетов (примета слияния «двуродовых» интенций в слове): «уступчиво-смиранным» (Н 15. I: 413), «тревожно-беспокойного» (Н 15. I: 414), «горько-тих» (Н 15. I: 468), «болезненно-печальный» (Н 15. I: 45), «безрадостно-бесцветный» (Н 15. I: 471), «бесплодно-тягостное» (Н 15. I: 478), «мечтательно-пугливой» (Н 15. III: 202) и т. п., и усилением смыслового и ритмического единства в соположении слов:

Вот серый, старый дом...

(Н 15. I: 46)

Отсеиваются варианты, не отвечающие стилевой органике:

Вот бедный старый дом...

(Н 15. I: 473)

Вот старый, ветхий дом...

(Н 15. I: 475)

Вот старый, старый дом!..

(Н 15. I: 475)

Вместе с тем, «случайность», выводящая слово на качественно новые уровни, также имеет место в лирике Некрасова, опосредуя, по нашему представлению, ее менее явный психологический аспект. Соотнесенность некрасовской поэтики с тенденциями психологического (а не критического, восходящего к «гоголевскому направлению») реализма в специальной литературе не освещалась. На

существование данной тенденции, прежде всего, указывает многократно подтвержденная исследователями и удостоверенная самим Некрасовым связь с пушкинской традицией во всем ее разнообразии, «необъятном, как поэт»¹¹.

В свое время Ф. В. Булгарин в рецензии на VII главу «Евгения Онегина» выразил возмущение недозволенной, с его точки зрения, свободой предметных рядов: «... описания состоят только из наименования вещей, из которых состоит предмет, без всякого распорядка слов»¹². Последнее замечание особенно знаменательно: рецензент настаивает на иерархии в распределении предметов, понимая ее в риторическом смысле — как принадлежность предмета к закрепленной за ним области стиливого выражения. Критика не интересуют мотивации «сочетаний несочетаемого», которыми окрашен весь экспрессивно-изобразительный строй VII главы. Он видит и интерпретирует иронически несоответствие «низких» предметов теме Москвы, предполагающей гражданскую патетику; неправомерные соседства конкретной и отвлеченной лексики; главное же — стиливую неоднородность предметных рядов:

...Вот уж по Тверской
 Возок несется чрез ухабы.
 Мелькают мимо бутки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазины моды...¹³

Стихийность таких соединений представляется Булгарину избыточной: «...стихов прозаических и непонятно-модных бездна...»¹⁴ (курсив Ф. В. Булгарина. — Н. В.).

Но вариации такой свободы (иначе говоря, автономности по отношению к социально-типическому во всех его разновидностях) встречаются и в некрасовской лирике. В стихотворении «Филантроп» мы находим аналогичное пушкинскому перечисление, где компоненты необязательно вытекают из целого, где они не связаны друг с другом нерасторжимой связью. Здесь, по традиции, есть синтезирующее начало — питейный дом, куда, «словно кипятком ошпаренный», бежал после визита к «его сиятельству» герой-бедняк. К заключающему его стремительный

¹¹ Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1959. Т. 6. С. 38.

¹² Булгарин Ф. В. «Евгений Онегин», роман в стихах, глава VII. Сочинение Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / Под ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 235.

¹³ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. VI. С. 155–156.

¹⁴ Булгарин Ф. В. «Евгений Онегин», роман в стихах, глава VII. Сочинение Александра Пушкина. С. 235.

бег объекту прикреплен предметный ряд, однако в состав его входит всего один компонент из «стилевой атмосферы» (К. И. Чуковский) стихотворения: «погребальные дроги». Другие возникают не вследствие непосредственного восприятия героя¹⁵, равно как и не в результате опосредованного позицией автора ракурса действительности. В «Филантропе» «мелькание» предметов попадает в авторское поле зрения — но не в идеологически выстроенном, а в живописном преломлении. В этом смысле изображение панорамного характера¹⁶ выглядит в стихотворении не менее значимым, чем отдельная социальная судьба:

Мимо лавки пивоваренной,
 Мимо погребальных дрог,
 Мимо магазина швейного,
 Мимо бань, церквей и школ,
 Вплоть до здания питейного —
 И уж дальше не пошел!

(Н 15. I: 118)

«Картинность» не чужда и поздней лирике Некрасова:

Погляди ты коней на мосту,
 Полюбуйся Дворцовою площадью...

Авторский сарказм в финале стихотворения разрушает атмосферу созерцательности, но жанр *картины* при этом остается:

На колонне из белого мрамора
 Черный ангел с простертой рукой.
 Не картина ли?

(Н 15. III: 227)

Точка зрения автора-идеолога и автора-наблюдателя здесь лишены ожидаемого единства: говорить о «*сложении* <...> точек зрения»¹⁷ в данном случае, как и применительно к «Филантропу», неправомерно.

Относительно «Свадьбы» в исследовательской литературе сложилась определенная концепция. Целое, по мнению литературоведов, несомненно

¹⁵ Герой не мог фиксировать сопровождающий его бег предметности уже потому, что «...бежал, не слыша ног» (нечто подобное находим в гоголевской «Шинели»: «Как сошел с лестницы, как вышел на улицу, ничего уже этого не помнил Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног» — *Гоголь Н. В.* Избранные произведения: В 2 т. Л., 1965. Т. 1. С. 606). Подобным же образом к описанию трудового Петербурга в «Евгении Онегине» (глава первая, строфа XXXV) не имеет касательства восприятие героя, поскольку «...Полусонный // В постелю с бала едет он...» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. VI. С. 20).

¹⁶ Установка на панорамность предусматривает охват звуков жизни в стихотворении «тенденцией» Некрасова «Надрывается сердце от муки...» (1863): «...Разом слышны — напев соловьиный // И нестройные пiski галчат, // Грохот тройки, скрипенье подводы, // Крик лягушек, жужжание ос...» (Н 15. II: 152).

¹⁷ *Корман Б. О.* Избранные работы. Теория литературы. С. 13.

определяет и регламентирует частности стиля. Так, «характер света», на который обратил внимание Б. О. Корман и который обнаруживает себя аналогичным образом в других стихотворениях Некрасова («Еду ли ночью по улице темной...»), «связан с общим взглядом поэта на действительность, порожден этим взглядом и выражает его»¹⁸. Исследователь ссылается на мысль К. И. Чуковского относительно вступительной части «Свадьбы»: «... вся живопись этого <...> отрывка сосредоточена на разных градациях тьмы <...>»¹⁹. Однако Чуковский видел в «Свадьбе» «два параллельных стихотворения», причем первое, условно названное «Встреча», относил к описательной поэзии. Во втором тексте он находил «не безразличные», а «либо грустные, либо пугающие, окрашенные отношением поэта» образы²⁰. В «безразличные» включены те, которые не имеют отношения к фабуле, обозначившейся в окончательном варианте «Свадьбы»:

...хромой инвалид
Ходит с тарелкой и медью стучит.
Шепотом внятным и медленным нищий
Просит у бога покрова и пищи.
Тут же склоняется низко без слов
Пара старушечьих дряхлых голов...

(Н 15. I: 515)

Ситуация «службы», воссоздаваемая в черновом варианте, позволяет поместить «между ними» «бедную Машу» (Н 15. I: 515–516), лишь *случайно* замеченную героем в «полумраке» церкви. Да и сам герой присутствует здесь *случайно*:

В сумерки в церковь вхожу я случайно.
(Н 15. I: 514)

В церковь вхожу — богомолец случайный
(Н 15. I: 516)

Именно нечаянность описанной «встречи» обеспечивает автору свободу, которая уже немыслима в окончательном тексте, где перед читателем «не служба», а «свадьба» (Н 15. I: 143). В ситуации «службы» появляются мотивы, стилистическое оформление которых не имеет прямой связи ни с фабулой, ни с приемами бытописания. Образность выводит стихотворение Некрасова на внежитейские, внесоциальные уровни. В первоначальных редакциях сохранялось ощущение «тайны» («Полно в ней все полумраком и тайной» — Н 15. II: 514), инфернальности, предчувствия лишь угадываемой, но не рассказанной истории:

¹⁸ Там же. С. 129.

¹⁹ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. С. 309.

²⁰ Там же.

[...купол висит
Мрачною бездной над храмом убогим]
(Н 15. I: 515)

К этим стихам можно переадресовать наблюдение литературоведа относительно аналогичного по функции места в «Домике в Коломне» — оно также «разрывает» и существенно видоизменяет житейский круг. По поводу строк:

...(Зима стояла грозно,
И снег скрипел, и синий небосклон
Безоблачен, в звездах сиял морозно.)²¹,

которые соответствуют эпизоду поисков Парашей новой кухарки, Г. Л. Гуменная пишет: «...микромир смиренной обитательницы петербургской окраины неожиданно оказывается вписанным в жизнь макромира с его вечными и величественными силами <...> Эти строки переносят действие в другое измерение, раздвигают пределы круга повседневных забот, придают событиям особую значительность»²².

Речь должна идти также о психологических мотивациях, которые создаются внесением в текст необязательных подробностей, характеристикой героя «по несущественным признакам», — на взгляд Р. Якобсона, ими отличается фаза нового, неклассического реализма²³.

Тенденция к психологическому реализму в лирике Некрасова, представленная не эпико-лирическим повествованием, а исключительно лирическими средствами²⁴, как мы уже отметили, прослежена недостаточно. Этому способствует явное авторское намерение корректировать текст в направлении изыятия именно «несущественных признаков» — с точки зрения социально-типологической и психологической цельности и целесообразности. В окончательном тексте «Свадьбы» отбор предметов ориентирован на создание концептуального, социально-гуманистического очерка. Указание на «случайность», воспроизведение нерегламентированных ситуаций подробностей духовного и вещного миров замещаются другими, противоположными описательными принципами. «Висит» уже не «купол», а «темень», наполняющая его (Н 15. I: 143). Первая строка смещает акцент с лирического героя на место действия: «В сумерки в церковь вхожу. Малоллюдно...»

²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. V. С. 90.

²² Гуменная Г. Л. Герои «Домика в Коломне» // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1991. С. 44. Вопрос об онтологических соответствиях в поэзии Пушкина и Некрасова рассматривался в нашей статье: Вершинина Н. Л. Поэтика «описательной» образности в произведениях А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова: к проблеме онтологических соответствий // Русская литература XVIII–XXI вв. В диалоге с литературным и культурным наследием. Literatura rosyjska XVIII–XXI w. W dialogu ze spuścizną literacką i kulturową / Pod red. Olgi Główko i Ewy Sadzińskiej. Łódź, 2010. S. 187–195.

²³ Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 391.

²⁴ Как пишет М. М. Бахтин: «В поэзии слово о сомнениях должно быть как слово несомненным» (Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 99).

(Н 15. I: 143)²⁵. Однако и в этом, откорректированном варианте подробности не вполне укладываются в «градации тьмы» (К. И. Чуковский) почти импрессионистическим изображением «окон» храма, — как сказано в черновиках, они

[Словно живые]

(Н 15. I: 517).

Налет «тайны» не совсем исчезает и в беловом варианте:

Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.

(Н 15. I: 143)

То, что монолитность описаний, соответствующая общему замыслу, может сочетаться с поэтикой нового, более свободного типа, подтверждает и анализ стихотворения «Детство. (Неоконченные записки)» (1873). Со «Свадьбой» этот текст объединяет сходство пространственных реалий: церковь, куда стекаются многообразные «сорты» людей (Н 15. I: 143) со своими нуждами. Среди церковных обрядов отмечен и обряд венчания:

Шли старики престарелые,
Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами.
В ней причащались, венчались,
В ней отпевали покойников...

(Н 15. III: 119)

Уже во вступительной части изображение церкви производит противоречивое впечатление. С одной стороны, она как и в «Свадьбе», безусловно, «пугает»:

... угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.

(Н 15. III: 119)

«Темные лики святителей» тревожат героиню «в первые годы младенчества», разрушая атмосферу торжественности и теплоту идилличности, создаваемой «мирной» «семьей» прихожан:

...Боялась я, —
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые,
С мрачными, строгими лицами...

(Н 15. III: 120)

²⁵ Аналогичным образом «случайность» выпадает из текста стихотворения «Старушке»: вместо «... Был час *случайной* поздней встречи...» (Н 15. I: 468. Курсив мой. — Н. В.) в черновом варианте — «...Час этой поздней, грустной встречи...» (Н 15. I: 32) в варианте окончательном.

Однако «мрачная» сторона первых впечатлений, вызванных духом разрушения: уже не «робкое бряцанье» окон, как в «Свадьбе», а их зловещая распахнутость ветром, вызванная «ветхостью» и «непрочностью» храма; «...заунывно-печальное // Пение гимна церковного» (Н 15. III: 120) и т. п. — нейтрализуется и в итоге побеждается светлым колоритом и жизнеутверждающим мироощущением, обретенным героиней. Та же образность не несет эффекта погруженности в безнадежность и «тьму», подготавливая закономерный финал. Почему-то (и этого нельзя объяснить причинами исключительно рационального характера) прихожане входят

В ветхую церковь *бестрепетно*...

(Н 15. III: 119. Курсив мой. — Н. В.)

И в дальнейшем «трепет» героини (Н 15. III: 122), нечаянно соприкоснувшейся с миром «развалин» («Дверь завалилась, обрушился // Купол; оборванны бурею, // Ветхие рамы попадали...»), не становится звеном цепочки ожидающих ее несчастий и грозных предзнаменований. Наоборот, бесстрашие Параши подкрепляет тональность по-пушкински просветленного финала, к которому героиня движется неуклонно, вместе с самой природой:

...любила я

Эту березку кудрявую,
 Что возвышалась там, стройная,
 С бледно-зелеными листьями,
 Точно вчера только ставшая
 На ноги резвая девочка,
 Что уж сегодня вскарабкалась
 На высоту, — и *бестрепетно*
 Смотрит оттуда, с смеющимся,
 Смелым и ласковым личиком...

(Н 15. III: 121. Курсив мой. — Н. В.)

«Мрачная» описательность не оборачивается душевной «тьмой» и в «Молебне» (1876), где присутствует, по сути, та же образность, что и в «Свадьбе», и в «Детстве», где вновь в атмосфере церкви и колокольного звона отмечено

Что-то суровое, строгое, властное...

(Н 15. III: 181).

Но не оно определяет тональность стихотворения, а пафос соединения людей в стремлении преодолеть общее горе сплочением духовных сил:

Всё население, старо и молодо,
 С плачем поклоны кладет...

(Н 15. III: 181)

Подводя итог, отметим, что Некрасов владел «описательным искусством»²⁶, по пушкинскому выражению, в более широких пределах, чем об этом принято думать. В определенных случаях, в особенности в стихотворениях 50–70-х годов, стилю поэта-лирика присуща немотивированная, так сказать, чрезмерная описательность, которой в прозе соответствовали завоевания психологического, а позднее — «нового реализма», заявившего о себе на рубеже XIX–XX веков. В этом смысле описательность Некрасова возвращалась к истокам пушкинского «свободного» повествования, от стилизации двигаясь к органически постигаемой свободе, не объяснимой лишь с позиций острой социальной проблематики и неколебимым для поэта кодексом гражданственно-этических принципов.

²⁶ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. VI. С. 274.

Н. Л. Вершинина

РЕПЛИКА В. Г. БЕЛИНСКОГО «И ЧТО ЗА ТОПОР ЕГО ТАЛАНТ!» В АСПЕКТЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Главный вопрос герменевтики (во многом имеющий универсальное значение), по Г. Г. Гадамеру, звучит так: «Что такое литература и что значит литература (как словесное искусство) для философии?»¹. Тот же вопрос можно переадресовать и околотературным структурам, маргиналиям, к которым относится реплика Белинского. Напомню, что она входит в контекст письма И. С. Тургеневу от 19 февраля 1847 года и непосредственно относится к стихотворению Н. А. Некрасова «Нравственный человек»: «Некрасов написал недавно страшно хорошее стихотворение. Если не попадет в печать (а оно назначается в 3 №), то пришлю к Вам в рукописи. Что за талант у этого человека! *И что за топор его талант!*»².

С точки зрения герменевтического подхода к слову, последняя реплика является «ответом» не только на прямой запрос — иначе говоря, проблеме, заданную конкретной ситуацией, сложившуюся в связи с фактом появления стихотворения в поле зрения критика. В герменевтическом плане слова Белинского служат ответом на ряд вопросов, инициированных факторами культурной памяти, традиции, коллективного опыта. «Когда я прочитываю предложение в научном докладе или статье, в письме или записке, — пишет Гадамер, — все просто: “понимаю” — значит знаю, что хочет сказать другой. Я уже понял вопрос, который придает смысл сказанному как ответу»³. По Гадамеру, «диалектика вопроса и ответа и состоит в том, что в действительности всякий вопрос сам по себе вновь является ответом, мотивирующим следующий вопрос. Таким образом, процесс обмена вопросно-ответными репликами обнаруживает структуру, лежащую в основе человеческого общения, фундаментальную структуру диалога. Этот феномен составляет суть человеческого понимания»⁴.

Исходя из сказанного, реплику Белинского следует воспринимать в «промежутке»: с одной стороны, она «отвечает» на уже оформленные, получившие

¹ Гадамер Г. Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 130.

² Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 75. Курсив мой. — Н. В.

³ Гадамер Г. Г. Указ. соч. С. 130–131.

⁴ Там же. С. 130.

различные способы выражения запросы прошлого; с другой, прикреплена к настоящему и содержит проекцию в будущее.

В ракурсе *психологической* герменевтики слова Белинского нацелены на «понимание чужой индивидуальности и ее воплощения в выражении», согласно Ф. Шлейермахеру⁵. Реплика критика вводит этическую составляющую в «интерпретацию» поэзии Некрасова нынешнего, в то же время прогнозируя развитие его личности в будущем и заранее предрекая закономерный финал, характеризующий данное явление в целом: «Я и *теперь* высоко ценю Некрасова за его богатую натуру и даровитость; тем не менее он в моих глазах — человек, у которого *будет* капитал, который *будет* богат, а я *знаю*, как это делается»⁶.

Таким образом, реплика Белинского, в терминологии В. Н. Топорова, располагается между «реальностью» памяти (она «воплощена в некие законченные формы») и «реальностью» надежды, которая «“реальна” лишь в платоновском смысле — как предел становления некоего явления»⁷.

В герменевтическом аспекте метафора *таланта-топора* в письме Белинского приобретает показательный характер, прочитываясь как знак, объединяющий предметное и символическое толкования, конкретный и универсальный смыслы, интенции прошлого, настоящего и будущего.

В «фоновом знании» или «предварительном понимании» (Г. Г. Гадамер) этой метафоры заложены идиоматические смыслы, где переносные значения слиты с буквальными, — именно так происходит и в данной реплике Белинского: предметный смысл не уходит на периферию, «перекрывая» фразеологические штампы, образуемые со словом «топор», довлея своей буквальной, почти физической конкретностью. В «Литературных мечтаниях» можно увидеть процесс становления такой метафоры в связи с характеристикой В. К. Третьяковского: «Третьяковский не имел ни ума, ни чувства, ни таланта. Этот человек был рожден для плуга или для топора; но судьба, как бы в насмешку, нарядила его во фрак: удивительно ли, что он был так смешон и уродлив?»⁸.

В этом смысле метафору Белинского можно отнести к категории «вещных» (В. В. Виноградов), генетически родственных фольклору. Так, в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» поговорка «*Хоть топор вешиай*» объясняется материализацией представлений о сгущенной (тяжелой) атмосфере: «Оборот построен на прозрачной метафоре: воздух в помещении настолько

⁵ Мананова В. Э. Проблема понимания в диалоге // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 304.

⁶ Переписка И. С. Тургенева. Т. 1. С. 74. Курсив мой. — Н. В.

⁷ Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур: Сборник. М., 1994. С. 38–65. [Электронный ресурс] — URL: http://philologos.narod.ru/concept/toporov_fate.htm (дата обращения — 03.12.2015).

⁸ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 67.

плотен, что способен удержать даже тяжелый топор»⁹. Нечто близкое — в устойчивом сравнении «идти на дно как топор»¹⁰ (подчеркнут не только момент мгновенности действия, но и утяжеленность самого предмета).

С вещным смыслом метафор, связанных с реалией топора, нередко соотносена словарная помета «неодобрительное», относящаяся к производимым топором действиям. В этих случаях можно заметить постепенное смещение акцента с конкретного предметного плана в отвлеченные аспекты метафоры, включая этические, эстетические, психологические и иные составляющие. Возникает контрапункт, в котором одушевление предметности может получать метафизический смысл, находящий отражение в разных слоях культуры, о чем свидетельствует и данная реплика Белинского.

Пометой, означающей неодобрение, снабжены выражения, где со словом «топор» связаны представления о суровости, жесткости, беспощадности, грубом и прямолинейном поступке. Кроме «рубить сплеча», это идиомы: «как топор» — «Об очень прямолинейном, грубом и резком человеке»; «как топор: не обрежет, так зашибет» — «О злом, жестоком, беспощадном человеке»; «как топором по шее рубить» — «О чьей-то резкой, отрывистой манере говорить» и тому подобные¹¹.

Можно предположить, что на первичные смыслы накладываются эстетические представления эпохи Белинского и молодого Некрасова, впитавших в себя идеи и образы отечественного и европейского романтизма. Именно в этом ключе воспринималась стилистика монолога Печорина о цели бытия и своем назначении накануне предстоящей дуэли с Грушницким: «А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначенье высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначенья, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел *тверд и холоден, как железо*, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль *топора в руках судьбы!* Как орудье казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаленья...»¹²

Комментаторы объясняют это и подобные признания Печорина исходя из культурного контекста (в данном случае — общеромантического), претворяя, тем самым, один из принципов герменевтики. Так, в комментарии В. А. Мануйлова отмечено: «В драме В. Гюго “Эрнани” (1830), оказавшей влияние на юношескую драму Лермонтова “Испанцы”, главный герой говорит о себе любимой женщине: “...может быть, ты принимаешь меня за такого человека как все, за разумное существо, стремящееся прямо к намеченной им цели? Разуверься! Я проходящая

⁹ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М., 2005. С. 693.

¹⁰ Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М., 2001. С. 683.

¹¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008. С. 685.

¹² Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л., 1952. Т. 4. С. 438. Курсив мой. — Н. В.

мимо сила, слепое и глухое орудие мрачных тайн, несчастная душа, созданная из мрака! Куда я иду? Не знаю. Но я чувствую, что меня толкает могучее веяние, бессмысленная судьба... Вокруг моего бешеного бега все разрушается, все умирает. Горе тому, кто соприкасается со мною!»¹³.

Обращает на себя внимание уподобление человека вещи, причем определенного рода: это «железо», «топор», орудие», дополненные эпитетами «твердый», «холодный», не знающий «сожаленья», «слепое и глухое» и тому подобными. Печорин уподобляет себя камню, «брошенному в гладкий источник»: «<...> я встретил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!»¹⁴ (своего рода аналог метафоры: «идти на дно как топор»).

Метафора как *овеществление*, применяясь к представителям определенного человеческого и культурного типа, не только позволяет прочесть ее в русле романтической эстетики, но и подводит к выводам о нравственных качествах определяемого при ее посредстве лица. Если «характеристики или самохарактеристики» даются «путем его уподобления вещи»¹⁵, это может означать отчуждение человека от мира естественных, простых отношений, от природы в широком смысле, как показывает Н. Я. Берковский, анализируя «драму судьбы» в сочинениях ранних романтиков¹⁶.

У самого Некрасова в тот же период появляется метафорическое выражение «не топор» в значении «не бессердечный» в сатирическом стихотворении «Говорун» (1843–1845):

Что за красotka Борджия!...
 Менялся весь в лице
 И даже (не топор же я!)
 Заплакал при конце...

(Н 15. I: 403)

Словарь М. И. Михельсона, где приведен данный текст, содержит пояснительный пример, иллюстрирующий — по контрасту — проявление бесчувственности, бессердечия: «*Рубить, как топор*»¹⁷.

Если принять тот уровень понимания слов Белинского, который угадывается в контексте внежитейских, символических смыслов, восходящих к романтизму, становится вероятным усматривать в них глобальную идею безусловного и

¹³ Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1975. С. 222–223. Курсив мой. — Н. В.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. С. 355.

¹⁵ Журавлева А. И., Турбин В. Н. Творчество М. Ю. Лермонтова: Семинарий для студентов-заочников филологических факультетов государственных университетов. М., 1967. С. 42.

¹⁶ Берковский Н. Я. Статьи и лекции по зарубежной литературе. СПб., 2002. [Электронный ресурс] — URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/berkovskij-lekcii/index.htm> (дата обращения — 05.08.2015).

¹⁷ Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. М., 1997. Т. 1. С. 682.

полного уничтожения всех, кто того заслуживает, либо оказывается обреченной гибели жертвой. В первом случае орудием являются саркастическая насмешка и полное моральное «разобнажение» (Ап. Григорьев) в таких стихах, как «Современная ода» или «Нравственный человек». К ним можно переадресовать слова, сказанные М. П. Соловьевым о Салтыкове: «Явление, за которое он брался, не могло выжить после его удара. Оно становилось смешно и позорно. Никто не мог отнестись к нему с уважением. И ему оставалось только умереть»¹⁸.

Во втором случае тема невольной жертвы, Рока, слепым орудием которого становится лирический герой Некрасова, вызывает мотив бесплодного раскаяния, бессилия перед неведомой (и не анализируемой) волей, мысли о собственной вине, об участии тех, над кем «роковая свершится судьба» (Н 15. I: 63).

В уподоблении таланта поэта топору, возможно, сказались отголоски коннотаций, связанных с устойчивыми формулами бытового сознания и романтической символики, несущими в себе (в глазах Белинского) нечто пугающее, не подлежащее одобрению, соотносимое с роковой всепоглощающей, силой. Следует учесть и интимно-личный контекст письма, где мотив жертвы, приносимой непонятной материальной силе, имеет место: «Вот уж начал с меня»¹⁹.

На возможность такого истолкования указывает и стилистика высказывания Белинского: замена стилистически нейтрального слова, выражающего превосходную степень похвалы применительно к стихотворению Некрасова (например, слова «очень») экспрессивно романтическим «страшно»: «Некрасов написал недавно страшно хорошее стихотворение».

Вместе с тем, романтическая стилистика того же рода могла и не иметь у Белинского зловещего оттенка. Сравним во второй статье из цикла статей о Пушкине — о переводе В. А. Жуковским «титанического поэта Англии» — Байрона: «“Шильонский узник” Байрона передан Жуковским на русский язык стихами, отзывающимися в сердце *как удар топора*, отделяющий от туловища невинно осужденную голову... Здесь в первый раз крепость и *мощь русского языка* явилась в колоссальном виде, и до Лермонтова более не являлась»²⁰.

В заключение отметим, что герменевтический контрапункт, появляющийся на стыке фундаментальных традиций эстетики и языковой культуры, мерок настоящего и ориентаций на возможное будущее, применительно к аттестации Белинского, позволяет осмыслить ее с разных бытийных позиций как «ответ» на воспринятый критиком «вопрос», побуждающий к дополнительному изучению в контексте осуществляемого им диалога. Не решенная до сих пор задача единого и единственного истолкования слов Белинского, вызывая закономерную полемику (например, К. Чуковского с Г. В. Плехановым относительно «антиэстетических

¹⁸ Цит. по: Макашин С. А. О живом Щедрина // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 16–17.

¹⁹ Переписка И. С. Тургенева. Т. 1. С. 74.

²⁰ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая // Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 6. С. 171–172. Курсив мой. — Н. В.

погрешностей» в сочинениях Некрасова²¹), связана со сложностью определения «вопроса, на который <...> нечто является ответом» (по Гадамеру, понимание такого вопроса означает «сплавление горизонтов» интерпретатора и интерпретируемого). Герменевтика настаивает на диалектике процесса понимания, что, как представляется, оправдывает себя и в данном случае, предлагая расширение границ классического литературоведения за счет его обогащения методологией философского знания.

²¹ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1971. С. 171–182.

А. М. Берёзкин

ЗАГАДКА АДРЕСАТА В СТИХОТВОРЕНИИ «НУ» («ЧЕЛОВЕК ЛИШЬ В ОДИНОЧКУ...»)

В филологии одним из путей прояснения смысла текста представляется восстановление всевозможных купюр и сокращенных обозначений: замененных отточиями слов (или частей слов), криптонимов и астронимов в заглавиях произведений и посвящениях. Исследователь обычно считает обозначенные в тексте сокращения вынужденными внешними обстоятельствами — этическими или цензурными соображениями — и стремится узнать скрываемое от читателя.

Такой же, если не больший, интерес вызывают подлинные имена адресатов лирических произведений, скрытые за личными местоимениями и перифразами. При практическом анализе текста понятия адресат лирического послания и адресат посвятельной надписи не всегда четко различаются. Например, Некрасовское *послание* Тургеневу «Прощай! Завидую тебе...» (1856) (с сокращенным обозначением адресата: «Т—ву», позднее: «...ву»), помимо личного обращения содержит характеристику личности Тургенева и его «судьбы». Цикл «Три элегии» *посвящен* автором А. Н. Плещееву, но его имя указывает лишь на близость и доверительность отношений с поэтом. Почти то же в отношении «Элегии» («Пускай нам говорит изменчивая мода...»), *посвященной* А. Н. Еракову (с пропуском четырех букв в Фамилии: «Е—ву»).

Смысловая соотнесенность содержания стихотворения с именем в посвящении может быть неявной, обусловленной личными обстоятельствами, в полной мере известными только поэту. Скрытое астронимами или латинскими — буквами «N» — имя может означать не столько конкретное лицо, сколько поэтический образ, лишь отдаленно схожий какими-то чертами с реальным человеком. Так, у Пушкина шесть разнородных стихотворений носят обезличенное название «К ***», в том числе и прославленное «Я помню чудное мгновенье...». Инициалы же и сокращенные *буквенные* обозначения фамилии указывают, по-видимому, на существенную в каких-то отношениях для автора связь текста с конкретным лицом.

Стихотворение Некрасова «Человек лишь в одиночку...» впервые было опубликовано Николаем Васильевичем Корнейчуковым (псевдоним: К. Чуковский) в

газете «Русское слово» 11 декабря. 1903 г. в качестве «одной из неизданных “Последних песен”»¹. Привожу его текст (впоследствии многократно перепечатававшийся в собраниях сочинений Некрасова) по хранящемуся в архиве А. Ф. Кони с учетом поправок и помет автора:

—ну

Человек лишь в одиночку
 Зол — ошибки не простит,
 Мир — «не всяко лыко в строчку»
 Спокон веку говорит
 Не умрет в тебе отвага
 С ложью, злобой бой вести...
 Лишь — умышленного шага
 По неправому пути
 Бойся!.. Гордо поднятая
 Вдруг поникнет голова,
 Станет речь твоя прямая
 Боязлива и мертва.
 Сгибнут смелость и решительность,
 Овладеет сердцем мнительность,
 И покинет, наконец,
 Даже вера в снисходительность
 Человеческих сердец!..

В конце дата: «1876 — <дек>абр»². Текст этот многократно перепечатывался в собраниях некрасовских произведений, но фамилия адресата оставалась неизвестной. Обращение к авторским рукописям не вносило ясности, хотя и давало некоторую дополнительную информацию — особенно в отношении некоторых вариантов текста и выборе автором места его размещения — по отношению к другим смежным — стихотворениям, которые в своей совокупности образовывали некоторое подобие лирического цикла. Сохранился беловой автограф «—ну», находившийся в составе подборки из восьми стихотворений. Перечислю их в последовательности оригинала (всё написано карандашом) вместе с имеющимися авторскими датировками. 1) «Неужель еще уроки нужны...» (ранний вариант — стихотворения «...Дни идут... всё так же воздух душен...»; — дата: «Ночь с 8 на 9 янв.»); 2) «Приговор» («Мы в своей земле многострадальной...» ; — дата: «Ночь с 7 на 8 января»); 3) «<Т<ургене>ву» («Ты как поденщик выходил...» — дата: «Вспомнил и записал 11 янв<аря>»); 4) «О<сипу> А<фанасьевичу> Петрову» («Умилия сердце человека...»; дата:

¹ Новонайденные творения Некрасова // Русское слово. 1913. 11 декабря. № 285.

² РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 11. № 3. В последнем академическом издании (Н 15. III: 186) опущены строфические пробелы после 4-го, 8-го и 12-го стихов, имеющиеся в автографе).

«1875»; 5) «М. Е. С<алтыко>ву (При отъезде его за границу)» («О нашей родине унылой...»; дата: — «1875, 12 г. 12 апр<еля>»; 6) — «...-ну» («Человек лишь в одиночку...»; дата: «1876 дек<абрь>»); 7) «Друзьям» («Я примирился с судьбой неизбежно...»; — дата: «декабрь 1876» (зачеркнуто); 8) «Музе» («О Муза! наша песня спета»)³. — Справа от текста стихотворения «Приговор» столбиком идут шесть зачеркнутых вертикальной линией помет, — по-видимому, указывающих на дальнейшую последовательность произведений: 1) «Посл»; ниже, с небольшим отступом вправо, следуют как бы подпункты: 2) «Т», 3) — «П», 4) «С», 6) «Др». Предположительно эти пометы можно расшифровать так: 1) П<осла-ния>, 2) Т<ургеневу>, 3) П<етрову>, 4) С<алтыкову>, и 6) Др<узьям>⁴. Пятая же помета, с учетом контекста, также может обозначать фамилию адресата «послания» в дательном падеже и содержать первую букву этой фамилии. Запись состояла из трех букв, разделенных тире (дефисом) и заканчивалась на «-ну». Первая буква читалась как «д» строчное⁵. Затем комментаторы, считая помету сокращенным обозначением фамилии, стали приводить ее как «Д» заглавное⁶.

Тщательное изучение некрасовской пометы на полях «Приговора» приводит к выводу об ошибочности прежних вариантов прочтений: у Некрасова, по всей вероятности, написано «О-ну». Ошибка могла быть вызвана тем, что прописное начальное «О» Некрасов написал как овал с движением против часовой стрелки, и верхняя завершающая часть овала образовала изгиб влево, характерный для строчного «д», но в данном случае выписывалась заглавная буква «О», по высоте превосходившая строчную. В заглавии же стихотворения, полностью записанного на следующем листе рукописи, имеются различимые при увеличении следы авторской правки: первоначальное «О-ну» было переправлено на «-ну», которое и сохранилось в гранках⁷.

С незначительной авторской правкой стихотворение «Человек лишь в одиночку...» было включено в состав нового варианта подборки, известного по указанному выше оттиску корректурных гранок — и относящегося предположительно к декабрю 1876 — февралю 1877 г.⁸ В этом композиционном варианте даются 10 текстов стихотворений: 1) «Отъезжающему» («Даже вполголоса мы не певали...»), 2) «Мы в своей земле многострадальной...»

³ РО ИРЛИ. Ф. 202. Оп. 1. № 111.

⁴ Ср. также: Н 15. III: 483; *Заборова Р. Б.* Об адресатах трех стихотворений Н. А. Некрасова // Русская литература. 1989. № 4. С. 127.

⁵ См.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1952. <Вып.> III. / Подг. А. Я. Максимовичем и М. И. Маловой. С. 24; также в новейшем академическом издании: Н 15. III: 483.

⁶ См.: *Некрасов Н. А.* Последние песни / Подг. Г. В. Краснов. М.: «Наука», 1974. С. 294; *Заборова Р. Б.* Указ. соч. С. 127.

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 11. № 3.

⁸ См.: *Краснов Г. В.* О неосуществленном замысле Некрасова (Лирический цикл 1874–1877 гг.) // Н. А. Некрасов и его время. Межвузовский сборник. Калининград, 1975. Вып. 1. С. 37–38; Н 15. III: 471–472; *Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова.* Т. III. СПб., 2009. С. 536, 557.

(первоначальная редакция стихотворения «Приговор»), 3) «Т<ургене>ву», 4) «О. А. Петрову (*В день 50-летнего юбилея*), 5) «М. Е. С<алыко>ву» (При его отъезде за границу), 6) «–ну» («Человек лишь в одиночку...»), 7) «К портрету**» (««Развенчан нами сей кумир...», 8) «Праздному юноше» («Что сидишь ты, сложа руки?»), 9) «З<ине>» («Ты еще на жизнь имеешь право...»), 10) «Старость» («Просит отдыха слабое тело...»). В указанной выше корректуре имеется помета Некрасова для метранпажа на листе гранок после текста стихотворения «–ну»: «Вставьте сюда же 1) “2-е декабря”, 2) “Отрывок” и прилагаемое наберите» (Н 15. III: 472). Имелись в виду стихотворения «Смолкли честные, доблестно павшие...» и «...Я сбросила мертвящие оковы...». При этом включение «Отрывка» позволяет датировать помету Некрасова концом января — февралем 1877 г. — временем после запрещения цензурой уже набранного и отпечатанного «Отрывка», первоначально включенного в некрасовский цикл «Последние песни» в январском номере «Отечественных записок» 1877 г.⁹

Поэтом предпринималась новая попытка опубликовать стихотворение, посвященное духовным исканиям революционно-народнической интеллигенции, которое должно было в «Последних песнях» следовать за «Сеятелям» («Сеятель знания на ниву народную!...»). Возможно, что в новом варианте компоновки вся подборка должна была открываться стихотворениями «Смолкли честные, доблестно павшие...» и «Отрывком» («...Я сбросила мертвящие оковы...»), если предположить, что помета Некрасова относилась ко всему корректурному листу и порядковые номера «1») и «2») относились ко всей совокупности набранных уже текстов, а не только к указанию на конкретное место вставки: после второго столбца верстки: после «–ну». Постановка на первое место «Смолкли честные, доблестно павшие...» и «Отрывок», открывавшие раздел, акцентировала бы ведущую тему публикуемых ниже произведений: нравственный выбор в неравной «борьбе за брата-человека», отягченный сознанием собственного одиночества и недостатка сил. Определяя «общую тему» цикла, «составленного преимущественно из лирических посланий», Г. В. Краснов характеризовал ее следующим образом: «Герой и Россия, призвание поэта, художника в “стране многострадальной”, герой, неудовлетворенный своим делом <...> герой, остановившийся где-то на полпути»¹⁰. Возможно, что указанный Беловой автограф восьми стихотворений состоял из трех листов, поскольку составлявшие его два листа имели нумерацию вверху крупными цифрами: «2» и «3». Вверху второго листа было начато крупно, но неразборчиво: «Отры<вок?>. Можно

⁹ См.: *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966. С. 120, 283; *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868–1884. Указатель содержания. М. 1971. С. 214.

¹⁰ *Краснов Г. В.* Указ. соч. С. 38.

предположить, что именно на первом листе и находились тексты «2-е декабря» и «Отрывка»¹¹.

Остается вместе с тем неясным, каково было назначение выполнявшегося по указанию Некрасова типографского набора. Набирались стихотворения явно оппозиционной направленности, одно из которых («Отрывок») уже было запрещено цензурой для «Отечественных записок». При жизни Некрасова все они не были опубликованы, за исключением «Приговора» (в «Отечественных записках» — 1877, № 2) и «З<и>не» («Ты еще на жизнь имеешь право...» — в сборнике «Последние песни»).

По мнению Р. Б. Заборовой, «основная тема» указанного лирического цикла Некрасова — попытка определить «исторические перспективы освободительного движения, опираясь на опыт 1850–1870-х годов»¹². Считая, что помета в некрасовском автографе читается как «Д–ну», исследовательница указывала на отражение в некрасовском стихотворении «Путешественник» (1874) процесса 1874 г. над членами революционного кружка Александра Васильевича Долгушина (1848–1885) (Н 15. III: 454–455) и высказала предположение о том, что «стихотворение “–ну” <...> связано, вероятнее всего, с именем <...> А. В. Долгушина»¹³. Следует, однако, отметить, что в известных нам текстах Некрасова — в его рукописях и переписке, а также в мемуарных свидетельствах — упоминание А. В. Долгушина неизвестно, хотя процесс над «долгушинцами», проходивший в июле 1874 г. и широко освещавшийся российскими газетами, не мог не привлечь внимания Некрасова. В романе Ф. М. Достоевского «Подросток», печатавшемся в некрасовских «Отечественных записках» в течение всего 1875 года, Долгушин и члены его кружка явились для автора романа прототипами его героев — членов кружка Дергачева¹⁴. Репутация Долгушина как целеустремленной, героической личности не могла не настораживать охранителей самодержавного строя. Так, в агентурном донесении от 19 июля 1874 г. отмечалось: «Молодые люди либерального направления были

¹¹ Н. Н. Мостовская предложила другое прочтение пометы на 1-м листе автографа РО ИРЛИ (Ф. 202. Оп. 1. № 111. Л. 1): «...исследователями осталось незамеченным стихотворение «Споры», обозначенное Некрасовым на рукописи стихотворения “Т<ургене>ву” (1861–1877), — заглавие, имеющее прямое отношение к диалогу с Тургеневым-художником» (*Мостовская Н. Н. Тургенев и Некрасов. Противостояние // Русская литература. 1999. № 1. С. 52*). Однако смысловая связь слова, крупно написанного в начале страницы, и его интерпретация в качестве «заглавия» стихотворного послания Тургеневу не столь очевидна. Оно предшествует текстам двух стихотворений — «Неужель еще уроки нужны...» и «Приговор» — и находится на обороте листа, на котором и записан текст послания «–ву» («Ты как поденщик выходил...»), имеющий ряд авторских поправок, а затем, как указывалось выше, идут тексты еще пяти стихотворений. Начертание первой буквы записи, действительно, напоминает «С» заглавное — не замкнутый сверху овал, но вторая буква более похожа на — «т». Текст же самого стихотворения «Т<ургене>ву» представляет собой не столько «спор» с адресатом, сколько изложение собственной общественной позиции и осуждение бывшего идейного союзника.

¹² Заборова Р. Б. Указ. соч. С. 127.

¹³ Там же. С. 128.

¹⁴ См., в частности, комментарий в изд.: — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 17. С. 299–303.

заинтересованы более всего личностью Долгушина, которого они считают абсолютно великой личностью, и потому опасались за него приговора в форме вечного заточения»¹⁵. Долгушин был приговорен к 10 годам каторги, которые оказались для него в конечном счете пожизненным заключением. Таким образом, звучащий в некрасовском стихотворении ободряющий призыв: «Не умрет в тебе отвага // С ложью, злобой бой вести...» более уместен для общественного деятеля, пропагандиста и правозащитника, но не для человека, принудительно изъятого из общественной жизни и осужденного на долгий срок лишения свободы.

Но как же расшифровать фамилию, начинающуюся на «О» и заканчивающуюся твердым «н»? Обращение к именам лиц из окружения Некрасова допускает предположение, что речь может идти об Александре Александрович Ольхине. На косвенных аргументах в пользу этой расшифровки необходимо остановиться подробнее¹⁶.

Какова идейно-нравственная проблематика стихотворения? Какой представляется личность его героя-адресата? Он человек, избравший правый путь борьбы с «ложью и злобой», его речь способна увлечь и возвысить. Он отважен и прямодушен, смел и решителен. Но тем не менее он не восхваляется, а предостерегается. Речь идет об опасности нравственных компромиссов. Минутная слабость, минутное колебание могут быть восприняты как предательство и безжалостно осуждены, хотя «мнение народное» («мир») мудрее и справедливее, оно способно понять и простить. «Не умрет в тебе отвага...» — в 5-м стихе имеет в данном случае не утверждение будущего состояния как неперемennого, как уверенного предсказания, а звучит, скорее, как пожелание, выступает в оптативном значении.

Преобладающее настроение в стихотворении «Человек лишь в одиночку...» можно приблизительно определить как доверительно-исповедальное, напоминающее отчасти стихотворения «Умру я скоро. Жалкое наследство...», посвященное «Неизвестному другу» (1867 — Н 15. III: 40–41), и «Уныние», обращенное к предполагаемому другу, «читателю-гражданину» (Н 15. III: 134–135). Доверительность по отношению к лицу, не входящему в круг близких знакомых, но вызывающему уважение и симпатию, психологически естественна для человека, чувствующего себя одиноким, страдающего от непонимания. Так, Лев Толстой в конце 1882 г. пишет большое письмо о способах «осуществления евангельского учения» молодому человеку — Михаилу Александровичу Энгельгардту (1861–1915), — о котором он не знает ничего, кроме того, что он сам сообщал о своих духовных исканиях в письме выдающемуся писателю. Толстой же пишет ему в начале: «...вы не можете и представить себе, до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящий “я”, презираемо всеми окружающими меня»¹⁷.

¹⁵ Кункль А. А. Долгушинцы. М., 1931. С. 183.

¹⁶ Краснов Г. В. Указ. соч. С. 38.

¹⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 112.

Александр Александрович Ольхин (13 (25).10.1839 — 22.11 (4.12).1897) был дворянином, сыном генерал-лейтенанта, окончил в 1859 г. курс Александровского лицейя и поступил на дипломатическую службу, дослужился до должности российского консула в Варне, затем прервал свою дипломатическую карьеру, вышел в отставку, четыре года служил участковым мировым судьей, а затем записался присяжным поверенным и специализировался в качестве защитника на политических процессах: «нечаевцев» (1871), участников демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6 декабря 1876 г. (проходил с 18 по 25 января 1877 г., — что, возможно, и нашло отражение в предназначенной для печати некрасовской датировке стихотворения «Человек лишь в одиночку...» — «1876, декабрь»), а также процесса над участниками «Всероссийской социально-революционной организации» («Процесс 50-ти»; проходил с 25 февраля по 14 марта 1877 г.), участниками «хождения в народ» («Процесс 193-х»; проходил с октября 1877 г. по январь 1878 г.). За пособничество социалистам-революционерам Ольхин привлекался в 1879 г. к суду, был оправдан, но затем выслан сначала в Вологодскую, а затем еще дальше — в Пермскую губернию. Вера Николаевна Фигнер характеризовала Ольхина как «преданного сторонника революции»¹⁸.

Ольхин, кроме того, выступал и как поэт: время от времени публиковал в журналах свои стихи гражданско-романтической направленности, содержавшие отзвуки поэзии Некрасова и А. Н. Плещеева¹⁹. Если общественную известность принесли Ольхину выступления на политических процессах, то поэтическую — публицистические стихотворения, публиковавшиеся в вольной печати, прежде всего стихотворение «У гроба» (1878), трактующее убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцева как справедливое возмездие, и переделка в революционном духе стихотворения В. И. Богданова «Дубинушка» (1885)²⁰. Из воспоминаний А. М. Скабичевского, хорошо знакомого с Ольхиным, известно, что на квартире Ольхина регулярно собирался «небольшой тайный клубик» радикально настроенных молодых литераторов, группировавшихся вокруг редакции журнала «Библиотека дешевая и общедоступная». Члены этого сообщества Дмитрий Петрович Сильчевский, Григорий Александрович Мачтет, Прокопий Васильевич (Василискович) Григорьев оставили свои воспоминания о встречах с Некрасовым, из которых следует, что Некрасов несомненно сочувствовал революционно настроенной молодежи, решившей посвятить свою жизнь осуществлению идеалов социальной справедливости²¹. Ольхин, по-видимому, был «своим человеком» в

¹⁸ Фигнер Вера. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 5. С. 183.

¹⁹ Об А. А. Ольхине см.: Деятели революционного движения в России. Т. II. Вып. 3. Стлб. 1087–1090; Гомина И. И. Ольхин А. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 435–436.

²⁰ См.: Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л., 1968 («Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е).

²¹ См.: Евгеньев-Максимов В. К вопросу о революционных связях и знакомствах Н. А. Некрасова в 70-е годы // Звенья. М.; Л., 1934. Т. III–IV. С. 636–672; Он же. Некрасов в кругу современников. Л., 1938. С. 219–232; Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 25, 263–277.

кружке литераторов, примыкавших к «Отечественным запискам». В воспоминаниях А. М. Скабичевского есть такое упоминание о визите Ольхина на квартиру Некрасова в один из понедельников на квартиру Некрасова: «Я был не один: пришел А. А. Ольхин, и мы принялись от нечего делать играть на бильярде, который находился в приемной комнате Некрасова»²².

Ольхин стал членом Литературного фонда через год после его основания — 8 ноября 1860 г. Впоследствии он, правда, выбыл, — вероятно, из-за продолжительных отъездов, но позднее был вновь избран 15 мая 1876 г.²³ Единственное известное письменное обращение Ольхина к Некрасову как члену комитета Литературного фонда 1 февраля 1876 г. было просьбой «помочь <...> кредитом» писателю Прокопию Васильевичу Григорьеву, находившемуся в то время, по словам Ольхина, в Екатеринославской «больнице для умалишенных»²⁴. Некрасов знал Григорьева лично и встречался с ним (как известно из воспоминаний самого Григорьева) в мае-июне 1875 г., вскоре, по-видимому, после того, как Григорьев опубликовал в № 5 «Библиотеки дешевой и общедоступной» апологетическую статью о Некрасове²⁵. Просьбу Ольхина о высылке Григорьеву 100 рублей под свое поручительство Некрасов выполнил. Возможно, он догадывался, что внезапная болезнь Григорьева — иносказательное сообщение о том, что ему, объявленному в полицейский розыск по делу о революционной агитации, необходимо скрыться. Получив деньги, Григорьев выехал в Париж²⁶.

Заинтересованность Ольхина в объективной оценке некрасовского творчества отразилась в его рецензии (по-видимому, неопубликованной) на вышедший в 1878 г. сборник «На память о Н. А. Некрасове»²⁷. Главным недостатком этой книги Ольхин считал «непростительные пропуски», в частности, отсутствие посвященных Некрасову стихотворений Н. С. Курочкина и А. Н. Плещеева и статьи А. Н. Плещеева о поэте, напечатанной в «Биржевых ведомостях». При этом Ольхин характеризовал Плещеева как «одного из самых близких друзей (ранее в рукописи было: «людей») Некрасова», по-видимому, отождествляя близость идейную и личную.

Таким образом, поэтически отображенное Некрасовым признание в тягостных последствиях «умышленного шага по неправому пути» было обращено, по-видимому, к Александру Александровичу Ольхину, в деятельности которого поэт, вероятно, хотел видеть приближение к близкому ему идеалу сопряжения поэтического воодушевления и самоотверженности борца с «ложью и злобой». Стихотворение датировано декабрем 1876 г. 6 декабря на Казанской площади

²² Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.: «Аграф», 2001. С. 372.

²³ См.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Основано 8 ноября 1859 г. Список его членов. (1859–1884). СПб., 1885. С. 36.

²⁴ См.: Некрасовский сборник. Л., 1973. [Вып.] V. С. 309.

²⁵ См.: *Евгеньев-Максимов В.* Указ. соч. С. 647–659.

²⁶ См.: *Алексеев И.* Близкий знакомец Г. И. Успенского // Русская литература. 1963. № 3. С. 153–156.

²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 93 (Собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 922.

состоялась организованная «землевозьцами» политическая демонстрация, участников которой предстояло вскоре защищать присяжному поверенному Ольхину²⁸.

Отобранные Некрасовым стихотворения имеют явные признаки лирического цикла, который складывался отчасти под воздействием цензурных ограничений, не допускавших к публикации (постоянно отсеивавших) произведения, в которых отстаивалась духовная ценность самоотверженной борьбы с «ложью, злобой», «глупцами», «невеждами» и «негодяями» во имя утверждения человеческого достоинства в народном сознании. Главная тема произведений цикла — действительное неприятие насилия и лжи и отстаивание гуманистических идеалов любви и свободного творческого труда.

Заслуживают внимания некоторые смысловые акценты некрасовского стихотворения, достигнутые собственно поэтическими средствами. Стихотворение разделено автором на четыре строфы²⁹: первые три — четырехстишные с перекрестной рифмовкой, заключительная четвертая — пятистишная со смежной рифмовкой 13-го и 14-го стихов. 14-я строка оказывается, таким образом, выделенной, подчеркивая слово «мнительность»:

Сгибнут смелость и решительность,
Овладеет сердцем мнительность...

«Умышленный шаг по неверному пути» — это прежде всего стихотворное приветствие М. Н. Муравьеву (1866), а «мнительность» — утрата решительности, несмотря на сознание собственной правоты. В воспоминаниях Н. К. Михайловского упоминается, каким он видел Некрасова вскоре после выхода антинекрасовского памфлета М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского: «...он, как-то странно заикаясь и запинаясь, пробовал что-то объяснить, что-то возразить на обвинения брошюры и не мог: не то он признавал справедливость обвинений и каялся, не то имел многое возразить, но, по закоренелой привычке, таить в себе всё, не умел. Это просто невыносимое зрелище я видел еще раз потом, в трагической обстановке предсмертных расчетов Некрасова с жизнью»³⁰.

Предостережение о пагубности «умышленного шага по неправому пути» может восприниматься и как носящее обобщенно-личный характер, то есть констатация некоего нравственного постулата о недопустимости компромисса в борьбе за высокий идеал из чувства самосохранения, но в то же время это и личностное признание, апелляция к собственному духовному опыту, и наконец, здесь же звучит обращение к конкретному деятелю, вставшему на путь борьбы «с ложью и злобой», отстаивания справедливости с помощью свободного слова («речи прямой»), особенно важного в дискуссии и судебном противостоянии.

²⁸ Процесс по делу о «Казанской демонстрации» проходил с 18 по 25 января 1877 г. А. А. Ольхин защищал Петра Алексеевича Алексева.

²⁹ В академическом издании авторская правка, внесенная в оттиск типографской формы, не учтена и первые три строфы не выделены.

³⁰ Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. С. 244.

Последняя тройная рифма на «-ость», «снисходительность» (единственный известный случай употребления этого слова в поэзии Некрасова, так же, как, впрочем, и «мнительность»), — «Даже вера в снисходительность // Человеческих сердец» — приобретает особую смысловую нагрузку в соотнесенности с предшествующим стихотворением подборки — обращением к М. Е. Салтыкову, где говорится о пути российского журналиста:

...путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей.

«Снисхожденье», обычно означающее терпимое и мягкое отношение к чьим либо слабостям, здесь приобретает значение, близкое к юридической формуле: признание вины с учетом смягчающих обстоятельств. Это уже тема суда потомков.

Гуманистический и просветительский пафос в лирике Некрасова тесно связан с оправданием и возвышением революционной борьбы. В личности и мировосприятии революционеров поэта может привлекать творческое начало. Революционная идеология в своих истоках (еще чуждая расчетам политических выгод) может представляться стремлением к социальному творчеству, а готовность посвятить себя борьбе за осуществление социального идеала может быть сродни самоотверженности художника.

С. В. Берёзкина

**«И В ДОМ МОЙ СМЕЛО И СВОБОДНО...»
(К ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ СЮЖЕТА)**

Стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...» (1846) заканчивается страстным призывом героя к подруге, когда-то шедшей по пути «опутавшего» ее порока: «И в дом мой смело и свободно / Хозяйкой полною войди!» (Н 15. П: 35). Насколько был возможен такой исход судьбы падшей женщины для литературной традиции того времени? Отвечая на этот вопрос, мы хотели бы остановиться, в первую очередь, на некоторых параллелях сюжетно-образного характера в мировой литературе, утверждающих обреченность такого типа героинь не несчастью, жизненный тупик, гибель. Пафос нашего исследования будет иной, нежели в зарубежном феминистическом литературоведении, усматривающем в любой женской судьбе лишь следы порабощения со стороны сильного пола. Хотелось бы нам миновать и упоминания влияния Жорж Санд на смягчение отношения общества к судьбе женщины со сложной судьбой, поскольку это уже доказанный факт, хорошо аргументированный рядом исследователей (в частности, О. Б. Кафановой). Нас интересуют авторы-гуманисты, которые изображают страдающую героиню, но в то же время не могут предложить ей в сюжете своих произведений благополучный исход жизненных мытарств. Почему? Вот вопрос, который подвигнул нас к написанию настоящей статьи.

Вообще судьба падшей женщины — это, говоря на языке образов Достоевского, судьба Сони Мармеладовой (проститутки) из «Преступления и наказания» (1866), с одной стороны, или же судьба Настасьи Филипповны (жертвы обольстителя, содержанки, с устройством возможного брака) из «Идиота» (1868), с другой. «Идеальным» литературным образцом первого типа стала судьба Флёр де Мари — героини «Парижских тайн» (1842—1843) Эжена Сю, в прошлом, по стечению обстоятельств, проститутки, по происхождению же, ни много ни мало, принцессы крови. Она считала себя «примером самого подлого, что может быть в мире». Эти слова она говорит священнику и слышит от него такой ответ (при этом Флёр де Мари, как и священник, еще не знает о своем высоком происхождении): «Даже такое щедро одаренное создателем существо, как ты, погрузившись однажды в нечистоты, подобные тем, из коих тебя извлекли, будет хранить на себе неизгладимые

отметины. Такова непреклонная воля божественного правосудия. <...> Здесь, на земле <...> тебе уготованы раскаяние, слезы, искупление грехов...»¹. Именно раскаяние, не утоляемое даже монашеской жизнью, привело героиню, превратившуюся вновь, благодаря чудесной перемене, в принцессу, к преждевременной смерти (она, кстати, так и не смогла решиться на брак с полюбившим ее, уже принцессу, благородным юношей), поскольку она так и не смогла почувствовать себя равной и достойной той любви и почитания, которыми ее окружили отец и его подданные (прошлое Флёр де Мари оставалось для них последних тайной). Сложное, авантюрное повествование Сю, совершенно прозрачное по вложенному в него нравовучению, было с восторгом встречено в России: «...все эти сцены крови и чувства, — писал рецензент «Северной пчелы», — истинной и глубокой преданности, добродетели, честной радости и бесчестного минутного торжества расположены так мастерски, что возбуждают непритворное участие к честным людям и неизъяснимую ненависть к пороку»².

В высшей степени прогнозируемым для сюжетных построений в описании судьбы падшей женщины был английский роман викторианской эпохи. В «Жизни Дэвида Копперфилда» (1849) Ч. Диккенса рассказывается о двух таких героинях. Во-первых, это Эмили (Эмли, как ее зовут в семье), выросшая в простой рыбацкой семье и соблазненная молодым аристократом. Брошенная им, она оказывается, в конце концов, в объятиях спасающего ее, всепрощающего дяди. Может ли Диккенс предложить ей благополучную судьбу? Нет, падшая женщина должна только страдать — таковы общественные ожидания, которые в полной мере разделяет великий писатель. Хотя в сюжете, казалось бы, был заложен для нее благополучный исход. Былой жених Эмли, молодой рыбак, остается ей верен и как будто ждет ее. Что делает с ним Диккенс? Молодой рыбак тонет, пытаясь спасти соблазнителя своей невесты³ (очень нарочитый эпизод, хотя описание бури великолепно: Диккенс был замечательным писателем-маринистом). Затем дядя увозит свою племянницу в Новую Зеландию, где она, облаченная в черное, отвергает все предложения и решает никогда не выходить замуж.

Другая падшая женщина в «Копперфилде», в прошлом обитательница того же рыбацкого поселка, — Марта. В сюжете ей отводится важная функция: именно она, знающая места, где живет разврат, находит в Лондоне вернувшуюся из-за границы Эмли, спасая ее от панели. Тем не менее, история жизни Марты в романе едва прописана: пунктирно показаны лишь ее страдания и готовность покончить с собой, причем о занятиях проституцией сказано с таким отдаленным намеком, что даже названия лондонских улиц, где ее разыскивает дядя Эмли, проглатываются повествователем. И вот эта-то Марта и выходит замуж, но где? В далекой Новой Зеландии, за батрака, с которым и поселяется в местности, где на двести миль

¹ Сю Э. Парижские тайны. М., 1993. Т. 1. С. 326.

² Северная пчела. 1842. 29 сентября. № 217. С. 1.

³ См.: Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 413–415.

вокруг нет ни одного человека. Сообщение предельно краткое! Такой исход для нее возможен, поскольку Диккенс не углубляется в ее жизнь (как и ее избранника!). Одно плохо: в поселке, где жили эти девушки в молодости, Эмли, в отличие от других, не отворачивалась от Марты, а жалела ее и даже помогала деньгами. Вывод, который рождается из повествования Диккенса-моралиста: вот это сочувствие к падшей женщине и привело Эмли к беде. Поскольку даже прикосновение к судьбе падшей женщины — заразительно.

Заглянем в другой роман Диккенса. Падшая женщина в «Холодном доме» (1853) — это леди Дедлок, красавица и аристократка. Ее муж, баронет Лестер Дедлок, и не подозревает, что до брака с ним леди Дедлок имела роман с офицером и родила от него дочь, которую почитала потом умершей. Ее дочь оказалась живой, и кое-кто раскапывает прошлое леди Дедлок... Она бежит из дома в тот момент, когда сэру Дедлоку рассказывают о ее прошлом. Супруг посылает в погоню за ней сыщика со словами: «Полное прощение. Найдите...»⁴. Казалось бы, вот благополучный исход судьбы падшей женщины! Но нет, и эту женщину романист губит: леди Дедлок находят окоченевшей рядом с кладбищем, где похоронен тот самый офицер, поскольку погоня запоздала на какой-то час. Почему? Потому что у падшей женщины не может быть благополучной семейной жизни. Это не педагогично — показать благополучный исход для женщины, преступившей важнейший закон своей жизни. Пушкину когда-то выговаривал Н. И. Греч: «Ваша “Капитанская дочка” <опубл. 1836> чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с губернатором... Ведь книгу-то наши дочери будут читать!...»⁵. Конечно, не только ответственность такого рода за свое художественное слово удерживали Диккенса в обрисовке судьбы падшей женщины, но и строгая мораль викторианской эпохи. Именно поэтому в романах Диккенса нет женщин с благополучной судьбой, если их добрая (или вне брака) жизнь не была безупречна.

Судьбы падших женщин на страницах романов Сю и Диккенса были предопределены «старой» литературной традицией, утвержденной на устоях религиозно-нормативной этики, однако и новые тенденции, вторгавшиеся в художественное творчество вслед за расширением сюжетно-образного диапазона, лишь по видимости изменили их финальный исход. Фантина, героиня «Отверженных» (1862) В. Гюго, при всем сочувствии к ней, — погибает. Это соответствовало не только читательским ожиданиям, но и жизненной правде. Так, в середине 1860-х годов в России начинают публиковаться статистические сведения о проститутках, из которых ничтожно малый процент обращался, благодаря разного рода организациям, к трудовой деятельности (сложность была связана, в первую очередь, с психологией отвыкшей от труда женщины и ее закреплением на стезе «честной жизни») или же обретал выход в брачном союзе (эти случаи представляли вообще

⁴ См.: Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 425.

⁵ Русская старина. 1880. Т. 29. № 9. С. 220.

исключительную редкость — не более одного процента в год, т. е. одна женщина из 100)⁶. В подавляющем большинстве, участь «жертв общественного темперамента» — ранняя смерть, сопряженная с болезнями и социально-личностной деградацией. Читатель, встречавшийся с образом «грешницы» на страницах литературного произведения, знал об этом (и не со страниц статистических отчетов!).

Тем не менее, нарастание интереса к образам женщин со сломанной судьбой был повсеместной тенденцией, и они начинают всё более и более осваивать литературное пространство, привнося с собою целый ряд проблем, в первую очередь, сюжетно-психологического свойства. Не только «вина» женщины затрудняла автора художественного повествования о ней. Проблема, связанная с этим образом, была обоюдоострой. Как изобразить поворот в жизни героя, если соединить его в союзе, любовном или брачном, с бывшей проституткой? Где найти краски, средства психологического правдоподобия для изображения такого героя? Следует напомнить, что закон христианской церкви диктовал незыблемость требования чистоты невесты, вступающей в брак. Нарушение ее относилось к греховной жизни, лежащей за пределами религиозной морали, поэтому грехом не только гнушались (на уровне физиологии), но и боялись его (как «ада преисподнейшего»). Там, где романист шел за острым, увлекательным сюжетом, не покушаясь на сложившуюся иерархию морально-нравственных оценок, проблемная острота сломанной женской судьбы, пришедшейся кстати в каком-то сюжетном повороте, снималась, но она вставала во весь рост — там, где поднимались вопросы нравственной ответственности человека перед человеком, правды общественно-психологических отношений, высокого гуманизма.

Достоевский во множестве ракурсов рассматривал образ падшей женщины, при этом и для него существовала проблема ее отражения в судьбе героя-мужчины. «Записки из подполья» создавались Достоевским с учетом того новаторского содержания, которое вместил в себя сюжет стихотворения «Когда из мрака заблужденья...»⁷. Парадоксалист из «подполья», сначала подразнивший Лизу в публичном доме возможностью иной судьбы, затем пасует перед ней, устыдившись и своей жизни, и себя самого. Он не герой! Для того, чтобы побороться с Лизиной участью, требовалась сильная личность. Казалось бы, иной аспект предложен в романе «Идиот», где для Настасьи Филипповны открывается дорога к семейной жизни с князем Мышкиным. Но этого не может с ней случиться! Почему? У Настасьи Филипповны есть много общего с героиней Эжена Сю Флёр де Мари: это

⁶ Кузнецов М. И. Проституция и сифилис в России: Ист.-стат. исследования. СПб., 1871. С. 21–23, 85–86 и след.

⁷ Евнин Ф. И. Достоевский и Некрасов // Русская литература. 1971. № 3. С. 32–33; Корман Б. О. Лирический герой Некрасова в «Записках из подполья» // Н. А. Некрасов и его время. Калининград, 1975. Вып. 1. С. 99–108; Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 261–262; Гин М. М. Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия. Петрозаводск, 1985. С. 31–33; Буданова Н. Ф. «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского: Некрасовский текст и подтекст // Русская литература. 2015. № 2. С. 148–155; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2016. Т. 5. С. 499–501.

невозможность смириться с тем трагическим, что произошло в ее жизни, с поруганием своей цельности, чистоты, достоинства. Сю рассказал об этом упрощенно, без углубления и индивидуализации переживаний героини — по литературному шаблону. Это именно шаблонный образ, оригинальность которого измеряется авантюрой, связанной с Флёр де Мари: принцесса крови, затем проститутка, снова принцесса... Всё! Настасья же Филипповна — это оригинальный, неповторимый характер, в котором переживание о посрамлении своей юной жизни приняло резко своеобразные формы. Та и другая стремятся к гибели, но по-разному: одна чахнет в кротком смирении, другая как будто ищет смерти.

Случайна ли эта типологическая близость двух героинь для создателя «Записок из подполья»? По-видимому, нет. Для Достоевского финал жизни падшей женщины (возможность для нее благополучного исхода) — это тоже серьезнейшая проблема. Присмотримся к истории Сони Мармеладовой. Рукописи романа «Преступление и наказание» показывают, что огранка ее образа далась писателю путем больших усилий: он буквально «перенастроил» свое первоначальное восприятие судьбы Сони Мармеладовой, дав в окончательном тексте полную противоположность тому, что ему виделось при зарождении замысла романа. Исследователями отмечалась идеализированный (и даже романтизированный) характер образа проститутки в произведении Достоевского⁸. На наш взгляд, эта констатация мало что добавляет к пониманию замысла писателя, который, судя по его предшествующим произведениям и подготовительным материалам к роману, хорошо представлял себе подлинную жизнь продажных женщин «с Сенной площади». Задумывая образ одной из них в «Преступлении и наказании», Достоевский видел ее сначала как «простое и забытое существо», добавляя: «А лучше грязную и пьяную с рыбой»⁹. Как постепенно этот образ менялся в рукописях романа, преобразуясь в самоотверженную, целомудренную Соню Мармеладову, умеющую, несмотря на всю свою тихость, так пламенно говорить об Иисусе Христе, показано в книге Л. М. Розенблум (ее работа впервые появилась в т. 83 «Литературного наследства» и была затем издана отдельной книгой с рядом ценных дополнений)¹⁰. На каком-то этапе создания последней, третьей редакции Соня Мармеладова еще обладала способностью земной любви и могла ее проявлять¹¹. После того, как в замысле романа выкристаллизовалась идея счастья в страдании, произошло окончательное превращение Сони в «идеальную, смиренную проповедницу христианства»¹².

Соне Мармеладовой, что следует отметить именно на фоне литературной традиции изображения «падшей женщины», не свойственна покаянная рефлексия

⁸ См., например: *Moravcevič N. The romantization of the prostitute in Dostoevskij's fiction // The Image of the Prostitute in Modern Literature / P. L. Horn and M. B. Pringle, eds. N. Y.: F. Ungar, 1984. P. 53–61.*

⁹ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1973. Т. 7. С. 92.*

¹⁰ *Розенблум Л. М. Творческие дневники Достоевского. С. 225–226, 264–274 и др.*

¹¹ См., например: *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 7. С. 143.*

¹² *Розенблум Л. М. Творческие дневники Достоевского. С. 226.*

в экспрессивной форме; она стыдится своего заработка, что показывает Достоевский не однажды, но это нечто принципиально иное по отношению к самолюбию героини Сю и, что для нас важно, Некрасова. Героиня некрасовского стихотворения — это Магдалина кающаяся, причем горько, неутешно, которой мужчина (через свой великодушный призыв) хочет вернуть, в первую очередь, самоуважение. По-видимому, именно на 1860-е годы приходится оскудение традиции, связанной в русской литературе с изображением кающейся «падшей женщины»¹³. В этом русле двигался и Достоевский, обдумывая новый женский образ в своем романе. Особость Сони была разработана Достоевским как решение, найденное в упорных размышлениях над замыслом о «преступлении и наказании» Раскольникова. Здесь всё было сложно: как привести к перерождению нераскаянного убийцу — человека новых убеждений и горячего сердца, человека яркого, сильного, несломленного; трудная художественная задача рождает и необыкновенную героиню, для которой проституция не есть путь «истления» (церковнославянизм, относящийся к тлению, опустошению, порче, гниению плоти, прошедшей через растление). Можно, конечно, предположить, что эта сторона образа Сони была связана с недооценкой Достоевским психологии женщины, оказавшейся в подобном положении (глубоко травматичном, что является аксиомой и для психиатрии, и для медицинской психологии). Однако более вероятно, что построение образа Сони Мармеладовой осуществлялось Достоевским как выношенная художественная стратегия. Для реальной действительности это был фантастический образ, и Достоевский вводит в свой роман мотив, воспринимающийся читателем как мнение героя, его невольное и хлесткое слово о героине: юродивая. Между тем, именно это обстоятельство делает для нее возможным не находиться под воздействием той части своей жизни, которая подмяла под себя ее существо: Соня уже переменяла одежду, поскольку озаботилась тем, что не каждый вечер может найти «гостя», она уже знает свой доход от «ремесла» и может оценить реально возможность помогать семье... И Раскольников, и Свидригайлов полагают, что нравственное «растление», падение Сони — это дело будущего. Однако и настоящее ее обнаруживает четкую границу, куда ее «юродивое» сознание как будто не заглядывает.

Известно, какое сопротивление в редакции катковского «Русского вестника» вызвала четвертая глава четвертой части, в которой Соня Мармеладова читает Раскольникову Евангелие: под воздействием критики, Достоевский был вынужден переработать главу кардинальным образом¹⁴. Письмо Достоевского (июль 1866 года) о начале разбирательства по поводу «евангельской главы» романа было напечатано в 1889 году в «Русском вестнике» с примечанием, принадлежащим,

¹³ См. об этом: *Мельникова Н. Н.* Архетип грешницы в русской литературе конца XIX – начала XX века. Автореф. <...> канд. филол. наук. М., 2011. С. 11.

¹⁴ См. об этом в статье Л. Д. Опульской-Громовой: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 7. С. 325–327.

несомненно, Н. А. Любимову, заведовавшему редакцией журнала: «Из письма видно, что ему <Достоевскому> не легко было отказаться от задуманной утрированной идеализации Сони как женщины, доведшей самопожертвование до такой ужасной жертвы. Федор Михайлович значительно сократил разговор при чтении Евангелия, который в первоначальной редакции главы был много больше, чем сколько осталось в напечатанном тексте»¹⁵. Так получилось, что исследователи, пытавшиеся разобраться с претензиями «Русского вестника» к Достоевскому, оперировали лишь этим комментарием участника событий. Между тем, существовало еще одно высказывание Любимова, в котором позиция катковского журнала была прояснена в более резких выражениях: «...выведенная Достоевским фигура Сони как выдуманная и деланная весьма претила <...> М. Н. Каткову. <...> Катков с трудом принял на страницы своего издания те главы, где говорится об отношениях Сони и Раскольникова. <...> Катков не мог переварить мысли, чтоб занятие проституцией могло в каких бы то ни было условиях сделаться высшим подвигом самопожертвования и таить под собою невинную чистоту души, сохраняющей белизну в грязной оболочке тела»¹⁶.

Столкновение Достоевского с редакцией «Русского вестника» проходило в русле бурно обсуждаемого русским обществом «женского вопроса», одной из сторон которого была проблема свободы женщины в том, что связано с ее личной жизнью. Для «передового» литературно-общественного лагеря было характерно полное единодушие в оправдании «падшей женщины» как жертвы общественных порядков и нравов¹⁷. Эти настроения встречали решительный отпор со стороны консервативной журналистики, предлагавшей, помимо резко выраженного или чуть приглушенного негативизма, реалистичные картины и суждения по поводу положения женщин, переступивших важную для общественной морали черту. В представлениях деятелей консервативного лагеря о нигилизме иной подход к этой этической проблеме был одним из самых ярких его проявлений¹⁸. В переговорах по поводу четвертой главы «Преступления и наказания» именно «нигилизм» в подходе к «женскому вопросу» определил позицию и претензии со стороны редакции «Русского вестника» к Достоевскому.

Позиция «Русского вестника» не могла не отразиться и на эпилоге романа. Катков не потерпел бы благоприятных поворотов в судьбе Сони, и его позиция могла повлиять на решение Достоевского дать в эпилоге прорисовку прозрачной целомудренности взаимоотношений Раскольникова и Сони. Катков был моралист и нередко

¹⁵ Русский вестник. 1889. № 2. С. 361.

¹⁶ Свет. 1895. 1 марта. № 49. Отд. «Отголоски». С. 3; подп.: Н***. О работе в этой газете Любимова см.: Котов А. Э. Любимов Н. А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энцикл. М., 2010. С. 279.

¹⁷ См.: Тишкин Г. А. Женский вопрос в России: (50–60-е годы XIX в.). Л., 1984. С. 66, 99, 146–147.

¹⁸ О связи «женского вопроса» и нигилизма см.: Дрыжакова Е. Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 3–29.

диктатор в своем журнале. Любимов, кстати, ему в этом не уступал. С Любимовым как с очень жестким редактором сталкивались многие русские литераторы¹⁹.

Каков же вывод из того историко-литературного материала, который представлен в настоящей статье? Отношение литераторов к возможности благополучного исхода в судьбе падшей женщины в 1840–1860-х годах было очень сложным. Стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...» — это некое исключение в художественной рефлексии того времени, это по-настоящему передовое произведение, ломающее религиозно-нравственный закон. Героиня некрасовского стихотворения (кающаяся Магдалина) — вполне традиционна. Принципиально новаторским был лирический герой Некрасова, с его бескомпромиссным призывом: «Хозяйкой полною войди!» Именно в русле этой разработки образа был провозглашен впоследствии Писаревым в статье «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» (1861) лозунг «женщина ни в чем не виновата»²⁰, который с восторгом был принят русскими нигилистами.

С другой стороны, можно ли однозначно решить, на чьей стороне была жизненная, общественно-психологическая правда стихотворения «Когда из мрака заблужденья...» — героини, всё еще находящейся под гнетом «толпы бессмысленного мненья» и повергающей свое будущее благополучие «тайному сомнению», или же героя-мужчины? Разве на стороне кающейся Магдалины, с ее горечью и слезами, нет жизненной правды? Несомненно, есть, и очень большая. А вот герой стихотворения — это героическая личность, опередившая свое время, это истинный революционер-первопроходец. Причем само решение поэтом сложной жизненной ситуации — некая фантастика, далекая от конкретики жизни (что, кстати, показал и Достоевский в своих «Записках из подполья»). Реальность идеально-художественного пространства создана благодаря бескомпромиссной цельности героя-революционера, которому с доверием и восторгом внимали и внимают многие поколения русских читателей.

¹⁹ О том, как правил тексты произведений Н. А. Любимов, которого Н. С. Лесков в 1870 г. назвал «Атиллою, бичом литературы», см.: Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 131 (коммент. И. С. Зильберштейна).

²⁰ Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 200.

М. Ю. Степина

НЕКРАСОВ И А. Я. ПАНАЕВА: НЕСКОЛЬКО ЧАСТНЫХ СООБРАЖЕНИЙ

Существует определенная традиция в освещении отношений «треугольника» Панаев — Панаева — Некрасов: реализация моделей романтических отношений, почерпнутых в первую очередь из произведений Жорж Санд, развивающих тему свободного выбора женщины.

Мужчина, предложивший женщине сделать свободный выбор, и женщина, сделавшая его, сказали свое слово. Среди литературоведов традиционно считается, что любовная лирика Некрасова посвящена теме «прозы в любви», или «прозы любви», как сокращенно и упрощенно перефразируется микроцитата из его лирики в массовом сознании, трактуя выражение как снижение любви, ее опрошение, ее скудную возможность для утомленного человека в повседневной жизни. Суждение в чем-то верное, но поверхностное: убедиться в этом дает возможность анализ его лирики. Другое традиционное представление исследователей литературы заключается в том, что Авдотья Яковлевна Панаева была передовой мыслящей женщиной, сумевшей осуществить кардинальные изменения в современном ей институте брака.

Два этюда, помещаемых ниже, дополняют понимание, каким было видение ситуации глазами ее участников.

* * *

В числе несомненных литературных источников «любовного треугольника», помимо романов Жорж Санд, необходимо напомнить и русский, казалось бы, самоочевидный. Это эпистолярный В. Г. Белинского начала 1840-х гг. В это время с подачи И. И. Панаева он все более увлекается Жорж Санд. И в это же время, пережив собственное любовное разочарование, он обсуждает с друзьями проблемы любви и супружества. Наиболее подробно он пишет на эти темы В. П. Боткину, что вызвано житейскими обстоятельствами последнего. Мысль личного характера связывается у Белинского с мыслью об общественном устройстве: о лживости и изжитости (с его теперешней точки зрения) института брака, если рассуждать о нем и как об общественном институте, и как о форме отношений между любящими. Из воспоминаний современников известно, что мысль,

увлекавшая Белинского, становилась достоянием кружка его друзей и предметом их пристрастного обсуждения. Поэтому не приходится сомневаться, что подобные соображения выслушивали от него и супруги Панаевы, и — чуть позже, но в ближайшие годы — Некрасов.

Приведенные ниже цитаты помещаются без сокращений (изъятия сделаны публикаторами писем). Пространность их может казаться избыточной, однако развернутость рассуждений есть одна из характеристик контекста, и по объему и повторам в приводимых фрагментах писем легко заметить, насколько вовлеченно и пристрастно рассуждает Белинский:

«Я понимаю теперь, как Ж. Занд мог посвятить деятельность целой жизни на войну с браком. Вообще все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности — мнения черни и предания варварских веков»¹;

«Чорт знает, надо мне познакомиться с сен-симонистами. Я на женщину смотрю их глазами. Женщина есть жертва, раба новейшего общества. Честь женщины общественное мнение относит к ее <...>, а совсем не к душе, как будто бы не душа, а тело может грязниться. Помилуйте, господа, да тело можно обмыть; а душу ничем не очистишь. Замужняя женщина любит тебя от мужа, но не <...> тебе — она честна в глазах общества; она <...> тебе — и честь ее запятнана: какие киргиз-кайсацкие понятия! Ты имеешь право иметь от жены сто любовниц — тебя будут осуждать, но чести не лишат, а женщина не имеет этого права, да почему же это, <...>, подлые и бездушные резонёры, мистики, пиэтисты поганые, <...> человечества? Женщина тогда <...>, когда предаёт тело свое без любви, и замужняя женщина, не любящая мужа, есть <...>; напротив, женщина, которая в жизнь свою <...> 500-м человекам не из выгод, а хотя бы по сладострастию, есть честная женщина, и уж, конечно, честнее многих женщин, которые, кроме глупых мужей своих, никому не <...>. Странная идея, которая могла родиться только в головах каннибалов — сделать <...> престолом чести: если у девушки <...> цела — честна, если нет — бесчестна. И это калмыцкое понятие хотят освящать христианством. Боже, отпусти им — не ведают бо, что творят! А брак — что это такое? Это установление антропофагов, людоедов, патагонов и готтентотов, оправданное религиею и гегелевскою философиюю. Я должен всю жизнь любить одну женщину, тогда как я не могу любить ее больше году. Впрочем, религия позволяет мне и не любить ее — она требует только, чтоб исполнял в отношении к ней мои супружеские обязанности, т. е. одевал, кормил, поил и <...> ее. Чистое, духовное, идеальное воззрение на таинство сочетания душ! Я скован и не могу принадлежать той, которую люблю, вся жизнь моя погибла, а жизнь и без того так коротка, так глупа, так полна горем и муками. Но что я — я могу изменять моей жене, но женщина — что она? — раба моя, вещь моя, <...> моя, ее душа, ее лицо,

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1956. Т. XII. С. 13.

ее красота — всё это только дополнения к <...>. Наша святая православная церковь лучше других поняла таинство брака: она и не скрывает, что тут всё дело в <...>. Святейший правительствующий синод не разведет тебя с женою за несходство нравов, за отсутствие любви, за любовь к другой; но если ты докажешь, что <...>, или если жена твоя докажет, что <...> — вас разводят. Далее, я знакомлюсь, ухажу, делаю всё, что хочу и как хочу; жена должна всё делать с моего согласия; почему это?»²;

«...энергичский адвокат прав женщин — Жорж Занд; там брак есть договор, скрепляемый судебным местом, а не церковь; там с любовницами живут, как с женами, и общество уважает любовниц наравне с женами»³.

В увлечении Белинский фактически подводит собеседника к радикальным выводам. Свободная любовь — это идеология. Законный брак, когда любви нет либо она изжила себя, — это проституция, «свободная любовь» — альтернатива ей, собственно же проституция противопоставляется формальным, насильственным отношениям, зависящим от общественного мнения.

«Свободный по сердцу союз» возникает несколькими годами позже, однако все еще в контексте этих или подобных этим рассуждений. В литературоведении роль Авдотьи Панаевой закрепляется своего рода титулом «жена поэта»: так К. Чуковский назвал посвященную ей статью⁴. Словосочетание несет в себе небольшую фактическую натяжку: формально Панаевы оставались супругами, фактически они жили под одной крышей — и несомненно придает поэтический ореол положению Панаевой.

Что касается любовной лирики Некрасова, то вопрос о ее адресатках достаточно темен. Несомненной адресаткой является Авдотья Яковлевна Панаева. Поэтические обращения к Зине — Зинаиде Николаевне (Фекле Анисимовне Викторовой) — парадоксально не являются образцами собственно *любовной* лирики: эти стихотворения не развивают ни тему романтической влюбленности, ни страсти. Наконец, поэтическое «ты» обращено к полумифической фигуре некой возлюбленной юности поэта⁵, которая после расставания с ним оказалась на «дне»⁶.

² Белинский В. Г. Указ. соч. С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ Чуковский К. Жена поэта. Пб., 1921.

⁵ Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. Спб., 2006. С. 141. Гипотетическая реконструкция этого эпизода некрасовской биографии по совокупности мемуарных источников и художественных текстов указывает на неясность протосюжета и сильную его литературную обработку (см.: Степина М. Ю. 1) «По поводу топонимии петербургского текста Некрасова (“Еду ли ночью по улице темной...” и “Я посетил твое кладбище”)) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. Спб., 2007. С. 111–121; Тургеневский отзыв о Некрасове и тема биографии поэта // Спасский вестник. Тула, 2007. Вып. 14. С. 187–200; Мотив мучительства в воспоминаниях о Некрасове // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. Спб., 2008. С. 138–145.

⁶ «Прошло почти семь лет. Он встретил ее в третий раз, веселую и нарядную, но Боже! Этот смех и нарядный костюм были хуже слез и лохмотьев. Она была пьяна, она была публичной женщиной» (Колбасин Е. Тени старого «Современника» // Современник. 1911. № 8. С. 229–230).

В литературоведении целомудренно разведены две адресатки — «жена поэта» и некая ее предшественница, жертва общественного зла. Разведены также «проза любви» «панаевского цикла» и драматический исход истории любви — либо попытка преодолеть трагедию «городских низов»: стихотворения «Еду ли ночью по улице темной...» (1847), «Я посетил твое кладбище...» (1856), «Когда из мрака заблужденья...» (1845). Обращение поэта к образу проститутки и теме проституции как социальному и психологическому явлению абсолютно укладывается в принятые представления о развитии современного Некрасову литературного процесса.

Но при этом освещении личных и литературных отношений остаются, образно говоря, «не в фокусе» некие нюансы. А между тем они улавливаются в опубликованных документах.

В сентябре 1847 г. опубликовано стихотворение «Еду ли ночью по улице темной...» — произведение, потрясшее ближайшее окружение Некрасова. Считается, что в этом произведении, написанном в традициях «натуральной школы», Некрасов выступает в защиту женщин, решившихся на «падение» по причине непреодолимых жизненных обстоятельств, и история, рассказанная в стихотворении, косвенно связывается с возможной историей из его жизни до сближения с Панаевой.

В то самое время, когда пишется и публикуется «Еду ли ночью по улице темной...», Панаева носит их первого ребенка. В марте 1848 г. он родится; вскоре Некрасов напишет стихотворение «Поражена потерей невозвратной...» и поздней примечание к нему: «Умер первый мой сын — младенцем — в 1848 году» (Н 15. XIII-1: 43).

Предположительно в середине октября 1847 года Панаева пишет Марье Львовне Огаревой письмо, которое начинается фразой: «Не читать в слух!»: «В то время как я пишу тебе письмо, я нахожусь в таком дурном расположении духа, что готова бежать в какое-нибудь подземелье, где бы могла на воле рыдать, рыдать и без конца рыдать. Я не могу этого сделать, потому что мне совестно своим стоном и криком отравлять чужие минуты»⁷. В письме Панаева рассуждает о неудобстве многолюдного существования в тесном помещении: они, Панаевы и Некрасов, живут на даче вместе с гостями, одна из которых, М. А. Кронеберг, «производит на свет сына» и выражает желание «своим трудом доставать хлеб». Панаева пишет:

«<...> я ей сказала, что мы не трудом, а продажей своего тела можем доставать деньги, да мы и тут не сумеем сделать. Если не достанет прямо объявить, что я хочу денег чтобы жить! а других средств нет для женщины достать себе пропитание <...>

⁷ Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.; Л., 1933. С. 333.

Уж где нам жить, когда у нас нет сил лишиться лохмотьев нравственности. Мы только думаем, что мы нравственны, а разобрать хорошенько, так не уступим другим»⁸.

Утверждение Панаевой — явно переработанная ею мысль Белинского, упрощенная, высказанная в раздраженном, а возможно, и болезненном состоянии. Совпадение по времени раздраженного сближения себя с проституткой и написания известнейшего некрасовского стихотворения легко объяснимо с точки зрения развития общественных идей в духе деклараций Белинского: «...уважение к субстанциальным элементам общества (родству и браку) для меня омерзительно. <...> А брак, как видим мы его ежедневно? Им держится государство, но в лице толпы презренной, черни подлой»⁹.

Этические основания, пропагандируемые Белинским, получали в обществе резкую оценку. Так, в письме А. А. Бакунина к брату читаем: «...Все общество пропитано каким-то ребячески циническим взглядом на семью и на отношения к женщине — которым хвастают, в главе стоит Белинский, но в нем цинизм уж не ребячество и имеет глубокий смысл. Это общество издает “Современник” <...>»¹⁰ (<Петербург> 3 марта <1847 г.>). 11 января 1851 г., будучи в Петербурге, Т. Н. Грановский пишет жене: «Вчера просидел до трех часов ночи у Авдотьи Яковлевны. Жаль этой бедной женщины. В ней до сих пор много ума и доброты истинной; но что за понятия! Видно, что над нею тяготеет грубое влияние необразованного, пошлого сердцем человека. А Панаев лучше стал. И если бы ты знала, как с нею обходятся! Некому защитить ее против самого нахального, обидного волокитства со стороны приятелей дома»¹¹.

Панаева в романе «Женская доля» (1862) отразит свои впечатления от замужества и “понятия” о нем. Молодой муж вскоре после свадьбы возобновляет связь с «дамой полусвета», своей давней подругой, а кружок ближайших друзей (в одном из них легко узнаётся В. П. Боткин) сочувствует его отношениям с этой женщиной, реакции же молодой жены кажутся ему проявлением ее ограниченности.

Роман, даже автобиографический, допускает долю вымысла и преувеличений. Но речь не о документальной точности описываемых фактов и не о мере объективности оценок Панаевой. Рассмотрим только ее восприятие ситуации. Для читателя ее письма достаточно очевидно, что Панаева соотносит свое положение с положением продажной женщины («мы не трудом, а продажей своего тела можем доставать деньги»), причем в самом простом, именно «уличном» понимании. Положение и его осознание ее травмируют. И это та подробность ее душевной жизни, которая не укладывается в устоявшееся представление о «свободном, по

⁸ Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.; Л., 1933. С. 334.

⁹ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 26.

¹⁰ Литературное наследство. М., 1931. Т. 56, кн. II. С. 188.

¹¹ Т. Н. Грановский и его переписка. Изд. первое. М., 1897. Т. II. С. 284.

сердцу союзе» людей «новой формации». Но отказаться от этой подробности можно лишь игнорируя высказывание самой Панаевой.

Обратимся к лирике Некрасова — к небольшой группе стихотворений, которые адресованы возлюбленной и близки по времени к описываемым событиям. Проблема адресата связана с проблемой датировки его текстов. А. М. Гаркави, комментатор Академического полного собрания сочинений утверждает, что «под стихами интимного содержания Некрасов иногда намеренно выставлял неверные даты, чтобы скрыть от посторонних те или иные обстоятельства своей личной жизни» (Н 15. I: 600).

Стихотворение «Ты всегда хороша несравненно...», по мнению К. Чуковского, «относится к той женщине, с которой Некрасов жил в молодости — до сближения с Авдотьей Панаевой» (Н 15. I: 595). Оно опубликовано в № 9 «Современника» 1850 г. Некрасов датирует его 1847-м г. В I т. это стихотворение помещено за стихотворением «Еду ли ночью по улице темной...». По времени публикации такая очередность расположения внутри тома выглядит обоснованной. Если же рассматривать содержание стихотворений в контексте устных автобиографических рассказов, то есть как возможность связывать с 1847 г. печальную встречу Некрасова с «публичной женщиной» и интерпретировать эту встречу как импульс к созданию «Еду ли ночью по улице темной...», то очередность представляется странной. В стихотворении «Ты всегда хороша несравненно...» не наблюдается никакой ретроспекции — напротив, поэт говорит о настоящем и будущем:

...с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

(Н 15. I: 64).

Таким образом, первое имя, которое приходит на ум, — Авдотья Панаева.

Из других стихотворений, ближайших по времени создания к «Еду ли ночью по улице темной...», может быть указано «Когда из мрака заблужденья...». Автор датировал его 1845 г. (Н 15. I: 580), а опубликовано оно было в № 4 «Отечественных записок» 1846 г. с подписью «Николай Некрасов». На первый взгляд, монолог лирического героя обращен к падшей женщине, которую он готов воскресить своей любовью. Это стихотворение, как и «Еду ли ночью по улице темной...», стало хрестоматийным и в массовом сознании прочно связано с образом падшей женщины. Например, именно последние строки («И в дом мой смело и свободно // Хозяйкой полною войди!») декламирует в романе А. И. Куприна «Яма» студент Лихонин, взявший из дома терпимости Любку. Несколькими страницами ранее из уст героев, рассуждающих в кабинете дома терпимости о судьбе девиц, звучат строки другого некрасовского стихотворения: «Как дошла ты до жизни такой?» («Убогая и нарядная» (1857) — Н 15. II: 38–41).

Между тем, «Когда из мрака заблужденья...» и по смыслу, и по пафосу, и по форме гораздо ближе к другому стихотворению — «Когда горит в твоей крови...» (1848). Это стихотворение впервые опубликовано в № 12 «Современника», в тексте коллективного романа «Три страны света». Роман был подписан «Н. Некрасов — Н. Станицкий» (псевдоним А. Я. Панаевой). В комментарии к стихотворению сообщается: «Как показывает автограф, в 1855 г. Некрасов предполагал напечатать этот текст в виде отдельного стихотворения» (Н 15. I: 595). Первая публикация и автограф содержат разночтения: в романе «Отвергни ненавистных уз // Бесплодно-тягостное бремя» (Н 15. I: 478), а в беловом автографе ГБЛ — «Постыдных, ненавистных уз // Отринь насильственное бремя» (Н 15. I: 65). «Насильственное бремя» прямо обозначает брак, расторжение которого было делом крайне затруднительным. Слова «И в дом мой смело и свободно // Хозяйкой полною войди!» для современного читателя ассоциируются не столько с тем, что подразумевал пишущий, и не столько с женщиной, о которой известно очень немного, сколько с образом из «Жены поэта» и ролью, которую, как принято считать, играла Панаева в общем доме Панаевых и Некрасова, — ролью хозяйки литературной гостиной, друга, соавтора, гражданской жены.

Текст стихотворения «Когда из мрака заблужденья...» представляется достаточно прозрачным.

...Когда, забывчивую совесть
 Воспоминанием казня,
 Ты мне передавала повесть
 Всего, что было до меня;
 И вдруг, закрыв лицо руками,
 Стыдом и ужасом полна,
 Ты разрешилася слезами,
 Возмущена, потрясена, —
 Верь: я внимал не без участия,
 Я жадно каждый звук ловил...
 Я понял всё, дитя несчастья!
 Я всё простил и всё забыл. ...

(Н 15. I: 34)

Что это могла быть за «повесть»? В 1847 г. будет написана повесть «Семейство Тальниковых», а позже основную ее мысль Панаева повторит в письме к И. А. Панаеву (от <24> июля 5 августа <1856 г.>): «Иногда я думаю, что я не виновна в том, чем я сделалась. Что за детство варварское, что за унижительная юность, что за тревожная и одинокая молодость!»¹². Мера объективности в изображении событий и оценках Панаевой и в этом случае не столь важна, как сам

¹² Литературное наследство. М., 1949. Т. 53–54. С. 121.

факт того, что «повесть» о детстве и юности волновала ее до конца дней, судя по яркости воспоминаний, которые она написала уже в старости. И «повесть всего, что было до меня», которую упоминает лирический герой стихотворения, скорее всего, могла быть не только историей разочарования в замужестве, но и повестью детства и юности Авдотьи Яковлевны — ее жизни и воспитания. Так проясняется значение словосочетания «мрак заблужденья» в первой строке стихотворения:

Когда из мрака заблужденья
 Горячим словом убежденья
 Я душу падшую извлек,
 И, вся полна глубокой муки,
 Ты прокляла, ломая руки,
 Тебя опутавший порок ...

(Н 15. I: 34)

«Порок» и «заблужденья» заключены в современном поэту институте семьи и брака, начиная с отношений родителей к детям. «Порок» и «заблужденья» — покориться «толпы бессмысленному мненью» (ср. у Белинского: «толпы презренной, черни подлой»). «Падшая душа», в духе рассуждений Белинского, не та, что нарушает формальную супружескую верность либо целомудрие, а та, что ставит чувство ниже выгод или видимости в глазах «толпы бессмысленной и лживой» (Н. 15. I: 35). Поэтический текст Некрасова дает возможность различных интерпретаций, в которых проституция остаётся все-таки метафорой для обозначения порочных отношений. И горячее чувство, с которым он адресует поэтическому «ты» свое стихотворение, указывает (по крайней мере, части его читателей) на его подругу.

В читательском же сознании стихотворение «Когда из мрака заблужденья...» обращено к падшей женщине в прямом обозначении принадлежности к социальной прослойке. «Тебя опутавший порок» имеет одно, вполне конкретное значение, исключаящее и метафоричность, и формальное целомудрие, и выбор сердца.

И эта двойственность прочтения одного, наверное, из самых читаемых и цитируемых стихотворений столетия оказывается в прямом отношении к интимной и литературной судьбе Авдотьи Яковлевны Панаевой. Это то, что принято «не видеть».

* * *

Одна из мыслей, которые развивает Белинский в дружеской переписке с Боткиным, есть отношения «поэзии и прозы» в любви и близких отношениях:

«...твоя *любовь* нисколько не рифмовала с *браком* и вообще с действительностию жизни, состоящею из поэзии и прозы, из которых каждая имеет на нас равно законные требования. <...> состояние влюбленного, состояние жениха — поэзия,

чистая, беспримесная поэзия; а состояние женатого — ложка поэтического меду и бочка прозаического дегтю. Как ты ни будь осторожен, а всё же жена увидит тебя в подштанниках, а ты ее в юбке. Это случается и с любовниками, но там это — поэзия, ибо запрещенный плод. <...> Всегдашняя возможность и законность наслаждения — ужасная проза, которая вредит духу насчет плоти. Вот почему художники враги брака. Как понизились их отношения к любовницам или поохладела любовь — и конец старой связи и начало новой»¹³.

Фраза о художниках, сказанная здесь почти вскользь, будет развита в другом письме. В этом суждении под любовью подразумевается в основном чувственная сторона романтических отношений, притом на их начальной стадии: запрет и преодоление запрета. Понимая неизбежность «прозы» в семейном сожителстве, Белинский мирится с ней как с возможностью для себя лично (пассаж об этом примирении, не включенный в приведенную цитату, находим в этом же письме). Но это примирение видится ему как компромисс, альтернатива «поэзии» первой влюбленности, а не преемственный по отношению к ней опыт:

«Рассудок тут играет роль не меньшую чувства, если еще не бóльшую <...> Жена — не любовница, но друг и спутник нашей жизни»¹⁴, тогда как «...любовь и брак — это вздор. Я теперь понимаю основную мысль “Ромео и Юлии”, т. е. необходимость трагической коллизии и катастрофы. Их любовь была не для земли, не для брака и не для годов, а для неба, для любви, для полного и дивного мгновения. Я понимаю возможность, что они опротивели бы со временем друг другу»¹⁵.

В рассуждениях Белинского мелькает имя Г. В. Ф. Гегеля и его идея «разумного брака»¹⁶, изложенная в отдельной главе его «Философии права»: в брак должно вступать либо не по страсти, либо для преодоления страсти, которая выдохнется, став легальной частью повседневной жизни. Сведение любви к страсти и чувственности, апелляция к литературной коллизии юных влюбленных, тема наслаждения, запрета и отсутствия запрета, — всё это может быть интерпретировано как выражение позиции эмоциональной инфантильности, позиции личного эгоизма, но в цитируемом письме разговор посвящен частному человеку Боткину или Белинскому, либо частному человеку вообще.

Позднее, возвращаясь к мыслям о любовном чувстве художника, Белинский рассуждает об эгоизме, по сути, исключая взаимотношения двух людей:

«Гёте, по моему мнению, был воплощением такого эгоизма. Вникните в характер Эгмонта, и вы увидите, что это лицо играет святыми чувствами, как предметом возвышенного духовного наслаждения, но они, эти святы чувства, вне его и не присущны его натуре. <...> Для Эгмонта патриотизм не более, как вкусное блюдо на пиру жизни, а не религиозное чувство. <...> Гёте любит девушку, любим ею, — и что же? он играет этою любовию. Для него важны ощущения,

¹³ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 31. (Письмо В. П. Боткину от 13 марта 1841 г.)

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ Там же.

возбужденные в нем предметом любви — он их анализирует, воспекает в стихах, носится с ними, как курица с яйцом; но личность предмета любви для него — ничто, и он борется с своим чувством и побеждает его <...> Вот он — идеализированный, опоэтизированный холодный эгоизм внутренней жизни, который дорожит только собою, своими ощущениями, не думая о тех, кто возбудил их в нем, как ростовщик дорожит своими процентами, не думая о тех, которые, может быть, ценою кровавых слез принесли ему их»¹⁷.

Белинский оставляет в стороне то обстоятельство, что эмоциональная жизнь художника служит созданию его произведений и нисколько не принадлежит другому человеку, даже вызвавшему чувство любви, что в таком ракурсе эмоциональная жизнь — абсолютно личное его дело. Белинский рассуждает о *художнике* так, как рассуждал бы о *не-художнике*: как о любой человеческой личности, испытывающей чувство любви. Гениальный художник в этом суждении предстаёт ущербной личностью: творческое воображение, питающееся «ощущениями» «внутренней жизни», и плоды его для Белинского — литературного критика — в рамках данного суждения как будто бы не имеют ценности. Если в ранее процитированных его рассуждениях ценностью выступает наслаждение, которое ненадолго дается любящим (любовникам), стихия утоляющейся любви, то в последнем — личность любящего тебя и любимого тобой, не сама любовь, а ее источник, субъект.

Эти мысли Белинского, по-видимому, тоже известные кружку, позднее отзовутся в упомянутом выше романе А. Я. Панаевой «Женская доля» (1862). Роман пошел в печать сразу после кончины И. И. Панаева; точное время его создания неизвестно. Беллетристка использует в сюжетной основе события собственной жизни, однако герои-мужчины — муж и гражданский муж героини — не наделены тем статусом в культурной и литературной жизни, какой имели их прототипы. Супруг всего лишь «смело мог причислять себя к художническим натурам»¹⁸, а гражданский муж героини, Лакотников, по характеристике беллетристки, широко известен и окружает себя льстецами: «Нельзя сказать, чтоб Лакотников не разгадал всю подленькую натурашку молодого человека, высказывающего ему на каждом шагу раболепное благоговение и в глаза и за глаза прославлявшего его гениальность и душевные доблести. Но Лакотников снисходил к нему, потому что считал нужным иметь при себе постоянного господина, кадящего ему»¹⁹.

Беллетристка обращается к проблеме любовных и супружеских отношений и практически повторяет памятные с молодости рассуждения о скоротечности чувственного наслаждения, не сдерживаемого запретом:

«Анна Антоновна почувствовала весь эгоизм своего супруга вскоре после свадьбы, как только он получил полную власть над ней. <...> И как только чувственная

¹⁷ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 145. (Письмо к А. А., Н. А. и Т. А. Бакуниным от 8 марта 1843 г.)

¹⁸ Н. Станицкий. Женская доля // Современник. 1862. № 3. Март. Отд. I. С. 90.

¹⁹ Современник. 1862. № 5. Май. Отд. I. С. 225.

любовь исчезла в эгоисте, то страдания бедной женщины удесятирились. Ея супруг снова повел жизнь холостого человека <...> Она не догадывалась, что эгоистические натуры неспособны ни к каким привязанностям, если ими не руководит чувственная страсть, для удовлетворения которой они могут, пожалуй, на время прикинуться порядочными людьми, но как только эта страсть миновалась, они снова начинают питать непримиримую вражду к тем, кто ждет от них человеческих чувств»²⁰.

Так описываются отношения родителей героини, и сходным образом ведет себя ее супруг; ряд характерных черт делает его похожим на И. И. Панаева.

Аналогично описаны в романе и отношения героини с другим мужчиной, который стал ее гражданским мужем; этот персонаж напоминает Некрасова:

«Его частые путешествия давали ему средства вести жизнь совершенно свободную и беспечную, но все-таки он тяготился связью с женщиной, которая не могла уже удовлетворять его чувственности и льстить его тщеславию <...> Читатель может укорить Софью Григорьевну за отсутствие в ней женской гордости, что она, видя охлаждение Лакотникова к себе и его равнодушие к детям, все еще не разрывала с ним связи. Но умирающий до последней минуты надеется еще жить; так и она, забыв всякую женскую гордость, терпеливо выносила свое страшное положение, надеясь, что ее терпение принесет по крайней мере пользу ее детям»²¹.

Автор-повествователь приводит строки из письма, которые гражданский муж героини, Лакотников, пишет своему другу (в нем угадывается В. П. Боткин). Лакотников сообщает о разрыве с бывшей возлюбленной: «Ты радуешься за меня, что снова пахнуло на меня весной, и ты уверен, что это благотворно подействует на меня; советуешь пользоваться светлыми минутами жизни и не жертвовать собой выдохшимся чувствам. Ты прав: человек не может насиловать себя каждую минуту. Характеры наши не гармонировали, пыл страсти маскировал многое, но когда он прошел, то все сделалось ясно. В отношении к ней я всегда держал себя, кажется, слишком благородно и совесть меня не может упрекнуть ни в чем... Но довольно об этом. Я желаю, по возможности, сохранить уважение к старому чувству и не растревлять дурных сторон, которые бы могли меня заставить действовать негуманно: это не в моих правилах...»²²

По стилю и содержанию эти строки действительно напоминают письма Некрасова к Боткину и И. С. Тургеневу. Однако заметна и разница:

«Сказать тебе по секрету — но чур по секрету! — я, кажется, сделал глупость, воротившись к... Нет, раз погасшая сигара — не вкусна, закуренная снова!.. Сознаваясь в этом, я делаю бессовестную вещь: если б ты видел, как воскресла бедная женщина, — одного этого другому, кажется, было бы достаточно, чтоб быть довольным, но никакие хронические жертвы не в моем характере. Впрочем,

²⁰ Современник. 1862. № 3. Март. Отд. I. С. 49.

²¹ Современник. 1862. № 5. Май. Отд. I. С. 220.

²² Современник. 1862. № 5. Май. Отд. I. С. 241.

совестно даже и сказать, чтоб это была жертва, — нет, она мне необходима столько же, сколько... и не нужна... Вот тебе и выбирай, что хочешь. Блажен, кто забывать умеет, блажен, кто покидать умеет — и назад не оглядывается... Но сердце мое очень оглядливо, черт бы его побрал! Да и жаль мне ее, бедную...» (Н 15. XIV-2: 35–36) (письмо В. П. Боткину от 7 (19) октября 1856, Рим);

«Я очень обрадовал А<вдотью> Як<овлевну>, которая, кажется, догадалась, что я имел мысль от нее удрать. Нет, сердцу нельзя и не должно воевать против женщины, с которой столько изжито, особенно когда она, бедная, говорит *пардон*. Я по крайней мере не умею и впредь от таких поползновений отказываюсь. И не из чего и не для чего! Что мне делать из себя, куда, кому я нужен? Хорошо и то, что хоть для нее нужен» (Н 15. XIV-2: 57) (письмо И. С. Тургеневу от 17 февраля (1 марта) 1857, Рим).

Разница заключается именно в том, что охладевший и думающий о расставании бывший влюбленный останавливается и отказывается от разрыва и забвения: он испытывает к женщине жалость, сострадание, уважение к общим годам горя и радости, уважение к ее раскаянию, благодарность за то, что нужен ей. Иными словами, он смотрит на нее как на «друга и спутника жизни», которому, однако, еще памятна ушедшая страсть.

Автобиографичность романа прозрачна, и сопоставление беллетристического текста с подлинными письмами и в этом случае не имеет целью указать на несовпадения и долю вымысла в повествовании Панаевой либо предьявить доказательства того, что реальный Некрасов не был эгоистом в той степени, в какой его рисует беллетристка. Сопоставляются взгляды пишущих на личность женщины. Панаева, изображая свою героиню страдальцей, отказывает герою-мужчине в способности видеть в женщине личность, а не только объект чувственного увлечения. Мужская любовь к женщине предстаёт в текстах Некрасова гораздо более объемным, многогранным чувством. Письма Некрасова, будучи документом, казалось бы, должны считаться более доказательными, нежели художественный текст. Но именно стихи его, обращенные к А. Я. Панаевой, гораздо более наглядны в видении жизни, построенной в соответствии с новейшими идеями.

Само словосочетание «проза в любви» появляется в стихотворении «Мы с тобой бестолковые люди...» (1851) (Н 15. I: 94). Возвращаясь к мысли Белинского о противопоставлении поэзии влюбленных любовников прозе брака, прозе жизни, Некрасов переосмысляет это противопоставление. В обиходе зачастую из этого словосочетания выпадает предлог, и, говоря о лирике Некрасова, упоминают не «прозу в любви», а «прозу любви»: поиск в Интернете дает одно за другим именно такое определение. «Проза любви» означала бы некое статичное состояние, противоположное «поэзии». Некрасов же изображает перемены состояний, которые все принадлежат любви, объединяющей людей: «Мы с тобой бестолковые люди».

Стихотворение описывает ссору, но парадоксально содержит не предостережение от ссор, а приглашение быть свободной во всем:

Говори же, когда ты сердита,
 Всѣ, что душу волнует и мучит!
 Будем, друг мой, сердиться открыто:
 Легче мир — и скорее наскучит.

В черновом автографе ГБЛ вместо «бестолковые» было «не бескровные»: оценочный эпитет занял место нейтрального определения, объясняющего неидеальность живых людей. Одна из вычеркнутых строк — характеристика подруги [Знаю я: твое сердце прекрасно] (Н 15. I: 486).

Черновик содержит более пространственные размышления, следовавшие после третьего катрена и впоследствии снятые:

Я скажу, что напутал я вздору,
 Ты дашь слово не вспыхивать больше, —
 Осмеем мы минутную ссору
 И обнимемся крепче и дольше!
 Откровенны и счастливы оба,
 Снова в жизни найдем наслажденье.
 Хуже, если подавлена злоба —
 Приготовит она охлажденье!
 Зачеркнуто:
 [Будем снова мы веселы вместе.
 Хуже, если подавлена злоба —
 Ссоры нет, а душа не на месте!]
 (там же)

Эмоциональный черновой вариант заменяется более лаконичным:

Если проза в любви неизбежна,
 Так возьмем и с нее долю счастья:
 После ссоры так полно, так нежно
 Возвращенье любви и участия...

(Н 15. I: 94)

«Возвращенье любви и участия» есть поэзия, и «неизбежность» «прозы» выступает ее обещанием и предвкушением, то есть, частью поэзии. Так видится лирическому герою Некрасова период жизни с возлюбленной, когда преодоление запрета осталось далеко позади, а разрыва он не желает.

Разлука и разрыв стали лейтмотивом его любовной лирики. Однако в развитии и этой темы содержится ответ на те суждения, которые высказала Панаева в своем романе, подытоживающем долгий и сложный любовный опыт. В 1877 г.

(ОЗ, № 2) печатается стихотворение «Горящие письма», написанное в середине 1850-х (Н 15. III: 486) (и в ранней редакции включенное в «Стихотворения Н. Некрасова» 1856 г.). В нем примечательны две строки третьего катрена:

Свободно ты решала выбор свой,
И *не как раб* упал я на колени ...
(Н 15. III: 200) (курсив мой. — М. С.).

Расставание отмечено тем же мотивами, что и призыв соединиться:

И в дом мой *смело и свободно*
Хозяйкой полною войди!
(курсив мой. — М. С.).

Лирический герой признаёт за возлюбленной право свободного выбора, который доступен личности, наделенной собственной волей, не «рабу» и не «вещи».

Первоначальная редакция более эмоциональна, импульсивна:

Плачь, горько плачь!.. Их не напишешь вновь...
<...>
Они навек погибли, как любовь
<...>
Хранились в них души твоей черты,
Корыстному волнению непричастной,
Поэзии роскошные цветы, —
Благоуханье молодости ясной!
<...>
Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко,
А между тем мы сознаем глубоко,
Что разойтись уж нам не суждено...
(Н 15. III: 379–380)

«Грядущее» и «прошедшее» видятся поэту аннулированными, но настоящее, зыбкая точка между ними, прочно только в силу веры в их связь, вопреки тому, что всё говорит о совершившемся разрыве.

Стихотворение, обращенное к женщине, в окончательной редакции отвергает восхищенное признание ее личности, и взаимного чувства, и неразрывности их связи. Но оставляет признание свободы выбора обоих: его, захотевшего преклонить колени перед ней, и ее, когда-то ответившей на его любовь, а теперь попирающей обеты.

Две точки зрения, явленных в художественных произведениях двух авторов, кардинально различаются. Нам не дано знать, и было бы ненужной дерзостью пытаться реконструировать житейскую сторону личностей и отношений.

Но поэтическая мысль способна сказать больше, нежели человек, даже в стремлении быть искренним, может сказать в дружеском письме или дневнике. Несколько частных соображений, высказанных на основании анализа художественных текстов, как представляется, дополняют сложившееся представление о страницах биографии и о поэтике любовной лирики одного из крупнейших русских поэтов.

М. Ю. Степина

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕКРАСОВА «ВЫБОР» В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЛИРИКИ

Стихотворение «Выбор» (Н 15. III: 52–54) было впервые опубликовано в № 1 «Отечественных записок» за 1868 г. Создано оно было в 1867 г., о чем свидетельствует авторская помета. Краткий комментарий к стихотворению в Академическом полном собрании сочинений написан Б. В. Мельгуновым. Автор комментария указывает на фольклорные образы и мотивы, общие для «Выбора» и других произведений Некрасова («Кому на Руси жить хорошо», судьба Матрены Тимофеевны Корчагиной, и «Мороз, Красный нос»), а также упоминает, что Некрасов предполагал после закрытия «Современника» в 1866 г. издавать периодические литературно-художественные сборники, и первый из них должен был открываться этим стихотворением (Н 15. III: 413). Иными словами, с точки зрения поэтики этого произведения для комментатора наиболее значимой оказывается его связь на образном уровне с традиционным фольклором.

Констатации комментатора не содержат почвы для спора. Но анализ стихотворения позволяет уточнить роль фольклорных мотивов и образов в этом оригинальном поэтическом произведении. Обращение же к художественным приемам и контексту, и в частности к неопубликованным и незавершенным произведениям Некрасова, служит осмыслению его индивидуальной поэтики, принципов творческого отбора и творческого метода.

* * *

Рассмотрим заглавие, событийный ряд и финал.

Стихотворение называется «Выбор», и выбор предстоит сделать героине, обдумывающей самоубийство:

<...>

В горе стоит над рекой
Русская девица, девица красная,
Щупает прорубь ногой.

Девицу зовет в прорубь водяной царь. «Дрогнула девица», но ее отговаривает топиться воевода Мороз. Он советует ей сесть на пень и замерзнуть. Она не

успевают заснуть: появляется Леший и уводит ее от Мороза, уговаривая зайти в вековой лес, где

С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!

Выбор, о котором идет речь, — это выбор способа найти смерть. Но выбор этот мнимый, да и слово «выбор» предстаёт многозначным.

Первые строки побуждают думать, что искание смерти — это совершившийся выбор самой героини, решившей почему-то свести счеты с жизнью. Введение в ход повествования мифологических персонажей означает выбор способа ухода из жизни (предложения и оценка вариантов). Одновременно это и обольщение нетвердой души, которая еще только «щупает прорубь», но не бросается в нее, «стоит над рекой», но еще может повернуть обратно, то есть, все-таки выбор между самоубийством и отказом от него.

Монологи персонажей однотипны. Каждый из них объясняет девице, почему выбранный было ею способ ухода из жизни нехорош: за порогом смерти девицу ждут мучения. Каждый предлагает взамен свой способ, обещающий более легкую, более скорую смерть. Но финал остаётся открытым — выбор не сделан. Неизвестно, бросится ли девица с высокого дерева (обольщение Лешего), или опять ее подхватит Мороз, или, если они еще недалеко отошли от реки, она вновь услышит голос водяного царя.

Мучения самоубийцы, решающейся выбрать способ, могут закончиться смертью по собственной воле при участии волшебного помощника. Но, промедлив, она все равно замерзнет: ведь действие в стихотворении происходит в лесу, около воды, морозной ночью, где она оказывается, поддавшись горю, унынию и обольстительной мысли о прекращении страданий и уходе в смерть. Промедлив с выбором, она тем не менее подтвердит, что главный выбор — а не детали ухода — ею уже сделан, вполне осознанно или с вытеснением мысли о своем решении.

Девицу казнит мысль о «горе», которая привела ее ночью к реке возле леса. Отметим, что в стихотворении не проясняется, какое именно горе толкает героиню на самоубийство, но ее чувства — горе, страх, томительное ожидание решения — показаны как предельно сильные. В этой связи уместно вспомнить признание из «Рыцаря на час» (1854):

Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу
(Н 15. II: 138).

Некрасов использует (чуть видоизмененным) расхожее выражение «казнить себя», употребляя его метафорически: лирический герой претерпевает длящуюся, но не оканчивающуюся физической смертью казнь. Казнь человека *прекращает* его жизнь; казнь лирического героя Некрасова заключена в добровольном

продолжении этой жизни. Для героя жизнь — казнь. Это расхожее выражение, которое не используется напрямую, но легко приходит на память. В этом случае — вне рамок текста, но в ближайшем активном языковом контексте — для читателя происходит обновление метафоры.

Слово «казнь», обозначающее насильственную смерть — событие чрезвычайной важности и жестокости, но однократное, — обретает контекстуальное значение процессуальности. В то же время казнь, наказание смертью, подпадает под общеизвестное определение «лютой смерти», и контекстуально слово «казнь» у Некрасова совмещает взаимоисключающие значения, необходимо требующие отрицания одного из двух: жизнь–смерть, смерть–бессмертие (невозможность умереть окончательно), конечность (жизни) — бесконечность ее, одноактность–процессуальность. Слово Некрасова диалектично и насыщено оттенками значений. Такой склад мысли Некрасова проанализирован на примере его поэтической формулы «любить и ненавидеть»¹.

В «Выборе» описания природы — стихии воды, холода, лесной глуши — рисуют картину того, что представляется антитезой человеческому жилью, антитезой жизни. В традиционном фольклоре мотивы ночи, сна, холода, зимы синонимичны смерти. Тем более, в действии участвуют персонажи, помогающие умереть, *нежить*. В системе этих символов девица, биологически еще не казнившая себя, не переступившая границы между жизнью и смертью, метафорически уже пребывает в царстве смерти.

Метафоричны в стихотворении и смерть, и жизнь. В обыденном сознании и в фольклоре понимаемые как антитезы, в стихотворении «Выбор» они так же, как в «Рыцаре на час», контекстуально совершают переход к своему противоположному значению.

Выбор, стоящий перед героиней, мнимый еще и поэтому. Коль скоро антонимы «жизнь» и «смерть» контекстуально переходят в свою противоположность и при этом обе синонимичны «казни», то в любом случае девицу ожидает только новая казнь, уклонившись от которой, она встретит новую или повторяющуюся ее вариацию, а приняв — претерпит последующие мучения. Выбора для нее нет; художественное развитие значения заглавного слова обнаруживает в нем смысл, противоположный тому, который оно несет в своем прямом значении.

В «Выборе» изображена дурная бесконечность (бессмысленное повторение, скучное чередование, повторяющаяся одинаковость) самоубийственного страдания.

Этот смысл и реализуется в монологах мифологических персонажей. Небытие, ожидающее самоубийцу, не обещает *небытия*, там будет что-то происходить, что заставит ее чувствовать, и реалии *того* мира — те же, что и реалии этого. *Покойница* не обретет *покоя*:

¹ Подробнее см.: Степина М. Ю. Поэтическая формула «любить и ненавидеть» у Некрасова // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2013. Вып. VIII. С. 13–32.

Жадная рыба, речная пиявица
Там твой нарушат покой;
Там защекотят тебя водяные,
Раки вопьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные <...>.
Да и умрешь — тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!

Слово «покой», на бытовом уровне понимаемое как «отсутствие беспокойства», означает также «упокоение» (с миром, чего не будет без исповеди, причастия, да еще и у самоубийцы). Но не только поэтому употреблено именно оно, а не «упокоение». «Станут оттаивать, станут качать» прочитывается и как «будут беспокоить», и как «станут возвращать к жизни» и даже «вернут к жизни», — что бессмысленно с точки зрения бытового сознания, так как действие происходит зимней ночью, а умершую найдут (если найдут) в светлое время суток, а может быть, и даже скорее всего, еще и в другое время года. Однако в художественной логике стихотворения для героини за умиранием последует насильственное возвращение к жизни, и оно воспринимается как следующая казнь (поскольку это наказание, насилие, возобновление мук).

Смерть, таким образом, предстаёт не как «покой», упокоение, а как его противоположность, состояние нескончаемых страданий. Здесь опять видим контекстуально обусловленный переход в свою противоположность значения не употребленного в стихотворении, но приходящего на память читателю однокоренного слова «покойница», которое в контексте стихотворения также предстаёт антонимом состоянию героини. Соответственно читающим может быть заново осмыслено — в рамках этой художественной системы — не метафорическое, а прямое значение другого, закономерно не употребленного поэтом, однокоренного слова: «упокоение». Оно, благая и праведная смерть, — антоним казни, насильственному умерщвлению, наказанию, оно желанно человеку. Поэтическое слово обостряет осмысление целого лексического гнезда.

Эта картина и эти смыслы совершенно логичны и ясны для понимания, поскольку для христианина самоубийство является смертным грехом, караемым адскими муками. Но данный литературоведческий анализ предпринят не с целью констатировать самоочевидную вещь (Некрасов не оставил никаких письменных заявлений о собственном атеизме; основные вехи его человеческой жизни отмечены традиционными христианскими ритуалами). Точно так же и не с целью оценить словесные и ментальные соответствия–несоответствия ортодоксальному православию: это могло бы стать задачей исследователя другого профиля, для которого являлся бы вспомогательным предлагаемый угол зрения исследователя художественной литературы.

* * *

Здесь представляется целесообразным рассмотреть, как проявляет себя мотив смерти в лирике Некрасова. Речь не идет о скрупулезном выявлении и анализе всех случаев, и речь не идет об осмыслении темы смерти в творчестве Некрасова, поскольку такое обращение потребовало бы специальной и объемной работы. В рамках данной статьи актуальна более скромная задача. Принимая за основу общепотребительные определения *мотива*: «простейшая повествовательная единица» (А. Н. Веселовский), «простейшая словесная формула» (А. Л. Бем), «тема неразложимой части произведения» (Б. В. Томашевский), ограничимся не слишком обширной (и могущей быть иной), но при том достаточно показательной выборкой поэтических текстов.

Как видно из анализируемых ниже примеров, мотив смерти явно или прикровенно присутствует в упоминаниях о том, что как-то сопряжено с этим явлением, понимать ли его в значении житейском или философском. И могила, и кладбище, и распятие, и противоположность смерти — бессмертие, — рассматривать ли их в социальном, антропологическом или религиозном аспекте, несут в себе простейшую смысловую единицу — смерть, конец индивидуального человеческого века, рубеж, состояние, противоположное жизни в ее биологическом, психологическом и социальном понимании.

Три достаточно обширные, намеренно не сокращаемые цитаты из хрестоматийно известных произведений Некрасова содержат эмоциональные, детальные портретные описания умерших.

Чу! восклицанья послышались грозные!
 Топот и скрежет зубов;
 Тень набежала на стекла морозные...
 Что там? Толпа мертвецов! <...>
 Стыдно робеть, закрываться перчаткою.
 Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
 Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
 Высокорослый, больной белорус <...>
 Не разогнул свою спину горбатую
 Он и теперь еще: тупо молчит
 И механически ржавой лопатою
 Мерзлую землю долбит!
 («Железная дорога» — Н 15. II: 169–170);

Треволненья мирского далекая,
 С неземным выраженьем в очах,
 Русокудряя, голубоокая,
 С тихой грустью на бледных устах,
 Под грозой величаво-безгласная —

Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебном светящей луне.
Да! Я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд свой себя отдаю. <...>
(«Рыцарь на час» — Н 15. II: 138);

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл, —
Под землю в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!
Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцалуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...
(«20 ноября 1861» — Н 15. II: 125)

Во всех трех стихотворениях представляется видение лирическому герою умерших. Это видение совершается то ли во сне, то ли в медитативном состоянии, то ли оно имеет мистический характер. В любом случае, лирическому герою является умерший, о котором он помнит и сообщает в поэтической речи как о человеке, которого нет среди живых. Но во всех случаях поэт видит умершего как живого. Причем это не только облик, который может запечатлеть посмертный портрет: цвет лица, глаз и волос, лепка кисти рук, осанка. В них воссоздан общий облик (поза, пластика), и общее выражение лица, и характерный жест.

Можно сослаться на то, что поэт не успел попасть на похороны матери и в «Рыцаре на час» запечатлел в памяти единственно знакомый ему облик живой Елены Андреевны. «Толпа мертвцев» в «Железной дороге» может быть интерпретирована либо как плод воображения, либо как мистическое явление. Но едва ли такой буквализм, точный к деталям, свяжет их общим смыслом. В стихотворении «20 ноября 1861» облик мертвого Н. А. Добролюбова практически неотличим от облика его живого — с оговоркой о незначительных изменениях в облике в сторону большей утонченности облика, но не признаков тления, — несмотря на

сильную визуальную детализацию: «Только словно длинней и белей // Пальцы рук, на груди твоей сложенных, // Да сквозь землю проникнувшим инеем // Убелил твои кудри мороз». Отметим и общий с «Выбором» и «Морозом...» мотив умерщвляющего поцелуя, смертельной ласки: «Да следы наложили чуть видные // Поцалуи суровой зимы // На уста твои плотно сомкнутые». Эти зримые перемены, ясные видящему, не нарушают тона обращения, будь то обращение в речи («ты») или обращение взора, как в «Железной дороге».

В обращениях к Добролюбову и к матери заметна интонация плача, причитания. Тон обращения к усопшему в первых строках поддерживается обращением «мертвый друг». Но и это словосочетание, не будучи оксюмороном в строгом смысле слова (друг жив — друг мертв), заключает определенную противоречивость. Если живо (не мертво) чувство обоюдной дружбы — ценность духа, бессмертной души, — оно опровергает абсолютность физической смерти. Применительно к духовной жизни, к чувству и памяти более нейтрально — и менее трагично — прозвучало бы: «умерший друг» (воздержимся от наивных предположений о технических сложностях такого словоупотребления для поэта уровня Некрасова). Если бы умерла дружба, друг (живой или умерший) был бы «бывшим». Далее драматизм одновременных взаимоисключающих состояний души — живого чувства дружеской связи с Добролюбовым и чувства утраты этой связи по причине смерти друга — поддерживается словами «схоронен», «ты лежишь как сейчас похороненный». Но и в этом случае видение похороненного по прошествии времени «похороненным» «как сейчас» (курсив мой. — М. С.) наводит на мысль о неизменности облика в протяженности календарного времени, об относительности того времени, категорией которого мыслят живые о живых. Та же неизменность состояния, в котором смерть воспринимается как только что произошедшая, есть и в «Выборе». Девушка замерзнет зимней ночью, ее «станут оттаивать, станут качать» или днем (спустя много часов), или по весне (спустя много недель). Протяженность времени между испусканием духа и попыткой вновь его вдохнуть для персонажей стихотворения как будто бы не имеет никакого значения.

Так — через неизменность видимого мысленным взором облика — формируется поэтическая мысль о бессмертии, присущем, согласно христианскому учению, душе, а не телу, но в художественной системе Некрасова не нуждающемся в разделении ипостасей.

Тон обращения выражает отношение лирического героя к умершему. Оно — то же, что к живому, только пронзительнее. Это соображение подкрепляется текстом другого стихотворения:

<...>

Узы дружбы, союзов сердечных —
 Всё порвалось: мне с детства судьба
 Посылала врагов долговечных,
 А друзей уносила борьба.

Песни вещице их не допеты,
Пали жертвою насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

(«Скоро стану добычею тленья...» (1877) — Н 15. III: 176).

Изображению приписывается жест (взгляд, активно побуждающий к перемене в поведении), свойственный *живому*, тогда как со стены смотрит портрет *умершего*. Отметим фигуру градации (усиления): глагол «смотрит» метафоричен по отношению к неживому объекту (портрету), вдобавок портрету уже неживого человека. Семантическая нагрузка этого жеста — живая сила, но с неотменимостью и непоправимостью смерти, — усиливается его местоположением в финальных строках произведения.

Смерть в лирике Некрасова есть: она уносит человека, она разделяет этого человека с лирическим героем. Грань между живыми и мертвыми тоже есть: зыбкая к тени, лирический герой оговаривает сам факт смерти, прибегая подчас к детальному, реалистичному описанию подробностей (напр., облика, времени похорон, погоды в это время в «20 ноября 1861»). Но в то же время эта грань зыбкая. В сфере чувств и мыслей лирического героя, в сфере его идеалов и требований к себе одинаково живы и живые, и мертвые.

Смерть в лирике Некрасова часто выступает как событие в жизни («Орина, мать солдатская», «Гробок», «О погоде» и так далее). Не менее часто мотив смерти обнаруживает себя в прямом или метафорическом упоминании могилы, кладбища; последнее — атрибут элегического жанра, сильной традиции в поэзии Некрасова. Рассмотрим упоминания Некрасовым кладбищ и гробов как мысль о смерти в ее поэтической противоречивости. Приведем несколько примеров:

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости»,
Но даже плакать нету силы.
Пиши — прошу я одного...
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы, —
С могилы сердца моего!
(«Прощанье» (1856) — Н 15. II: 24);

<...> Зато теперь, когда угас
В груди тот пламень благодатный,
О прошлом счастья рассказ
Твержу с отградой непонятной.

Так проникаем мы легко
 И в недоступное жилище,
 Когда хозяин далеко
 Или почует на кладбище.
 («Влюбленному» — Н 15. II: 25);

Вопрос решён: трудись, пока годишься,
 И смерти жди! Она недалека...
 Зачем же ты, о сердце! не миришься
 С своей судьбой?.. О чём твоя тоска?..
 Непрочно всё, что нами здесь любимо,
 Что день — сдаём могиле мертвеца,
 Зачем же ты в душе неистребима,
 Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

(«Три элегии». III — Н 15. III: 130).

В любовной лирике Некрасова могила и кладбище выступают как метафоры. Рассмотрим «Прощанье...»: упование на избавление от мук понятно в физически умирающем. Живые люди плачут, а мертвые нет; лирическому герою «плакать нету силы». Лирический герой жив, но носит «могилу сердца». Он метафорически умер. Однако в этом состоянии он думает о будущем (свойство живого), прося возлюбленную писать ему, и говорит об эмоциях («мне эти письма будут милы»), которые будет испытывать (тоже свойство живого). Эти эмоции сопряжены с мотивом смерти («могила сердца»). Он жив, но мертв; он мертв, но жив. Привнесенный метафорический смысл создаёт антиномичность — наличие противоположных начал, — и за счет неразрешимой борьбы этих начал (взаимоисключающих смыслов «жив»–«мертв») стихотворение, внешне рисуящее уныние без сил и слез, проникнуто внутренним напряжением. Так и в «Выборе» внешней нерешительностью и бездействием облечена жестокая внутренняя борьба.

Кладбище выступает как метафора в стихотворении «Я посетил твое кладбище...». Хотя легко допустить, что импульсом к созданию стихотворения послужила именно увиденная могила былой возлюбленной или весть о ее кончине, но — по полному отсутствию фактов и нестыковке в логическом объяснении ситуации — мало оснований даже считать полноценной гипотезой получение поэтом такой вести спустя годы после расставания. Можно найти другое объяснение: «ты умерла» (факт смерти, известной лирическому герою), «смирились грозы» (прошло время, наполненное определенными эмоциями), «другую женщину я знал» (спустя время). В этом случае можно представлять себе воспоминание о возлюбленной, визит на ее могилу и создание стихотворения. Объяснение житейски правдоподобное, но совершенно избыточное применительно к художественной природе.

Обратимся к стихотворению «20 ноября 1861». Как указано в комментарии, Некрасов говорил, что написал его в день похорон Добролюбова (Н 15. II: 380). Но и сама начальная фраза «Я покинул кладбище унылое» — несмотря на художественную, а не рациональную, фактографическую природу — говорит о том, что поэт был на могиле усопшего друга и почтил его память этими стихами. Такова логика художественной мысли о неизменности облика усопшего по прошествии времени.

Но вчитаемся: «Ты лежишь *как сейчас* похороненный» (курсив мой. — М. С.). Стихотворение написано в день похорон, оно соответствует времени «сейчас», а не «как сейчас»: последнее указывает, что «мысль» поэта видит покойного не «сейчас», а в будущем. Будущее есть у живых, но в этом смысле его нет у мертвых; облик же покойного, максимально близкий облику *живого*, сохраняется по прошествии этого неопределенного, в день создания стихотворения еще не наступившего будущего времени. Парадоксальным образом мертвого ждет это будущее — в мысли поэта. И следовательно, уйдя после похорон и оставив «там» «мысль», впоследствии, независимо от реальных визитов на могилу друга, «я» поэта мыслью совершает путешествие во гроб, в дом небытия. Лирический герой («я») «позабыл мысль» «в гробу», «под землею» (курсив мой. — М. С.), а не на могиле. Будучи жив на земле и мыслью во гробе, он и жив, и метафорически с мертвым, среди мертвых. Мертвый же сохраняет признаки живого: видимую лирическим героем сохранность знакомого облика (отсутствие тления), вызываемое чувство дружбы.

Начальная поэтическая фраза «Я посетил твое кладбище» не обязательно означает буквальное посещение кладбища, где упокоился прах женщины, так же как «умерла» не обязательно означает физическую смерть. «Кладбище» может означать полученную весть о ее смерти, мысль героя о ней, умершей (и он мог знать о ее смерти раньше), его воспоминание о былом, но невозвратно ушедшем чувстве (ср.: «Мне эти письма будут милы // И святы, как цветы с могилы, // Могилы сердца моего. — Н 15. II: 24). А «умерла» (помимо нюансов «умерла недавно» или «умерла давно») может означать «перестала быть любимой» (или любящей) — вследствие расставания или с наступившей неизбежностью расставания.

Мысль об исходе любви выражается через мотивы смерти, а кладбище, гроб и смерть переживаются мысленно. Смерть неопровержимо буквальна как факт объективной реальности — но смерть есть мысль, представление, воспоминание, понятие, притом не всегда связанное с фактом физической смерти (мысль о конце любви, мысль о самоубийстве, мысль о смертельной невосполнимой потере друга). В своем метафорическом значении смерть как событие = непреложный факт (физическая смерть совершилась) и как мысль, относительно свободная от факта (то есть, как возможное отсутствие факта: физическая смерть *не* совершилась), равноценны. Антиномичность проявляется на уровне ключевых понятий художественного мира Некрасова.

Мотив смерти, гроба, могилы указывает на исключительную силу и необратимость переживания утраты («*Fortis est ut mors dilectio*» — «сильна, как смерть, любовь».) Но в то же время лирический герой, знающий, что смертен, и ожидающей своей «недалекой» смерти, восклицает: «Зачем же ты в душе неистребима, // *Мечта любви, не знающей конца?*..» (курсив мой. — М. С.). Герой — смертен, его мечта любви — *бессмертная* («неистребимая», та, которую невозможно истребить, убить, аннулировать), на нее не действует завершающее третью и последнюю в цикле элегий заклинание «Усни... умри!..». А поскольку человеческая душа бессмертна, и мечта любви бессмертна, мысль о смерти косвенно отрицается. И здесь совершается диалектическое сопряжение значений смерти и бессмертия.

Художественный образ смерти в этих мотивных сопряжениях обретает индивидуальный смысл. Смерть метафорична, она — не предел, но оборотная сторона жизни, познание которой остро необходимо живому. В этом смысле лирический герой может быть сближен с героем Данте, который понимает необходимость войти в загробный мир и в первую очередь увидеть ад. Поэт уподобляет смерти страдания лирического героя, однако за пределами этой метафорической смерти все-таки возобновляется жизнь, творится поэтический текст (развертывающийся перед читателем), не желает умирать мечта о бессмертной любви. Смерть присутствует в жизни и мыслится как избавление, но она же мыслится как область познания, и она же, подведя жизненные и нравственные силы к их пределу, в конечном счете побеждается жизнью, вновь испытывающей героя.

Так выглядят отношения жизни и смерти, если рассматривать мотив смерти в интимной лирике Некрасова. Сходным оно выглядит и в других его стихотворениях. Обратимся к одному из последних его произведений, написанных в полном смысле слова «у двери гроба», — «Баюшки-баю»:

<...>

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!
Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!

<...>

Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..”

(«Баюшки-баю» (1877) — Н 15. III: 204).

Жизнь за гробом для лирического героя продолжается, и относить ли возможность такой интерпретации к тому, что он слышит голос матери в предсмертном бреду, либо мировоззрение поэта подсказывает закономерность такого прочтения?

Как представляется, второе не менее весомо, чем первое. А. С. Суворин, посетивший Некрасова перед самой кончиной, писал: «Он весь истаял, но все мысли его вертелись на литературе, ее идеале, ее задачах. “Сколько я передумал за это время, — шептал он, — боже мой, сколько передумал! <...> И о том думаю, что без меня будет...»². В этих словах просматривается предупреждающее реальность личное участие в том, что будет совершаться без него, мысль о будущей жизни.

Объяснение такого поворота мысли для поэта прочитывается в признании лирического героя «Рыцаря на час»:

Что враги? пусть клеветуют язвительней, —
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чём середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдёт —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперёд и вперёд!

(Н 15. II, 138).

Стихи показывают, что лирический герой Некрасова (как и его автор) обладал сильной витальностью, и смерть для него была некой гранью жизни. Эта грань проявляла для него полноту жизни, обостряла его жизненную силу, могла представляться как «казню», так и мерилом или испытанием. Не случайно и героиня «Выбора» не пользуется первой же возможностью свести счеты с жизнью. Она еще выбирает, а это признак живого человека, хотя метафорически — зимой, ночью, в лесу, в снегу, близ реки, на льду, — она уже в царстве смерти.

Поэтическое мышление Некрасова проявляет себя еще более отчетливо в свете культурного контекста и, в частности, конкретного литературного источника: художественного произведения мирового значения — «Божественной комедии» Данте Алигьери, части первой — «Ада».

* * *

История бытования «Божественной комедии» в России началась еще во второй половине XVIII в., когда появились первые переводы фрагментов этого

² Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 348.

произведения. В 1865 г. был отпразднован 600-летний юбилей Данте. Интерес к его личности, его времени, творчеству, и в особенности «Божественной комедии», был обширным и прочным.

Первым в России научным трудом о Данте явилась диссертация одного из первых переводчиков фрагментов из «Божественной комедии» С. П. Шевырева «Дант и его век» (1833–1834). Этой же теме посвящена и работа ученого и литератора из круга людей, близких Некрасову, — П. Н. Кудрявцева, авторе книги «Данте и его время», публиковавшейся статьями в «Отечественных записках». В «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасов пишет о статьях Кудрявцева, их просветительском значении для русской публики, которая должна быть подготовлена к пониманию «духа Данте» (Н 15. XI-2: 150–152). Некрасов отдаёт должное характеристике политической обстановки, в которой Данте создавал «Божественную комедию», связи произведения с общественно-историческим контекстом.

Но именно ввиду актуального для XIX в. обращения к историческому контексту произведения Данте уместно процитировать суждение М. П. Алексева, которое приводит Ю. Д. Левин, рассуждая о вступительной статье в своей монографии о русских переводчиках о «неизбежной трансформации» переводимого литературного произведения, «обусловливаемой характером и потребностями воспринимающей среды, историческим моментом и т. д.»: «всякое произведение литературы, переведенное на другой язык, подвергаясь своего рода изоляции от родной почвы и родственных произведений и приобретая “чужое”, несвойственное ему ранее звучание, теряет кое-какие из своих качеств и прежде всего признак *времени* своего создания. Вместе с тем, однако, эти переводные произведения получают новые функции, которых они ранее не имели»³. Некрасов предвкусывает найти в следующей статье П. Н. Кудрявцева характеристику «духа Данте», который «воспитался и созрел» и под влиянием политической борьбы во Флоренции, и под влиянием литературных традиций современной ему поэзии: «И какое интересное содержание: рыцарская поэзия, в которой отразились благороднейшие и поэтические стороны феодального общества, и именно самой образованнейшей части его — Прованса; романтическая любовь, вдохновлявшая провансальских рыцарей и трубадуров; родственность итальянской цивилизации с Провансом, которая способствовала к усвоению Италией этого рода поэзии; наконец, влияние рыцарской поэзии на итальянское общество, и преимущественно на Флоренцию — родину Данте» (Н 15. XI-2: 151). Поэта и критика волнует возможность сделать для читателя другой эпохи и другой культуры более доступным понимание исторического развития поэтической мысли, не теряющей своей сложности.

«Божественная комедия», изображенные миры ада, чистилища и рая являлись художественным ответом на важнейшие вопросы нравственно-этического

³ Цит. по: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 6. Освоение наследия Данте русской литературой освещено в монографии: Асоян А. А. Данте Алигьери и русская литература. СПб.: Алетей, 2015.

свойства. С одной стороны, концепция Данте, не идеализировавшего католическую церковь, но принадлежавшего к ней, существенно отличалась от того, что трактовала православная церковь, а кроме того, светское произведение не могло иметь равного авторитета с духовными произведениями в вопросах предстояния человека перед Богом. С другой стороны, инокультурие только усиливало самоценность художественного начала «Божественной комедии», а оно создавало иллюзию абсолютной достоверности изображаемого загробного мира⁴.

Представление о том, когда и как Некрасов воспринял художественную и философскую мысль Данте, складывается из немногочисленных фактов и суждений.

Как известно, знакомство русского читателя с «Божественной комедией» отмечено несколькими вехами. Первые переводы отдельных фрагментов этого произведения, сделанные С. П. Шевыревым, П. А. Катениным и А. С. Норовым, появились в конце XVIII в. В России также были издания на иностранных языках, и наиболее культурная часть читателей читала Данте по-итальянски. Один из популярных сюжетов, эпизод о графе Уголино из XXXIII песни «Ада», в русском переводе был помещен в литературной хрестоматии П. С. Железникова. Этот сюжет лег в основу драмы Н. А. Полевого «Уголино» (1838). Можно предполагать, что первое, частичное и поверхностное, знакомство Некрасова с «Божественной комедией» могло состояться благодаря Н. А. Полевому. Логично думать, что Полевой, разносторонне начитанный человек, поощрявший самообразование Некрасова, часто навещавшего и непродолжительное время жившего у него, указал молодому поэту на великое произведение, ставшее источником его драмы.

Было бы натяжкой говорить о прямом подражании раннего Некрасова Данте, хотя к подражанию и заимствованиям он прибегал охотно. Тем не менее, и в ранней его лирике, и в более поздней можно наблюдать отдельные образы и мотивы (изгнания, загробного суда, посмертной встречи любящих душ), которые могли быть навеяны именно Данте⁵.

В 1842 году выходит «Ад» в переводе Ф. Фан-Дима (псевдоним Е. В. Кологривовой)⁶. Это издание было крупным культурным явлением: в нем слева воспроизводился текст оригинала, справа — прозаический перевод, сопровождаемый примечаниями; книга была снабжена иллюстрациями, а также введением и биографией Данте, написанными Д. Н. Струковым. С. П. Шевырев отозвался об этом

⁴ А. В. Дружинин упоминает известное высказывание горожан о Данте, почерпнутое у Дж. Боккаччо: «Видишь, какой он смуглый и угрюмый. За то, что он ходил в ад, его и выгнали из Флоренции» (Современник. 1849. № 2. С. 190).

⁵ Подробнее см.: *Степина М. Ю.* Образы и мотивы «Божественной комедии» Данте в лирике Н. А. Некрасова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2017. С. 81–92.

⁶ Божественная комедия Данте Алигиери. Ад. С очерками Флаксмана и итальянским текстом / пер. с итал. Ф. Фан-Дима; введение и биография Данте Д. Струкова; изд. Е. Фишера. СПб., [1842]. Ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках.

переводе неодобрительно и упомянул другой, который уже начат: он имел в виду Д. Е. Мина, полностью напечатавшего свой поэтический перевод позже, а пятую песнь «Ада» — уже в 1843 г. В. Г. Белинский, напротив, с уважением говорит о труде переводчицы и о правильности того, что перевод выполнен прозой. Резкая и поверхностная критика Белинского направлена против Д. Н. Струкова, который утверждает: «Для поэзии могила есть только конец главы из жизни человека и начало другой, где развивается продолжение той же жизни в мире более обширном» (1)⁷. Белинский увлечен социальной мыслью и настроен против мистицизма и религиозных настроений. Это время первого знакомства с Некрасовым, когда молодой поэт слушает критика особенно внимательно и в своих критических статьях солидарен с ним. Но мысль, против которой возражает Белинский: «для поэзии могила есть только конец главы из жизни человека и начало другой, где развивается продолжение той же жизни», — как показывает анализ стихотворений Некрасова, близка поэту.

В 1843 г. Некрасов еще далек от темы своей близкой смерти: ее художественная актуальность усиливается в 1850-х гг. и позднее, что связано и с житейскими обстоятельствами, и с творческой зрелостью. Но перевод Фан-Дима, первое прозаическое переложение всего «Ада», несомненно был прочитан Некрасовым. Он упомянул его в критической статье в числе «особенно замечательных» произведений (Н 15. XI-1: 163). Напротив, о ее поэтическом переводе отрывка из XXXIII песни «Ада», напечатанном в «Новоселье» (1846), он отозвался нелицеприятно: «Мы думаем, что лучше не переводить Данта, чем переводить его такими стишищами. Кроме нескольких подражаний Данту Пушкина, мы не знаем на русском языке ничего, что бы давало хоть малейшее понятие о Дантовой поэзии...» (Н 15. XI-1: 240).

Некрасов опирается на три стихотворения Пушкина 1830–1832 гг. («В начале жизни школу помню я...», «И далее мы пошли — и страх обнял меня...», «Тогда я демонов увидел черный рой...»), опубликованные после его смерти под редакторским названием «Подражания Данте». Вспомним также высказывание Пушкина, что «Единый план Дантова “Ада” есть уже плод высокого гения»⁸. Пересказ этого плана уже был питателен для ума. С большой долей вероятности Некрасов представлял архитектонику «Божественной комедии» по научным статьям и пересказам близких знакомых, владевших иностранными языками (А. В. Дружинина, И. С. Тургенева, В. П. Боткина, А. И. Герцена); был знаком с

⁷ Белинский писал: «Не понимаем, к чему и для чего приложено к этому первому выпуску перевода <...> какое-то введение с биографиею Данте какого-то г. Струкова, где без толку толкуется о двойственности природы человека, влекущей его то к небу, то к земле, об эпопее, как *рассказанной драме*, и тому подобных чудесах, доказывающих в сочинителе неумение мыслить и незнание того, о чем хочется ему резонерствовать...» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 786).

⁸ *Пушкин А. С.* Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 30. Отрывок из статьи к этому времени был опубликован П. В. Анненковым: Сочинения Пушкина. Спб., 1855. Т. I. С. 257–258.

сюжетом и основной мыслью «Ада» и (предположительно) частично «Чистилица» благодаря русским переводам. В пушкинских стихах он увидел поэтическое освоение мысли Данте о греховном человеческом пути, прилагаемой к собственному индивидуальному опыту.

Первый полный поэтический перевод «Ада», выполненный Д. Е. Мином, Некрасов встретил печатной похвалой в критических статьях «Дамский альбом» (Н 15. XI-1: 107) и «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» (Н 15. XI-1: 224): «замечательное явление 1855 года, перевод Дантова “Ада”. “Современник” изготовляет критический очерк о труде г. Мина, а между тем появление Данта в русском переводе побудило нас поспешить помещением статьи Карлейля о Данте» (Н 15. XI-1: 224). (Обещанная статья в «Современнике» не была напечатана.)

По-видимому, в сороковые годы XIX в. этическая мысль поэмы Данте, ее художественный язык могли представлять для Некрасова признанный эталон великого творения, но не питать его поэтическое творчество. Начиная же с пятидесятих годов и до самых последних произведений в лирике Некрасова усиливаются мотивы смерти (физической и метафорической), покаяния, исповедальности.

Стихотворение «Выбор», написанное в конце 1867 г., более других в его лирике близко по образности к песням «Ада»⁹.

* * *

Упомянутая связь с «Адом» Данте, проявляющая себя на уровне символических мотивов и образов, становится понятней, если рассматривать «Выбор» в ракурсе принадлежности его к группе текстов, носящих характерное название покаянной лирики Некрасова.

Вообще, как уже было показано, стихотворение «Выбор», развивающее мотивы жизни и смерти, смерти и бессмертия, их метафорику и диалектические смысловые переходы, являет характерные особенности поэтики Некрасова. В развитии онтологической темы (жизни, смерти, бессмертия) это стихотворение органично связано и с «поминальной» лирикой Некрасова, посвященной умершим современникам (В. Г. Белинскому, Н. В. Гоголю, Н. А. Добролюбову)¹⁰, и с его интимной лирикой, активно использующей элегические мотивы и образы кладбища, гроба, смерти, а в описании горя и слез — библейскую символику (выражение «быть во глубине вод» означает «страдать»)¹¹.

Связь «Выбора» с покаянной лирикой на первый взгляд непрямая, и неудивительно, что прижизненная критика с недоумением отозвалась о «народном

⁹ Об этом подробнее см.: *Степина М. Ю.* Образы и мотивы «Божественной комедии» Данте в лирике Н. А. Некрасова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2017. С. 81–92.

¹⁰ Подробнее см.: *Степина М. Ю.* Стихотворение «Памяти <Асенков>ой и образ актрисы в контексте «поминальной» лирики Некрасова — Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 73–84.

¹¹ Подробнее см.: *Степина М. Ю.* Образы воды в любовной лирике Н. А. Некрасова // Образы и мотивы воды в культуре: монография. / Отв. ред. О. Б. Кафанова, ред. В. А. Доманский, Л. К. Круглова. СПб., ГУМРФ имени адмирала С. О. Макарова, 2014. С. 198–205.

стихотворении» «Выбор». В частности, В. П. Буренин писал: «Стихи в этой пьесе есть превосходные, настоящие некрасовские, только читатель вправе спросить, прочтя все эти хорошие стихи: что это за происшествие? <...> все эти образы Водяного, Мороза и Лешего и их любезности с “девонькой” — поэтическая ложь и подделыванье под народные представления»¹². Или в обзоре М. А. Загуляева читаем: «Сопоставляя эти отрицательные качества со слабостью третьего стихотворения “Выбор”, имеющего чисто лирический характер, невольно приходит в голову мысль, что песенка г. Некрасова спета и дарование его выдохлось»¹³.

Необходимо отрешиться от излишне прямолинейного толкования о реалистичности поэзии Некрасова и исходить из условности художественной формы как таковой. Вопрос, «что это за происшествие» и что за «любезности» мифологических существ «с “девонькой”», остаётся без ответа в силу того, что Некрасов снял мотивацию героини, убрал любые намеки на подоплеку ее решения, так же как на исход. Но отвлечемся от внешней формы образов, включая гендерную принадлежность героини, и проанализируем то состояние, тот спектр мыслей и чувств, которые несет поэтический текст, поскольку сюжет поэтического текста — развитие не событий, а значений.

Жизнь для героини — это смертная мука. Это расхожее выражение не употреблено поэтом, но напрашивается читателю на язык (так же как и жизнь — казнь), в русле некрасовской поэтической мысли обретает первоначальную трагическую остроту, и тут происходит еще одно обновление метафоры. Смерть же — бессмертие, неизбывность страдания.

Внешне не актуализируя христианскую символику, Некрасов обозначает бесконечность *адских* мук, самого страшного бессмертия, которое ждет великих грешников. И на первый взгляд, в свете православной традиции и христианской культуры вообще, легко объяснить ожидание адских мук для героини ее решением покончить с собой. Самоубийство — самый тяжкий грех.

Действие в стихотворении происходит в лесу. Лес у Данте символизирует смутное состояние его отечества, страдавшего от политических противоречий, а также греховную человеческую жизнь, полную заблуждений:

Свой путь земной пройдя до середины,
Я очутился в сумрачном лесу¹⁴.

Первое значение, социальное, в принципе близкое творчеству Некрасова, в «Выборе» не раскрывается, хотя контекстный анализ «Выбора» его обнаруживает.

¹² Z [В. П. Буренин]. Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 16 февраля. № 45.

¹³ Загуляев М. А. Столичная жизнь // Всемирный труд. 1868. 19 марта. С. 137.

¹⁴ Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1967. (Сер. «Литературные памятники»). Т. 1. С. 149–150. Далее ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках.

Второе значение актуализировано как на фабульном уровне (внутренний конфликт приводит героиню в лес, к реке, чтобы совершить самоубийство), так и на уровне символическом: «Выбор» интерпретируется как произведение, отражающее душевное состояние самого поэта, и, повторим, гендерная принадлежность героини здесь условна.

В свете такой интерпретации ледяная река, в проруби которой хочет утопиться девица, синонимична ледяному озеру в глубине девятого круга Ада, где подвергнуты вечному наказанию предатели: Иуда, Брут и Кассий. Иуда вдобавок кончает жизнь самоубийством (самоповешение). Но укажем на еще одного персонажа девятой песни — генуэзца, которого встречает Данте:

Пер. М. Л. Лозинского:

Знай, что, едва предательство свершила,
 Как я, душа, вселяется тотчас
 Ей в тело бес, и в нем он остается,
 Доколе срок для плоти не угас.
 Душа катится вниз, на дно колодца.
 Еще, быть может, к мертвым не причли
 И ту, что там за мной от стужи жметя. <...>
 Душой в Коците погружен давно,
 А телом здесь обманывает взоры.

Пер. Ф. Фан-Дима (1842):

«<...> знай, что лишь только душа согрешит предательством,

«В чем виновен и я, тело ея делается немедленно добычею демона, который управляет им до последнего дня жизни,

А душа падает в этот ужасный ледник и, может быть, — там, наверху, еще кажется в живых тело души, которая дрожит позади меня <...>»

— Кажется, сказал я, что ты обманываешь меня, потому что Бранка д'Ориа не умирал: он ест, пьет, спит и носит одежду. <...>

Рядом с одним из развратнейших Романцев я нашел одного из вас, душа которого за грехи свои уже купается в Коците,

Между тем как тело еще кажется живым наверху» (405, 407).

Пер. Д. Е. Мина (1855)¹⁵:

С подлейшею романскою душой
 Я зрел из вас такого, что за дело,
 Как дух, в Коците стынет под волной,
 Хоть, кажется, и здравствует как тело (282).

¹⁵ Ад. Данта Алигиери. С прил. коммент., материалов пояснительных, портр. и др. рис. / Пер. размером подлинника Д. Мина. М., 1855. ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках.

В покаянной лирике Некрасова впоследствии будут звучать менее жестокие самообвинения, но мотив покаяния останется до самой смерти поэта. В «Выборе» душевное состояние человека, который вынужден жить под тяжестью обвинений себя в ошибочном и вдобавок принесшем неудачу поступке, обвинений другими в предательстве, передано наиболее остро — через реминисценции дантовского «Ада», песни XXXIII.

В стихотворении не обозначен никакой грех героини, кроме замышляемого ею греха самоубийства. Примечательно, что на фабульном уровне она его и не совершает. Но монологи мифологических персонажей (нежити, низшей демонологии, которая хочет помочь ей умереть) обещают ей загробные муки, в которых она будет желать окончательной смерти. Это реминисценция из песни третьей (пер. М. Л. Лозинского):

<...> То горестный удел
 Тех жалких душ, что прожили, не зная
 Ни славы, ни позора смертных дел.
 И с ними ангелов дурная стая,
 Что, не восстав, была и не верна
 Всевышнему, средину соблюдая.
 Их свергло небо, не терпя пятна;
 И пропасть Ада их не принимает,
 Иначе возгордилась бы вина. <...>
 И смертный час для них недостижим,
 И эта жизнь настолько нестерпима,
 Что всё другое было б легче им.
 Их память на земле невоскресима;
 От них и суд, и милость отошли.
 Они не стоят слов: взгляни — и мимо! (19)

Перевод Ф. Фан-Дима приводит терцины без изъятий и достаточно близко по смыслу к современному переводу.

В переводе Д. Е. Мина эти терцины, кроме последней, изъятые цензурой. Р. М. Горохова в статье «“Ад” Данте в переводе Д. Е. Мина и царская цензура» пишет: «Рассылая книгу своим друзьям и литераторам, Мин иногда вкладывал в нее написанные от руки изъятые цензурой стихи и терцины»¹⁶. Вполне вероятно, что Некрасову они были известны.

Эти несчастные души наказаны тем, что о них не останется памяти. Они находятся за адскими вратами, но перед первой из адских рек — Ахероном, за которым лежит первый круг, Лимб. Это своего рода промежуточное место, и закономерно, что читатель некрасовского стихотворения так и не узнает, отчего девица хочет

¹⁶ Горохова Р. М. «Ад» Данте в переводе Д. Е. Мина и царская цензура // Русско-европейские литературные связи: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 51.

покончить с собой. Она ни со злом, ни против зла. И именно тему осуждения безразличных отмечает В. Т. Данченко как наиболее востребованную в русской литературе «от Катенина до Герцена»¹⁷.

В «Выборе» замысел самоубийства может осуществиться и если девица просто не решится ни на что: она неизбежно замерзнет. Поэтому она *уже* самоубийца. Из писем самого Некрасова известно, что ему самоубийство не раз приходило на ум (см., напр.: Н 15. XIV-2: 7, письмо от 30 июня 1857 г.). Действие в «Выборе» происходит в лесу. В дантовском «Аду» в круге седьмом, втором поясе (песнь тринадцатая) несут наказание насильники над собой — самоубийцы (пер. М. Л. Лозинского):

Еще кентавр не пересек потока,
Как мы вступили в одичалый лес <...> (59);
Когда душа, ожесточась, порвет
Самоуправно оболочку тела,
Минос ее в седьмую бездну шлет.
Ей не дается точного предела;
Упав в лесу, как малое зерно,
Она растет, где ей судьба велела.
Зерно в побег и в ствол превращено; <...>
Пойдем и мы за нашими телами,
Но их мы не наденем в судный день:
Не наше то, что сбросили мы сами (61).

Перевод Ф. Фан-Дима:

Мы приволочем трупы наши сюда и здесь в этом ужасном лесу повесим каждая свой труп на то дерево, в котором казнится душа (151).

Перевод Д. Е. Мина:

Когда-то люди, ныне мы растенья <...>
Подобно всем, пойдем мы за телами,
Но в них не внидем: правый суд небес
Нам не отдаст, что отняли мы сами.
Мы повлечем их за собою в лес:
У каждого из нас в бору угрюмом
Повиснет тело на ветвях деревьев (105, 109).

В «Выборе» нет сюжетной закономерности, согласно которой бы девица совершила самоубийство и превратилась в дерево. Нет и мотива повешения (кроме неявной и далековатой, сугубо опосредованной реминисценцией «Ада» и знанием исторического контекста ассоциации с Иудой). Но есть образная соотнесенность, тесное взаимодействие образов: самоубийца и устрашающий лес.

¹⁷ Данченко В. Г. Данте Алигьери: Библиограф. указ. рус. переводов и крит. лит. на рус. яз. 1762–1972. М., 1973. С. 5.

Отметим, что сама идея загробной кары для самоубийц не находит воплощения в других стихотворениях Некрасова. В качестве примера вспомним «Похороны» и «Ты не забыта»: в них самоубийц хоронят как страдальцев, а не как насильников, надругавшихся над естеством. Мотивы и образы у Некрасова не выглядят прямым заимствованием, они разработаны вполне оригинально. Но в «Выборе» масштабность темы покаяния, смерти как рубежа и судного часа, высшего суда у Некрасова соотносится с этим крупнейшим литературным и философским произведением.

И наконец, вернемся к вопросу о месте «Выбора» в контексте покаянной лирики Некрасова — произведениях 1866–1867 гг., связанных с событиями вокруг так называемой «Муравьевской оды». Это: «Ликует враг, молчит в недоуменье...» (Н 15. II: 429–430), «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть») (О. П. Павловой) (Н 15. II: 40–41), «Зачем меня на части рвете...» (Н 15. II: 44–45) — с авторской пометой «24 июля 1867. Карабиха. Пиши для себя», и на полях: «Это написано в минуту воспоминаний о мадригале. Хорошую ночь я провел!» — а также «Чего же вы хотели б от меня...» — черновой набросок ответа О. П. Мартыновой (Павловой), написанный предположительно сразу по получении письма от Павловой, 3 марта 1866 г. «Ликует враг, молчит в недоуменье...» опубликовано в сборнике стихотворений 1869 г. «Чего же вы хотели б от меня...» и «Зачем меня на части рвете...» — только после смерти поэта.

Основная причина того, что Некрасов их не напечатал, заключается в их художественной форме. Мысли и смятенное душевное состояние в них высказано с дневниковой прямолинейностью. В «Выборе» самоубийственные мысли облечены в художественные образы, не соотносимые прямо с личностью поэта и даже со знакомым публике лирическим героем Некрасова, его «я», унаследовавшим некие узнаваемые черты поэта, реальные или вымышленные, и таким образом преодолены.

С. В. Смирнов

О «ТРУДНООБЪЯСНИМЫХ» МЕСТАХ ПОЭМЫ НЕКРАСОВА «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»

Так называемыми «труднообъяснимыми» (или — «загадочными») местами поэмы «Мороз, Красный нос» в свое время занимались В. А. Сапогов и Ю. В. Лебедев¹, позднее посвятил им две публикации и автор этих строк². Сейчас хотелось бы остановиться на некоторых таких местах, которые еще не затрагивались (но и без отдельных повторений, связности ради, видимо, обойтись не удастся).

Нельзя не отметить странной, на первый взгляд, изолированности Дарьи. В характеристике «величавой славянки» читаем, например:

У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить...
(Н 15. IV: 81)

Во-первых, без ухвата и горшка нельзя пользоваться русской печью для приготовления пищи, а во-вторых, если уж у соседки вдруг сломались все ухваты и разбились все горшки, то выручить ее — дело простое и весьма обычное. Почему же — «не решится»?

Или далее:

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
(Н 15. IV: 81)

Но ведь народное отношение к нищим диаметрально противоположно приведенному. Нищих жалели, обидеть нищего считалось большим грехом. В. И. Белов

¹ *Лебедев Ю. В.* 1) Человек и природа в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Н. А. Некрасов и русская литература. Вып. 38. Кострома, 1974. С. 33–35; 2) О некоторых «загадках» в сюжете поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Н. А. Некрасов и русская литература второй пол. XIX — начала XX веков. Межвузовский сб. научн. трудов. Вып. 64. Ярославль, 1982. С. 148–156; *Сапогов В. А.* Анализ художественного произведения. Поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Пособие по спецуре. Псков, 1999. (Первое издание — Ярославль, 1980).

² *Смирнов С. В.* 1) Об образе родного дома в «Посвящении» поэмы «Мороз, Красный нос» Н. А. Некрасова // Традиции в контексте русской культуры. Сб. статей. Череповец, 1997. С. 55–64; 2) Автобиографии Некрасова. Новгород, 1998. С. 125–130.

в своей книге «Лад. Очерки о народной эстетике» писал о них так: «Нищие. Была на Руси и такая профессия! Необъятность бытового разнообразия, терпимость народной молвы допускали ее существование. Люди были снисходительными к таким редким нравственным отклонениям, как профессиональное нищенство, к тому же в чистом виде оно встречалось весьма редко.

Не подать милостыню считалось у русских величайшим в мире грехом. <...> Не приютить странника или нищего, не накормить проезжего издревле считалось грехом. Даже самые скупые хозяева под давлением общественной морали были вынуждены соблюдать обычай гостеприимства. <...> Почти в каждой деревне имелся свой дурачок либо блаженный — эти тоже кормились и одевались миром»³.

И Некрасов знал этот народный взгляд, он нашел отражение в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, — им подают.

(Н 15. V: 202)

Конечно, следует учитывать, что образ «величавой славянки» создается поэтом в гиперболизирующем тоне («Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет» и т. д.), однако, одновременно с признаками, подчеркивающими ее редкую красоту, силу, отважность, трудолюбие, появляются и признаки, отделяющие ее от вековых народных представлений.

Когда старик и старуха возвращаются домой (старик копал могилу, старуха покупала гроб), перед ними внезапно появляется Пахом, и появляется он, чтобы произнести следующее:

Вздыхнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно,
И ваша пришла черед!»

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал!..»

(Н 15. IV: 84)

³ Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1982. С. 46–47.

Произнеся это, он так же внезапно, как и появился, исчезает. Пахом говорит о делах читателю уже известных, некоторые из них описаны подробно и детально. В чем же смысл этого эпизода?

«Дурак деревенский» Пахом зимой босиком, в женской рубахе, в веригах имеет все признаки юродивого. Юродивый, как известно, говорит порою иносказаниями, порою жестами, его речи содержат смыслы и истины, о которых надо догадываться, он может и обвинять, и пророчествовать.

Здесь Пахом просто перечисляет действия, которые члены семейства Прокла *не должны* были совершать, которые идут вразрез с вековыми народными традициями: мать не должна покупать сыну гроб, отец не должен копать ему могилу, жена не должна шивать мужу саван. Это все нарушения обычаев, т. е. грехи.

Но Пахом указывает и на причину этих грехов — на Прокла. В чем же он грешен?

Вскоре после слов Пахома следует портрет Прокла, который почти иконописен:

Большие с мозолями руки,
Поднявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

(Н 15. IV: 85)

Его жизненный путь в поэме полон разнообразных трудов и забот, это путь труженика, для которого его семья — отрада. Но в поэме упоминается и такая черта трудов Прокла, как их чрезмерность:

Случилось в глубоком сугробе
Полсутки ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голоса, в теле пожар!

(Н 15. IV: 88)

В. И. Белов писал о крестьянской мере в трудах следующее: «В народе всегда с усмешкой, а иногда с сочувствием, переходящим в жалость, относились к лентяям. Но тех, кто не жалел в труде себя и своих близких, тоже высмеивали, считая их несчастными. Не дай Бог надорваться в лесу или на пашне! Сам будешь маяться и семьюпустишь по миру. (Интересно, что надорванный человек всю жизнь потом маялся еще и совестью, дескать, недоглядел, оплошал).

Если ребенок надорвется, он плохо будет расти. Женщина надорвется — не будет рожать. Поэтому надсада боялись словно пожара»⁴.

Несчастье, грех Прокла в том, что он надорвался, предпринял работу сверх своих сил. И хоть и сделал он это ради семьи, но этим обрек семью на несчастья. Пахом и появляется, чтобы сказать об этом.

Надо заметить еще, что Прокл надорвался, занимаясь извозом. Но на этой работе надорваться было мудрено. С. В. Максимов в очерке «Извозчики» (1854), опубликованном в «Библиотеке для чтения», изображает труд извозчиков-одиночников как довольно необременительное занятие, позволяющее повысить крестьянский доход: «...По совету соседа мужик подновит свои сани и отправится в соседний город за товаром; здесь земляк найдет ему доверителей свезти пеньку, шерсть, муку в губернский город и обои сани нагрузит этим добром до самого верха. В огромном обозе, длиною с версту, потянулась и пара лошадок новобранца-извозчика вслед за другими. Сложивши в городе кладь и получивши расчет, ему остается или опять искать okazji, или просто ехать порожняком. Приятель-земляк и тут его не оставит и выручит из беды: найдет ему целую кучу седоков на обои сани... <...> Подобного рода оборот чрезвычайно полюбился мужику по очень простой и естественной причине: у него нашелся и лишний грош в хозяйстве, и случай коротать полезно и выгодно зимние ночи»⁵ (курсив мой — С. С.).

Максимов подчеркивает, что извоз — труд *коллективный*: «Здесь не лишним будет заметить, что одиночник никогда не ездит один, а всегда в компании с другими, держась поверья, что задним лошадям легче плестись за другими»⁶.

Никак не укладывается в занятия извозчиков, описываемые Максимовым, стояние Прокла «полсуток» «в глубоком сугробе».

Вообще, надо сказать, что у Некрасова любой крестьянский труд — тяжелый и изматывающий, даже сенокос.

В поэме как бы напрочь отсутствует крестьянская община — никто из односельчан не участвует в организации похорон. Причем следует сказать, что Некрасов знал крестьянские обычаи, Ю. В. Лебедев отмечает его знакомство с очерками В. В. Селиванова «Год русского земледельца»⁷, опубликованными в «Русской беседе» в 1856–1857 годах. В этой серии очерков есть обряд похорон, основные этапы его таковы.

Сначала «умирающего обмывают, надевают на него чистую рубаху и кладут под святые. Так называется место в переднем углу на лавке. Положат головой к образам и, покрыв холстиной, затеплят перед образом восковую свечку.

Лишь только кто-нибудь в деревне умрет и весть о том разнесется по всем дворам, все, и родные и чужие, спешат в тот дом, где лежит покойник, и каждый

⁴ Белов В. И. Указ. соч. С. 27.

⁵ Максимов С. В. Куль хлеба: Рассказы и очерки. Л., 1987. С. 40–41.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / Сост., авт. вступ. статья и коммент. Ю. В. Лебедев. М., 1987. С. 499–500.

из усердия несет в дар ему восковую свечу: этими-то приносными свечами и поддерживается постоянно огонь пред иконою в головах усопшего»⁸.

Затем начинаются причитания: «Вдова, мать или другие самые близкие к покойнику родные женщины начинают голосить, то есть вместе с воплем и слезами приговаривать нараспев о своей потере, о своей горькой участи, о душевных и телесных качествах умершего; причем припоминают разные события из его жизни, его хлебосольство, досужество, припоминают последние его дни и часы и последние разговоры. Погослосить над умершим — значит воздать ему должную честь... <...> Между тем приходский дьячок или пономарь читает над покойником»⁹.

В поэме описание этого обряда сначала напоминает тот, который изложен в «Годе русского земледельца»: обряжают покойника, звучат причитания и плачи, соседи приходят проститься и приносят свечи, дьячок читает псалтырь над усопшим. Но потом происходит своеобразный отказ от следования обычаем: нет ни молитв по выносе гроба из дома, нет уборки дома после выноса, нет ни носильщиков, ни могильщиков, ни поминок. Причем Селиванов описывает несколько видов поминок: сначала для тех, кто провожал гроб только до околицы, потом поминальный обед «для родных, носильщиков и могильщиков», а затем поминки, которые следуют после дня похорон¹⁰.

Еще В. А. Сапогов отметил такую деталь: «Трудно представить, чтоб у “справного” крестьянина, каким был Прокл, не осталось вдруг зимой ни полена дров»¹¹.

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!

(Н 15. IV: 91)

— какая-то предельная угроза дому.

Нам представляется важным, что этот мотив получил продолжение в дальнейшем творчестве Некрасова. В стихотворении «С работы» перед нами бедствующая крестьянская семья: муж-кормилец возвращается в какой-то совершенно пустой дом: нет ни дров, ни «горяченьких щец», ни хлеба, а есть только овес для савраски. Причем хозяин жив-здоров, занимается извозом:

«Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...»

(Н 15. III: 59)

⁸ Письма из деревни. С. 141.

⁹ Там же. С. 141.

¹⁰ Там же. С. 143.

¹¹ Сапогов В. А. Анализ художественного произведения. С. 26.

По поводу «Выбора» Б. В. Мельгунов отмечает в комментарии к этому произведению, что «образ Мороза-воеводы переходит в стихотворение из поэмы “Мороз, Красный нос”» (Н 15. III: 413).

В «Кому на Руси жить хорошо» продолжается мотив ночной дороги жены для спасения мужа: Дарья предпринимает ночной путь в монастырь за иконой, чтобы спасти от смерти Прокла, а Матрена Тимофеевна тоже ночью спешит к губернатору, чтобы избавить мужа от рекрутчины. (Здесь мы берем наиболее заметные продолжения, их, конечно, больше перечисленных).

В этих продолжениях «несоответствия» реальности (укладу, обычаям, привычным представлениям и т. п.) могут и усиливаться, и ослабевать.

В поэме же «Мороз, Красный нос» эти несоответствия постоянны, они неуклонно растут, во второй части воплощаются и в сказочные (фантастические) образы.

Поэма «Мороз, Красный нос» — о смерти русского крестьянина, о гибели русской семьи и — шире — о гибели русской деревни, русской жизни, т. е., это один из плачей Некрасова о «погибели земли русской», составляющий наиважнейшую характеристику всего творчества поэта.

Ситуация гибели, катастрофы — время распада привычных представлений, устоявшегося уклада, отношений между людьми, это время, когда происходит и соединение несоединимого, что ведет к еще большему разладу. В этой ситуации все многочисленные «несоответствия» реальности — вернее: обычному, традиционному укладу — и являются средствами выразить атмосферу неотвратимой катастрофы, когда даже яркие остротки воспоминаний о предкатастрофическом состоянии деформируются алогичными признаками, которые органично соединяются с картинами распадающейся и исчезающей жизни, утрачивающей свой смысл, отягощающейся подменами и химерами.

Е. В. Шаикова

О ХАРАКТЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВГОРОДСКИХ РЕАЛИЙ В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА

Проблемой использования Некрасовым реалий литературоведы занимаются постоянно. Результаты исследований в этом направлении отражены в комментариях к его Академическому полному собранию сочинений и писем. Обратившись к указателю географических названий, нетрудно обнаружить, что наиболее часто писатель использовал реалии, относящиеся к Санкт-Петербургу, Москве, Ярославско-Костромскому краю. Но вот обращений к новгородским реалиям совсем мало, тогда как Некрасов не только нередко бывал в новгородских местах, а в 1868 г. даже купил дачу в Чудовской Луке.

В первой трети XIX века в русской литературе складывается образ довольно необычный, завоевавший немало поклонников, — образ Великого Новгорода. В поэзии В. А. Жуковского («Двенадцать спящих дев»), А. С. Пушкина («Вадим. Отрывок из неоконченной поэмы»), М. Ю. Лермонтова («Последний сын вольности») возникает Новгород, жители которого хранят высокие и благородные идеалы; новгородцы вольнолюбивы и всегда готовы защитить того, на чью свободу кто-либо посягает.

Говоря об обращении писателя к реалиям, важно отметить то, что он счел нужным использовать в своем произведении. Но не менее важно то, о чем он промолчал, чего «не заметил». Например, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» описание памятника Сусанину выглядит так:

Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий-дедушка,
Мужик на площади.
«Чей памятник?» — Сусанина...

(Н 15. V: 179)

Здесь поэт «не заметил» скульптурного изображения монарха, «не заметил» коленопреклоненной позы Сусанина, на это обратил внимание еще А. Ф. Тарасов: «На памятнике в Костроме Иван Сусанин был поставлен на колени перед царем. Чрезвычайно показательно, что, описывая памятник, Некрасов *выпрямил*

Сусанина — “*стоит* из меди кованный ... мужик на площади”, а бюст Михаила Романова не поминается в поэме совсем¹. Такого рода игнорирование, безусловно, является и обозначением позиции.

В 1840–1850-х годах Некрасов «не заметил» Великого Новгорода, хотя образ этого города уже занимал значительное место в нашей словесности, а первый же некрасовский поэтический сборник «Мечты и звуки» говорит о тщательном изучении поэтических опытов предшественников.

Нам представляется это не случайностью, а довольно цельным и органичным движением: в 1840-е гг. поэт переживает кризис, он отказывается от традиционных для русской литературы 1800–1830-х гг. интерпретаций образа родины, родного дома, семьи и т. п.² На наш взгляд, в эту череду попадает и Великий Новгород. Это еще один аспект противостояния своим предшественникам, отказа от уже сложившихся традиций.

Впервые в поэзии Некрасова новгородские реалии появляются в 1863 г. в стихотворении «Пожарище». Это произведение посвящено одной из центральных тем некрасовского творчества — теме распада.

В начале возникает безотрадный, однообразный и унылый пейзаж, изображение которого венчают своеобразные риторические восклицания:

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело,
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бедность крестьянская!

(Н 15. II: 160)

Возникает вопрос: почему же — новгородская? А не вологодская, например. Размер бы не нарушился.

Думается, появление именно такого определения «глуши» имело несколько причин. Во-первых, оно связано со временем написания стихотворения (1863). А предшествующий 1862 год ознаменовался значительным событием, которому власти предавали большое значение, — торжествами в честь тысячелетия России и открытия в Новгороде памятника Тысячелетию России.

¹ Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. Ярославль. 1982. С. 150.

² Подробнее об этом см.: Шашкова Е. В. Тема усадьбы в поэзии Н. А. Некрасова середины 1840-х годов // Русская усадьба XVIII – начала XXI вв. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации: Материалы научной конференции 2–3 июля 2009 года. Ярославль, 2009. С. 56–62.

Отклики на это событие были разные. Реакция некрасовского «Современника» была отрицательной, ее особенности наиболее рельефно отразились в статье Г. З. Елисеева «862–1862, или Тысячелетие России», которая была помещена в восьмом номере «Свистка», входившего в состав № 1 «Современника» за 1862 г. Автор как бы подводит итоги большого и сложного пути, результаты которого, по его мнению, довольно скудные. Начинает он с науки: «Корень, из которого все науки получают свои соки, есть без сомнения философия. Философия явилась в Россию очень рано, и явилась не сама, — что также очень замечательно, — а по нашему усерднейшему приглашению»³. И как явилась эта наука, так никуда она в России и не продвинулась. Та же участь постигла и историю, и археологию, и право. И литература оказалась лишь собранием шаблонов и штампов. Короче говоря, публицист создает образ какого-то бессмысленного застоя, какого-то странного уклада, неспособного на самостоятельные решения, никому не нужного, почти нежизнеспособного.

Конечно, дистанция между Некрасовым-редактором и Некрасовым-поэтом существовала. Однако, на наш взгляд, в стихотворении «Пожарище» выражение «глушь новгородская» не случайное (глушь — как застой, неподвижность, окостенелость), оно определялось и общественной позицией самого Некрасова: как тысячу лет эта глушь существовала — такой является и сегодня.

Перемены в этой глуши могут быть лишь такого рода:

Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
Освобожденную Русь православную
Столб уцелел — и на нем сохраняются
Строки: «Деревня помещика Вечева»!

(Н 15. II: 160)

Столб, сохранившийся со времен крепостного права, теперь предстает в виде *памятника* сгоревшему селению, причем сгорело оно все: и крестьянские дома, и дом помещика. Сама фамилия владельца является новгородской реалией, относится она к так называемому разряду «говорящих», происходит от слова *вече* и несет такой смысл: былая свобода и вечевые традиции выродились в помещичество, которое, в свою очередь, угасает и движется к исчезновению.

Перед нами не бытовая зарисовка, есть все основания для аллегорического прочтения этого стихотворения, оно своеобразное продолжение «Забывтой деревни». «Освобожденная Русь» предстает растерянной, подавленной, словно истратившей все свои силы.

³ Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. М., 1982. С. 243.

С. В. Смирнов в статье «Н. А. Некрасов и А. К. Толстой» подробно остановился на соприкосновениях и разногласиях этих писателей⁴, но совершенно обошел вниманием новгородскую тему в творчестве обоих поэтов. Его наблюдения можно дополнить. Если Некрасов «не заметил» образа Великого Новгорода, созданного его предшественниками, то Толстой, наоборот, всячески подчеркивал свое наследование традиций Жуковского, Пушкина, Лермонтова, а Великий Новгород в его творчестве является ярким ориентиром оптимального жизнеустройства. Наиболее полно такое видение сказалось в балладе «Змей Тугарин» (1867), где князь Владимир провозглашает здравницу — поднимая чашу:

За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!

25

За вольный, за честный славянский народ!
За колокол пью Новаграда!

И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет...⁵

Высокая пафетика слов князя Владимира составляет пафос этой баллады, которая, помимо самых разных смыслов и значений, несет и ответ нигилистическому лагерю, столь громко о себе заявившему в начале 1860-х годов. Конечно, причислять Некрасова к нигилистическому направлению нет оснований. Надо помнить, что в том же «Свистке» Н. А. Добролюбов помещал пародии и на Некрасова. Например, программное некрасовское произведение «Последние элегии» он пародировал в стихотворном тексте «Рыцарь без страха и упрека (Современная элегия)»⁶.

У каждого русского писателя своя Русь, как и своя чужбина, и своя смута. Но если для Некрасова прошлое — это угнетение крестьян, это кнут и цепи для них, это произвол помещиков, то для Толстого — это незамутненное народное начало, которое выглядит укором дню сегодняшнему, наполненному искусственными понятиями и ложными отношениями.

Наивысшая степень противостояния Некрасова и Толстого возникает при обращении к новгородским реалиям.

С. В. Смирнов считает, что Некрасов создал целую череду плачей о гибели земли русской. По поводу поэмы «Кому на Руси жить хорошо» он пишет: «Эпохально и мощно звучит тема разорения у Некрасова — и здесь он плоть от плоти дитя великой русской литературы, где имел он и славных предшественников — авторов “Слова о гибели земли Русской”, “Слова о разорении Рязани Батыем”,

⁴ Смирнов С. В. Н. А. Некрасов и А. К. Толстой // Некрасов в контексте русской культуры: Материалы научной конференции. Ярославль, 2008. С. 39–47.

⁵ Толстой А. К. Собр. соч.: в 4 т. М. 1963. Т. 1. С. 261.

⁶ Свисток. С. 139.

и славных продолжателей — И. Бунина, И. Шмелева, Н. Клюева, С. Есенина...»⁷. Примерно так же ученый говорит и о поэме «Мороз, Красный нос», где, по его мнению, тема гибели русской жизни определяет особенности построения произведения⁸. Соглашаясь с этими основными выводами, полагаем необходимым указать на начало этой темы в творчестве поэта (или, во всяком случае, на один из ее пиков) — в стихотворении «Пожарище».

В стихотворении «Железная дорога» (1864) использована такая новгородская реалия, как название реки Волхов. Перечисляются строители дороги следующим образом:

С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

(Н 15. II: 170)

В первоначальном варианте первая строка цитированного отрывка звучала иначе:

С Немана, с матушки Волги, с Оки...

(Н 15. II: 304)

Такая замена, конечно, не случайна. С одной стороны, это перечисление — символическое обозначение географии (вся страна строила!), но с другой — примечательна. Название Волхов в поэзии Некрасова употребляется единственный раз — именно в этом произведении, и самое главное — в контексте темы *мужика*. Следовательно, оно несет и полемический смысл, поскольку контекст употребления этого названия в произведениях Жуковского, Пушкина, Лермонтова совершенно иной — мистический или батальный.

Следующее обращение Некрасова к новгородским реалиям в «Сценах из лирической комедии “Медвежья охота”» (1866–1867). Над этим произведением поэт работал очень неровно, оно осталось незавершенным. М. М. Гин в комментарии к нему в Академическом Полном собрании сочинений писателя пишет: «В ранней редакции две части (или два действия) — первое, в котором сталкиваются друг с другом высокопоставленные и богатые господа, приехавшие на охоту, и крестьяне, участвующие в этой охоте, и второе, где с теми же господами знакомится новое лицо — молоденькая девушка Люба Тарусина, мечтающая стать актрисой: услышав об их приезде, она приходит к ним, чтобы попросить устроиться на сцену, в театр. <...> Очевидно, в судьбе матери Любы роковую роль сыграла ее связь в молодости с князем Сухотиным. Может быть, и сама Люба — плод этой связи. Знакомство Любы с важными господами должно было привести, по-видимому, к столкновению старшей и младшей Тарусиных с князем Сухотиным.

⁷ Смирнов С. В. Реальность впечатления и впечатление реальности у Некрасова // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 1993. Выпуск II. С. 40.

⁸ Смирнов С. В. Автобиографии Некрасова. Новгород, 1998. С. 125–130.

О дальнейшем развитии этой линии судить трудно. Ясно лишь, что намечается новый сюжет, давно волновавший Некрасова, — трагическая судьба русской актрисы» (Н 15. III: 390–391).

Сюжет для Некрасова хотя и важный, но в «Медвежьей охоте» до конца не разработанный. Эта вторая часть не публиковалась при жизни поэта (кроме двух фрагментов, имеющих и самостоятельное значение) и в Академическом Полном собрании сочинений помещена в разделе «Другие редакции и варианты».

Начинается эта часть ремаркой: «Квартира в городе Б-чах, очищенная жильцами на случай приезда охотников...» (Н 15. III: 255). Комментарий не расшифровывает названия города, но сделать это несложно. Учитывая, что медвежьей охотой Некрасов в основном занимался в окрестностях Боровичей, да и само это название неоднократно употреблял в прозе (роман «Три страны света»), имеем основание предположить, что «Б-чи» и есть сокращенное написание Боровичей.

Именно в этой второй части помещено стихотворение «Песня Любы», которое Некрасов опубликовал в собрании сочинений 1869 г. под заглавием «Песня Любы (Из «Медвежьей охоты»)». Перед смертью Некрасов был занят подготовкой издания нового собрания своих стихотворений, рядом с этим произведением он написал следующее: «Нужно большое примечание — если успею. Мать девочки была трагическая актриса» (Н 15. III: 339). Поэт сам указал на существование прототипа. К сожалению, это ненаписанное «большое примечание» не воссоздано даже частично: в некрасововедении нет никаких сведений ни о бывшей трагической актрисе, имевшей отношение к Боровичам, ни о ее дочери.

Последнее обращение в поэзии Некрасова к новгородским реалиям встречаем в черновых набросках к поэме «Кому на Руси жить хорошо». В части «Крестьянка» Матрена Тимофеевна так указывает свою родную деревню:

...я нездешняя,
Деревня наша Сябринцы
Отсюда тридцать верст
(Н 15. V: 484).

В окончательный текст поэмы это название, впрочем, не вошло, как и многие другие реальные названия, относящиеся к ярославско-кострому краю.

Таким образом, обращения Некрасова к новгородским реалиям, хотя и многочисленные, имеют определенное значение, выражая демократическую позицию писателя.

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Б. Алдонина

Н. А. НЕКРАСОВ, А. В. ДРУЖИНИН И ИХ ОКРУЖЕНИЕ (А. П. АВЕНАРИУС, М. С. ПЕРСИН, П. П. МАЛИНОВСКИЙ)

Работая вместе в «Современнике» на протяжении долгих лет, Н. А. Некрасов и А. В. Дружинин имели немало общих знакомых. Об одних из них мы знаем много, о других почти ничего неизвестно. Между тем среди окружавших Некрасова и Дружинина личностей были люди, сумевшие прямо или косвенно внести некоторый вклад в развитие русской культуры и литературы. К их числу относятся Александр Петрович Авенариус, Михаил Сергеевич Персин и Павел Петрович Малиновский.

Биографические сведения об А. П. Авенариусе чрезвычайно скудны. В «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова сообщаются годы жизни Авенариуса, говорится, что он — «журнальный сотрудник» и «брат В. и М. Авенариусов»¹. При этом не указано, что он брат и Н. П. Авенариуса. В «Русском биографическом словаре», вышедшем под редакцией А. А. Половцова, имеются сведения только о дяде А. П. Авенариуса², в первых томах «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1962) и биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1989) — статьи только о его младшем брате Василии, в трехтомном издании А. И. Мелуа «Санкт-Петербург. Биографии» (СПб., 2006) — о Василии и Михаиле Петровичах. В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова значатся В. П. и Н. П. Авенариусы³. Хотя фамилия А. П. Авенариуса фигурирует в указателе «Журнал «Современник». 1847–1866» (М.; Л., 1959), составленном В. Э. Боградом, ни в именном указателе к 15-томному Академическому полному собранию сочинений и писем Некрасова, ни в «Летописи жизни и творчества...» поэта сведений о нем не содержится.

Некоторые биографические сведения об Александре Петровиче обнаруживаем в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова⁴ и книге Н. М. Затворницкого «Столетие военного министерства. 1802–1902.

¹ Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей и ученых. СПб., 1900. Т. 1. С. 9.

² Феттерлейн К. Авенариус Яков Александрович // Русский биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 33.

³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 26.

⁴ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (От нача-

Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чиновников общего состава по канцелярии военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно»⁵. Источником его биографии могут служить «Дневник» Дружинина и некоторые его произведения, в том числе неопубликованный «Странный роман, или Приключения, знакомства, радости, бедствия и странствования Ивана Чернокнижникова» (1854). Из сказанного следует, что личность и деятельность А. П. Авенариуса, основные вехи его биографии в современном литературоведении предметом специального рассмотрения не являлись.

Дворянин, Александр Петрович Авенариус происходил из обрусевшей немецкой семьи евангелически-лютеранского вероисповедания⁶. Интереснейшие сведения о его предках содержатся в книгах Н. П. Авенариуса «Наша семейная летопись» (Варшава, 1872) и В. А. Гушина «Авенариусы в Петергофе» (СПб., 1999). Как следует из них, родоначальником династии петербургских и петергофских Авенариусов являлся Иоганн Габерманн, родившийся «в 1516 году в чешском городе Эгере. Получив образование в Пражском университете, он, по обычаю того времени, перевел свою фамилию на латинский язык и стал подписываться “Авенариус”, что значит “Овсяный”»⁷. Приняв лютеранство, И. Габерманн покинул Чехию и поселился в Германии, став в 1540-х годах «преемником Лютера на кафедре богословия в Виттенберге; в последние годы жизни он занимает ту же кафедру в новоучрежденном Иенском университете и умирает в 1576 году» суперинтендантом в г. Цейце, оставив по себе известность «как автор еврейской грамматики и еврейско-греко-латинского словаря»⁸. Несколько следующих поколений Авенариусов также были учеными-проповедниками. «В 1741-м году один из Авенариусов, Георгий Христиан, был назначен пастором прихода Вуолес, находившегося в 60 верстах от Санкт-Петербурга, на границе с Финляндией. Георгий Христиан Авенариус родился 7 февраля 1709 года, получил университетское образование, женился и имел 14 детей, среди которых был сын Александр, ставший родоначальником русской династии Авенариусов»⁹. Он и стал дедом А. П. Авенариуса, а не Яков Александрович, как мы ошибочно утверждали¹⁰.

Александр Егорович Авенариус «родился в Вуолесе 31 августа 1759 года, получил также университетское образование и по смерти отца в 1787 году стал настоятелем вуолесского прихода. В 1781 году он женился на Анне Гризилии

ла русской образованности до наших дней). СПб., 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 59.

⁵ Столетие военного министерства. 1802–1902. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чиновников общего состава по канцелярии военного министерства с 1802 до 1902 гг. включительно. Составил Н. М. Затворницкий. СПб., 1909. С. 225.

⁶ Там же.

⁷ Гушин В. А. Авенариусы в Петергофе. СПб., 1999 // <http://win-petergof.narod.ru/Petergof.doc/Avenarius.htm>.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара, 2005. С. 127.

Строльман и имел с ней пятерых сыновей, два из которых, Александр и Яков, оказались тесно связанными с Петергофом, а Петр ... с Царским Селом»¹¹.

Яков Александрович Авенариус (апрель 1788–7.08.1859), дядя Александра Петровича, родился в Санкт-Петербургской губернии¹². Окончив в 1809 г. курс в Дерптском университете, он в том же году защитил диссертацию на латинском языке «De varietate colors ossum» и был удостоен степени доктора медицины. Яков Александрович служил в русской армии, участвовал в походах русской армии 1813–1814 гг., был врачом цесаревича Константина Николаевича, а затем врачом почтового ведомства.

Александр Александрович Авенариус (19.12.1797–14.12.1892), закончив Петербургскую медико-хирургическую академию со званием лекаря I отделения, поступил на службу в Обуховскую больницу. 12.01.23 г. он определен лекарем «к Стреляной мызе и вотчинам Его Высочества»¹³, а с 16.02.24 г. становится доктором Высочайшего дворца. Впоследствии он поселяется в Петергофе, продолжая трудиться на врачебном поприще. У А. А. Авенариуса было 9 детей, один из которых — Петр Александрович (23.05.43–1.12.1909) — явился основателем Сестрорецкого курорта¹⁴.

Петр Александрович Авенариус (1794–1854) окончил Дерптский университет и служил пастором в Царском Селе и законоучителем в Александровском лицее. По словам бывшего лицеиста Я. К. Грота (вып. 1832 г.), его религиозному и нравственному развитию «содействовал много пастор Авенариус, частью церковными проповедями, иногда очень удачными по исполнению, и всегда прекрасными по духу»¹⁵. Из 15 детей П. А. Авенариуса четверо оставили заметный след в истории литературы и науки: Александр, Николай (31.08.34–?), однокурсник Н. А. Добролюбова по Главному педагогическому институту, впоследствии педагог, археолог, инспектор Белостокского института, Михаил (7.09.35–4.09.95), в будущем профессор физики Киевского университета, и, наконец, Василий (Вильгельм) (28.09.39–1923), поэт, прозаик, ставший известным писателем, автором книг о Фонвизине, Пушкине, Гоголе, Пирогове и др.

Согласно В. П. Авенариусу, Александр Петрович родился в Царском Селе в сентябре 1824 г.¹⁶ По сведениям же, содержащимся в «Столетнем юбилее...», составлявшемся на основе формулярных списков чиновников, дата его рождения — 24.10.24 г.¹⁷ В 1838 г. Александр Петрович поступил в Царскосельский, или (с ноября 1843 г.) Александровский лицей, директором которого был генерал-лейтенант Ф. Г. Гольтгоер. Л. А. Мей посвятил ему стихотворение, в котором есть такие строки:

¹¹ <http://win-petergof.narod.ru/Petergof.doc/Avenarius.htm>.

¹² *Феттерлейн К.* Указ. соч. С. 33.

¹³ <http://win-petergof.narod.ru/Petergof.doc/Avenarius.htm>.

¹⁴ *Шелехов Д.* Музей истории «Сестрорецкого курорта» // [http:// terijoki.spb/ru/trk_terra.php?item=41](http://terijoki.spb/ru/trk_terra.php?item=41)

¹⁵ *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1998. С. 476.

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 22. Л. 1.

¹⁷ Столетие военного министерства. 1802–1902. С. 225.

Старый вождь наш! Нам судьбою
Разлучиться суждено,
Вместе жить нам не дано
Больше, добрый друг, с тобою...

Ты любил лицей — не может
И тебя он не любить.
Кто, лицей оставя, может
По лицю не грустить?

В 1840 г., после выхода Гольтгоера в отставку, во главе лицея встал генерал-майор Д. Б. Броневский, брат известного историка и писателя. По всей вероятности, русскую словесность Авенариусу преподавал П. Е. Георгиевский, математику — Н. Т. Щеглов, историю — И. П. Шульгин, политэкономии и право — И. И. Ивановский, английский язык — Ф. И. Шау, французский — И. А. Курнанд, чистописание — Ф. П. Калинич, рисование — С. Г. Чириков, танцы — И. И. Эбергардт. Некоторые из преподавателей и гувернеров (Шульгин, Георгиевский, Чириков, Калинич, Эбергардт) помнили юного Пушкина и, возможно, делились воспоминаниями о нем с новым поколением лицейстов.

Товарищами А. П. Авенариуса по лицю были М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Попов, В. Д. Ахшарумов. Застал он и лицейстов X–XII и XIV курсов, в том числе М. В. Петрашевского, Н. Я. Данилевского, Ю. В. Толстого, Л. А. Мея, В. П. Гаевского, В. Р. Зотова, Л. М. Жемчужникова. Лицей в то время был не тем, что при Пушкине, но культ поэта сохранялся. Многие воспитанники писали стихи, издавали рукописные журналы и альманахи, пробовали себя в разных родах литературы и даже публиковались в журналах. Не удивительно, что у Авенариуса возникает интерес к литературе. «Еще будучи в лицее, — вспоминал Василий Петрович, — он напечатал несколько статей в “Маяке” и некоторых других журналах»¹⁸. Выявление публикаций Авенариуса в петербургских журналах, в том числе в издававшемся П. А. Корсаковым и С. А. Бурачком «Маяке», — одна из интереснейших задач современного литературоведения. Закончил Авенариус лицей в 1844 г. (вып. XIII) с чином чиновника X класса¹⁹.

23.08.44 г. Александр Петрович определен на службу в канцелярию военного министерства, где, по словам брата, «способностями и рвением с самого начала обратил на себя внимание начальства»²⁰. 5.05.45 г. он перемещен в I отделение для временного исполнения должности помощника секретаря, 10.05.45 г. назначается журналистом, 14.07.46 г. утвержден в должности помощника секретаря, 3.11.46 г. — исполняющим должность секретаря, 6.12.48 — коллежским ассессором, 30.03.49 г. — секретарем²¹.

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 22. Л. 1.

¹⁹ Руденская М., Руденская С. «Наставникам за благо воздадим...» Л., 1986. С. 255.

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 22. Л. 1.

²¹ Столетие военного министерства. 1802–1902. С. 225.

Литературная деятельность Авенариуса продолжилась и в период пребывания в канцелярии военного министерства, тем более, что служба здесь не была обременительной. Директор канцелярии генерал-майор П. А. Вревский, будучи свойственником А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова (один его брат — Б. А. Вревский — был женат на Е. Н. Вульф, а другой — С. А. Вревский — на Е. Н. Вревской, двоюродной сестре М. М. Лермонтовой), сам занимался литературой и поощрял занятия ею сослуживцев. Неудивительно, что из стен канцелярии военного министерства вышло много литераторов (М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. В. Кукольник, В. Р. Зотов, А. Я. Кульчицкий, А. Н. Струговщиков, Е. Н. Коведяев, М. Н. Лонгинов, И. А. Пузыревский, Н. Д. Ахшарумов), философов (Н. Я. Данилевский) и историков (А. П. Карцов, Ю. В. Толстой, А. Н. Попов).

Согласно сведениям, содержащимся в «Столетии военного министерства...», Авенариус, хорошо знавший немецкий и английский языки, перевел на русский язык шестую часть дневника генерала П. Гордона, за что 19.04.45 г. получил вознаграждение — 300 рублей²². Интерес к литературе усилился благодаря его дружбе с Дружининым, 5.02.46 г., после выхода в отставку из лейб-гвардии Финляндского полка, поступившим в канцелярию военного министерства. Дружинин и Авенариус были ровесниками (первый родился 8, а второй — 24 октября 1824 г.), их сближали интерес к литературе, знание иностранных языков, особенно английского. У обоих были одни и те же учителя: И. П. Шульгин и И. И. Ивановский преподавали не только в Царскосельском лицее, где учился Авенариус, но и в Пажеском корпусе, который окончил Дружинин.

Дебютировав повестью «Полинька Сакс», опубликованной в декабрьской книжке «Современника» за 1847 г., Дружинин вошел в число активнейших сотрудников журнала. Он привлекает к участию в издании друзей — сослуживцев по Финляндскому полку (П. А. Федотов) и канцелярии военного министерства (Д. И. Каменский). По словам В. П. Авенариуса, его брат, «выйдя из лицея, сблизился чрез известного литератора Дружинина с издателями “Современника” Некрасовым и Панаевым и до самой смерти своей принимал деятельное участие в этом журнале, в котором поместил целый ряд компиляций и переводов с английского и немецкого языков»²³.

Сотрудничество Авенариуса в «Современнике» Некрасова и Панаева началось около 31.12.48 г. (ценз. разр. январской книжки «Современника» за 1849 г., в которой опубликована его первая работа) и продолжалось приблизительно до 31.08.1849 г. (ценз. разр. сентябрьской книжки «Современника» за 1849 г., в которой помещено последнее выступление Александра Петровича). В отделе «Смесь» им опубликован перевод 3–6 глав книги немецкого писателя Ф. Герштекера о его путешествии по Америке — «Картины Миссисипи. Светлые и темные стороны американской жизни» (1849, №№ 1, 2, 3) (1–2 главы, помещенные в октябрьской

²² Столетие военного министерства. 1802–1902. С. 225.

²³ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 22. Л. 1.

и ноябрьской книжках «Современника» за 1848 г., переведены Д. И. Каменским) и 4 части его же «Охотничьих походов в Соединенных Северо-Американских штатах» (1849, №№ 7, 8, 9). Переводы Александра Петровича с английского языка, о которых говорит В. П. Авенариус, неизвестны.

Без сомнения, деятельность Авенариуса в «Современнике» продолжилась бы и далее. По мнению братьев, писал В. П. Авенариус, Александр был «наиболее даровитый из них, он обещал сделаться самой надежной опорой семьи, тем более, что остальные братья были [значительно его моложе] тогда еще малолетками»²⁴. Однако в возрасте 25 лет Авенариус умирает: «...на глазах родителей, выброшенный взбесившимися лошадьми из экипажа, он ударился головою о тумбу и через 5 часов скончался»²⁵. Похоронен Александр Петрович на Смоленском лютеранском кладбище, где найдет упокоение и его брат Василий. В отличие от могилы В. П. Авенариуса, могила его старшего брата не сохранилась.

Своей внешностью А. П. Авенариус был похож на деда Блока Льва Александровича: сказывалось немецкое происхождение. Так, в дневниковой записи от 25.06.53 г. Дружинин, сообщая о впечатлении, произведенном на него соседом по имени Л. А. Блоком, запишет: «В пятницу (26.06.53 г. — Н. А.) познакомился с Л. А. Блоком и его милой женою. Обедали в Преображенском, пили шампанское и долго беседовали. И имя, и хозяйка мне нравятся. Блок лицом и манерою напомнил мне покойного Авенариуса»²⁶.

Более подробное описание внешности Авенариуса содержится в «Странном романе...», хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Писатель воспроизвел в нем время «веселой молодости». В конце 40-х — начале 50-х гг. вокруг Дружинина сложился кружок молодых людей. В него входили его бывшие (по Финляндскому полку — П. А. Федотов, П. П. Жданович, П. С. Ванновский, В. Н. Своев, А. Р. Дрентельн и др.) и нынешние (по канцелярии военного министерства — Д. И. Каменский, А. Д. Гушин, Ю. В. Толстой, Е. Н. Коведяев, Н. И. Титов, А. А. Пейкер, Г. Г. Григорьев, А. Н. Кирилин, С. Ф. Арсеньев, П. Н. Стремоухов, С. Д. Струговщиков) сослуживцы, а также — с декабря 1847 г. — литераторы, принадлежавшие к кругу «Современника» (Д. В. Григорович, В. П. Гаевский и др.). Молодые люди не располагали средствами, но были молоды, веселы, полны мечтаний о славе. Они совершали шалости, эпатировали «приличную» публику, устраивали скромные пирушки, протестуя таким образом против социального неравенства, отстаивая собственную независимость. В отличие от кружков Н. В. Станкевича, А. И. Герцена и Н. П. Огарева или М. В. Петрашевского, в которых преимущественное внимание уделялось вопросам философским или социально-политическим, в кружке Дружинина

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 22. Л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 193. Далее ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках.

доминировали интересы художественные, артистические. Многие из участников кружка тяготели к литературе и искусству. В ходе пирушек, оживленных спорами, рождались замыслы будущих произведений. Писателю были дороги воспоминания о годах «веселой молодости». Он не считал подобное времяпрепровождение потерей времени, ибо оно обогащало его как писателя, знакомило с различными сторонами жизни, являлось залогом свободы от односторонности. Эта мысль будет настойчиво проводиться Дружининым в ряде произведений, на ней будет основан и «Странный роман...».

«Странный роман...» — произведение во многом автобиографическое. Многие герои имели реальных прототипов. Прообразом Александра Семеновича Гольцаузена (Александра Маленького, или Ветреного дитяти) был А. П. Авенариус. На это указывали не только его имя, немецкая фамилия, но и свидетельство автора. В «Заметках, долженствующих облегчить труд сотрудникам по чернокниж[ию]», Дружинин прямо признавался: «Ветренное дитя — покойный Авенариус»²⁷.

Уже в первой главе «Вечер хандры» первоначальной редакции описывается компания молодых людей, в начале мая 184* г. скучающих около затопленного камина. Среди них был и Александр Семенович — «маленький и худенький молодой человек с весьма некрасивым, но чрезвычайно оживленным добрым и ребяческим беззаботным лицом»²⁸. Эта характеристика сохранится и в окончательной редакции главы, получившей название «Вечер уныния»: «...маленький юноша с простодушным веселым лицом, уныло глядевший из окна на грязную улицу»²⁹. Автор романа сохранил для потомков не только внешние черты Авенариуса, но и его внутренний облик. В романе Александр Маленький является непременным участником всех проказ, совершаемых кружком И. Чернокнижника. В главе «Продолжение биографического очерка» персонажи романа Оленинский, Шайтанов и доктор-рассказчик отправляются к Ветреному дитяти: «...мы шли по набережной Невы так бодро и весело, как будто бы вместо трех часов ночи была самая вожделенная пора вечерней прогулки. У одного дома на набережной Оленинский стал стучать в окно нижнего этажа, громко вызывая на улицу одного из своих приятелей, действующих в нашей знаменитой компании под именем Ветреного дитяти. Когда этот юноша, отчасти мне знакомый, показал в окно свою заспанную физиономию и осведомился о причине стука, ему было сказано, что на биржевом сквере цветут каштаны и что вследствие такого необычайного события ему требуется сейчас же, одевшись, присоединиться к нашей компании. К удивлению моему, Дитя, не выказывая никаких признаков неудовольствия, вышло к нам, мы втроем направились к бирже...»³⁰ После уплаты долгов Александр покупает не нужную ему собаку, устраивает пирушку для друзей, из-за своей доверчивости

²⁷ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 80. Л. 1.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 1.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 2.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 23. Лл. 42–42 об.

становится жертвой проходимца Веретенникова, вручившего ему и его приятелю Сатиру-Середовичу фальшивый вексель. Думается, в романе «схвачены» отличительные особенности характера Авенариуса — простодушие, доверчивость, отзывчивость, нерасчетливость, душевная щедрость, способность к дружбе.

В 1855 г. в «Заметках Петербургского туриста», опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 274, 14 декабря), Дружинин устами Чернокнижникова упомянет о своем посещении Смоленского кладбища и могилы Авенариуса. «Вот неподалеку от него (П. А. Федотова, его могилы. — *Н. А.*) прах юноши, которого мы в наших собраниях звали Ветренным дитятей, он, я думаю, умер смеясь, и был прав, потому что жизнь его была чиста и смерть для него не могла с собой нести страха»³¹.

* * *

Сведения о М. С. Персине также очень скудны. В комментарии П. С. Попова к письму И. И. Маслова к Дружинину от 2.12.53 г., опубликованному в сборнике «Письма к А. В. Дружинину (1853–1860)», указана профессия Персина — доктор³². В именном указателе к книге А. А. Сиверса значатся только его имя, отчество и фамилия³³. В именном указателе к «Дневнику» Дружинина, составленном Б. Ф. Егоровым, сказано, что Персин (у Егорова — Персен) — «врач Гдовского уезда»³⁴, при этом не сообщаются даже его инициалы. В 1854 г. во время приезда в Осьмино Некрасов и Тургенев не могли не познакомиться с врачом тамошней больницы Персиным, но тщетно искать упоминания о нем в именных указателях к 15-томному Полному собранию сочинений и писем Н. А. Некрасова и 30-томному Полному собранию сочинений И. С. Тургенева, в «Летописях жизни и творчества...» писателей, в монографиях, посвященных их жизни и деятельности. Нет сведений о Персине ни в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, ни в «Краткой литературной энциклопедии», ни в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917», содержащем упоминания о второстепенных писателях. Некоторые данные о Персине и его брате удалось обнаружить только в «Русском биографическом словаре», вышедшем под редакцией А. А. Половцова.

М. С. Персин родился в 1808 г. Он происходил из обер-офицерских детей. Старший брат Михаила Сергеевича Николай (Персин 1-й) (1807 — после 1867) получил высшее образование в Петербургской медико-хирургической академии, в которой был волонтером³⁵. В 1827 г. он окончил курс со званием лекаря 2-го отделения и поступил в 25-й флотский экипаж, в 1828 г. перешел в 13-й флотский экипаж, в 1831 г. получил звание штаб-лекаря и в том же году перешел в

³¹ Дружинин А. В. Собрание сочинений: В 8 т. СПб., 1867. Т. 8. С. 338–339.

³² Попов П. С. Примечания // Письма к А. В. Дружинину (1850–1863). М., 1948. С. 204.

³³ Сиверс А. Именной указатель // Письма к А. В. Дружинину. (1850–1863). М., 1948. С. 411.

³⁴ Егоров Б. Ф. Именной указатель // Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 504.

³⁵ Кульбин Н. Персин 1-й Николай Сергеевич // Русский биографический словарь: В 25 т. СПб., 1902. Т. 18. С. 569. См. также: http://www.biografija.ru/slow_bio.aspx?id=105182.

10-й флотский экипаж, а затем — в артиллерийский госпиталь. В 1834 г. Николай Сергеевич поступил на службу в больницу Удельного Земледельческого училища, в 1835 г. вернулся в морское ведомство — в 10-й флотский экипаж, в 1836 г. перешел в Кронштадтский морской госпиталь, в 1841 г. — в Санкт-Петербургский, в 1845 г. — в 3-й рабочий экипаж, где в 1860 г. был назначен старшим врачом, а в 1863 г. уволен за упразднением экипажа. В 1867 г. Николай Сергеевич жил в Петербурге, имея чин статского советника. И это последнее, что о нем известно.

Михаил Сергеевич (Персин 2-й) также связал свою жизнь с врачебной деятельностью. В 1823 г. он поступил в медико-хирургическую академию, по окончании которой (1827) получил звание лекаря 1-го отделения³⁶. В 1828 г. поступил в морское ведомство в 1-й флотский экипаж на 6 лет. В 1830 г. перешел в 5-й флотский экипаж, в 1831 г., как и Николай Сергеевич, получил звание штаб-лекаря. В 1834 г. М. С. Персин был переведен в 27-й флотский экипаж, в 1842 г. уволен от службы. С 1844 до 1846 гг. был врачом больницы Приказа общественного призрения в Иркутске, имел чин надворного советника.

Оба брата обнаружили склонность к ученой деятельности. Николай Сергеевич напечатал в первой в России медицинской газете «Друг здравия» (1842, № 6) заметку, представлявшую собой наблюдения из врачебной практики. Михаил Сергеевич опубликовал в той же газете в 1851 г. статьи: «*Extr. nucis vomicae* в параличе» (№ 14) и «Замечательное ранение брюшины и кишок у 15-летней девушки» (№ 16).

На последующую жизнь Михаила Сергеевича проливают свет «Дневник» Дружинина и сохранившееся его послание к писателю. Как следует из них, Персин побывал за границей (Греция, Италия), в Сибири, а в начале 50-х гг. служил в больнице в Осьмине.

Дружинин познакомился с Михаилом Сергеевичем 22.08.53 г. Из своего имени Маринского Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии он приехал в Осьмино к приятелю Ивану Ильичу Маслову, тамошнему управляющему. В дневниковой записи писателя от 22, 23 и 24.08.53 г. читаем: «У Маслова в Осьмине. Болтание, воспоминания, обеды с некоторым пьянством, песни и танцы осьминских красавиц... Участником наших бесед был доктор Персен, толико ненавистный многим нашим соседям, но ненавистный совершенно понапрасну. Это добрый ипохондрик и в самом деле хворый человек, когда-то ездивший по Греции, Италии, Сибири, а теперь кончающий свои дни посреди тихого деревенского спокойствия. Подобного рода лица довольно часто выставлялись в старых умных романах, в них есть нечто весьма привлекательное, тихое, как серенький осенний вечер. Такие люди хороши не с глазу на глаз и не в большой компании, а в маленьком сборе близких людей в деревне, посреди небольшой скуки, когда человек, нуждаясь в развлечениях, силится везде и во всех видеть одни хорошие стороны» (210). Размышляя о

³⁶ Кульбин Н. Персин 2-й Михаил Сергеевич // Русский биографический словарь: В 25 т. СПб., 1902. Т. 18. С. 569. См. также: http://www.biografija.ru/slow_bio.aspx?id=105183.

прелестях сельской жизни, по сравнению с городской, 12.09.53 г. Дружинин снова вспомнил о Персине: «В столице вечерние дружеские беседы портятся мыслью о разъезде, службе, раннем вставанье, — их, наконец, портит то тревожно-торопливое настроение душ, которого здесь нет. Здесь мы знаем, что можем сидеть, сколько хотим, пить и есть, сколько хотим, спать, сколько хотим. Здесь нет людей, лишних в беседе, здесь всякий высказывается с лучшей стороны. Если б к Гверезне (имение приятеля Дружинина Я. И. Мейера. — Н. А.) подходило Осьмино, с Масловым и Персеном, это был бы отрадный уголок отдохновения после бурь житейских» (217). 29.09.53 г. Дружинин снова посетил Осьмино. 7.10.53 г. он записал в «Дневнике»: «Вторник (29.09.53 г. — Н. А.). Приехал в Осьмино, как водится, с головной болью. Нашел Масл[ова] и доктора, но мало пользовался усладительной беседой, а еще менее ужином. Меня тошнило, а потом я отсыпался» (226).

Как видно из сказанного, Дружинин симпатизировал Персину, отдавал должное его высоким нравственным качествам, опыту и кругозору. По возвращении в Петербург он не забыл о своем новом знакомом. Между Дружининым и Персиным завязалась переписка. 23.11. 53 г. критик зафиксировал в «Дневнике»: «Сегодня писал к Персену и Маслову...» (245). Письмо Дружинина к Персину не дошло до нашего времени, но зато в фонде писателя в РГАЛИ сохранилось послание Персина к Дружинину от 3.12.53 г., проливающее свет на личность доктора и его отношение к писателю.

Поводом к письму явилась болезнь старого слуги Дружининых — садовника Никиты. Его отвезли в Осьмино к доктору Персину. О результатах осмотра 2.12.53 г. Маслов сообщал писателю: «Никиту Вашего осматривал доктор. Он снабдил его лекарствами и наставлениями. Положено, чтобы через неделю Никита вновь явился в Осьмино, а если ему будет нельзя, то чтобы прислал кого-нибудь потолковее рассказать о действии лекарств и о состоянии здоровья. Мих[аил] Сер[геевич] находит, что посылать его в Дерпт не стоит (да и Никите этого сильно не хочется), что на совершенное выздоровление его можно иметь надежду, а в случае, если ход болезни потребует бдительного надзора и каких-нибудь особенных медицинских мер, то можно будет поместить его в нашей больнице. Это близко от Чортова, его могут посещать родные, и ему менее будет скучно. Посылаю по этому предмету письмо Персина и прибавлю, что все, что нужно для Никиты, все будет сделано, и Вам беспокоиться об этом не нужно»³⁷. Письмо Персина датировано 3.12.53 г.: «Милостивый государь Александр Васильевич! С особенным удовольствием пользуюсь случаем услужить вам как доброму соседу. Осмотрел я вашего садовника и нахожу, что положение его здоровья вовсе не требует чрезвычайных мер, как, например, поездки в Дерпт. Правда, что левая рука его и нога действуют не свободно и даже не имеют надлежащей чувствительности; но это со временем и при некоторой медицинской помощи может исправиться, хотя не скоро, однако же, и не в очень продолжительное время. Для сего я снабдил его

³⁷ Письма к А. В. Дружинину (1853–1860). М., 1948. С. 203.

лекарством и советом, как употреблять оное средство. Надеюсь, что ваш садовник по-прежнему будет полезен, как вам, так и другим. В случае надобности я предложил ему обратиться ко мне за дальнейшею помощью, на что он охотно согласился. Не желая ни вам, ни кому из ваших родных или крестьян иметь когда-либо надобность в латинской кухне, я, однако же, на всякой несчастный случай, с радушием предлагаю вам свои услуги и прошу без лишних объяснений обращаться ко мне всякий раз, когда вы почтете это необходимым. С искренним почтением и готовностью к услугам вашим имею честь быть, милостивый государь, покорнейшим слугою. М. Персин»³⁸. Дружинин ответил Михаилу Сергеевичу. 20 (19).12.53 г. он заметил в «Дневнике»: «Сегодня поутру писал письма Персену и Оболяянинову (соседу по имению. — Н. А.)» (257). Но данное письмо также не дошло до нашего времени. По приезде Дружинина в деревню летом 1854 г. его встречи с Персиным возобновились.

Некрасов впервые посетил Осьмино в середине мая — начале июня 1852 г., но тогда он не виделся с Персиным, возможно, того не было в селе. Поэт познакомился с Михаилом Сергеевичем в июле 1854 г., когда приехал в Осьмино вместе с Тургеневым. Как следует из письма Г. В. Дружинина к брату от 18.07.54 г., Некрасов и Тургенев выехали из Петергофа 19-го июля: «Сегодня г. Некрасов объявил мне, что он завтра едет в Ваши края, чем я поспешил воспользоваться с истинным великодушием»³⁹. Следовательно, в Осьмино Некрасов и Тургенев прибыли не ранее 19.07.54 г. и не позже 23.07.54 г. 31.07.54 г. Дружинин записал в «Дневнике»: «Несколько часов тому назад проводил я от себя петербургских гостей Тургенева и Некрасова, с которыми провел время, начиная с прошлой пятницы (23.07.54 г. — Н. А.) сперва в Осьмине у Маслова, а потом у себя. Они охотились удачно, и слабые их телеса несколько починились в нашем крае, и я развлекся с людьми, но, по правде сказать, если бы не Маслов и другие посетители ... я бы не очень много извлек отрады от товарищей литераторов. Эти два господина жили в лесу и в болоте, так что иной день нам и часу не приходилось вместе беседовать» (308). В Мариинском Некрасов написал стихотворения: «Мы, посетив тебя, Дружинин...», в котором от своего и Тургенева имени благодарил хозяина за создание условий для охоты и сочинения «чернокнижных вдохновений» (Н 15. I: 131), в соавторстве Дружининым — «Песнь Васеньке», с Тургеневым и Дружининым — «Послание Лонгинову» и «Ответ Лонгинова Тургеневу».

Здоровье поэта в это время было сильно расстроено. С весны 1853 г. его мучила боль в горле, начал пропадать голос. Врачи долго не могли определить болезнь и назначали не те лекарства, которые следовало. Самочувствие Некрасова было настолько плохим, что у него появилась мысль о смерти. Не случайно в стихотворениях 1853–1855 гг. («Несжатая полоса», «В больнице», «В. Г. Белинский»,

³⁸ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 207. Лл. 1–2.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 156. Л. 2.

«Последние элегии») варьируются темы болезни, смерти, больницы. Не удивительно, что во время пребывания в Осьмино Персин осмотрел поэта. 31.07.54 г. Дружинин записал в «Дневнике»: «Доктор Персин не говорит ничего утешительного о состоянии здоровья Некрасова» (309). Это последнее упоминание о Михаиле Сергеевиче в «Дневнике» Дружинина, хотя писатель и впоследствии получал известия о нем от своего приятеля Ф. Л. Трефурта. Так, в письме к Дружинину от 25.10.54 г. Трефурт сообщал об обеде у станowego Дмитриева: на нем «присутствовали: Маслов, Обольянинов, Стефанович, Персин, Я. И. (Мейер. — Н. А.) и Ваш покорный слуга»⁴⁰.

Среди врачей, лечивших Некрасова, были Н. И. Пирогов, В. В. Экк, П. Д. Шипулинский, Ф. И. Иноземцев, Н. А. Белоголовый и др. Среди них достойное место должен занять и Михаил Сергеевич Персин.

Личность М. С. Персина представляет интерес и в силу его родственных отношений. Есть основания считать, что у Николая и Михаила Персиных был еще один — младший — брат Иван, фамилия которого фигурирует в работах по истории декабристского движения в России, хотя сообщаемые о нем сведения немногочисленны. Нет ясности даже в вопросе о годе рождения И. С. Персина. Так, по мнению Л. М. Ивановой и С. В. Житомирской, Иван Сергеевич родился в 1835 г., а умер в 1869 г.⁴¹ Данное утверждение было оспорено С. В. и М. П. Мироненко, заявившими, что он родился в 1815 г.⁴² В самом деле, в 1854 г. старшему сыну И. С. Персина было 4 года⁴³. Если бы Персин родился в 1835 г., то получалось бы, что его первый сын родился, когда отцу было 15 лет, что неправдоподобно. Тем не менее Т. С. Комарова повторила прежнюю ошибку⁴⁴.

Как удалось установить, наиболее раннее упоминание об И. С. Персине содержится в воспоминаниях молодого аристократа Леонида Федоровича Львова. В 1838 г. он совершил командировку в Восточную Сибирь «для обревизования государственных имуществ и поселений ссыльных, обозрения золотых промыслов в отношении отводимых под прииски участков и поселений декабристов, освобожденных тогда от каторжной работы»⁴⁵. В этой поездке Львова по настоянию матери сопровождал доктор Иван Сергеевич Персин, которому в то время было 23 года⁴⁶.

В феврале 1839 г. Львов и Персин отправились в путь. «В Москве, — вспоминал Львов, — пришлось остановиться: тогда проживала там старушка

⁴⁰ РГАЛИ. Ф.167. Оп. 3. Ед. хр. 239. Л. 1 об.

⁴¹ *Иванова Л. М., Житомирская С. В.* Примечания // *Декабристы. Новые материалы.* М., 1955. С. 253.

⁴² *Мироненко М. П., Мироненко С. В.* Примечания // *Пушкин И. И. Сочинения и письма: В 2 т.* М., 1999. Т. 1. С. 447, 494.

⁴³ *Зильберштейн И. С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 434.

⁴⁴ *Комарова Т. С.* Примечания // *Сибирские письма декабристов. 1838–1850.* Красноярск, 1987. С. 278.

⁴⁵ Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // *Русский архив.* 1885. № 2. С. 352.

⁴⁶ Там же. С. 353.

Е. Ф. Муравьева, мать сосланных Никиты и Александра Муравьевых»⁴⁷. Забрав ящик с посылаемыми вещами, Львов и Персин через неделю продолжили поездку. После небольшой задержки в Тобольске они прибыли в Иркутск, где Львов поселился на квартире Медведникова⁴⁸. Повествуя о встречах, беседах и балах, на которых, помимо Персина, присутствовали А. З. Муравьев-Апостол, Ф. Ф. Вадковский и другие декабристы, Львов упоминает о сцене ревности, учиненной его холостым приятелем, которому показалось, что автор воспоминаний на балу «слишком усердно ухаживал за (Любовью Александровной. — Н. А.) Пятницкою», к которой Персин был «не совсем равнодушен», что едва не привело к ссоре⁴⁹. Оставив Персина в Иркутске, Львов выехал в Енисейск на золотые промыслы.

О дальнейшей жизни Персина известно мало. Какое-то время он жил в Петровском заводе, где познакомился с Николаем и Михаилом Бестужевыми. Именно Персин ввел их в дом жившего тогда в Верхнеудинске врача А. И. Орлова⁵⁰. Видимо, какое-то время Персин служил в Кяхте⁵¹. М. К. Азадовский утверждал, что Персин являлся врачом в Иркутске⁵². Вслед за ним эту версию повторили Л. М. Иванова и С. В. Житомирская⁵³, З. И. Власова⁵⁴, С. В. Житомирская и С. В. Мироненко⁵⁵, В. А. Федоров⁵⁶. По словам С. В. и М. П. Мироненко, Иван Сергеевич являлся домашним врачом семьи Трубецких на поселении⁵⁷.

Персин сыграл особую роль в осуществлении поездки в Иркутск Н. А. Бестужева, который хотел подзаработать портретами⁵⁸. Его имя фигурирует в письмах М. А. и Н. А. Бестужевых, Е. П. Оболенского, И. И. Пущина, А. Л. Юшневского, А. В. Поджио, М. А. Фонвизина, И. Д. Якушкина, в воспоминаниях М. А. Фонвизина, близкого к декабристам Я. Д. Казимировского. Среди знакомых Персина значатся Г. С. Батеньков, С. Г. Волконский, А. З. Муравьев-Апостол, П. Н. Свистунов, А. Л. Юшневский, И. Д. Якушкин, Ф. Ф. Вадковский, П. Якубович, сочувствовавшие декабристам Я. Д. Казимировский и А. И. Штакенберг.

Персин был не только добрым человеком, но и хлебосольным хозяином. Н. А. Бестужев писал Батенькову, посетив Персина в Иркутске: «Он ест и пьет

⁴⁷ Русский архив. 1885. № 2. С. 353.

⁴⁸ Там же. С. 355.

⁴⁹ Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // Русский архив. 1885. № 4. С. 557.

⁵⁰ *Зильберштейн И. С.* Указ. соч. С. 485.

⁵¹ *Мироненко М. П., Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 447, 494.

⁵² *Азадовский М. К.* Примечания // Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 869, 744.

⁵³ *Иванова Л. М., Житомирская С. В.* Указ. соч. С. 253.

⁵⁴ *Власова З. И.* Декабристы в неизданных материалах А. И. Штакенберга // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 358.

⁵⁵ *Житомирская С. В., Мироненко С. В.* Комментарии // Фонвизин М. А. Соч. и письма: В 2 т. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 415.

⁵⁶ *Федоров В. А.* Примечания // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 450.

⁵⁷ *Мироненко М. П., Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 447, 494.

⁵⁸ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 192.

и живет, как Лукулл»⁵⁹. Львов «искренно любил и уважал» Ивана Сергеевича⁶⁰. Е. П. Оболенский сообщает Казимировскому: Персин — «славный и достойный»⁶¹. «Он, кажется, точно преславный человек, — пишет М. А. Фонвизину об И. С. Персине 25.03. (1840 г.) И. Д. Якушкин, — и я очень рад за Трубецких, что он будет при них, он предан им душевно»⁶².

Персин не только оказывал медицинскую помощь декабристам, но и, совершая поездки в Москву (например, в 1849 г.), Петербург и обратно, выполнял их поручения: передавал письма и посылки родным и знакомым, привозил ответные послания. Передача писем, минуя III отделение, была сопряжена с риском. Так, М. А. Фонвизин в письме к И. И. Пущину из Тобольска от 22.12.39 г. высказал предположение, что причиной получения строгой бумаги тобольским губернатором был донос на Якушкина, у которого жил доктор Персин, будто бы привезший ему письма с Востока и взявший от него тайные письма⁶³.

И. С. Персин был знаком со многими литераторами, в частности, с сотрудничавшим в «Искре» поэтом-сатириком П. В. Шумахером (1817–1891). В 1871 г. Шумахер попытался выпустить первый сборник своих стихотворений «Для всякого употребления». Но, напечатанная в Петербурге, книга была арестована, а ее автора привлекли к суду. Единственный сохранившийся экземпляр сборника находился в библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского. В книге, пишет он, имелся «ряд стихотворений, оставшихся ненапечатанными в последующих сборниках Шумахера, включая и издание 1937 года. В частности, есть очень забавное “Посвящение” книги Ивану Сергеевичу Персину, вероятно, врачу по профессии:

“А я к тебе с презентом:
Прими, брат, от души!
Скажи и пациентам
Пусть примут — пропиши.
А если будет нужно
Направить животы,
То можно и наружно
Прикладывать листы. —
Служа французороссам
Ты славу залучил
И все остались с носом,
Которых ты лечил”»⁶⁴.

⁵⁹ Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 249.

⁶⁰ Русский архив. 1885. № 4. С. 557.

⁶¹ Сибирские письма декабристов. 1838–1850. Красноярск, 1987. С. 266.

⁶² Декабристы. Новые материалы. С. 266.

⁶³ Фонвизин М. А. Соч. и письма: В 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 171.

⁶⁴ Смирнов-Сокольский Н. П. «Для всякого употребления» // Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1960. С. 420.

По словам М. К. Азадовского, оставив врачебную деятельность, Персин стал коммерсантом-золотопромышленником⁶⁵. Эту мысль повторили и другие исследователи — Л. М. Иванова и С. В. Житомирская⁶⁶, Т. С. Комарова⁶⁷, Н. П. Матханова⁶⁸. Как следует из статьи П. Л. Казаряна «Из истории учреждения Ленского пароходства», в 1857 г. «проживающий в Иркутске отставной штаб-лекарь, надворный советник» И. С. Персин подал прошение на имя генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского об учреждении акционерной компании — пароходства на реке Лене⁶⁹. Предложение было поддержано генерал-губернатором, но дальнейшего развития не получило. 30.03.61 г. И. С. Персин подал прошение вторично на имя иркутского гражданского губернатора, действительного статского советника П. А. Извольского с предложением о даровании ему «десятилетней привилегии на право заведения пароходов на реке Лене» и четырехлетнего «со дня выдачи привилегии до начатия пароходного плавания»⁷⁰. Извольский поддержал ходатайство Персина и 7 апреля представил прошение генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-майору Михаилу Семеновичу Корсакову⁷¹. Однако и на этот раз положительного решения не последовало. Несмотря на то, что первый пароход, принадлежавший иркутскому купцу первой гильдии Ивану Степановичу Хаминову появился на реке Лене в 1861 г., а первая пароходная компания — «Ленско-Витимское пароходство» — была учреждена в 1864 г. иркутскими купцами первой гильдии Михаилом и Александром Сибиряковыми и Иваном Ивановичем Базановым, И. С. Персина следует по праву считать человеком, стоявшим у истоков учреждения Ленского пароходства. По словам М. К. Азадовского, последние годы жизни Персина прошли в Петербурге⁷². По мнению Л. М. Ивановой и С. В. Житомирской, он умер в 1869 г.⁷³ Но, как говорилось выше, в 1871 г. Иван Сергеевич был жив: Шумахер посвятил ему сборник своих стихотворений.

Какие же есть основания считать, что Михаил, Николай и Иван Сергеевич Персины были родными братьями? В справедливости этой мысли убеждает совпадение их фамилий и отчества. Все три брата избрали профессией врачебную деятельность, что также трудно считать случайностью. Иван Сергеевич до поселения в Сибири жил в Петербурге, здесь же прошли последние годы его жизни. Петербург являлся местом службы Николая и Михаила Сергеевичей. В 1844–1845 гг. Михаил Сергеевич служил в Иркутске и, следовательно, общался с братом Иваном. Наконец, по свидетельству И. С. Зильберштейна, у Ивана

⁶⁵ Азадовский М. К. Указ. соч. С. 869.

⁶⁶ Иванова Л. М., Житомирская С. В. Указ. соч. С. 253.

⁶⁷ Комарова Т. С. Указ. соч. С. 287

⁶⁸ Матханова Н. П. Комментарии // Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 493.

⁶⁹ Казарян П. Л. Из истории учреждения Ленского пароходства // <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2Fst-yak.narod.ru%2Findex7-7-...>

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Азадовский М. К. Указ. соч. С. 744.

⁷³ Иванова Л. М., Житомирская С. В. Указ. соч. С. 253.

Сергеевича в 1854 г. было два сына — Сергей и Михаил. Первый, без сомнения, назван в честь отца, а второй — в честь старшего из братьев, что по тем временам было не редкость. Эти факты и дают основание считать Ивана Сергеевича младшим братом Николая и Михаила Сергеевичей Персиных. В 1854 г. ему было 39 лет, а Николаю и Михаилу Сергеевичам соответственно 47 и 46 лет.

На личность Ивана Сергеевича могли бы пролить свет его письма к Бестужевым, хранящиеся в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом)⁷⁴, а также воспоминания приятеля Дружинина И. П. Корнилова, в 1848–1850 гг. являвшегося дежурным штаб-офицером дежурства войск Восточной Сибири. В 1848–1849 гг. вместе с художником К. П. Мазером с разрешения III отделения он совершил путешествие в Бурятию, в ходе которого встретился со многими декабристами. «Воспоминания И. П. Корнилова о своем путешествии в 1848–1849 годах по Бурятии и о посещении декабристов» хранятся в РГИА⁷⁵.

Живя в Иркутске, Михаил Сергеевич Персин мог познакомиться со многими декабристами. Рассказы о встречах с ними представляли немалый интерес для Некрасова и Дружинина. Напомним приведенную выше фразу из «Дневника» последнего, воспроизводящую характер его бесед с приятелями, в том числе с Персиным: «У Маслова в Осьмине. Болтание, *воспоминания...*» (210. Курсив мой. — Н. А.). Исследователи относят интерес Некрасова к декабристской теме к концу 50-х гг. Не исключено, что, работая над поэмами о декабристах «Дедушка» (1870) и «Русские женщины» (1872), Некрасов припомнил и какие-то рассказы М. С. Персина.

* * *

Среди лиц, входивших в окружение Некрасова и Дружинина, фигурирует некто Малиновский. При этом все суждения Дружинина о нем носят исключительно негативный характер. Первое упоминание о Малиновском содержится в письме критика к его знакомому по Кавказу, военному писателю М. А. Ливенцову от 29.12.(1851) г.: «...об хаме Малиновском нет ни слуху, ни духу»⁷⁶. Несколько раз фамилия Малиновского упоминается в «Дневнике» писателя. Так, в записи от 12.01.52 г. читаем: «История документов, похищенных Малиновским у одного честного семейства и напечатанных» (184). Следующая помета относится к 3.02.54 г.: «Самый дурной и порочный изо всех людей, мною когда-либо встреченных, был Малиновский: впечатление, оставленное им во мне, до того сильно, что я способен сейчас поехать за сто верст для того, чтоб когда-нибудь предать его в руки злой судьбе» (273). 17.08. 54 г. Дружинин излагает в «Дневнике» свое мнение об одном из соседей по имению: «Завистливый и недоброжелательный, он любит портить чужое веселье, чужое спокойствие и с Семевским, оказавшим ему столько услуг, обходится весьма обидно. Он по характеру немного родня Малиновскому и также не глуп умом сухим, крючковатым, цепким, но неострым» (315).

⁷⁴ Азадовский М. К. Указ. соч. С. 744, 746.

⁷⁵ Зильберштейн И. С. Указ. соч. 546, 636.

⁷⁶ РО ИРЛИ. № 9727. Л. 4 об.

Полагаем, о Малиновском идет речь и в записи дневникового характера, не вошедшей в «Дневник», подготовленный к изданию В. А. Ждановым и Б. Ф. Егоровым: «Ожесточение М...ого на своего человека»⁷⁷.

Таким образом, на протяжении довольно длительного времени — с 29.11.51 г. до 17.08.54 г. — мысль Дружинина то и дело возвращается к личности Малиновского. Признавая в нем ум, писатель явно не питает к Малиновскому расположения.

Но кто же такой Малиновский? Имел ли он отношение к литературе? И что именно восстановило против него Дружинина? К сожалению, в именном указателе к «Дневнику» писателя, составленном Б. Ф. Егоровым, значится лишь, что Малиновский — «знакомый Дружинина»⁷⁸. Не указаны даже его инициалы. В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова упоминается о шестерых Малиновских, но ни один из них не имеет отношения к человеку, о котором ведет речь Дружинин. Не упоминается Малиновский ни в именном указателе к новейшему Полному собранию сочинений и писем Некрасова, ни в «Летописи жизни и творчества...» поэта.

Между тем среди сотрудников «Современника» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева был некто П. П. Малиновский. Согласно В. Э. Бограду, он сотрудничал в журнале с марта 1851 г. по сентябрь этого же года. В отделе «Смесь» мартовской книжки «Современника» за 1851 г. Малиновский опубликовал заметку «Наблюдения над местною слепотою во всяких здоровых глазах», а в сентябрьском номере — очерк «Подводная прогулка» (Г. Е. Тмарченко ошибочно именуется ее повестью⁷⁹), в котором описывался уникальный и смелый эксперимент — погружение автора в чугунном колоколе на дно Невы. Явно заинтересовавшись очерком, Некрасов включит его в состав редактируемого им первого выпуска сборника «Для легкого чтения» (СПб., 1856). Очерк «Подводная прогулка» будет перепечатан еще раз — в 1858 г. в восьмом выпуске сборника «Для легкого чтения», на который откликнется рецензией Добролюбов⁸⁰. В отделе «Библиография» апрельской книжки «Современника» за 1852 г. была опубликована анонимная рецензия на исправленное и дополненное Малиновским второе издание книги ординарного профессора физиологии и сравнительной анатомии в Бернском университете доктора Валентина «Начальные основания физиологии человеческого тела», а в октябрьской книжке журнала за 1855 г. — анонимный отзыв на второе издание книги самого П. П. Малиновского «Помешательство» (СПб., 1855). Нетрудно заметить: П. П. Малиновский имел отношение к медицине, естественным наукам. И это не случайно.

Биографических сведений о Павле Петровиче Малиновском (1818–?) чрезвычайно мало⁸¹. По всей вероятности, он был незаконнорожденным сыном помещи-

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 109. Л. 2 об.

⁷⁸ Егоров Б. Ф. Указ. соч. С. 502.

⁷⁹ Комарова Т. С. Указ соч. С. 287.

⁸⁰ <Добролюбов Н. А.> Для легкого чтения. Повести, рассказы... Тома VI: VII: VIII. СПб., 1857–1858 // Современник. 1858. Т. 69. № 5. Отд. II. С. 67.

⁸¹ См., напр.: http://www.biografija.ru/snow_bio/asp?id=82840.

ка Петра Дурново, мичмана флота. В Московском областном архиве сохранилась метрическая тетрадь Введенской церкви Грязовецкого уезда Вологодской губернии, в которой значилось, что в вотчине местного помещика Петра Дурново в сельце Светилово у вдовы Дарьи Ивановой 23.12.1818 г. родился сын Павел⁸². Мальчик был взят на воспитание помещиком и жил в Вологде, где «занимался образованием себя разными науками» и, как следует из свидетельства от 29.05.35 г., выданного Малиновскому, «при видимых способностях поведения был отлично хорошего и честного»⁸³.

Как и многие молодые люди, Павел Петрович мечтал о продолжении образования в Москве. Чтобы выехать из Вологды, мещанин Малиновский получил увольнительную на год, выданную ему 24.05.35 г. Она любопытна тем, что содержит приметы, дающие представление о том, как выглядел 17-летний Малиновский: «Рост 2 аршина 4 вершка. Волосы, брови русые. Глаза карие. Нос прямой. Подбородок неприметный. Лицо белое, гладкое. Холост»⁸⁴. По приезде в столицу 24.08.35 г. Малиновский обратился в Московское отделение медико-хирургической академии с прошением, в котором просил зачислить его казеннокоштным студентом. «Желая обучаться медицинским наукам и учившись предварительно в доме своих родителей, прошу покорнейше почтеннейшую конференцию допустить меня к экзамену»⁸⁵. О годах учения Малиновского в академии ничего не известно, кроме того, что к концу пребывания в ней он стал испытывать необходимость в средствах. Будучи студентом IV курса, Малиновский обратился в канцелярию академии с просьбой «по переменившимся обстоятельствам», приведшим к изменению его положения (смерть отца?), позволить ему вместе с лекциями IV курса слушать лекции за V курс и «держаться репетиции, экзамен на звание лекаря»⁸⁶. В противном случае пришлось бы жить уроками. Просьба не была удовлетворена, тем не менее в 1840 г. Малиновский окончил академию с золотой медалью.

По окончании академии Малиновский работал в Екатерининской больнице и до 1843 г. в Преображенской психоневрологической больнице. Затем он переехал в Петербург, где продолжал работать психиатром в качестве старшего ординатора Обуховской больницы. С 1843 по 1848 гг. Малиновский совмещает работу в Медицинском департаменте с сотрудничеством в «Военно-медицинском журнале». С 1853 по 1855 гг. он находился на военной службе — сначала в Астраханском военном госпитале, затем в Запасной дивизии полевого корпуса. В 1854 г. с воинской частью был в Киеве. В 1855 г. уволен из армии. До 1868 г. Малиновский числился в списках работающих врачей. На этом биографические сведения о нем обрываются.

⁸² Федотов Д. Д. Павел Петрович Малиновский // Малиновский П. Помещательство, описанное так, как оно является в практике врача. М., 1960. С. 5.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 5–6.

⁸⁵ Там же. С. 6.

⁸⁶ Там же.

Годы учебы в академии — время формирования лучших черт личности П. П. Малиновского. Это был замечательный период в истории русской философии и научной мысли. В конце 30–40-х гг. XIX века В. Г. Белинский и А. И. Герцен вели борьбу за материалистическое направление в русской передовой мысли, закладывали основы классической русской материалистической философии. Эта борьба захватила и часть профессуры медико-хирургической академии и Московского университета. Идеалистическое течение в физиологии тогда представлял профессор Петербургской медико-хирургической академии Д. М. Велланский. Развивая взгляды в духе натурфилософии Шеллинга, он выступал против переоценки эксперимента в медицине и естественных науках, призывал к построению надуманных абстракций, голому теоретизированию. Но в эти же годы выдвинулись и замечательные ученые, заложившие основы материализма в естествознании, — А. М. Филомафитский, И. Е. Дядьковский, П. А. Загорский, К. Ф. Рулье и др. В эти годы работал и Н. И. Пирогов, в тесном общении с которым протекала деятельность Малиновского. Своим учителем в психиатрии он считал и И. Ф. Рюля, посвятившего себя улучшению участи помешанных.

В 1846 г. в апрельской книжке «Библиотеки для чтения» Малиновский опубликовал свою первую работу — очерк «Записки доктора» (в оглавлении ошибочно значилось: «А. Малиновский»). В 1846 г. в Петербурге вышло отдельное издание «Записок доктора» под той же ошибочной подписью⁸⁷. В нем прослеживалась трагическая судьба детей женщины, страдавшей психическим расстройством. Проводя мысль о наследственном характере заболевания, Малиновский в качестве одной из причин помешательства указывал на бедность. Сетую в предисловии на людей, которые идеализируют положение русского мужика, автор Малиновский в духе «натуральной школы» описывал его истинное положение: «Трудно найти что-нибудь грязнее, вонючее, нечистоплотнее жилья крестьянина. В дождливое время вы должны благодарить бога, если вы доберетесь до его крыльца, не завязнув в грязи... Перейдя четыре или пять ступеней покривившегося крыльца, вы входите в сени; пол кривой, просвечивают огромные щели, и на полу этом такая же грязь, как на улице; у стен иногда два–три сундука, заброшенные грязные, изодранные одежды; летом, на оглобле, воткнутой за перекладину, поддерживающую потолок, висит колыбель, и в ней пищит запачканный ребенок; в сенях вы непременно встретите овцу или свинью, да не одну, и несколько куриц; все эти животные украшают сени, чем они могут украшать, и развивают неприятный запах»⁸⁸. Демократизм Малиновского, его знакомство с бытом русского народа возникли не из чтения книг. «Я жил в деревнях, — признается автор очерка, — старался смотреть не сквозь пальцы и по своей обязанности нередко заглядывал в недра,

⁸⁷ Ошибка содержится и в именном указателе к 13-томному Полному собранию сочинений В. Г. Белинского: «Малиновский И., беллетрист 1840-х гг.» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1959. Т. 13. С. 593*).

⁸⁸ *Федотов Д. Д. Указ. соч. С. 11.*

во внутренность этой крестьянской жизни»⁸⁹. Поэтому нельзя не согласиться с исследователем: «В этом чрезвычайно интересном произведении, написанном в научно-популярной и занимательной форме, рассчитанном на широкого читателя и как бы адресованном к русскому народу, приоткрываются и некоторые особенности биографии П. П. Малиновского»⁹⁰.

На очерк Малиновского откликнулся В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Отметив, что «Воспоминания Фаддея Булгарина», не принадлежа «ни к ученой, ни к поэтической, но к так называемой легкой литературе», тем не менее «есть книга во многих отношениях интересная и замечательная»⁹¹, критик продолжает: «К числу такого же рода произведений отнесли бы мы и “Записки доктора”, сочинение г. Малиновского, если бы эти записки больше были верны своей прекрасной цели и больше походили на записки, нежели на мелодраму в форме неудавшегося романа, написанного без таланта, без умения и такту»⁹². Признавая важность и интерес предмета, он подчеркнул неосновательность стремления ученого придать своему сочинению беллетристическую форму.

Иначе воспринял «Записки доктора» юный Н. А. Добролюбов, оставивший 25–26 июля 1850 г. следующий отзыв о прочитанной книге: «Прекрасное, трогательное, увлекательное сочинение. Почти со слезами читал я этот рассказ»⁹³. Не исключено, что сочинение Малиновского явилось одним из источников повести А. И. Герцена «Доктор Крупов» («Современник», 1847, № 9).

Развивая тему, в 1847–48 гг. Малиновский помещает в «Военно-медицинском журнале» ряд статей под названием «О помешательстве». В 1847 г. Павел Петрович издает их в Петербурге отдельной книгой под заглавием: «Помешательство, описанное так, как оно является врачу в практике». В 1855 г. появилось второе издание книги, вызвавшее отзывы в «Современнике», в «Библиотеке для чтения» (1856, № № 3–4), «Отечественных записках» (1856, № 2), «Трудах Вольного экономического общества» (1855, т. 4). Все рецензенты очень высоко книгу Малиновского, и «Отечественные записки» попытались умалить значение его труда. Впоследствии Л. А. Прозоров объяснит суровость рецензии тем, что автором рецензии был человек, далекий от психиатрии⁹⁴.

Уже в названии книги Малиновского отразилась установка автора на изучение объективных фактов, а не умозрительные построения, понимание связи психиатрии с жизнью общества, теории с практикой. Психиатрия того времени еще не знала нозологического принципа систематики болезней. Психическое или

⁸⁹ Федотов Д. Д. Указ. соч. С. 11.

⁹⁰ Там же. С. 10–11.

⁹¹ Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 10. С. 46.

⁹² Там же.

⁹³ РО ИРЛИ. № 1952. Л. 21 об. См. об этом: Митропольский А. С. «Реэстр книг, читанных мною...»: Круг чтения Н. А. Добролюбова 1849–1853 гг. и первые литературные опыты. Нижний Новгород, 1991. С. 95.

⁹⁴ Прозоров Л. А. Первые русские учебники психиатрии // Современная психиатрия. 1914. № 12. С. 937.

душевное заболевание рассматривалось преимущественно в симптоматологическом плане. Считалось, что наряду с соматическими заболеваниями существуют «болезни души», обозначавшиеся разными терминами — «умалишение», «безумие», «сумасшествие». Принадлежа к симптоматологическому направлению, Малиновский предложил заменить их одним — «помешательство», под которым понимал нервную болезнь, вызванную нарушением деятельности головного мозга, первичным или вторичным, обусловленным поражением соматической сферы. Ученый выделял четыре вида помешательства: ограниченное, общее, глупость и бессмыслие. Но, будучи практиком, он одним из первых указал на роль внешних факторов в возникновении психических заболеваний и формировании их симптоматики. Не отрицал Малиновский и наследственности. В этом отношении он оказался выше немецких ученых-идеалистов, как «психиков», так и «соматиков», выводивших причину болезни из заболеваний головного мозга или какого-либо другого органа. Точно также полемизировал Павел Петрович и с френологами, связывавшими психические заболевания с определенным местом в мозгу. Малиновский не был создателем теории нервизма, связываемой с трудами И. М. Сеченова, С. П. Боткина, И. П. Павлова, но его взгляды на роль нервной системы были ее предвидением.

Развивая свои идеи, Малиновский поместил в «Военно-медицинском журнале» статьи: «Применение этеризации к судебно-медицинским случаям», «Сбыт и употребление лошадиного мяса», «Применение проветривания к военной гигиене», «Практическое замечание относительно фармацевтических занятий», «Взгляд на употребление эфира и хлороформа» и др. В 1848 г. по поручению медицинского департамента Военного министерства Малиновский предпринял перевод с немецкого книги доктора Валентина «Начальные основания физиологии человеческого тела». Не ограничившись переводом и исправлением ошибок, вкравшихся в первое издание, Малиновский дополнил книгу рядом статей, доказывавших, что он был не только эрудированным психиатром, но и широко образованным человеком, ориентированным в языках, механике, естественных науках и т. п. Приведем названия некоторых из них: «Законы образования звуков в человеческой гортани», «Явления дополнительных цветов и окрашенных теней», «Новейшие микроскопические исследования относительно нервной системы», «Образование нервных волокон». «Влияние эфира и хлороформа на нервную систему», «Нервные токи и новейший способ измерения этих токов (или так называемого животного магнетизма)» посредством гальванометра» и др. В 1849 г. Малиновский выступил в «Военно-медицинском журнале» со статьей «Практические замечания относительно самых употребительных работ и занятий».

П. П. Малиновский сотрудничал не только «Военно-медицинском журнале» и «Современнике», о чем говорилось выше, но и в «Русском вестнике» М. Н. Каткова. В 1860 г. он поместил здесь обширную статью «Пороховые взрывы» («Русский

вестник». 1860, апрель, кн. 2; май, кн. 1), в которой речь шла о потрясших Петербург 22 августа 1858 г. взрывах на Охтенском пороховом заводе, сопровождавшихся огромным числом жертв.

На протяжении многих десятилетий о Малиновском не вспоминали. Первым напомнил о нем Л. Ф. Змеев, в книге которого «Русские писатели врачи» (СПб., 1886) содержался перечень работ Малиновского. В 1914 г. Л. А. Прозоров в статье «Первые русские учебники психиатрии» дал высокую оценку книге Малиновского «Помешательство»: «Такие работы не теряют своего значения»⁹⁵. Отдав должное Л. А. Прозорову, О. В. Кербиков, выступивший в 1951 г. со статьей «П. П. Малиновский (К оценке некоторых периодов истории психиатрии)», однако, констатировал, что имя ученого еще не пользуется широкой известностью. Отсюда цель его статьи — «вернуть из мрака забвения и поставить на то почетное место в истории отечественной психиатрии, которое ему по праву принадлежит, одно имя — имя Павла Петровича Малиновского»⁹⁶.

Усилия ученых не пропали даром. Появился целый ряд статей о Малиновском — Г. Ю. Малиса, Т. И. Юдина, Д. Д. Федотова, В. А. Невского и др. В настоящее время в П. П. Малиновском видят «выдающегося психиатра 40-х годов»⁹⁷, автора «оригинального руководства по психиатрии»⁹⁸. В 1960 г. его книга «Помешательство» была переиздана в Москве, предварялась она статьей Д. Д. Федотова, содержащей уникальные сведения о жизни автора. Историю русской психиатрии принято вести с 60-х гг. XIX века. 1867 г. — дата открытия И. М. Балинским первой психиатрической клиники — считается датой рождения отечественной научной психиатрии, а плодотворная деятельность земских психиатров в 70-е гг. — началом практической психиатрии в стране. Между тем уже в первой половине XIX века в России были и хорошие психиатрические больницы, и замечательные врачи, такие, как П. П. Малиновский.

Возникает вопрос: тот ли это Малиновский, о котором столь нелицеприятно отзывался Дружинин? Тем более, что, отдавая должное Малиновскому-ученому, специалисты-медики ничего не говорят о его связи с кругом «Современника», отношениях с Некрасовым и Дружининым и т. п. В нашем распоряжении имеются факты, позволяющие ответить утвердительно на поставленный вопрос. В РГАЛИ сохранились воспоминания неизвестного, в которых, в частности, говорится о его путешествии на Кавказ в 1851 г. Как следует из них, по дороге в Пятигорск в Ставрополе он встретился с направлявшимся на юг Дружининым, который, как выясняется, ехал не один. «В Ставрополе, — пишет мемуарист, — я пробыл несколько часов, пообедал в гостинице, в общей зале, где и познакомился с нашим

⁹⁵ Современная психиатрия. 1914. № 12. С. 931.

⁹⁶ Кербиков О. В. П. П. Малиновский (К оценке некоторых периодов истории психиатрии) // Невропатология и психиатрия. М., 1951. Т. XX. № 3. С. 44.

⁹⁷ Невский В. А., Федотов Д. Д. Отечественная невропатология и психиатрия XVIII и первой половины XIX века (1700–1860 гг.): Библиографический указатель. М., 1964. С. 184.

⁹⁸ Прозоров Л. А. Указ. соч. С. 931.

юным писателем Дружининым (ему в это время было 27 лет. — Н. А.) и медиком Малиновским, которые оба ехали в Пятигорск, по пути со мною. Общество этих господ было мне очень приятно, они были очень любезны, и как люди образованные, их разговор представлял много интересного для меня»⁹⁹. Примечательно, что одно из приведенных выше суждений Дружинина о Малиновском высказано им в письме от 29.12. (1851 г.) к Ливенцову, с которым писатель познакомился на Кавказе. Последний, видимо, был знаком с Малиновским или слышал о нем от Дружинина. Наконец, П. П. Малиновский был на Кавказе: он являлся автором статьи «Кавказские минеральные воды», помещенной в упомянутой выше газете «Друг здравия» (1852, № 26)¹⁰⁰. Полагаем, приведенных фактов достаточно для того, чтобы утверждать: медик Малиновский, сопровождавший Дружинина в поездке на Кавказ, и П. П. Малиновский, сотрудничавший в «Современнике» Некрасова и Панаева, — одно и то же лицо.

Не симпатизируя Малиновскому-человеку, Дружинин высоко ценил его как специалиста. Более того, личность доктора нашла отражение в творчестве писателя.

Весной–осенью 1851 г., во время пребывания на Кавказе, Дружинин задумал серию рассказов под общим названием «Путевые заметки». 3.09.53 г., находясь в Мариинском, он записал в «Дневнике»: «У меня есть в голове план путевых заметок, из которых “Певица Каццен-Яммер” и “История одной картины” суть эпизоды... В голове зреют следующие другие эпизоды. “Попутчик” (история и характер Малиновского), “Популярная медицина” (доктор — искатель секретов)...» (213–214). В РГАЛИ сохранился незавершенный рассказ «Попутчик», в котором Малиновский выведен под именем Петра Андреича Молоткова. Рассказчик, собираясь на юг России, высказывает мысль о том, что дурных людей не существует, и заявляет о своей готовности подружиться с дурным человеком, полагая, что найдет в нем хорошие стороны. «Наутро, — продолжает он, — посетил меня добрый и милый наш доктор, собиравшийся было ехать со мною на юг, но задержанный семейными делами в Петербурге, вместе с ним в комнату вошел маленький человечек с резкими, но довольно приятными чертами лица, одетый с педантической щепетильностью, но при всем том некрасиво и непросто. Сзади и сбоку новое лицо походило на мальчика, так жидки и тощи казались его члены, и этой юношеской осанкою представляла оригинальный контраст его голова, едва покрытая редкими волосами. “Я пришел к вам с приятной новостью, — начал доктор, познакомив меня с своим приятелем, — вам, верно, не будет противно иметь с собой умного и милого попутчика. Петр Андреич Молотков, которого я знаю за отличного человека, просил меня, чтоб я его свел с вами. Вы одних лет и едете в одно и то же место, сверх того, все ваши друзья будут спокойнее на ваш счет. Петр Андреич — медик и станет ухаживать за вами так, как я сам бы ухаживал на его месте”. Предложение было очень обязательно, и,

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 98. Лл. 18 об.–19.

¹⁰⁰ Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. СПб., 1887. 3 тетрадь. С. 37.

если б я даже пожелал отказаться, исполнить это было бы не совсем легко. Петр Андреич оказывался самым сговорчивым, снисходительным из попутчиков... Он любил путешествие для путешествия и не понимал взгляда людей, которые портят свое наслаждение или торопливостью, или прихотями, или скаредностью. В речах его заметна была замечательная и вовсе не фальшивая многосторонность ... кроме медицины, он занимался естественными науками, сочинял что-то и в легком роде, знал толк в старых картинах и угадал очень верно, кем которая была написана ... наконец, занимался разными денежными оборотами и умел говорить о том, сколько пользы может извлечь предприимчивый человек с капиталом во время поездки по внутренним губерниям России. А между тем, несмотря на свой живой разговор, на манеру, может быть, чересчур искательную, но не имеющую ничего приторного, на великую свою сговорчивость, Петр Андреич не произвел на меня приятного впечатления... Что-то жесткое, заученное, не вытекающее из сердца слышалось во всех этих любезностях, замечках и разглагольствованиях... Принужденность всех движений Петра Андреича бросилась мне в глаза прежде всего — его улыбка была не настоящей улыбкою, шутка не имела увлечения шутки, дружелюбная сговорчивость не имела в себе того драгоценного оттенка, который дается нам вследствие деликатности души. Наряд молодого человека был скромн, он сделан был, кроме сюртука, из какой-то серой, не разрушающейся и, может быть, в огне не горящей материи, на которой не было ни пылинки, рубашка моего будущего попутчика состояла из грубого полотна, а между тем вышита на груди так, как вышивается самое дорогое белье... “Может быть, — подумал я, окончивши обозрение, — может быть, заключение мое ошибочно, но эта смесь претензий и франтовства с бедностью, эта излишняя щепетильность убора показывает или человека скаредного, или что-нибудь еще хуже”... В этот же вечер двое приятелей из числа обедавших со мной накануне, услышав фамилию Молоткова, принялись смеяться, а потом объявили мне, что мое желание сойтись с дурным человеком осуществилось, будто силою волшебства. Петр Андреич был известен как отчаянный скряга и человек, имевший на своем веку две или три неприятные истории. “Впрочем, — прибавили они, — попутчик он будет хороший, потому что расчетлив и много ездил по Руси”. Доктор наш, тут же случившийся, признался, что очень мало знает Молоткова, а хвалил его более для красоты слога, но я ... принял эти известия очень весело и даже торжественно возблагодарил судьбу за быстрое исполнение своих желаний... Если б мне предложили и теперь совершить прежнее путешествие в прежние страны, я не отказался бы иметь опять спутником Петра Андреича, — только, сознаюсь в одном, с тем, чтоб иметь возможность бросить его, когда вздумается»¹⁰¹. Судя по этой фразе, содержанием произведения должен был служить рассказ о каких-то неблагоприятных поступках Молоткова, вызвавших негативную реакцию автора-повествователя.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 66. Лл. 1 об.–3.

Одновременной с «Попутчиком» Дружинин работал над повестью «Легенда о кислых водах». В одной из черновых редакций произведения («Кавказские воды») он выводит Малиновского в образе Павла Ивановича Молоткова (первоначально — Долотова), приятеля Дмитрия Николаевича Озерковского, человека впечатлительного, но не умевшего выбирать друзей. «Одним из таких наскоро запасенных товарищей провинциального одиночества, — пишет Дружинин, — оказался некто Павел Иванович Молоткова, приехавший на воды в один день с Озерковскими и, что всего важнее, приехавший из Петербурга. Дмитрий Николаевич сошелся с ним в лавке восточных товаров и разговорился о ткани и достоинстве термаламы... От азиатских материй разговор перешел к русским, причем супруг m-me Лиди убедился, что его собеседник знает технологию и химию, потом стали говорить о водах, — оказалось, что Молотков знал и медицину. Речь коснулась литературы и политики, Павел Иванович умел говорить и о том, и о другом... О Кавказе и его жителях Молотков отзывался необыкновенно дурно, по временам переходя в пафос и сообщая вещи решительно несбыточные: так, ему казалось по временам, что пол-Пятигорска и две трети приезжих больных образовали компанию на акциях с тою целью, чтоб обыграть его, Молоткова, и что ему нельзя показаться ни в одно публичное место, не встретив заговорщиков, поклявшихся пустить его по миру...»¹⁰².

В другом фрагменте черновой редакции повести Дружинин описывает внешность, занятия, поведение и характер героя: «Особа, приведенная Озерковским и отрекомендованная Лидии Антоновне под именем Павла Ивановича Молоткова, представляла из себя существо невысокого роста с редкими, необыкновенно мягкими волосами светло-коричневого цвета и лицом, будто сделанным из желтого воска, что, однако же, не мешало ему быть украшенным десятью или двенадцатью красноватыми пятнами, напоминавшими собой пятна, если не на солнце, то, по крайней мере, на месяце. Павел Иванович, судя по лицу, не имел в своем характере ровно ничего привлекательного, исключая разве какой-то особенной горько-кисло-сладкой искательности, сообщавшей всей физиономии нечто неестественное и неприятно-учливое... Рубашка Павла Ивановича, сшитая чрезвычайно хитро, вся в мелких складках, состояла из толстого полотна, панталоны и жилет сделаны были из материи грубова-той, но неизносимой, непромокаемой, даже, может быть, в огне не горящей, на сюртуке не было пылинки — обстоятельство, изобличавшее тот предел, где необходимая опрятность переходит в фанатизм немца или мизерную щепетильность домашнего скряги. Манеры Павла Ивановича, в самый день его приезда в Пятигорск прозванного “господином с географией на физиономии”, отличались смешением самой обыкновенной неловкости с ... ненатуральной развязностью... Павел Иванович принадлежал к разряду людей, для которых зло есть первая необходимость, которые способны мстить даже за вежливость,

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 53. Л. 63.

даже за благодеяние»¹⁰³. Неодобрительный отзыв Молоткова о пятигорской публике, убеждение, что в городе существует компания людей, имеющих целью обыгрывать в карты, что предводителем одной из них является Кадницын, приятель Оленинского, приводит к ссоре последнего с Молотковым и изгнанию его из дома Озерковского. Позже Озерковские узнают, что, столь строгий к картежникам, Павел Иванович, в свою очередь, играл всю ночь в карты и выиграл все деньги и шашку у какого-то небогатого офицера. «Скарედность химика и технолога, — продолжает Дружинин, — могла только равняться с его жестокостью: люди не уживались у него трех дней и убежали без жалованья, что давало ему возможность не тратиться на прислугу. Поведение это не оправдывалось даже бедностью: по собственному сознанию Молоткова, на его груди лежали в особенной ладанке до восьми тысяч рублей кредитными билетами»¹⁰⁴. В окончательной редакции «Легенды о кислых водах» Молотков среди персонажей отсутствует.

Тень Малиновского промелькнет в творчестве Дружинина еще раз — в рассказе «Русский черкес» («Библиотека для чтения», 1855, № 11). Герой произведения Матвей Кузьмич Мушкин, вообразив себя черкесом, в сопровождении дочери Вареньки отправляется в Пятигорск. Пытаясь вернуть отца к действительности, она «приставила к нему медика, когда-то занимавшегося изучением душевных болезней»¹⁰⁵.

Данная статья в расширенном виде представляет собой главу монографии: Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин (1824–1864). Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара, 2005.

¹⁰³ Там же. Лл. 52 об.–54.

¹⁰⁴ Там же. Л. 57.

¹⁰⁵ Дружинин А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 211.

М. Ю. Степина

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКРАСОВА В ОЦЕНКАХ П. А. ПЛЕТНЕВА

Актуальность заявленной темы представляется самоочевидной. Поэт и критик пушкинского круга, педагог и ректор Санкт-Петербургского университета Петр Александрович Плетнев (1792–1866) принял участие в юном поэте и абитуриенте Некрасове. Позднее он передал в аренду на 10 лет пушкинский журнал «Современник» в руки редакции, «практиком» и организатором которой был успешный литературный «делец» и «торгаш» Некрасов. Десять лет спустя, параллельно с составлением завещания, Некрасов обдумывал возможную роль Плетнева в редакции журнала на случай своего «отсутствия» (Н 15. XIII–2: 243–244). Деловые отношения продолжались вплоть до смерти Петра Александровича 29 декабря 1865 г. (10 января 1866) в Париже, а рассказ об участии Плетнева в его судьбе отражен в устных автобиографических рассказах Некрасова (Н 15. XIII–2: 47–48, 49, 356). И хотя тема «Н. А. Некрасов и П. А. Плетнев (История взаимоотношений и литературных контактов)» была поставлена Е. П. Горбенко в 1888 г.¹, а наблюдения и оценки Горбенко убедительны, жанр тезисов доклада не допускает в ее изложении ни подробного анализа, ни иллюстративности, соразмерной предмету исследования, который не сводится к печатным высказываниям одного частного лица о другом.

Критическому перу Плетнева принадлежит малое число печатных отзывов о Некрасове. Но анализ обзоров библиографии в «Современнике» за 1842 г. помогает обнаружить его скрытую полемику с Некрасовым — автором рецензий, опубликованных в «Литературной газете» в 1842 г. В 1840-е гг. неприятие Плетневым литературной деятельности Некрасова было явным и последовательным, что сказывалось на печатной оценке его поэтического дарования². Дальнейшие оценки

¹ Горбенко Е. П. Н. А. Некрасов и П. А. Плетнев (История взаимоотношений и литературных контактов) // III Некрасовские чтения: Тезисы выступлений. Ярославль, 1988. С. 9–10.

² Примечательно, однако, что перед самой смертью, 20 декабря 1877 г., Некрасов говорил своему лечащему врачу Н. А. Белоголовому, что «Плетнев ему всегда советовал лечиться холодной водой» (Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901. С. 406). Личное воспоминание Некрасова запечатлело по-человечески доброжелательное отношение Плетнева к себе.

лишь угадываются из контекста его личной переписки. Отметим, что суждения, не предназначавшиеся для печати, очень показательны. Деловые связи сохранились до конца жизни критика.

Известные нам факты позволят хотя бы фрагментарно восстановить и реконструировать динамику отношения Плетнева к литератору новой формации, что обогатит наше представление как о критическом восприятии Некрасова, так и о самом Плетневе. Личные и литературные контакты Плетнева и Некрасова вписали свою строку в литературном процессе 1830-х до 1860-х гг.: в истории поэзии на отрезке от «первого поэта» Пушкина до «первого поэта» / «не-поэта» Некрасова, в истории критики от суждений литературного салона до «реальной критики», уже пережившей своих замечательных представителей, и в истории литературы, в которой роль журналистики в эти годы стремительно выросла.

Как известно, основная литературная деятельность Петра Александровича Плетнева пришлась на конец 1810^х – середину 1830^х гг.³ Плетнев дебютирует как поэт элегической школы, выступает в качестве редактора и рецензента. В 1820-е гг. он становится одним из ведущих критиков среди литераторов пушкинского круга, которому остался верен до конца своих дней.

Критическое наследие Плетнева привлекло внимание небольшого числа исследователей⁴. Это закономерно. При характеристике его критической позиции традиционно приводится во многом исчерпывающее пушкинское выражение «добрые критики»⁵. Известно, что в своих лекционных курсах Плетнев уделял большое внимание текущей литературе и прививал студентам, помимо исторического взгляда на литературный процесс, навыки эстетического разбора художественного произведения. Плетнев, начавший свою критическую деятельность «как воспитанник карамзинской школы»⁶, впоследствии «испытал воздействие романтизма и романтической критики, его система литературно-критических воззрений впитала элементы просветительства, сентиментализма и романтизма»⁷. Однако, как утверждает Г. Е. Потапова, в суждениях Плетнева о романтических поэмах Пушкина «как нельзя более ярко проявляется нормативность мышления Плетнева-критика: сопоставление (с Байроном. — М. С.) осуществляется с точки зрения классицистического принципа подражания “образцам” и “соревнования”

³ Горбенко Е. П., Розин Н. П. Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели: 1800–1917: Библиографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 636–642.

⁴ См.: Горбенко Е. П. П. А. Плетнев — литературный деятель пушкинской эпохи (20–40-е годы XIX века): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1983; Шелаева А. А. П. А. Плетнев — литературный деятель // Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988. С. 5–21; Проскурина В. Ю. 1) Эстетическая позиция П. А. Плетнева — издателя «Современника» // Вестник МГУ, серия «Филология». 1984. № 6; 2) П. А. Плетнев — литературный критик // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1985. № 5; 3) Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели: Библиографический словарь. Т. 2. М–Я / Под ред. П. А. Николаева. С. 136–138.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. XIII. С. 154.

⁶ Горбенко Е. П., Розин Н. П. Указ. соч. С. 637.

⁷ Там же.

с ними»⁸. Исследовательница характеризует Плетнева как «достаточно робкого и традиционного в качестве литературного критика»⁹. Эта формулировка восходит к суждению И. С. Тургенева: «он <...> обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом»; и далее: «Для критика — в воспитательном, в отрицательном значении слова — ему не доставало энергии, огня, настойчивости; прямо говоря — мужества»¹⁰. Эта оценка вынесена, что называется, «от противного», она отталкивается от впечатления, производимого Белинским¹¹. Сам факт такой оценки также представляется значимым для представления об оценках Плетневым литературной деятельности Некрасова — ученика Белинского в «эпоху Белинского», «петербургский период» его деятельности.

В к. 1830-х — 1840-е гг., когда Некрасов входит в литературу и обретает в ней одно из центральных мест, Плетнев публикует биографические статьи-портреты, в которых ярче всего выразилась его индивидуальная манера: «Александр Сергеевич Пушкин» (1838), «Евгений Абрамович Баратынский» (1844), «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (1847), «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» (1852). А. А. Шелаева отмечает, что «одним из неперенных условий создания очерка были личные связи Плетнева с его героем» и что в этих очерках Плетнев «отказался от какой-либо схемы, но выдержал определенный принцип организации биографического материала: очерк всегда обусловлен характером изображаемого лица»¹². В. Ю. Проскурина отмечает, что в очерках Плетнева дана «отчасти идеализированная картина литературного быта предшествующей эпохи, противопоставляемая современным, “торговым” нормам взаимоотношений в литературно-журнальном мире»¹³. Замечание об идеализации представляется важным для темы данной статьи, но ниже будет предложено небольшое уточнение к нему.

Замечание об обращенности Плетнева к «предшествующей эпохе» объективно: он ориентировался на нее. Тем показательней обращение к его отзывам о Некрасове. Плетнев принимал участие в издании «Литературной газеты» А. А. Дельвига и Пушкина, а после смерти Пушкина выпускал его журнал «Современник»: вначале в числе т. н. литературной «складчины» (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, А. А. Краевский) и единолично — с 1838 по 1846 гг., до передачи журнала Некрасову и И. И. Панаеву. С точки зрения исторической перспективы, в литературной деятельности Плетнева после смерти Пушкина правомерно рассматривать Некрасова как наиболее значимое имя. Логично думать, что субъективно для Плетнева значимее был, например, Жуковский — и

⁸ *Потапова Г. Е.* «В буре споров, в вихре критик...» // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб., 2008. С. 8.

⁹ Там же.

¹⁰ *Тургенев И. С.* Литературный вечер у П. А. Плетнева // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1983. Соч. Т. 11. С. 18–19.

¹¹ См.: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977.

¹² *Шелаева А. А.* Указ. соч. С. 14, 15.

¹³ *Проскурина В. Ю.* Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели... С. 137.

как художник, и как личность с близким литературным и человеческим опытом. Но речь идет о динамике литературного процесса, в котором, помимо смены художественных ориентиров, вырисовывалась нарастающая роль журналистики и роль редактора в этом процессе. Задача данного частного исследования — проследить динамику восприятия Плетневым литературного процесса на примере отзывов о литераторе, персонально чуждом и неприятном, но заслужившем его признание.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ У ПЛЕТНЕВА

С именем Плетнева тесно связана культура литературного салона, в которой он видел образовательную роль для молодых литераторов. Плетнев посещал салоны Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, Майковых, В. Ф. Одоевского. У него самого на протяжении многих лет проходили «субботы», а затем — «среды», по которым собирались литераторы¹⁴. Плетнев оставил суждение о салоне как сфере литературной жизни, форме профессионального и межличностного общения в своем кругу и литературного образования:

«Они (Карамзин и Жуковский. — М. С.) переселились теперь в северную столицу. Около них начали между собою соединяться люди, чувствовавшие призвание к литературе и понимавшие важность благородных умственных занятий. <...> Сфера идей, тон суждений, краски языка естественно согласовывались с понятиями, стремлениями и умом лиц, соединенных в собрании. <...> Между лучшими русскими писателями, со времен Ломоносова до смерти Пушкина, всегда заметно было искреннее дружелюбие. Ни тени той взаимной зависти, в которой обвиняют соперников. Это низкое чувство никому не знакомо было в их кругу, всегда оставаясь только в низшем слое литературном»¹⁵.

Это суждение точно подпадает под определение В. Ю. Проскуриной: «идеализация». Но, оставляя в стороне вопрос о мере исторической достоверности свидетельства об «искреннем дружелюбии»¹⁶, уточним существенный нюанс. Облик литератора в изображении Плетнева не столько «идеализирован», сколько отражает требования Плетнева, его представления о необходимой норме. Литератор, которому Плетнев посвящает статью, принадлежит к высшему обществу, образован, имеет изящный вкус и благородный нрав, чужд недостойных мыслей и поступков. Отметим замечание Плетнева о «тоне суждений», который способен играть в его печатных выступлениях главную роль (напр., в скрытой полемике с

¹⁴ См., напр.: *Гаевский В. П.* Дельвиг // С. 1853. Т. XXXIX. Отд. III. Критика. С. 54; *Тургенев И. С.* Указ. соч. С. 11–20; *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001.

¹⁵ Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1985. Т. II. С. 80–82.

¹⁶ И. С. Тургенев в очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева» отмечает известную меру обоюдного злословия между участниками (*Тургенев И. С.* Указ. соч. С. 16). Сходную ироническую картину дает Панаев, описывая салоны С. Н. Карамзиной и В. Ф. Одоевского, которые посещал и Плетнев (см.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 117–118).

Некрасовым — автором библиографических обзоров в «Литературной газете»). Показательно сожаление Плетнева о фактически введенном им в литературу Д. И. Коптеву¹⁷:

«Как жаль, что он, при своем недюжинном уме и других хороших качествах души, стораает в страсти видеть стихи свои напечатанными. <...> Я только и умоляю о любви к самому искусству, о любви к труду, о любви к самосовершенствованию, а он все толкует об особенных причинах, по которым желает видеть более стихов в своих в печати. Это <...> свидетельствует об отсутствии характера и даже ясной идеи о первых истинах жизни»¹⁸ (письмо от 24 марта 1845 г.).

Требования, которые Плетнев предъявляет к литератору, особенно начинающему, принципиально важны для прочтения его рецензий, посвященных первому сборнику Некрасова и его последующим литературным опытам.

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «МЕЧТЫ И ЗВУКИ»

14 февраля 1840 г. вышел в свет сборник «Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н.». В № 2 «Современника» 1840 г. (ценз. разр. 6 марта) была опубликована рецензия Плетнева на сборник¹⁹. Рецензия носила одобрительный характер: несмотря на упреки в «некоторой небрежности в отделке стихов» — «неточность в выражениях, неправильные ударения», — Плетнев увидел «в каждой пьесе» «создание мыслящего ума или воображения». «Здесь не только *мечты и звуки*, — утверждает критик, — но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая в себе почти одни лирические стихотворения, исполнена разнообразия»²⁰.

Это единственная рецензия Плетнева, в которой он дает развернутую и одобрительную оценку литературным опытам молодого поэта, к тому времени он уже знакомого лично. Степень ее доброжелательности обращает на себя особое внимание в контексте процитированных выше сожалений о поспешных публикациях и в контексте рецензий, которые появлялись в плетневском «Современнике» на стихи молодых поэтов, напр.: «Этого разбора стихотворения не подлежат суждению». Рецензия на первый поэтический сборник Некрасова насчитывает несколько строк, т. е., по объему значительно превосходит типичные рецензии.

¹⁷ Горбенко Е. П. Коптев Дмитрий Иванович // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 3. С. 63 (вся статья — с. 63–64).

¹⁸ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Издана под редакцией К<онстантина> Я. Грота, ординарного профессора Императорского Варшавского университета. Том второй. С.-Петербург. Типография Министерства Путей Сообщения. СПб., 1896. Т. II. С. 429. Далее ссылки на это издание даются после цитаты в круглых скобках; римская цифра обозначает том, арабская — страницы. См. также суждение о В. Г. Бенедиктове (*Там же*, II: 136).

¹⁹ Современник. 1840. № 2. Т. XVIII. Отд. III. Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 133–134.

²⁰ Несколько подобных отзывов Плетнева либо просто перечисление поэтических новинок без комментария см., напр.: Современник. 1840. Т. 19. Новые сочинения. С. 143; С. 1841. Т. 21. № 1. Там же. С. 99–100; С. 1843. Т. 30. Там же. С. 101–102.

Поощрение, высказанное в рецензии, носило характер аванса молодому литератору и абитуриенту университета²¹. По всей вероятности, знакомством с В. А. Жуковским Некрасов также был обязан Плетневу (Н15. XIII–2: 424). Нет сведений о том, знал ли Плетнев об одобрительной оценке, данной одному или двум стихотворениям начинающего поэта (Н15. XIII–2: 425); мог знать, в силу тесного знакомства с Жуковским и присущего ему педантизма в делах. В плетневской оценке первых опытов Некрасова могло сыграть роль и то обстоятельство, что в стихах Некрасова, во многом подражательных, было заметно, в частности, подражание Жуковскому («Непонятная песня» Н15. I: 242, 657), отчасти «Водяной» Н15. I: 238, 656)). Поэтическая ориентация на Жуковского также могла настроить Плетнева в пользу молодого поэта.

Таким образом, в рецензии на первый поэтический сборник Некрасова Плетнев положительно оценил: попытки следовать близкой критику поэтической *традиции*; разнообразие; *изобразительную силу* («картины»); *мысль; чувство*.

Следующая рецензия Плетнева была напечатана примерно через полтора года после первой. Но динамика отношения прослеживается в длительном молчании, которое было характерным приемом Плетнева, и в его частной переписке.

«ДЛЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПОДЪЯЧИХ»

Ближайшая косвенная оценка Некрасова содержится в письме Плетнева к Гроту от 22 октября 1840 г., спустя полгода после рецензии на «Мечты и звуки».

В этом письме Плетнев формулирует свой излюбленный принцип — литературу следует разделять «чертой»:

«Лучше <...> составлять указания на достойнейшее в русской литературе, о гадких же произведениях Булгарина и ему подобных надобно будет упоминать внизу, под чертою, как о таком деле, которое показывает тщету усилия бездарности. Например, составив обзор Капитанской дочери с выписками и раскрытием ее валтер-скоттовских красот, можно сказать, что в России многие искали славы на поприще новеллистов и романистов; но что они, как и везде бесталанные люди, остаются для одного низшего круга читателей, например: лакеев, лавочников, го-стинодворцев и *провинциальных подъячих* <...> можно бы говорить вверху о Карамзине (историке), а под чертою о Полевом, вверху о Борисе Годунове — Пушкина, а внизу о Дмитрие Пожарском — Кукольника»²² (I: 105–106) (курсив мой. — М. С.).

Позиция обходить молчанием недостойное внимания явление литературы (то, что «под чертой») выдерживалась им на страницах «Современника». Но за

²¹ Вацуро В. Э. Некрасов, Плетнев и Никитенко в 1839 году // Некрасовский сборник. СПб., 1988. Вып. XI–XII. С. 189–191. Подробней об участии Плетнева в судьбе Некрасова см. также: Н 15. XIII–2: 356 (свидетельство Некрасова); Н 15. XIII–2: 433–438 (комментарий Б. Л. Бессонова к автобиографическим записям).

²² В письме от 31 октября 1845 г. Плетнев выражается еще резче: «Про бездельников гораздо приличнее молчать. Самое указание плутней их или глупости есть уже для них вознаграждение, которого они недостойны и от меня не дождутся» (I: 603).

молчанием скрывалась взвешенная оценка. В частной переписке Плетнев — эмоциональный и внимательный читатель — нередко высказывал оценки в адрес того, чего «не замечал» печатно. Литературная деятельность Некрасова (в особенности деятельность «досовременниковского периода») получила всестороннюю оценку Плетнева, складывающуюся иногда из кратких печатных высказываний, иногда из намеренного молчания критика. И словосочетание «провинциальный подьячий» в приведенной цитате — яркий тому пример.

Юмористическое стихотворение Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (Н 15. I: 282–291) было опубликовано в «Пантеоне русского и всех европейских театров» 1840 г.: в № 2 (ценз. разр. 20 февр.), № 3 (ценз. разр. 30 марта) и № 7 (ценз. разр. 31 июля). Произведение имело успех, о чем пишет Белинский: «Очень забавны куплеты “Провинциальный подьячий в Петербурге”; они так всем понравились и уже так всем известны, что мы не имеем нужды выписывать их»²³. Герой, чье имя указывалось в оглавлении как имя автора — Феоклит Онуфрич Боб, — в 1841 г. был выведен Некрасовым в водевиле «Феоклит Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке» (Н 15. VI: 658). Стихотворный фельетон характерен для того периода его творчества, о котором поэт впоследствии писал: «Пить, есть надо, я и задумал стишонки забавные писать. Напечатал их на листочках и стал *гостинодворским* молодцам продавать»²⁴ (курсив мой. — М. С.). Очевидно, что слово было обиходным²⁵.

Рецензии на это произведение в «Современнике» не появилось. Но первый стихотворный фельетон был прочтен и оценен Плетневым в письме к Гроту. Рассуждая об авторах, недостойных внимания: «Они, как и везде бесталанные люди, остаются для одного низшего круга читателей, например: лакеев, лавочников, *гостинодворцев и провинциальных подьячих*» (курсив мой. — М. С.), — Плетнев, наряду с расхожими понятиями, явно имеет в виду стихотворный фельетон Некрасова, обыгрывая его название: *провинциальный подьячий* — это и повествователь, и герой, и потенциальный читатель этого «повествования» с этим героем.

К этому времени попытки Некрасова учиться в университете остались позади²⁶. Степень занятости поэта в литературном и театральном мире не согласовалась с режимом систематического обучения в Университете. Некрасов активно сотрудничает в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (Н 15. XIV–1:

²³ Отечественные записки. 1840. № 5. Отд. VI. Библиографическая хроника. Русская литература. С. 22.

²⁴ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 229.

²⁵ Оно, в частности, отразилось в назывании А. Н. Островского. См.: Кошелев В. А. «Гостинодворский Коцебу» // Ф. Я. Прийма и вопросы филологии XX века. Исследования. Воспоминания. Материалы. СПб., 2009. С. 119–140.

²⁶ Как указывает С. А. Рейсер, Некрасов был уволен из числа вольнослушателей философского факультета 24 июля 1841 г. (Рейсер С. Некрасов в Петербургском университете // Литературное наследство. М., 1949. Т. 49–50. С. 351–364). Можно предполагать, что фактически поэт оставил учебу значительно раньше: «Я ходил года полтора, но учиться и зарабатывать хлеб трудно, и я бросил», — так объяснял эту неудачу сам Некрасов (Н 15. XIII–2: 48).

37; Лет. I: 73) и «Литературной газете» Ф. А. Кони²⁷ и обязывается по контракту с В. П. Поляковым — поставлять в течение 1841 г. в «Репертуар русского театра» «известное число стихотворений, переводов, мелкие статейки и писать рассказы»²⁸.

Деятельность Некрасова, по всей видимости, была Плетневу известна и тайны псевдонима для него не существовало. Письма Плетнева свидетельствуют, что он часто виделся с самыми разными литераторами и был осведомлен о делах в литературном мире. В частности, о начинаниях Ф. А. Кони и А. А. Краевского он знал в подробностях²⁹: именно Плетнев в 1836 г. пригласил Краевского к участию в пушкинском «Современнике»³⁰. Что касается псевдонима, то, по свидетельству Ю. К. Арнольда, который общался с Некрасовым в 1841 г., «*всему* петербургскому литературному кругу <...> было хорошо известно, что автор Н. Н. не кто иной, как водевильст *Перепельский*, и что настоящее его имя *Николай Некрасов*»³¹. Об этом писал В. С. Межевич, отвечая на упреки, зачем он раскрыл псевдоним: «Автор водевиля “Шила в мешке не утаишь”, по окончании пьесы, будучи вызван публикою, явился и раскланялся перед глазами всех, кто был в театре, стало быть, сам же снял с себя псевдоним свой»³². Активность Некрасова в литературно-театральных кругах делала его псевдонимы достаточно прозрачными для людей из своей профессиональной прослойки.

Плетнев в частном письме упоминает *провинциального подьячего* как имя нарицательное, так же как *гостинодворцев*. Этот факт свидетельствует о том, что Плетнев заметил и запомнил стихотворный фельетон Некрасова, имевший успех в публике. Следовательно, отсутствие рецензии Плетнева на «Провинциального подьячего...» объясняется не малозначительностью произведения молодого автора, а мнением Плетнева о Некрасове и его сформулированной позицией.

Похвала Белинского, несомненно, тоже попала в поле зрения Плетнева, следившего за деятельностью критика. В отношении к Белинскому в эти годы Плетнев обнаруживает нараставшее неприятие. Если в письме к Я. К. Гроту от 10 декабря 1840 г. он замечает: «О Белинском я всегда говорил, что он полон истинных мыслей и знания искусства» (I: 163), — то впоследствии он отказывает критику в этих достоинствах³³. Тематика и стилистика «Провинциального подьячего...» —

²⁷ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»: Хроника, гипотезы, находки. СПб., 1995. С. 12.

²⁸ Там же.

²⁹ О его осведомленности свидетельствуют выдержки из писем, содержащие множество «закулисных» подробностей. См., напр., письма к Я. К. Гроту: от 30 августа 1840 г. (I: 35); от 3 сентября 1840 г. (I: 38); от 6 сентября 1840 г. (I: 43); от 15 октября 1840 г. (I: 98); от 17 января 1841 г. (I: 208).

³⁰ Подробнее об этом см.: Громова Л. П. А. А. Краевский — редактор и издатель. СПб., 2001. С. 9.

³¹ Арнольд Ю. Воспоминания, вып. II. М., 1892. С. 214.

³² Северная пчела. 1841. № 123. 6 июня. Фельетонная заметка. С. 490. Подп.: Л. Л. Возражения В. Г. Белинского и Ф. А. Кони (Литературная газета. 1841. № 66. 17 июня, вторник. С. 263), печатно высказанные Межевичу, касались этики, но не сути дела.

³³ Напр., в его письмах к Я. К. Гроту в 1843 г.: от 3 февраля (II: 7); от 6 марта (II: 28); от 14 апреля (II: 56); от 28 апреля (II: 66–67).

сам факт выпуска этой книги в коммерческих целях, похвала Белинского «Подъячему...» как литературному явлению, обсуждение в периодической печати того, что «недостойно», сформировали негативную оценку Плетнева. Эта оценка побудила его, следуя своему правилу, уклониться от печатных высказываний о «Провинциальном подъячем...» и тем более полемики по поводу него. Таким образом, в оценке Плетнева наблюдается своеобразный «рикошет»: его недовольство Белинским усугубляет недовольство по отношению к Некрасову.

Отметим еще, что фраза из письма Плетнева содержит недвусмысленную оценку литературного лица. Некрасов — автор «Провинциального подъячего...» и других произведений, которые ему случалось писать для «гостинодворцев», — в оценке Плетнева попадает в разряд «бесталаных людей». Эта оценка дана спустя восемь месяцев после одобрительной рецензии на первый поэтический сборник Некрасова и спустя два месяца после второй попытки Некрасова поступить в Университет, осуществляемой при поддержке Плетнева. Ректор Университета увидел, что его подопечный, подававший надежды поэт, вместо того чтобы получать образование, пополнил ряды «литературных промышленников». То, что впоследствии сам Некрасов и исследователи его биографии и творчества считали литературной школой, в глазах Плетнева образованию не соответствовало. Позиция Плетнева: литература делится на элитарную (литературу) и написанную на потребу людей с неразвитым вкусом (не-литературу) — обуславливает отказ Некрасову в таланте, т. е. в том, что, как очевидно, дано (или не дано) вне зависимости от применения данного. Такова динамика его оценки Некрасова.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИЖКУ «БАБА-ЯГА, КОСТЯНАЯ НОГА»

Следующая оценка Плетнева была высказана в его рецензии на «сказку» Некрасова «Баба-Яга, Костяная Нога»³⁴. Этот отзыв не учтен ни в комментарии к сказке, ни в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова».

Стихотворная сказка «Баба-Яга, Костяная нога» впервые была частично опубликована в «Литературной газете» № 84 (19 октября) за 1840 г. с примечанием: «Эта оригинальная сказка уже печатается и в непродолжительном времени выйдет в свет» (Н 15. I: 292–296). 17 сентября 1840 г. она была продана книгопродавцу В. П. Полякову и 4 января 1841 г. полностью вышла в виде отдельной книги, без имени автора: «Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка в стихах в восьми главах. СПб., 1841».

В № 3 «Современника» за 1841 г. была опубликована краткая рецензия Плетнева:

«39. Баба Яга, Костяная Нога. Русская народная сказка, в стихах. В восьми главах. В 12; 82 стран.

Не удивляемся, что на означенных здесь стихотворениях нельзя остановиться с особенным вниманием или удовольствием: для нынешнего году (которого идет

³⁴ [Б. н.] Современник. 1841. Т. XXIII. Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 23.

еще первая половина) и того довольно, что мы получили “Стихотворения графини Растопчиной” (так! — М. С.), которых чтение облакает жизнь поэзией <...>³⁵.

Примечательно, что Плетнев счел нужным печатно высказаться по поводу «Бабы-Яги...», которая, по его классификации, явно была «под чертой».

Появившиеся в периодике рецензии на книжку «Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка в стихах в восьми главах. СПб., 1841» в основном были краткими, ироничными и сходными в оценке ее достоинств и недостатков. Рассмотрим их.

31 января в № 2 «Библиотеки для чтения» опубликована рецензия О. И. Сенковского: «...Я <...> предлагаю палате принять поэму к сведению, а *неизвестного* поэта впредь до усмотрения оставить по-прежнему в том же чине»³⁶.

3 февраля в № 2 «Отечественных записок» вышла рецензия неустановленного автора: «Эта сказка нисколько не русская и не народная. Это даже и не сказка, а просто стихотворение <...> в котором есть и изрядные стишки, есть и плоховатые. Книжка издана для известного круга публики, и во всяком случае она найдет себе читателя»³⁷.

4 февраля в № 2 «Русского вестника» напечатан краткий отзыв Н. И. Греча: «Читали ль вы эту книгу? — спросил я у приятеля. — Читал. — Которая глава вам понравилась более прочих? — Девятая»³⁸ (в сказке восемь глав).

22 февраля в № 22 «Литературной газеты» опубликована рецензия Ф. А. Кони. Отмечая «кой-где грехи против изящного вкуса», Кони в целом благосклонен к сказке: «сказка довольно занимательная, и в ней есть почти везде смысл (большая редкость!); есть несколько недурных стихов и множество неправильных, жестких, что, может быть, произошло от поспешности автора одеться в печать и обертку. Как бы то ни было, мы думаем, что и для этой сказочки много на Руси найдется читателей, которые оценят ее, поймут и раскупят»³⁹.

27 августа в № 190 «Северной пчелы» напечатана анонимная рецензия: «Удачная попытка г. Ершова, написавшего русскую народную сказку “Конек-Горбунок”, возбудила, как это всегда бывает при всякой литературной удаче, множество завистливых подражателей и бесталанных подражаний. “Баба-Яга, Костяная нога” принадлежит к числу таких же спекуляций литературной промышленности на добродушную доверчивость русских читателей. Автор, придав своему сочинению народное название, думал, что он после этого имеет полное право назвать свою сказку *русскою и народною*»⁴⁰.

Если сгруппировать критические суждения, то из них следует, что: сказка не стóит внимания читателя (более всего понравилась *несуществующая* девятая

³⁵ [Б. л.] Современник. 1841. Т. XXIII. Ц. р. 10 июня 1841 г. Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 23.

³⁶ [Б. л.] Библиотека для чтения. 1841. № 2. Отд. VI. С. 22.

³⁷ Отечественные записки. 1841. № 2. Отд. VI. С. 50.

³⁸ Русский вестник. 1841. № 2. С. 476.

³⁹ Литературная газета. 1841. № 22. 22 февраля. С. 88.

⁴⁰ [Б. л.] Северная пчела. 1841. № 190. 27 августа. С. 758–759.

глава) и критики (поэму предлагается только «принять к сведению»); сказка «найдет себе читателя» из «известного круга публики»; многие читатели «оценят ее, поймут и раскупят». Иными словами, сказка Некрасова — непримечательный образчик массовой литературы, но она будет оценена, т. е. раскуплена, что, хоть и с иронией, отмечается как достоинство (Кони). *Коммерческий спрос* в данном контексте частично замещает *читательский интерес*, а *промышленный* аспект замещает *культурный*. Акцент ставится на том, что ее *оценят и раскупят*, но в качестве целевой аудитории выступают люди, для которых *чтение* не синонимично приобщению к культурному процессу и самообразованию.

Сказка «не русская» и «не народная»; «не сказка», а «просто стихотворение», т. е. невыразительна в жанровом отношении; это поспешное и бесталанное подражание; сказка занимательна; в ней «есть почти везде смысл» (большая редкость!). Иными словами, критерии «занимательность» и «смысл» (Кони) применяются не просто к рядовому произведению массовой литературы, но к произведению откровенно подражательному, поспешно и не очень хорошо написанному. И если понятие «занимательность» имеет достаточно широкий диапазон и может употребляться применительно к слабым и подражательным произведениям массовой литературы, то понятие «смысл» в таком контексте начинает обесцениваться. Автор сказки — завистливый и бесталаный подражатель (автор «бесталанного подражания»); его справедливо оставить «в чине» *неизвестного*; недостатки сказки объясняются поспешностью автора. Иными словами, (Кони:) литератору, стремящемуся побыстрее издать и продать свою книгу, извинительна поспешность, небрежность⁴¹, бесталанная подражательность, т. к. и на этот товар найдется много желающих. В этом извинении, как и предыдущем, кроется обесценивание *дарования*, творческой оригинальности и самостоятельности, взыскательности к вкладу в национальную литературу, творческого импульса, свободного от зависти к чужому успеху. Манипуляция эстетическими и этическими критериями преследует коммерческую цель — продажу книги. Следовательно, критический разбор стихотворного произведения превращается в рекламный текст, манипулирующий эстетическим чувством, а не воспитывающим его.

Рецензия Плетнева на «Бабу-Ягу...», в отличие от процитированных неодобрительных рецензий, в равной мере содержала неодобрение и произведения, и позиции газеты. Причины неодобрения ясны, хотя и не названы вслух. В «Бабе-Яге...» были использованы литературные и фольклорные источники, и в частности, заметно поверхностное обращение к Пушкину (Н 15. I: 670). Сказка носила лубочный, фривольный характер. Подобное обращение к пушкинскому наследию

⁴¹ В совсем ином ракурсе поспешность и небрежность, неотделанность предстают в книге Г. В. Зыковой «Поэтика русского журнала 1830-х–1870-х гг.» (Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830-х–1870-х гг. М., 2005. С. 41–42). Хотя исследовательница рассуждает преимущественно о публикации прозаических произведений средних и крупных форм (романа, фельетона) и в ее рассуждении упоминается более поздняя эпоха (50-е гг.), в какой-то мере, как представляется, можно рассматривать в позиции Кони начало этой тенденции. Широкая публика ориентируется на периодическое издание, публикацию «с продолжением», развитие сквозной идеи.

не могло не расцениваться Плетневым как воплощение дурного вкуса и как поступок, недостойный литератора. И, конечно, для Плетнева — участника «Литературной газеты» Пушкина и Дельвига — было неприемлемым то, что в руках А. А. Краевского, а впоследствии (с 1840 г.) Ф. А. Кони, газета помещала и пропагандировала произведения массовой литературы, перешла, с его точки зрения, на позицию «торгашества». Отметим, что во взгляде Плетнева на «торгашество» заметно неразличение двух разных аспектов: демократизации и просветительской роли литературы, что подразумевает заинтересованность в расширении круга подписчиков, — и беспринципного преследования материальных выгод, в чем нельзя было обвинить «Литературную газету», живое издание, познакомившее читателя с замечательными произведениями новейшей литературы.

Таким образом, несмотря на декларируемую антиполемическую позицию «Современника», ранее не учитывавшаяся рецензия Плетнева не только содержит оценку нового произведения Некрасова. Она полемична по отношению к изданию, которое хвалит это произведение, т. е., с позиции Плетнева, обнаруживает в своей рецензии литературную беспринципность и расшатывает в читателе понятия, воспитывающие вкус.

СКРЫТАЯ ПОЛЕМИКА С НЕКРАСОВЫМ — АВТОРОМ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ И ЗАМЕТОК В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

Замечание Плетнева о «тоне суждений» важно для понимания его индивидуальной манеры спора. Белинский замечал, что плетневский «Современник» «напоминает собою то блаженное время», когда «полемики не было; вместо ее царствовала любезность самого лучшего тона...»⁴². Poleмика в 1840-е гг. занимала все более видное место в жизни периодических изданий, в которых в основном был сосредоточен литературный процесс. «Современник» так или иначе был в нее вовлечен, но Плетнев стремился не изменять взятому тону, что отмечал и Я. К. Грот: «Современник — тихо разговаривающий господин, а публика — прохожие. Остальные журналы — бранящиеся на улице люди» (I: 225. Письмо Грота к Плетневу от 5 февраля 1841 г.). Таким образом, *тон* высказывания целесообразно рассматривать как принципиально важную составляющую индивидуальной стилистики Плетнева, демонстрирующую его позицию вкуса, взвешенности, вежливости, серьезности. *Тон* его рецензий выдаёт их полемичность при внешне нейтральных формулировках. Это особенно заметно при сопоставительном анализе библиографических обзоров, сделанных Некрасовым и Плетневым в 1841–1842 гг.

С 1841 г. Некрасов ведет в «Литературной газете» обозрение новых книг. В библиографических обзорах тт. XXV—XXVI «Современника» рассмотрены почти все книги, отрецензированные Некрасовым в 1841–1842 гг. И оценки, и

⁴² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. VIII. С. 101. Далее ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках. Римская цифра означает том, арабская — страницу).

стистика рецензий Плетнева полемичны по отношению к некрасовским, напечатанным без подписи.

В № 5 «Литературной газеты» за 1842 г. (1 февраля) опубликована рецензия «Указатель губернских и уездных почтовых дорог в Российской империи», а в № 7 «Литературной газеты» за 1842 г. (15 февраля) опубликована рецензия «Расписание трактов от С.-Петербурга до Москвы и других важнейших мест Российской империи». В рецензии от 15 февраля, в целом одобрительной, Некрасов ссылается на рецензию от 1 января. Рецензия от 1 января написана в юмористическом тоне: «О важной вещи должно и говорить с важностию. <...> “Указатель” стоит шесть рублей <...> а что такое шесть рублей в отношении к душевному спокойствию, <...> что такое шесть рублей в отношении к 60 и к вечности?» (Н 15. XI-1: 31–32). Комический тон Некрасова объясняется, скорее всего, не столько значением и качеством издания (оно признано полезным), сколько пестротой книжного потока, о котором приходилось писать. Подчас шутливая, подчас саркастическая манера рецензента позволяла выдержать единый тон раздела, в котором рассматриваются разные по тематике и по достоинству книги, посредством юмора и разговорных конструкций сделать этот тон более гибким, ярче выразить оценку, расположить читателя к более эмоциональному, а значит, и более острому и критичному восприятию.

В т. XXVI «Современника» (ценз. разр. 31 марта) в разделе «Новые сочинения» упомянуто «Расписание трактов...» без каких бы то ни было комментариев⁴³. В их отсутствии прочитывается излюбленный прием Плетнева: серьезно писать о том, что достойно внимания, и игнорировать иронию, выпады, вызовы на полемику. Своим молчанием Плетнев как бы указывает на неуместность комического эффекта в рецензии как жанре.

То же противопоставление критических манер заметно в сопоставлении рецензий Некрасова и Плетнева на книгу «Пять стихотворений Н. Ступина»: краткая вводная фраза и пародийно-юмористическое стихотворение у Некрасова (Н 15. XI-1: 42–43; впервые опубликовано: ЛГ, 1842, № 7, 15 февраля) и лаконичное высказывание Плетнева, утверждающего, что в «Пяти стихотворениях» нет поэзии⁴⁴.

Эта особенность критики плетневского журнала была отмечена Некрасовым в его статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (Статья 2-я и последняя)»⁴⁵ по поводу помещенной в «Современнике» критики на «Историю Петра Великого», написанную Н. А. Полевым: «...Даже “Современник”, самый скромный русский журнал, так много похожий на журнальцы доброго старого времени и по объему, и по физиономии, и по уклончивости в суждениях, журналец, даже о самых мелких явлениях копеечной литературы отзывающийся

⁴³ [Б. н.] Современник. 1842. Т. XXVI. Критика. Новые сочинения. С. 45.

⁴⁴ [Б. н.] Современник. 1842. Т. XXVI. Критика. С. 52.

⁴⁵ Впервые опубликована: Литературная газета. 1844. № 2. 8 января. С. 33–39.

без улыбки, — даже “Современник” с некоторого времени разгорячается <...> Выписывая его, мы, между прочим, хотим показать, что “Современнику” стоит только нарушить свое величественное молчание, чтоб заговорить дельно» (Н 15. XI–1: 160).

Приведенное суждение Некрасова о «Современнике» может быть истолковано как вызов на настоящую полемику и как констатация того, что «Современник» (в сущности — сам Плетнев) и не хочет, и не может быть серьезным оппонентом в меняющемся, при участии Некрасова, журнальном мире, где активная открытая полемика всё более становится органичной частью литературного процесса.

В № 9 «Литературной газеты» за 1842 г. (1 марта) опубликована рецензия «Кузьма Петрович Мирошев. Русская быль времен Екатерины II. В 4-х частях. Сочинение М. Загоскина. Москва, 1842». Длинная рецензия, содержащая пародийный пересказ, характеристику сюжета, героев, читателей, которым адресовано произведение, была посвящена современной романной форме, ее наиболее неудачным образцам («Человек с высшим взглядом» Е. Г., «Два призрака» Фан-Дима и др.). «1842 год богат романами», — начинает Некрасов свою рецензию (Н 15. XI–1: 43). «Быль не роман, — начинает свою рецензию на эту книгу Плетнев. — Она не подлежит прихоти правил, установленных теориею искусств для произведений, в которых и форма и содержание освящены вечными образцами <...> автор, оградив свое произведение от критики особенностью названия, исполнил дело, как ему захотелось. Направление, тон, краски и язык выдержаны в нем совершенно согласно с прежними его романами»⁴⁶.

В этой рецензии возражение Некрасову выражено почти открыто — *почти* потому, что оппонент, автор рассуждения о *романах*, не назван по имени, хотя и ясен для внимательного читателя.

Скрытая полемика Плетнева с Белинским рассматривается в статье Е. П. Горбенко и Н. П. Розина (слово «скрытая» у них взято в кавычки). По утверждению авторов статьи, в ней «улавливается стремление оградить поэтов от влияния Белинского, направив их в “пушкинское” русло»⁴⁷; примеры авторов статьи относятся к середине — второй половине 1840-х гг.

Скрытая полемика Плетнева с Некрасовым — критиком и рецензентом даёт основание сделать вывод, что недавний дебютант в 1841–1842 гг. стал для Плетнева достаточно заметной фигурой в том журнальном мире, от которого Плетнев хотел бы дистанцироваться.

РЕЦЕНЗИИ НА «СТАТЕЙКИ В СТИХАХ, БЕЗ КАРТИНОК», тт. 1 И 2

Следующая печатная оценка Некрасову была дана Плетневым в рецензии на два тома «Статеек в стихах, без картинок».

⁴⁶ [Б. л.] Современник. 1842. Т. XXVI. Критика. Новые сочинения. С. 48.

⁴⁷ Русские писатели. Т. 4. С. 642.

Билет на выпуск 1-го тома «Статеек в стихах, без картинок» был получен Некрасовым 21 февраля 1843 г.⁴⁸ В первом томе были напечатаны стихотворение Н. И. Куликова «Встреча старого 1842 года с новым 1843» (без подписи) и глава первая стихотворного фельетона Некрасова «Говорун. Записки петербургского жителя Ф. А. Белопяткина» (Н 15. I: 386–394). Вторая глава фельетона «Говорун» вышла в т. 2 «Статеек в стихах» (ценз. разр. 5 июня 1843 г.; билет на выпуск получен 11 июня⁴⁹), без подписи; вместе с ней была напечатана «Философическая сказка» В. Р. Зотова «Жизнь и люди». Третья глава была опубликована в «Литературной газете» в 1845 г., в № 2 (11 января), под заглавием: «Отрывок из записок петербургского жителя» и с подписью: «Ф. Белопяткин» (Н 15. I: 679). В 1843–1845 гг., когда публика познакомилась с «Говоруном», появление маленькой книжечки «Статейки в стихах, без картинок» стало заметным событием.

Творческий рост Некрасова в эти годы очень заметен. После завершения конфликта с Ф. А. Кони летом 1840 г. (Лет. I: 88, 89–91; Н 15. XIV–1: 37, 39) Некрасов возобновляет с ним сотрудничество (Н 15. XIV–1: 41, 248) и ведет в «Литературной газете» отдел литературной критики и библиографии. В 1842–1843 гг. Некрасов не пишет водевилей и почти не публикует ни стихов, ни прозы. Но именно в 1840-е гг. он работает над несколькими крупными прозаическими произведениями. В конце 1842 г. Некрасов осваивает новый опыт и обретает новые, перспективные для своей литературной судьбы связи: он сближается с И. И. и А. Я. Панаевыми⁵⁰ и Белинским, с которым во время выпуска «Статеек в стихах» строит совместные издательские планы⁵¹.

Восприятие современниками его роли в литературе просматривается в реакции на одну нашумевшую публикацию Панаева: «Тля, не-повесть»⁵² (впоследствии — «Литературная тля»), герои которой показались современникам вполне узнаваемыми⁵³.

3 февраля 1843 г. Плетнев пишет Гроту:

«Дома я прочел большую полную статью Ив. Панаева в № 2 Отечественных записок, под названием “Тля, не-повесть”. Это замечательней всего, что он писал до сих пор. Тут необыкновенно верно схвачен колорит и характер двух наших сословий: литераторов и актеров в современном их состоянии. Не гениальное перо,

⁴⁸ Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989. С. 17.

⁴⁹ Указ. соч. С. 19.

⁵⁰ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 285.

⁵¹ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете». С. 46. П. В. Анненков пишет: «В 1843 году я видел, как принялся за него (Некрасова. — М. С.) Белинский, раскрывая ему сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: “Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне”» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 552).

⁵² Отечественные записки. 1843. № 2.

⁵³ См. об этом: Ямпольский И. Г. Из истории литературной борьбы начала 1840-х годов («Петербургский фельетонист» и «Литературная тля» И. И. Панаева // Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX в. Л., 1986. С. 92–109.

но весьма хорошо сочиненное. <...> Редко кого я не угадал в этой толпе писак, выведенных им под вымышленными именами» (II: 6–7).

Образ главного героя, Николаши Гребешкова, является собирательным. И. Г. Ямпольский указывает на частные черты сходства Гребешкова с В. С. Межевичем⁵⁴ и самим Панаевым. Б. В. Мельгунов высказал и аргументировал предположение, что одним из прототипов Гребешкова стал Некрасов⁵⁵. Основательность этого предположения подтверждает использование Н. А. Полевым образа «литературной тли» в его рецензии на 1-й том «Статеек в стихах...» 21 апреля 1843 г.: «В Санкт-Петербурге есть *литература*, а в литературе есть <...> мошки и букашки, моль и тля. Вы не замечаете ее, а она есть, так как вы не замечаете тли и мошки в вашей мебели, а она в ней есть. И она живет, существует, любит, ненавидит, шевелится, движется! <...> Хотите ли видеть такой мир в *литературной капельке*? Вот она перед вами, крошечная книжечка, едва заметная, в розовой обертке с заглавием “Статейки в стихах”»⁵⁶.

В высказывании Полевого прочитывается и намек на «тлю» — автора «Статеек в стихах», и стремление, назвав его «тлей», принизить его значение. Последнее могло быть вызвано своеобразной рекламной кампанией, которая была предпринята Некрасовым и спровоцировала литературную полемику. В ней принял участие Плетнев.

Вслед за получением билета на выпуск 1-го тома (21 февраля) Некрасов поместил в № 44 газеты «Русский инвалид» (27 февраля) анонимный фельетон «Журнальные отметки», рекламирующий только что вышедший в свет первый выпуск «Статеек в стихах, без картинок» (Н 15. XII–1: 16–22). 28 февраля в № 9 «Литературной газеты» под рубрикой «Журнальная амальгама» также напечатан анонимный фельетон Некрасова «Шуточная литература. — “Статейки в стихах”» (Н 15. XII–1: 22–28). Некрасов включает в него обширные цитаты из обоих стихотворений, вошедших в том, и делает выпады против аналогичных изданий Ф. В. Булгарина и В. С. Межевича (*там же*, 389–390). Наряду с высказываниями рекламного характера (стоит меньше, чем аналогичные, более смешная, чем аналогичные, не «выезжает» на имени автора или иллюстрациях, как аналогичные), в фельетона содержится авторецензия, в которой Некрасов формулирует основные достоинства «Статеек в стихах...»: «Это шутка — человека умного, который *по-своему* смотрит на все интересное в современном Петербурге. В этой книжке меньше претензий, чем во всех предыдущих, и более истинного остроумия» (*там же*, 24). Таким образом, Некрасов предлагает публике обратить внимание на свои достоинства — *ум, оригинальность* (собственный взгляд на «все интересное»), *чутье времени* («все интересное в современном Петербурге»), *остроумие*.

⁵⁴ На это указывала еще А. Я. Панаева (см.: Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972. С. 108).

⁵⁵ Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. С. 14–15, 19–20; см. также: Мельгунов Б. В. Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. // Некрасовский сборник. СПб., 2008. Вып. XIV. С. 93–94.

⁵⁶ Северная пчела. 1843. № 86. 21 апреля. С. 347.

3 марта в № 48 газеты «Северная пчела» напечатано первое объявление книжного магазина М. Д. Ольхина о поступлении в продажу 1-го тома «Статеек в стихах, без картинок»⁵⁷. В этот же день⁵⁸ вышел в свет № 3 журнала «Отечественные записки» с рецензией В. Г. Белинского на это издание⁵⁹. Оценка Белинского включает в себя несколько суждений. Он не называет *остроумие* в числе достоинств произведения: стихи — «водевильная болтовня», предназначенная для невзыскательного потребителя; цель этих стихов — «удовольствие», их будущее применение — использование в качестве острот; подобные стихи и «водевильное остроумие доморощенных драматургов» недостойны того, чтобы подписывать их собственным именем.

Содержательность (оригинальность, чутье времени) признаются как присутствующие, но в недостаточной для литературы пропорции: шуточные стихи анонимного автора содержательны (фрагменты стихотворения); Подобные шуточные стихи могут придать книге «цель» и «значение» литературного произведения; эта цель и значение — не в развлекательности («надо же что-нибудь читать», «читать и смеяться») и не во внешне привлекательной отточенной форме («готовые остроты»); литературное произведение должно иметь другую «цель» и «значение», кроме «удовольствия».

Высказывая критические замечания в адрес автора и произведения («не литература»), Белинский одновременно заявляет о том, что литература должна иметь «цель» и «значение», и характеризует автора как человека, наделенного *умом*, занимающегося «не литературой», но могущего заниматься «литературой».

В начале апреля вышел в свет т. XXX «Современника». В нем опубликован краткий отзыв П. А. Плетнева о 1-м «томе» «Статеек в стихах...»:

«Все это стихотворные шутки, от которых совсем не весело. Может быть, есть в них и тайный смысл; но кто захочет добиваться разгадки в многословии, похожем Бог на что»⁶⁰.

В сопоставлении с проанализированным отзывом Белинского оценка Плетнева такова: стихи — «многословие» и «шутки» (ср.: «водевильная болтовня»); от них «совсем не весело» (над ними *не будут* «смеяться»), т. е. в них *нет остроумия*; в них *нет смысла* (ср.: *значение*); читатели *не будут искать смысл* (ср.: *цель*).

Иными словами, если понимание смысла произведения есть цель чтения, то читатели этого произведения едва ли осознают эту цель и способны осознать его смысл; смысла, скорее всего, нет. Отзыв содержит низкую оценку произведения, не содержит суждения о его авторе и является своего рода ответом Белинскому.

⁵⁷ Северная пчела. 1843. № 48. 3 марта. С. 192.

⁵⁸ И в этот же день в письме к В. П. Боткину Белинский сообщает о надежде на Некрасова в своих замыслах «подняться на афферы» и «смастерить популярную мифологию» (*Белинский*. XII: 154).

⁵⁹ См.: *Белинский*. VII: 8–11.

⁶⁰ Современник. 1843. Т. XXX. 1843 г. Новые сочинения. С. 349. Отзыв приведен в полном объеме.

Белинский на примере некрасовского стихотворения рассуждает о целях литературы, ее значении, потребностях читательской аудитории, уровне продукции и вкуса потребителя. Выдвинутые критерии «цели» и «значения» подводят к мысли о самостоятельном (не на «готовых острогах») осмыслении жизни и художественного текста как о перспективе национального литературного процесса, причем читателю отводится активная роль. Его восприятие не должно исчерпываться эстетическим наслаждением, суррогатом которого выступает «удовольствие» («развлечение»): слово «значение» подразумевает интеллектуальную работу, работу «ума».

В замечании Белинского о «шуточных стихах», которые могут «прядать цель и значение» книжке, косвенно выражено суждение о сатире: юмор, ирония могут служить средствами «литературы», сатирическое произведение может заключать в себе «значение» и отвечать «цели» литературы. Художественные средства (разговорный стиль, водевильный стиль, шуточная форма, остроты, написанные, по-видимому, с расчетом на закрепление в обиходной речи) сами по себе не порицаются и рассматриваются применительно к «цели» («удовольствие» (наслаждение) и развлекательность — или *значение (смысл)* и осмысление, самосознание (*цель*)).

Плетнев выражает скептическое отношение к юмористическому стихотворению и возможному читательскому восприятию, и это еще один оттенок его слов: «совсем не весело». Тематика, стилистика, жанровая форма рецензируемого произведения явно остались «под чертой».

Насколько рецензия Белинского вовлекает в полилог автор—критик—публика, настолько же рецензия Плетнева демонстративно монологична: ни публика (которая читает подобные «штучки»), ни автор (который их пишет), ни критик (который видит в этом «смысл») не устаиваются адресования к себе. Отношение Плетнева к тем, кого он не счел собеседниками, выражено в его процитированном выше отзыве о «не-повести» Панаева «Литературная тля»: «толпа писак». «Литературная тля» унаследовала традицию памфлета — публицистического жанра, использующего сильный гротеск и прямое указание на личность. Чертами памфлета обладают опубликованные в «Литературной газете» очерки Панаева «Портретная галерея» (1840), в героях которых читатель легко узнал Полевого, Греча, Булгарина и др. И этот же прием использовали его оппоненты: в водевиле П. А. Каратыгина «Натуральная школа» герой-журналист был загримирован под Панаева. Ф. А. Кони пишет «Петербургские квартиры» (1840), Некрасов — «Утро в редакции» (1841), «Необыкновенный завтрак» (1843), Л. В. Брант — «Жизнь как она есть» (1844)⁶¹, Некрасов — «Очерки литературной жизни» (1845), Ф. В. Булгарин и Н. А. Полевой — «Счастье лучше богатства» (1845 и 1847), и т. д. Литературная (и театральная) полемика «узаконила» и широко использовала публицистический прием указаний на лица, от намеков до прямых выпадов.

⁶¹ Написан, пропущен цензурой и анонсирован частично в 1842 г., частично в 1843 г.; издан в конце 1843 г., вышел в свет в 1844 г. (см.: Мельгунов Б. В. Личность Некрасова в памфлетных портретах... С. 94–95).

Эта форма печатных выступлений вызывает у Плетнева отвращение и протест:

«Прочитай в № 2 О<течественных> З<аписок> разбор новой книги Бранта: “Жизнь, как она есть”⁶². Этот романист, в лице парижских журналистов, отхлестал Сенковского, Краевского, Белинского и Панаева⁶³; а Белинский в pendant тут же желчью напачкал историю самого Бранта, столь омерзительную и недостойную, что у меня волос дыбом подымается при мысли, куда простирается злоба журналистов и дерзость цензоров, подкупаемых ими» (II: 177), — пишет он Гроту 2 февраля 1844 г. (см. также: II: 333–334).

Кроме того, в 1843 г. его недовольство Белинским-критиком, неприятие его строя мыслей и высказываний стало явным и сильным. Скорее всего, Плетневу было известно и об участии Белинского в судьбе Некрасова. Вступление в открытую полемику означало бы для Плетнева с «тлей» говорить о «тле» в манере «тлии». Неприятие Плетнева по отношению к «Статейкам в стихах...» и журнальной полемике усугублялось еще и тем, что Некрасов прибегнул к рекламе своей книжки, и 1-го, и 2-го томов⁶⁴, что было явно коммерческим шагом профессионального «литературного промышленника». И выход 2-го тома «Статеек в стихах...» был отмечен в «Современнике» только констатацией факта⁶⁵.

Полемика вокруг издания Некрасова 1843 г. показывает и все большее взаимное отдаление ядра литературного мира от культуры литературного салона и литературной элитарности. При этом выступление Плетнева выглядит принципиальным, содержащим возражение по пунктам (*смысл, цель, остроумие*). Но, по-видимому, его не считают оппонентом, как и союзником.

Между рецензией на «Статейки в стихах, без картинок» и следующим отзывом Плетнева о Некрасове происходит два эпизода, показательных для характеристики литературного процесса тех лет и для оценки Плетневым литературной деятельности Некрасова. Речь идет о неоконченной стихотворной пародии Некрасова «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» и об его издании книжки «Дедушка Крылов». Обе новинки, несомненно, попали в поле зрения Плетнева, и оба раза Плетнев воздержался от печатного выступления. Молчание означало, что литературное явление не стоит внимания. Причины такой оценки достаточно очевидны,

⁶² Рецензия на роман Бранта принадлежала В. Г. Белинскому (*Белинский*. VIII: 136–137).

⁶³ В этом романе Брант выводит и Некрасова в образе одного из сотрудников «мелкого газетчика» Кони: «Некоторые из его собратий и сотрудников несколько поумнее его (Кони. — М. С.), но тем хуже для них, потому что умишко, направляемый во вред себе другими, умишко полуобразованный, вертящийся *около того*, чего сам порядочно не понимает, ниже и несноснее невинной природной глупости» (*Брант Л.* Жизнь как она есть. СПб., 1843. Ч. III. С. 117).

⁶⁴ 20 июня 1843 г. в № 133 газеты «Русский инвалид», в «Петербургской хронике», появилось анонимное извещение о выходе в свет 2-го «тома» «Статеек в стихах», по мнению Б. В. Мельгунова, написанное Некрасовым (см.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы... С. 19). Мельгунов также предположительно считает принадлежащей Некрасову анонимную рецензию на 2-й том «Статеек в стихах...», опубликованную 30 июня 1843 г. в Отечественные записки, № 7 (Лет. I: 133).

⁶⁵ [Б. п.] С. 1843. Т. XXXI. Новые сочинения. Современник. 340.

как и то, что оценка «Карпа Пантелеича...» и «Дедушки Крылова» сказалась на динамике восприятия литературной деятельности Некрасова. При этом в каждом случае хорошо просматриваются позиции и Плетнева, и Некрасова применительно к исторической перспективе развития литературы.

«КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА»: УМОЛЧАНИЕ

В июне 1843 г., когда выходит 2-й том «Статеек в стихах...», Плетнев начинает читать поэму В. А. Жуковского «Наль и Дамаянты» (II: 94, 109, 429). В 1844 г. это произведение выходит отдельной книгой, и в периодике появляются посвященные ей отзывы, в том числе Белинского⁶⁶ и, возможно, Некрасова: он предположительно был автором рецензии, напечатанной в «Литературной газете» (Н 15. XII-2: 420)⁶⁷.

Плетнев, восхищенный этим произведением, также посвящает ей статью (II: 184) и неоднократно говорит в письмах о значении этой книги, о понимании ее в современном обществе (напр.: II: 282).

25 января 1845 г. в № 4 «Литературной газеты» без подписи было опубликовано новое произведение Некрасова — «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» (Н 15. I: 440–444). Как пишет А. М. Гаркави в комментарии к этому произведению, оно «представляет собой пародию на первую главу “индейской повести” В. А. Жуковского “Наль и Дамаянты”. <...> Ряд строк включен в пародию дословно» (там же, 696–697). Критика не удостоила вниманием «Карпа Пантелеича...», в целом не более чем стихотворную шутку. Обещанное читателю окончание не было напечатано (Н 15. I: 696).

1840-е гг. считаются «новым и самостоятельным периодом в творческой биографии» Жуковского⁶⁸. Они «ознаменовались особым интересом Жуковского к мировым образцам эпоса»⁶⁹: в кругу внимания поэта-переводчика оказываются «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «Божественная комедия» Данте, «Одиссея» Гомера и другие произведения. Как пишет А. С. Янушкевич, параллельно с работой над переводами «в письмах к Плетневу, Уварову, И. Киреевскому Жуковский развивал теорию “повествовательной поэзии”, говорил о сближении поэзии и прозы. Он ищет свою форму национального эпоса — материал для “гуманистической проповеди”»; «Важнейшим этапом на пути реализации концепции эпоса стали переложения образцов восточного эпоса: “Наль и Дамаянты” <...> — отрывок из древнеиндийского эпоса “Махабхарата”, и “Рустем и Зораб”...»⁷⁰.

⁶⁶ [Б. п.] Отечественные записки. 1844. № 2. Т. XXXII. Отд. VI. С. 49–50.

⁶⁷ [Б. п.] Наль и Дамаянты, поэма В. А. Жуковского. СПб., 1843 // Литературная газета. 1844. № 3. 15 января. С. 53.

⁶⁸ Янушкевич А. С. Жуковский Василий Андреевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. М., 1992. С. 285.

⁶⁹ Там же. С. 286.

⁷⁰ Там же.

Размышления о национальной эпической форме в литературе нашли отражение в полемике вокруг «Мертвых душ» Н. В. Гоголя⁷¹, с которым Жуковский был дружен и чье творчество вызывало у него чувство духовной близости. Суждения о соотношении лирического и эпического начала публикуются в периодических изданиях, и в 1850–1870-х гг. в статьях, посвященных Некрасову, нередко слова «писатель» и «повесть» (жанр эпического рода) применительно к его поэтическим произведениям, «проза» применительно к его поэтическому языку. Соотношение лирического и эпического начал — одна из серьезных проблем в изучении творчества Некрасова. Поэтому художественные искания Жуковского — поэта, обратившегося к поэтическому переводу эпоса разных народов, — и осмысление его творчества современниками — магистральное направление в изучении критического восприятия Некрасова. Но для критики, включая пока и самого Некрасова, поэтические переложения эпоса, выполненные Жуковским, — в первую очередь образцы художественной формы, литературного мастерства, но не соотношение родов литературы.

В 1849 г. в статье «Обозрение русской литературы за 1849 год» Некрасов обращает внимание читателя на новый поэтический перевод эпоса, сделанный Жуковским: «Самым замечательным явлением в области изящной литературы прошлого года была, бесспорно, “Одиссея” в переводе В. А. Жуковского, — как по своему поэтическому достоинству, так и потому, что подала повод к множеству отзывов, заметок, статей. Тотчас после этого “Обозрения” мы напечатаем давно обещанную статью об “Одиссее” с подробным обозрением всего, что говорилось о ней, и тогда читатели увидят, что ни на один месяц не прекращались в 1849 году толки об “Одиссее”. Уже это одно указывает на важность труда нашего знаменитого поэта» (Н 15. XII–2: 114; 328–329).

В суждениях Некрасова прослеживается влияние Белинского, который в 1844 г. выступил с краткой статьей, посвященной «Налю и Дамаанти». Достоинства перевода Жуковского Белинский оценил высоко. Но, рассматривая его с позиций полемики о западничестве и славянофильстве, он считает «индийскую поэму» «просто — сказкой», «изложенной поэтически», и противопоставляет «азиатское» мировоззрение европейскому, называя «Илиаду» его «младенчеством», «из которого развилась» его «возмужалость»⁷². Некрасов, по-видимому, вслед за Белинским воспринимает древнегреческий эпос как культурную основу европейской цивилизации, а «индийскую сказку» — как поэтически изложенную экзотическую историю о нравах и страстях.

⁷¹ Назовем в первую очередь статьи В. Г. Белинского («Похождения Чичикова, или Мертвые души» (Отечественные записки. 1842. № 7), «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (разбор брошюры К. С. Аксакова) (Отечественные записки. 1842. № 8), «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (Отечественные записки. 1842. № 11)), К. С. Аксакова («Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (Москвитянин. 1842. № 9)), статью П. А. Плетнева (Современник. 1842. Т. XXVII) и статьи С. П. Шевырева (Москвитянин. 1842. № 7; № 8).

⁷² Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. VII. С. 431–432, 732–733.

Стихотворная пародия «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» также напоминает о рецензии Белинского, в которой говорится, что в «Нале и Дамаян-ти» нет «характеров», «личности»⁷³. Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна наделены телесностью и желаниями, но не «характером». Некрасов явно следует гоголевской традиции. Гоголь, по-видимому, понят им как сатирик. Но суждения Белинского о сатире в статье, посвященной «Мертвым душам», возможно, еще не осмыслены Некрасовым в полном объеме: «Нельзя ошибочнее смотреть на “Мертвые души” и грубее понимать их, как видя в них сатиру»⁷⁴; «“Комическое” и “юмор” большинство понимает у нас как шутовское, как карикатуру, — и мы уверены, что многие не шутя, с лукавою и довольною улыбкою от своей пронизательности, будут говорить и писать, что Гоголь в шутку назвал свой роман поэмою...»⁷⁵.

Несмотря на то, что Некрасов начинает «Карпа Пантелеича...», стилизуя его под эпос, он явно ориентируется на другую художественную природу. О Карпе Пантелеиче говорится: «...к несчастью, и слабость // Также имел он великую: в карты играть был безмерно // Страстен» (Н 15. I: 440). Несчастье индийского принца Наля произошло из-за его необузданной страсти к игре в кости; у Некрасова тема страсти к картам выглядит пародийным переосмыслением темы эпической поэмы. Вместе с тем, характеристика героя как страстного картежника указывает на гоголевских «Игроков»⁷⁶ и на сатирическое переосмысление темы карточной игры, так же как в стихотворении «И скучно, и грустно!»⁷⁷ (1844) (Н 15. I: 409), сатирическом перепеве стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно» (1840). В стихотворном произведении, пародирующем эпическую поэму Жуковского, заметны навыки фельетониста и водевилиста, для которого обращение к гекзаметрам всего лишь усиливает комический эффект.

Нетрудно реконструировать точку зрения Плетнева. Выход «Наля и Дамаян-ти» Жуковского, его опыты переводов и размышления об эпосе были крупными литературными событиями 1840-х гг. Если время для их осмысления еще не настало, то высокая оценка поэтических достоинств была всеобщей. В этом контексте стихотворная пародия журналиста и автора «коммерческих» произведений, чьи первые стихи когда-то получили благословение Жуковского, в глазах Плетнева могла выглядеть отчасти как поделка для любителей невзыскательного юмора, в большей степени — как проявление непонимания значения этой книги и этого поэта, как подражание Белинскому, который, по мнению Плетнева, подходил к художественному произведению с предвзятыми требованиями, как жест неуважения и насмешки.

⁷³ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 432.

⁷⁴ Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души // Белинский В. Г. Указ. соч. Т. VI. С. 220.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Впервые опубли.: Сочинения Николая Гоголя. Т. 1–4. СПб., 1842 (выход в свет в начале 1843 г.).

⁷⁷ Впервые опубликовано: Литературная газета. 1844. 30 ноября. № 47. С. 808.

Отзывов Плетнева на «Карпа Пантелеича...» нет. Логично думать, что этот текст и его автор были ему известны; если и нет, в пародийно-сатирическом, откровенно «легком» произведении Некрасов продемонстрировал именно то, что для Плетнева определено было «под чертой».

«ДЕДУШКА КРЫЛОВ»

9 ноября 1844 г. умер И. А. Крылов. 13 ноября состоялись многолюдные похороны литератора, любимого всем Петербургом. Очень скоро стали выходить его биографии. Одна из них, сразу сочиненная современниками наиболее авторитетной, принадлежала Плетневу⁷⁸.

Еще одна из биографий Крылова, вышедшая без подписи, была написана Д. В. Григоровичем по заказу Некрасова⁷⁹. 31 марта в № 4 «Отечественных записок» (отд. «Библиографическая хроника») была напечатана анонимная заметка Некрасова «Библиографические журнальные известия» информационно-рекламного характера. Заметка извещала о выходе в свет первой части альманаха «Физиология Петербурга» и скором выходе в свет книги «Дедушка Крылов» (Н 15. XIII–1: 42–43). 12 апреля 1845 г. в № 14 «Литературной газеты» появилась анонимная статья Некрасова «Дедушка Крылов. Книга для подарка детям. С портретом Крылова и картинками, изображающими сцены из его жизни. Картинки рисованы Г. Агиным; литографированы во французской литографии Поля Пети. Санкт-Петербург. В типографии К. Крайя. 1845. В 16-ю д. л. 108 стр.» (Н 15. XI–1: 206), рекламирующая книгу как прекрасный подарок к наступающему празднику Пасхи (пришедшейся в 1845 г. на 15 апреля).

Плетнев, судя по его переписке, знакомился с новыми книгами и статьями, посвященными Крылову. Он писал Гроту:

«Но никто не умел заметить, что только в моей статье Крылов явился живьем, а у других это просто мертвячина» (II: 455) (письмо от 25 апреля); «Конечно, хорошо историку знать непосредственно лица, о коих он писать намерен. И вот почему я считаю за счастье, что знаю Карамзина, Батюшкова, Гнедича, Крылова и прочих современников. Но, признаюсь, теперь это мудрено сделать. Тогда не было ни пьяниц, ни лавочников между литераторами; а теперь как прийти к Кукольникову, Краевскому, Полевому? Да и нужны ли они для истории?» (письмо от 2 мая)⁸⁰.

В этих рассуждениях сказались и основные установки Плетнева — критика и биографа (личное знакомство, ориентация на определенный круг литераторов и читателей), и жесткая негативная оценка «торгашеского», «промышленного» направления, к которому Плетнев относил и Некрасова. Не вдаваясь в

⁷⁸ Плетнев П. А. Иван Андреевич Крылов // Современник. 1845. № 1. Т. XXXVII. Отд. I. С. 1–77. Очерк Плетнева «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (1847) вошел в Полное собрание сочинений Крылова (изд. Ю. Юнгмейстером и Э. Веймаром в 1847 г.) и многократно перепечатывалась в разных изданиях.

⁷⁹ См.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 85.

⁸⁰ Там же. С. 462.

предположения, читал или нет Плетнев это издание, оперативно выпущенное и рекламированное, констатируем, что выпуск заказной книжки, написанной молодым автором, и рекламная статья в газете могла лишь укрепить Плетнева в оценке Некрасова как малообразованного издателя-«промышленника», ищущего в литературе только свои выгоды.

«ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА»

Альманах «Физиология Петербурга» (1845), изданный два года спустя после выхода «Статеек в стихах, без картинок», стал заметным литературным явлением и оценивается в истории отечественной литературы как одно из самых замечательных изданий XIX в. и одна из крупных удач Некрасова-издателя. Выход издания был встречен пространными и эмоциональными критическими статьями «Северной пчелы» и «Литературной газеты». Видную роль сыграли критические статьи об альманахе, написанные Некрасовым⁸¹ и популяризирующие мысли Белинского.

Рецензия Плетнева на альманах была очень немногословной:

«Книга начинается *вступлением*, в котором между прочим сказано (стр. 25): “Что касается лично до составителей этой книги — они *совершенно чужды всяких притязаний на поэтический талант*: цель их была самая скромная — составить книгу в роде тех, которые так часто появляются во французской литературе, и, заняв на время внимание публики, *уступают* место новым книгам в том же роде”. Названия этих *уступчивых* статей, написанных с целью столь скромною, суть следующие: 1. Петербург и Москва; 2. Петербургский Дворник; 3. Петербургские Шарманщики; Петербургская Сторона; 5. Петербургские Углы. Под каждою статьею означено имя ея составителя так: 1. В. Белинский; 2. В. Луганский; 3. Д. Григорович; 4. Е. Гребенка; 5. Н. Некрасов. Если и чисто-ученый труд без художественного в литературном отношении таланта редко чего-нибудь стоит; что же без него значит труд чисто-литературный?»⁸²

Суждение Плетнева направлено против Белинского, заявляющего о ценности и пользе беллетристики и «обыкновенных талантов». Полемическая заостренность слов Плетнева достаточно явная: Белинский разделяет таланты на великие и «обыкновенные» — Плетнев говорит об отсутствии «поэтического», т. е. крупного художественного таланта как отсутствию таланта вообще. Именно эта оценка

⁸¹ [Б. н.] <Некрасов Н. А.> Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов; под редакцию Н. Некрасова. С полнотипажам. Часть первая. Издание книгопродавца А. Иванова. Санктпетербург. 1845 // Литературная газета. 1845. № 13. 5 апреля. Библиография. С. 229–231; [Б. н.] Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов. Под редакцией Н. Некрасова. (С полнотипажам). Часть вторая. Санкт-Петербург, 1845. Издание книгопродавца А. Иванова // Литературная газета. 1845. № 29. 2 августа. Библиография. С. 479–484.

⁸² [Б. н.] 43. Физиология *Петербург*, составленная из трудов Русских литераторов, под редакцию Н. Некрасова. В 8; 303 стран. Спб. // Современник. 1845. № 3. Ц. р. 31 марта 1845 г. Т. XXXVII. Смес. С. 250–251.

дана «составителям» книги, перечисленным им. Таким образом, Некрасов, как и другие, выступает в рецензии Плетнева как автор «без художнического в литературном отношении таланта» — за счет полемической заостренности эстетической декларации. И, поскольку Некрасов является редактором альманаха, к нему относится оценка целого труда.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ СБОРНИК»

Двойственная оценка Плетнева содержится в его письме к В. А. Жуковскому, написанном в феврале 1846 г. Плетнев пишет:

«Верно вам пришлет Соллогуб “Петербургский сборник”. Там есть Достоевского роман “Бедные люди”. От него *наши некрасовцы, печатающиеся в альманахе какого-то Некрасова*, без ума и говорят, что теперь смерть и Гоголю и всем, но я пока не думаю этого»⁸³ (курсив мой. — М. С.).

Пренебрежительные слова о Некрасове свидетельствуют о нежелании Плетнева считаться с совершившимся фактом его признания и известности. Рекомендуя Жуковскому *сборник*, Плетнев упоминает *альманах* Некрасова, т. е., его предыдущее на шумевшее издание. Едва ли это случайная оговорка: в переписке Плетнев чрезвычайно аккуратен, его письма отличаются продуманностью и пишутся по плану. Оценка «какого-то», несомненно, выражает личное отношение Плетнева, но не степень известности: именно из его письма мы узнаём слово «*некрасовцы*». Его ли это выражение, или оно услышано им в литературном кругу, оно свидетельствует о закрепившейся за Некрасовым определенной лидерской репутации.

Пренебрежение Плетнева тем более показное, что 1 февраля 1846 г. получено цензурное разрешение на выход № 2 «Современника», в котором печатается его рецензия на «Петербургский сборник»⁸⁴. Половину рецензии занимает разбор романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди». В оценке сборника в целом замечен скепсис:

«Характер этой книги нисколько не составляет уже новости в России. Со времен Полярной Звезды и Северных Цветов до Новоселья, Русской Беседы и Утренней Зари довольно являлось у нас Сборников. Да и журналы наши (исключая специальные и официальные) такие же сборники, как и Петербургский. В этих изданиях не найдешь единства мысли, не отыщешь цели <...> сборник, выходящий в неопределенное время, случайно, не относящийся к одному роду знаний, есть явление в роде дефекта какого-нибудь журнала, без первых и последующих его книжек» (272–273).

⁸³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. VIII. С. 350. См. также письмо к Гроту от 6 февраля: «Вечером в среду мы читали кое-что из <Петербургского> Сборника. Но все как-то не по душе. Даже Майков и Тургенев обратились в каких-то некрасовцев (имя издателя Сборника)» (II: 668).

⁸⁴ [Б. п.] 49. Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. Некоторые статьи иллюстрированы. В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский, Искандер (псевдоним), А. И. Кроненберг, А. И. (так! — М. С.) Майков, Н. А. Некрасов, А. В. Никитенко, Кн. В. Ф. Одоевский, И. И. Панаев, Гр. В. А. Соллогуб, И. С. Тургенев. В б. 8; 360 стран. СПб. // Современник. 1846. № 2. Ценз. разр. 1 февраля 1846 г. Т. ХLI. Новые сочинения. С. 272–274. Далее страницы указаны в скобках за цитатой.

Достоинства сборника признаны с некоторой уступкой:

«Но так как много читателей, для которых начало и конец издания не составляют необходимой его принадлежности; то и Петербургский Сборник можно радушно приветствовать, тем более, что, по выписанным уже нами именам участников в нем, видно, как он должен быть занимателен. Читатели Современника, в разное время, при разных обстоятельствах, хорошо ознакомлены с талантами, духом, слогом и прочими литературными особенностями почти всех лиц, названных в заглавии» (273).

Суждение о Достоевском, подробное и доброжелательное, содержит неодобрение «карикатурного» метода:

«В этом романе два элемента поэзии: серьезный и комический. Первый гораздо более второго носит на себе той художественной истины, которая так высоко ценится в произведениях таланта. <...> Нам даже показалось, когда мы проходили длинный ряд <...> шуточных сцен, картин и прочих украшений, этих карикатур, не без претензий на характер трогательного, нам показалось, что г-н Достоевский все это вызвал к жизни усиленно, теоретически, без сердечного разделения описанных ощущений» (273–274).

Представляется очевидным, что, приветствуя «неподдельный прекрасный талант», Плетнев не приемлет традиций «физиологии», которые он усматривает в его романе.

Его полемическое отношение к изданию Некрасова прозвучит в других рецензиях — на некрасовский же альманах «Первое апреля» и на «Московский литературный и ученый сборник».

«Московский литературный и ученый сборник» издавался в 1846, 1847 и 1852 гг. П. А. Валуевым и Аксаковыми; четвертый том (1853) был запрещен цензурой. Это издание заняло заметное место в полемике западников и славянофилов. В сборнике были помещены «Три критические статьи г-на Имрек» — К. С. Аксакова, одна из которых была посвящена «Петербуржскому сборнику»⁸⁵. Полемика о «Петербуржском сборнике» и «Московском литературном и ученом сборнике» не может быть рассмотрена в пределах этой статьи, но упоминание Аксаковых имеет прямое отношение к ее теме.

10 июля 1846 г. И. С. Аксаков писал Плетневу: «Я собрал в одну рукопись большую часть написанных мною стихотворений и хочу напечатать их. О пропуске их Московскою Цензурою и думать нечего <...> Кажется, что *после Колыбельной песни Некрасова*, после всего того, что печатается в Отеч. Записках, — грешно было бы помешать нашему свободному, московскому голосу, и я думаю, что петербургские цензора (особенно Очкин) будут снисходительны и к моим стихам»⁸⁶.

⁸⁵ См.: Три критические статьи г-на Имрек // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 117–151. Впервые опубликовано: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. Критика. С. 1–44.

⁸⁶ Из переписки Аксаковых с П. А. Плетневым, бр. Я. К. и К. К. Гротами // Русский филологический вестник. 1915. № 3. С. 6.

Стихотворение Некрасова выступает в этом суждении как нецензурное, но пропущенное цензурой. Его отношения с цензурой получают развитие в ответном письме Плетнева Аксакову от 15 июля:

«<...> само собою разумеется, что рукопись Ваша, когда я получу ее, не пойдет к Никитенко, так как он открыто вовлечен в интересы Краевского, Белинского и Некрасова. По Вашему указанию я передам рукопись Очкину. Хотя и он, будучи соучастником Никитенко и Сенковского, у которого Никитенко нанят для критики, не чужд преследования противников вышеупомянутой тройки литературных кляч по умению скрытничать, еще не обнаруживая этого перед публикой»⁸⁷.

В рецензии Плетнева на «Московский литературный и ученый сборник» похвала этому изданию выразилась в полемическом противопоставлении его «Петербургскому сборнику»:

«В нынешнем году это выходит уже второй литературный сборник. Мы произнесли наше мнение о первом (т. XLI: стран. 272). То был Петербургский сборник, которому достоинство и характер сообщили писатели, пожелавшие видеть издателем своим *Н. Некрасова*. На заглавии Московского сборника не означено имени издателя; но <...> Московский сборник, естественно, как литературное чтение, не ограничившись единством предмета, удержал в себе, по крайней мере, некоторое единство направления. <...> Много уже и единством мысли (чего не было в Петербургском) выигрывает перед ним Московский сборник. Но еще важнее то, что почти каждая пьеса его ознаменована печатью или истины, или таланта, или глубокого знания. Его справедливее бы назвать не сборником, а избранником. Прочитывая одну за другою пьесы его, убеждаешься, что они были строго обсуживаемы и взвешиваемы, прежде, нежели определено было принять их в книгу. Статьи ученые, статьи чисто-литературные и все стихотворения, здесь помещенные, сохраняют свое достоинство и тогда, когда книга эта перестанет привлекать к себе внимание светских людей как новость. <...>»⁸⁸.

Таким образом, талант, единство мысли в издании, достоинства вкуса и художественного исполнения, содержательность, противопоставляемая «новости» (сенсации), наконец, скромность, в оценке Плетнева, присущи московским авторам и этим отличают их от Некрасова. Положительная оценка оппонентам Некрасова выступает обращенной формой негативной оценки Некрасова — издателя, редактора и автора.

Между тем, как известно, Плетнев чуждался и западничества, и славянофильства и пытался «выдвинуть концепцию “Севера”, который мыслился им как цивилизация, сочетающая европейскую просвещенность с чистотой нравов и неиспорченной моралью» (Проскурина В. Ю.)⁸⁹. Его письма середины 1840-х

⁸⁷ Цит. по: Лет. I: 226–227.

⁸⁸ [Б. н.] 34. *Московский Литературный и Ученый Сборник*. В 8; 579 стран. // Современник. 1846. № 8. Ценз. разр. 1 августа 1846 г. Т. XLIII. Новые сочинения. С. 238–240.

⁸⁹ Цит. по: *Шелаева А. А.* П. А. Плетнев — литературный деятель // Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988. С. 18.

демонстрируют отнюдь не идеализированное видение московских литераторов, сходное с оценкой петербургских. См., напр., письмо к Н. В. Гоголю от 27 октября 1844 г.⁹⁰: «<...> любовь к искусству <...> поддерживает во мне силу в борьбе <...> с литературными торгашами и открытыми подлецами, каковы: Греч, Булгарин и московская в Петербурге <...>⁹¹: Полевой, Межевич, Кони, Краевский, Белинский и т. п.»⁹². Письмо к С. П. Шевыреву от 9 августа 1846 г.: «Да уж если пойдет дело на генеалогию, то не Москва ли наградила нас Белинским, Краевским, Межевичем, Кони, Григорьевым и подобными им участниками в Петербургском сборнике. Петербург только и виноват в образовании Греча и Булгарина (а эти, по мне, менее тех гадки)»⁹³. А. А. Шелаева в примечаниях говорит о неосновательности «постановки в один ряд» указанных лиц. Здесь речь, однако, не о сопоставлении Белинского и Межевича, а, во-первых, о сближении московских и петербургских оппонентов в глазах Плетнева, и во-вторых, о характерном упоминании «Петербургского сборника». Некрасов, не будучи назван по имени, осознаётся в этих суждениях отчасти как олицетворение враждебной позиции, отчасти — как серьезный и крайне неприятный оппонент.

«ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ»

27 марта 1846 г. Некрасов получил билет на выпуск в свет альманаха «Первое апреля», а 1 апреля в «Северной пчеле» и «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» вышли объявления о выходе альманаха в свет (Лет. I: 212, 214). Уже 31 марта было получено цензурное разрешение № 4 «Отечественных записок» с рецензией Белинского на альманах⁹⁴, а 1 мая — цензурное разрешение на № 5 «Современника» с рецензией Плетнева. Она, в отличие от предыдущих, отличается резкостью и категоричностью:

«В начале нынешнего года уже вышло что-то в роде *Первого Апреля*, т. е. тоже альманах, составленный из разных статей в прозе и стихах, и где некоторые статьи были иллюстрированы. Мы познакомили наших читателей с этим собранием литературных новостей (XLI: 271). Чтобы не распространяться бесполезно о содержании, тоне, красках и прочих достоинствах новой книги, мы только напомним читателям *Колыбельную песню* — пародию песни Лермонтова, напечатанную в прежнем сборнике. Это сочинение составляет как бы образец, по которому выработаны все пьесы в сборнике новом. Конечно, нельзя спорить о вкусах, и мудрено кого-нибудь спросить, зачем он пишет в этом роде; но мы желали бы знать, для

⁹⁰ Плетнев П. А. Указ. соч. С. 334–335.

⁹¹ Купюра в публикации.

⁹² Плетнев П. А. Указ. соч. С. 334.

⁹³ Там же. С. 337.

⁹⁴ [Б. н.] Первое апреля. Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов. Санкт-Петербург. В тип. Карла Крайя. 1846. В 12-ю д. л., 144 стр. // Отечественные записки. 1846. № 4. Т. XLV. Отд. VI. С. 87–89.

кого все это печатается? Ужели есть жалкие читатели, которым понравится собрание столь грязных и отвратительных исчадий праздности? Это последняя ступень, до которой могла упасть в литературе шутка, если только не преступление называть шуткою то, чего нельзя назвать публично собственным его именем»⁹⁵.

Главным образом рецензия направлена против Некрасова. Это прочитывается из ссылки на «Петербургский сборник», вышедший под его редакцией, и на «Колыбельную песню» как «образец» литературной продукции. Вопросы, «зачем он пишет в этом роде» и «для кого все это печатается», адресованы Некрасову. Плетнева, несомненно, возмутили хлесткие пародии на С. П. Шевырева, М. П. Погодина, К. С. Аксакова, личность которых достаточно легко угадывалась⁹⁶, вдобавок помещенные рядом с еще более прозрачной эпиграммой на Булгарина (Н 15. I: 33). Соображения об авторстве «пьес» альманаха также высказывались в печати. Анонимный рецензент «Северной пчелы» писал: «Все статьи в этой книге писаны одним лицом, самородным гением, который не соблаговолил выставить своего имени на заглавном листе. <...> Весьма желательно, чтоб г. Некрасов, отличавшийся и отличающийся изящными своими критиками в Литературной Газете, изданием *Сборников* изящного и изящными статьями в стихах и прозе собственного сочинения, писатель, превозносимый Отеч. Записками <...> разобрал критически-натурально альманах: *Первое Апреля*»⁹⁷.

Негодование на Некрасова и его альманах звучит в переписке Грота и Плетнева. 13 апреля Плетнев пишет Гроту: «Прочитай в № 80 Северной пчелы <...> выписки из гнуснейшей книжонки: “1-е апреля”, изданной шайкою Краевского, чтобы потешиться ругательствами над лицами, им враждебными: Булгариным, Погодиным, Шевыревым (что видно из других выписок, а именно в № 4 Отечественных Записок, прямо относящихся до двоих последних)» (II: 731). Ответ Грота от 17 апреля: «Прочел я в № 80 Северной Пчелы о “1-м апреля” <...> Что за гнусность!» (II: 737). Следующие письма посвящены печатным выступлениям Плетнева: «Мой отзыв о “1-м апреле” Куторга зачеркнул было. Но я показал это попечителю — и он восстановил мой текст. Не забудь в свое время полюбоваться им и передать мне свой о том отзыв. Что Греч написал о следствиях продажности литературных мнений, я частью это выписал

⁹⁵ [Б. н.] 33. *Первое апреля*. Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов. В 12; 144 стран. СПб. // Современник. 1846. № 5. (Ценз. разр. 1 мая 1846 г.) / Т. XLII. Новые сочинения. С. 217–218.

⁹⁶ Предположительное авторство Некрасова указано в комментарии к рецензии Белинского, включившего в рецензию обширные цитаты: Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 731–732. (См.: Н 12. V, 588–590, 602; I: 428–429, 631–632. Ср.: Н 15. XII–1: 456–457).

⁹⁷ Северная пчела. 1846. № 80. 12 апреля. Новая русская литература. С. 319. Это же мнение высказывалось в анонимной рецензии «Финского вестника»: «“Первое апреля” издано весьма скромно, без всяких претензий на литературную знаменитость имен авторов входящих в него статей, если только все эти статьи не принадлежат перу одного автора, который совершенно напрасно скрыл свое имя» (Финский вестник. 1846. Т. X. С. 86).

в “Разное”. Тут резкая пощечина Краевскому с Белинским. Боюсь, не исчеркал бы им этого их покровитель Никитенко. Но я решился не уступать им по-прежнему. Уж воевать — так не церемониться» (II: 742. Письмо Плетнева Гроту от 24 апреля 1846 г.); «Отзыв о “1-м апреля”, особенно в конце, резок и силен; тут робкая умеренность в выражениях была бы малодушием» (II: 755. Письмо Грота Плетневу от 4 мая 1846 г.).

И наконец, в письме Грота о передаче «Современника» новой редакции имя Некрасова упоминается именно в связи с альманахом: «Сегодня получил я № 11 Современника. Объявление о продолжении его прочел я не без некоторого — как бы сказать? — содрогания! И Некрасов в числе издателей — *творец “1-го апреля”!* (курсив мой. — М. С.) И что за сотрудники! Признаться, я ожидал общества получше. Но этим брошен новый элемент борьбы в журнальный мир. Пусть пересядут друг друга: этого-то и нужно. И публика пусть давится пищею, которую сама себе стряпает» (II: 849. Письмо Грота Плетневу от 5 ноября 1846 г.).

Как явствует из приведенных цитат, к моменту перехода журнала от Плетнева к Панаеву и Некрасову оценка Плетневым Некрасова достигла пика неприятия.

ОТНОШЕНИЯ С НОВОЙ РЕДАКЦИЕЙ «СОВРЕМЕННОКА»

10 сентября 1846 г. Плетнев согласился на передачу «Современника» в аренду издателям Некрасову и Панаеву сроком на десять лет, а 21 сентября известил об этом Грота (I: 827; Лет. I: 230). Реакция Д. И. Коптева на это известие иллюстрирует, до какой степени Некрасов к этому времени осознавался антагонистом Плетнева: «Сейчас до меня дошел слух <...> Говорят, будто бы Вы продали “Современник” каким-то новым редакторам, — пожалуйста, уведомьте поскорей, — говорят, что Белинскому и Некрасову. — Я уверен, что это неправда, что этого никогда не может быть» (II: 954). И в ответном письме Коптеву имя Некрасова аккуратно обойдено:

«Насчет передачи “Современника” Белинскому и Некрасову я не могу истолковать молвы иначе как усиленным желанием Никитенки и Панаева избавить меня от журнальных хлопот, на которые жалуясь я часто и серьезно. Эти два литератора охотно берутся, один — быть редактором, а другой издателем, с тем, однако ж, чтобы “Современник” оставался моею собственностью и чтобы по миновании десяти лет, буде найду необходимым, я снова принялся за редакцию моего журнала»⁹⁸.

Сходное дистанцирование от Некрасова, в реальности занявшего самое близкое положение к журналу, прочитывается в письме Плетнева к С. П. Шевыреву от 1 ноября 1846 г.: «Я был бы бессмыслен, если бы не сдал “Современника” не только многоречивому Никитенке, но даже Некрасову»⁹⁹ (курсив мой. — М. С.).

⁹⁸ Русский архив. 1877. № 12. С. 372.

⁹⁹ Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. С. 341.

История передачи журнала подробно освещена в некрасоведении и, в частности, в монографии Б. В. Мельгунова¹⁰⁰. Несомненно, что Плетнев не только утонул и убедился, что издание его разоряет, тогда как сдача журнала в аренду обещала ему доход. Сугубо материальная сторона видится недостаточным объяснением. Для Плетнева, человека литературного, было тяжело ощущать свою невосприимчивость и чужеродность в том качестве, в каком для него было органично существовать в литературе. Кроме того, за упорной неприязнью, отчуждением и подчас принижением, подчас замалчиванием имени Некрасова видится хотя не признание исторической закономерности, но осознание исторической неотвратимости явления «Некрасов».

Передача журнала в руки новой редакции не означала полного отчуждения Плетнева. Один из примеров его сотрудничества в обновленном «Современнике» рассмотрен в статье Н. Б. Алдоновой¹⁰¹.

При необходимости контактов с редакцией Плетнев, по-видимому, обращался к Панаеву (II: 381, 407, 411, 424)¹⁰². Однако Некрасов безусловно существовал для него как деловой партнер (II: 573, 576, 584). По проекту «обязательного соглашения» — условия Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского с редакцией «Современника» (Н 15. XIII–2: 241–244), — «в отсутствие» Некрасова «суммы журнала будут храниться у П. А. Плетнева, — и употребляться не иначе как на расходы по журналу чрез лицо, доверенное г. Некрасовым» (Н 15. XIII–2: 244). Ввиду того, что Некрасов в середине 1850-х пережил тяжелую, долго не диагностируемую болезнь и в 1855 г. составил завещание (Н 15. XIII–2: 311), можно предполагать, что в случае неблагоприятного для себя исхода обстоятельств Некрасов рассматривал расстановку сил в редакции при долгосрочном участии Плетнева и обсуждал с ним такую возможность (Н 15. XIV–2: 7). В августе 1862 г. разговор о заведовании редакцией журнала был возобновлен уже по инициативе Плетнева¹⁰³, оставившего, впрочем, свои планы из-за тяжелой болезни.

1856–1859

19 октября 1856 г. вышли «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856). В его биографии это поворотный момент: отныне на долгое время имя Некрасова поддается при разговоре о поэзии, оспариваются ли или подтверждаются его личные поэтические достоинства.

¹⁰⁰ Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989. С. 65–82.

¹⁰¹ Алдонова Н. Б. Об участии П. А. Плетнева в «Современнике» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева // Актуальные проблемы истории, теории и преподавания русской литературы: Самара: Изд-во СГПУ, 2008. С. 181–189.

¹⁰² К этому мнению склоняется и Е. П. Горбенко: Горбенко Е. П. Н. А. Некрасов и П. А. Плетнев. С. 10.

¹⁰³ Литературное наследство. М., 1949. Т. 51–52. С. 435.

Оценка Плетнева косвенно просматривается в письме к нему А. В. Никитенко от 19 ноября 1856 г. о «Стихотворениях Н. Некрасова»:

«Их разобрали в книжных лавках нарасхват, так что даже мне назначенный экземпляр чуть ли не продан книгопродавцем. *Что же это значит? — Спросите вы. Ведь Некрасов не Бог знает какой поэт.* Это значит, что поэзия сама по себе, а некоторые современные идеи для многих сами по себе. Много ли от этого выигрывают искусство и истинная образованность — это другой вопрос. Впрочем, Некрасов — человек не без дарования»¹⁰⁴ (курсив мой. — М. С.).

Если предположительно считать, что фраза «Что же это значит? Ведь Некрасов не Бог знает какой поэт» могла бы быть произнесена Плетневым, то за ней стоит все-таки оценка «поэт». Это большой шаг к признанию в сравнении с событиями десятилетней давности.

26 февраля 1859 г. Плетнев письменно обращается к И. И. Панаеву и Некрасову по поводу их просьбы об уменьшении арендной платы за «Современник». «Я не забываю, и первый готов сказать во всеуслышание, что этим счастьем, этою славою и этим могучим влиянием на публику Вы обязаны единственно себе, своим трудам и особенно блестящим талантам своим»¹⁰⁵, — пишет он обоим издателям. Хотя это признание не даёт понять, имеет ли в виду Плетнев «талант» художника, все же «талант» (притом «блестящий») признаётся в обоих издателях. Едва ли можно приписать его фразу одной форме вежливости. Письмо написано еще из Петербурга, но Плетнев уже болен, и дальнейшие, последние свои пять лет он проживет в Париже. Как представляется, последняя оценка Некрасова как человека, наделенного «талантом», есть признание добросовестным читателем и критиком исторической реальности, мало понятной и мало симпатичной ему лично, но очевидной.

Обзор и анализ отзывов Плетнева о литературной деятельности Некрасова дополняет сложившиеся представления о восприятии Некрасова современниками и о полемике вокруг его художественных и издательских опытов. Дополняет и представление о самом критике, который декларировал отказ от полемики и «тихий тон» беседы, но в полемике вокруг некрасовских произведений высказался принципиально и последовательно. Обращение к оценкам Плетнева с учетом их контекстуальных связей позволяет проследить динамику литературного процесса середины XIX в.

¹⁰⁴ Русская старина. 1891. № 3. С. 441.

¹⁰⁵ Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. С. 363.

Е. М. Аксененко

Е. Н. ШАХОВА — СОВРЕМЕННОЦА НЕКРАСОВА — В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 1840–1860-х гг.

I. НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

В первых откликах на ранние стихи Некрасова рядом с его именем можно было встретить малоизвестное современным исследователям имя поэтессы Елизаветы Шаховой. Творческий путь Елизаветы Никитичны Шаховой (мон. Марии, в схиме Елизаветы) (1822–1899) прошел через отречение от мира и полную «перемену жизни», что, на наш взгляд, и явилось главной причиной забвения ее имени. Шахова сумела сохранить поэтический дар в монашестве, и литературное наследие ее достаточно значительно¹. С 1837 г. и до 1890 г. из-под ее пера вышло 20 поэм и более 200 стихотворений. Последнее из известных ее стихотворений — «Веночек (на свежую могилу поэта)», посвященное памяти А. Майкова, — она написала в 1897 г., уже будучи схимницей, за два года до своей кончины. В 1860–1880-х гг. Шахова выступала как духовная писательница: в журналах наряду со стихами печатались жизнеописания, рассказы и повести, беседы, статьи и открытые письма мон. Марии.

Поэтическое творчество монашествующих, тем более женщин, в XIX в. как правило, не выходило за стены монастыря и часто поглощалось «высшим искусством» богослужебных песнопений. Поэтому творческий опыт Шаховой уникален для своего времени, и сохранился он более или менее полно благодаря стараниям внучатого племянника, Н. Н. Шахова, который собрал поэтические опыты своей двоюродной бабки и в 1911 г. издал ее «Собрание сочинений в стихах» — увесистый том, объемом более 650 стр.² Он же передал в 1914 году в Пушкинский Дом рукописи и издания произведений Е. Шаховой, доставшиеся ему в наследство.

¹ См.: Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822–1899). Подгот. текста, пред., комм. Е. М. Аксененко // Ежегодник Рукописного отдела на 2002 год. Спб., 2006. С. 344–356; Аксененко Е. М. Духовно-поэтический путь Елизаветы Шаховой // А. М. Панченко и русская культура. Исследования и материалы. Спб., 2008. С. 239–250.

² Шахова Е. Н. Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. Спб.: «Екатерининская» типогр., 1911. — XIV, 212, 130, 322 с. Далее: Собрание сочинений в стихах.

Под руководством главного хранителя Рукописного отдела, Б. Л. Модзалевского, Н. Н. Шахов разыскал архив матери Марии в Старо-Ладожском женском монастыре, где она окончила свой жизненный путь, и в 1915 году передал найденные им материалы на хранение в Пушкинский Дом, где вместе с прежним поступлением они составили фонд Е. Шаховой.³

Вернемся к началу творческого пути обоих поэтов. Шахова и Некрасов были ровесниками — Елизавета родилась 30 марта 1822 г. и была младше Некрасова на четыре месяца, но на литературные подмостки она вступила на полтора года раньше. Первое стихотворение Елизаветы «Видение девушки»⁴ было опубликовано в «Библиотеке для чтения» в марте 1837 г., за месяц до ее 15-летия, чем «юное дарование» привлекло к себе внимание Российской Академии наук, оказавшей ей материальную поддержку при издании первых литературных опытов.

Сведениями о знакомстве Шаховой с Некрасовым на сегодняшний день мы не располагаем, но заочно они, вне всякого сомнения, знали друг друга через опекавших молодых поэтов редакторов-издателей Н. А. Полевого, О. И. Сенковского, бывавшего в доме Шаховых В. Г. Бенедиктова. В течение восьми лет — начиная с 1837 г. и до поступления в 1845 году в Спасо-Бородинский монастырь в возрасте 23 лет — Елизавета была достаточно активной участницей поэтической жизни столицы. За это время увидели свет три десятка ее оригинальных и переводных стихотворений, опубликованных в «Библиотеке для чтения», «Современнике», «Сыне отечества», «Москвитянине» и других периодических изданиях⁵, и три поэтических сборника. В 1837 г. — первый: «Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой» с 8 ученическими стихотворениями. Второй сборник, «Стихотворения Елизаветы Шаховой», уже вполне самостоятельный (в него вошли 23 стихотворения и 3 поэмы) был издан типографией Российской академии в конце 1839 г. В это же время, как известно, издавался и первый некрасовский сборник. В 1842 г. увидели свет «Повести в стихах Елизаветы Шаховой», в который вошли три поэмы.⁶

Один из первых рецензентов Некрасова — Ф. Н. Менцов — в четырех отзывах о нем упоминает и Шахову. Наиболее пространная рецензия посвящена выходу первых сборников молодых поэтов: цитата — «Вот два собрания стихотворений, выходящие из ряда обыкновенных книжек... Как первая, так и вторая книга, первые опыты молодых поэтов (едва ли достигших еще двадцатилетнего

³ РО ИРЛИ. № 3558–3602.

⁴ Шахова Е. Н. Видение девушки // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. № 4. Отд. V. С. 108–112.

⁵ Библиография произведений Е. Шаховой и дореволюционной литературы о ней. Сост. Е. М. Аксененко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. С. 356–365.

⁶ Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой. Писано в 1836 г. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1837; Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб., Типогр. имп. Российской Академии, 1839; Повести в стихах Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842.

возраста), опыты проявляющие значительный талант и подающие лестные надежды...». Далее, отдельно о Шаховой: «Сравнительно с первоначальными ее опытами, ныне изданные ею удивляют нас художественною отделкою мысли и стиха»⁷.

Поводом для сопоставления сборников рецензенту послужили, в частности, романтический эклектизм, выразившийся в «невольном подражании» Бенедиктову и Подолинскому, Пушкину и Жуковскому, а также религиозная настроенность авторов. Ключевой поэтической идеей для обоих сборников является мотив «мечты». У Некрасова эта лексема включена в название сборника. У Шаховой, хотя она отсутствует в заглавии, три из пяти сохранившихся в ее архиве стихотворных рукописных тетрадей с произведениями 1839–1847 г. названы ею «Мои мечты», что представляется характерным. В тетради со стихами 1839 г. поставлен эпиграф — «Поэзия есть бог в святых мечтах земли» — последняя строка драматической поэмы В. А. Жуковского «Камоэнс»⁸, написанной в марте 1839 г. и сразу же опубликованной в IV т. «Отечественных записок». Но отношение поэтов к содержанию этого концепта имело некоторые различия.

В сборнике Шаховой идея мечты сопряжена с «положительным, утешительным началом», характерным для романтической поэзии рубежа XVIII–XIX вв. Проблемы этой касался в одной из своих работ П. Е. Бухаркин. По его наблюдениям, у Батюшкова, Языкова, Муравьева, раннего Пушкина, Баратынского «мечта оказывается сладостной, вдохновляющей и блаженной»⁹. У Шаховой находим: «мечта вдохновенья», «чудесный мир мечты», «перл мечты», «мечта-летунья», «мечта невинная», «мечты, желанья золотые». Но в сборнике нашло отражение и церковное отношение к этому понятию, как противоположное ясному, трезвому взгляду на жизнь, «также хорошо известное всякому русскому человеку начала XIX в.»¹⁰, — «мечта» — нечто призрачное, ложное, мнимое: «Еще мечты, еще обманов просит // Душа безумная моя!».

Палитра эпитетов к слову мечта в сборнике Некрасова иная: его «мечты» — «восторженные», «высокие», «невольные», «дерзкие», «тревожные», «мрачные», «коварные», «надменные». Менцов, вероятно, почувствовал «невоцерковленное» сознание начинающего поэта, и уже в следующем обзоре, хваля некрасовские «Дни благословенные», он прибавлял: «...Желательно только, чтоб вкус и начала религии и чистой нравственности, без чего нет истиной поэзии, управляли его

⁷ Менцов Ф. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: Типогр. Е. Алипанова, 1840. Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839 // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. Ч. 25. Отд. VI. С. 118, 122.

⁸ Перевод одноименной драматической поэмы австрийского писателя Э. Ф. Мюнх-Беллингхаузена (псевдоним Фридрих Гальм).

⁹ Анализ «имени *мечта*» и его жизни в русской литературе см.: Бухаркин П. Е. Православная Церковь и светская литература в новое время: основные аспекты проблемы // Христианство и русская литература. Сб. 2. СПб., 1996. С. 35–43.

¹⁰ Лотман Ю. М. О соотношении поэтической лексики русского романтизма и церковно-славянской традиции. С. 808.

вдохновением»¹¹. Резкий переход Некрасова от романтизма к сатире отразился на изменении значения слова:

«К ней!!!!»

...Я близ *нее*! О рай, о наслажденье!

Как на мечтах я скоро прискакал <...>!

...Где я?.. один!.. лишь *мечт* моих ходулями

Был к ней я занесен!..

(1840) (Н 15. I: 341, 342)

Довольно скоро каждый из поэтов пошел своим путем.

В 1849 г., на четвертом году послушнической жизни Елизаветы, был издан четвертый сборник ее поэтических опытов, которому автор дает концептуальное название, хотя и с оттенком самоназвания, «Мирянка и отшельница», в котором она отразила не столько оценку своего поэтического творчества, сколько перемену собственного жизненного пути¹². В числе нескольких критических откликов на сборник отозвался рецензией некрасовский «Современник»¹³. М. М. Гин предположительно атрибутировал рецензию как принадлежащую Некрасову на основании переключки со статьей поэта «Русские второстепенные поэты».

Мнение автора о 65 «мирских» стихотворениях и 4 поэмах Шаховой категорично: «Том стихотворений ваших, под заглавием: Мирянка и Отшельница, заключает в себе много пьесок написанных довольно гладко, мило, не без таланта; содержание поэм уж слишком избито: разговоры поэтов с жребиями и музами очень прискучили, и вообще этот том ни одним стихотворением не может обогатить русской поэзии». Автор уходит от анализа двадцати «духовных» стихотворений, составивших 2-ю часть сборника «Мирянка и отшельница»: «Содержание их слишком высоко, а выполнение большею частью далеко не соответствует содержанию», однако единственный выделенный рецензентом «стих» «Исступление», «в самом деле, замечательный по силе и звучности», относится к «духовным»:

Идите прочь от келии моей,

Мирские, сродники, и недруги и други,

Я излию души моей недуги

Наедине — с самим Творцом людей!

Ни шороха шагов, ни голоса людского,

Ни скрипа у дверей не дайте слышать мне;

¹¹ Менцов Ф. Обзорение русских газет и журналов на первое трехмесячье 1840 года. VIII. Изящная словесность // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. Ч. 27. Отд. VI. С. 64.

¹² Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Винггебера, 1849.

¹³ Стихотворения Елизаветы Шаховой. 2 части. СПб., 1849 // Современник. 1849. № 7. Отд. III. С. 28–32.

В смирении безмолвия святого,
Колена преклоня, в священной тишине,
Я улечу плоть, от веры и надежды,
И минет — для любви земная полоса...
Широкая пола святой моей одежды
Мне будет облаком к полету в небеса:
Я вознесусь, вне чувственного мира,
Усилим земного существа,
К чиновначалиям превыспренного клира,
До самого престола Божества! ...

Малоисследованную тему религиозной ангажированности личности в Николаевскую эпоху в одной из своих работ поднимал А. М. Панченко¹⁴. Описывая церковно-религиозную ситуацию этого времени, он замечал, что общественным сознанием, причем в равной степени как охранительным, так и демократическим, не принимались «отчетливые свидетельства религиозной активности личности, словесные или поведенческие»¹⁵.

В недлинном списке таких, «слишком озабоченных конфессиональными проблемами», личностей, наряду с «Чаадаевым, поздним Гоголем, Александром Ивановым <...> Хомяковым, князем Иваном Гагариным»¹⁶, Александр Михайлович называет и епископа Игнатия (Брянчанинова). Строгий подвижнический и аскетический образ жизни епископа строился на многолетнем тщательном изучении им святоотеческих творений, явившихся не только основой написанных им «Аскетических опытов», получивших высокую оценку в монашеских кругах, но и реального духовного делания. Религиозная «ангажированность исключала человека из общего ряда, расценивалась как дерзость или как исступление ума»¹⁷.

Жизнь и поэзия Шаховой пошла по пути воцерковления. Переход к «иной» жизни проходил драматично. Только духовное руководство святителя Игнатия (Брянчанинова), в тот период архимандрита, познакомившегося с инокиней Елизаветой во время посещения Бородинской обители в 1847 г., помогло ей преодолеть глубокий душевный кризис. После годичного обучения архим. Игнатий определяет послушницу Елизавету в Старо-Ладожский монастырь под начало старицы Августы (Козминой). События монастырской жизни Е. Шаховой прикровенны для нас, в «Автобиографии» она пишет, что в монастыре 14 лет «занималась чтением и списыванием с древних рукописей Св. Отцов». Мы можем только констатировать спад ее литературной деятельности в эти годы. Сборник «Мирянка и

¹⁴ Панченко А. М. Ранний Пушкин и русское Православие // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 281–300.

¹⁵ Там же. С. 285.

¹⁶ Там же. С. 285–286.

¹⁷ Там же. С. 286.

отшельница» стал последним прижизненным поэтическим сборником Шаховой, стихотворения ее исчезли со страниц журналов вплоть до 1862 года.

Появившиеся после более чем десятилетнего молчания поэтессы публикации ее стихов можно назвать эпизодическими: два стихотворения в 1862 году в журнале «Странник»; шесть — в 1870-е годы, в основном в «Вестнике народной помощи», и девять в 1880-е годы в газете «Россия», журналах «Благовест» и «Мирской вестник». Поэтическое имя Шаховой стало трудноузнаваемо, так как после принятия послушницей Елизаветой в начале 1863 г. монашеского пострига с именем Мария она подписывала свои стихи криптонимами — «Е. Ш.», «Е. М. Ш.», «М. Ш.».

Тем неожиданнее на фоне скудных поэтических публикаций выглядит появление в 1877 году отдельного издания большой, в 5-ти действиях, «поэмы в драматической форме» «Иудифь». В изданном через 12 лет после смерти монахини Марии «Полного собрания стихотворений Елизаветы Шаховой» творчество поэтессы предстает значительно более масштабным: содержание четырех прижизненных сборников Шаховой составило только половину издания. Во вторую половину вошли впервые публикуемые произведения из рукописных тетрадей автора. Таким образом, для читателя и исследователя начала XX в. поэтическое творчество Шаховой предстало совершенно в ином качестве, чем для современной ей критики конца 1830–1840-х гг.

В третью часть «полного собрания стихотворений» составитель включил десять поэм Шаховой из прижизненных сборников и «Иудифь», написанную еще в середине 1860-х годов¹⁸. Три произведения были опубликованы впервые: сатирическая поэма — «Кошачья fuga. (Сказка-быль, в послании от двух котов из Ладоги в Царское Село коту-сроднику, вывезенному из Твери, о том, откуда они происходят, и какие приключения были с выходцами их рода из Сибири)» (1864) и «Сила покаяния (Аскетическая поэма в трех частях)» (конец 1860-х гг.), поэтически перелагающая житие преподобной Марии Египетской, чье имя приняла Шахова в монашестве, а также «драматическое представление в стихах» в 3-х действиях «Иерусалимские Евреи» (конец 1860-х гг.). «Валдайский Иверский монастырь (из путевых впечатлений)» (1862–1863), «Ангел-кононарх (пустынная легенда)» (1863), «Освобожденный узник» (1864), «Древний монастырь Успения Богородицы в Старой Ладоге» (Летопись-поэма в 3 частях) (середина 1880-х гг.), «Ладожские рисунки» (середина 1880-х гг.). К жанру поэмы тяготеют большие по объему стихотворения «Падение ангелов» (1862) и «Последнее время. (Займствовано из пролога)» (1864).

Восстановление хронологии произведений Шаховой показывает, что наиболее плодотворным периодом творчества Шаховой стали 1860-е годы: в течение этого десятилетия она написала большую часть своих зрелых поэм. В это время в творчестве поэтессы заметно усиливается стремление к изображению реальной

¹⁸ См. обсуждение создания этого произведения в письмах игумена Антония (Бочкова) к матери Марии от 26–27 апреля 1866 г.: РО ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 100–101, 103.

действительности, значительно расширяется тематика. Оставаясь в рамках церковного учения, она с равным успехом поднимает в своих поэмах как темы церковной аскетики (жития святых, библейские сюжеты, церковные легенды и др.), так и вопросы истории и современного состояния общества и монастырской жизни. Углубляется эпическое начало, что нашло отражение в поэтике названий: в подзаголовках поэм значится — «путевые впечатления», «летопись-поэма», «сказка-быль» и др. В поэмах можно найти элементы бытописания и сатиры. Современный исследователь справедливо замечал, что теперь в поэзии Шаховой «звучат мотивы лирики Никитина, Шевченко, Некрасова, Огарева»¹⁹. Кто же мог повлиять на поворот поэтессы к действительности?

В 1850-х гг. происходит знакомство тогда еще послушницы Елизаветы с духовником Старо-Ладожского Николаевского монастыря игуменом Антонием (Бочковым)²⁰, духовным чадом архим. Игнатия, поэтом и писателем.

В начале 1860-х гг. между игуменом Антонием и матерью Марией начинается оживленная переписка. В архиве Шаховой сохранились частично уже опубликованные письма игумена Антония²¹, из которых видно, что помимо вопросов духовного характера корреспонденты достаточно активно обсуждали литературные темы: «До 1848-го года и даже до 1850-го я не читал ни журналов, ни стихов с 1836-го года, — признавался о. Антоний. — В эти 12 лет стихосложение уже так пошло вперед, что за ним мне следовать едва ли можно. А в 1851-м году в Ладоге я стал писать стихами. Потом, когда начал читать новейшие журналы, то ужаснулся слабости своих трудов; не говорю о мыслях, но о конструкции. После Фета, Бенедиктова, Мея, Майкова, Некрасова все *усечения* сделались уже смешными: преклонении, воспламенении почти изгнаны из поэзии. Глаголы уступили место новым словам. Первый Грибоедов указал рудник рифм из составленных слов: без него “гусли” и “примусь ли” были неизвестны. М-сье Репетилова “что вы?” — “новы” и прочие окончания, которыми ныне злоупотребляют, как богатством туне данным, и расточают на шалости в “Искре”»²².

Отвечая, например, на призыв матери Марии писать в стиле плачей библейских пророков, игумен Антоний замечал, что «иудеи были достойны плача», современная же жизнь больше представляет «комедию», поэтому «посылаются нам Фонвизины, Грибоедовы, Гоголи. Вот пророки времен наших...»²³.

¹⁹ Зубков М. Н. Е. Н. Шахова // Проблемы истории литературы. Сб. статей по рус. и заруб. лит.-ре. М., 1961. Вып. 1. С. 180.

²⁰ См. о нем статью: Исаков С. Г. Игумен Антоний (Бочков). Жизнь и творчество // Дон-Кихот русского монашества. Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова). СПб.: «Пушкинский Дом», 2010. С. 15–63.

²¹ РО ИРЛИ. Сигн. 3589. См. также: «...И дружба сохранит немногие листки». (Письма игумена Антония (Бочкова) монахини Марии (Шаховой). Ч. I. 1862–1864 гг.). Подгот. текста, пред., комм. Е. М. Аксененко // Ежегодник рукописного отдела на 2005–2006 год. СПб., 2009. С. 313–433.

²² Там же. С. 351. (Письмо от 8 апр. 1864 г.)

²³ Там же. Л. 28 об.–29. Письмо от 17 августа 1865 г.

Из письма к свят Игнатию 1865 г.: «Недавно попались мне стихотворения Некрасова, в которых есть стихи, близкие к моим мыслям. Это говорится о больном, забытом солдатике, умирающем в отпуску у матери: «Не любил, сударь, рассказывать он про жизнь свою военную; грех мирянам-то показывать душу Богу обреченную; говорить — гневить Всевышнего; окаянных бесов радовать; чтоб не молвить слова лишнего; на врагов не подосадовать»²⁴. Немота пред кончиною подobaет христианину»²⁵.

Два пути сводили их имена вместе. Религиозные мотивы Некрасова обратились в страдание за болящий народ, у Шаховой — в жизнетворчество.

²⁴ «Орина, мать солдатская» (1863) (Н 15. II: 162–163). В цитате сохраняется орфография автора письма.

²⁵ Письмо игум. Антония свт. Игнатию (Брянчанинову) 1865 г. (Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: в 8 т. М.: Паломник, 2001–2007. Т. 4. М., 2002. С. 555–556.

Е. М. Аксененко

**Е. Н. ШАХОВА — СОВРЕМЕННОЦА НЕКРАСОВА — В ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЦЕССЕ 1840–1860-х гг.**

**II. ЗАГАДКА ПОСВЯЩЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ПОСЛАНИЯ
Е. ШАХОВОЙ «ПОКРОВИТЕЛЮ»**

В июле 1839 г. вышел из печати очередной номер журнала «Современник», в котором в разделе «Стихотворения» было помещено послание Елизаветы Шаховой под названием «Покровителю. В. И. П.»¹. К этому времени имя юной поэтессы уже было знакомо публике.

Вступление Шаховой на поэтическое поприще поддержала Российская Академия, которая, познакомившись в 1837 г. со стихами четырнадцатилетней девушки, наградила ее денежной премией в 500 рублей «в поощрение к дальнейшему упражнению»². Очевидно, на эти деньги в середине года в типографии К. Вингебера была издана первая книжечка с восемью стихотворениями под названием «Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой. Писано в 1836 г.», получившая несколько благосклонных откликов рецензентов³. С этого времени стихотворения поэтессы начали появляться на страницах журналов «Библиотека для чтения», «Сын отечества», «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» и «Журналу Министерства народного просвещения»⁴.

Незадолго до публикации в «Современнике» послания, адресованного «В. И. П.», из печати вышел второй поэтический сборник Шаховой «Стихотворения»⁵, изданный в типографии императорской Российской Академии. Самостоятельное издание сборника представляло для семейства Шаховых, состоявшего

¹ *Шахова Е. Н.* Покровителю. В. И. П. // Современник. 1839. Т. 15, Отд. VIII. С. 155–156. Цензурное разрешение от 27 июня 1839 г. Цензоры: В. П. Лангер и П. А. Корсаков.

² Труды императорской Российской академии. СПб., 1840. Ч. 1. С. 77.

³ См.: *П. М.* Северная пчела. СПб. 1837. 24 сент., № 214. Новые книги. С. 853–854; Библиотека для чтения. 1837. Т. 25. № 12. Отд. VI. С. 48; Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» на 1838 год. СПб.: Типогр. А. Плюшара, 1838. 1 янв., № 1. С. 9–11.

⁴ Библиография произведений Е. Шаховой и дореволюционной литературы о ней. С. 356–365.

⁵ *Шахова Е. Н.* Стихотворения. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839. — 2, 120 с.

из больной матери и двух ее дочерей, трудноисполнимое предприятие. Об этом свидетельствует и полугодовой перерыв между цензурным разрешением, подписанным цензором П. А. Корсаковым 21 ноября 1938 г., и выходом издания из печати. Очевидно, что без помощи академического сообщества, вновь оказанной начинающему автору, издание не могло бы состояться.

Уместно задаться вопросом, не существовало ли связи между вышедшим из печати изданием и появившимся сразу после этого публичным обращением автора к некоему «покровителю»?

Надо заметить, что Шахова любила жанр «послания» и обращалась к нему с первых шагов на своем поэтическом пути. И в дебютном сборнике — «Опыты в стихах 15-летней девицы», — и во втором — «Стихотворения», и в журнальных публикациях — это были, помимо посланий к матери, родным и друзьям, также и литературные «послания», например, В. Г. Бенедиктову («К***»), «Ответ на молитву поэта»), поэтессе Л. П. Корсаковой («В альбом Людмилы Петровны К...вой»), Е. П. Гребенке («На стихи, читанные мною в VI томе “Современника” на 1837 год»). По названиям стихотворений видно, что поэтесса, как правило, скрывала имена адресатов своих «посланий» за инициалами.

Однако установить адресата интересующего нас «послания» оказалось сравнительно несложно: автограф стихотворения сохранился в архиве Рукописного отдела ИРЛИ РАН в материалах Е. Шаховой, переданных в Пушкинский Дом ее внучатым племянником Н. Н. Шаховым в 1914–1915 гг.⁶ Одна из шести рукописных тетрадей со стихами, оформленных поэтессой как сборники, под № 2⁷, имела титульный лист, по центру которого помещалось название «Мои мечты». В подзаголовке, также расположенном по центру, значились слитые в монограмме три буквы: «ЕНШ» (Елизавета Никитична Шахова — Е. А.). Ниже справа от заголовка стоял эпиграф, передающий романтически-претенциозную настроенность 17-летней поэтессы: «Зависть современников ручается за славу в потомстве — (из моего дневника)». Внизу листа по центру значилась дата создания рукописного сборника — «1839». На последнем листе тетради автор расположила оглавление, в котором интересующее нас стихотворение имело порядковый № 11 и название — «Послание».

Имя адресата «послания» раскрывается в заголовке белого автографа стихотворения: «В. И. Панаеву»⁸. Речь идет об одном из ярких представителей рода Панаевых — Владимире Ивановиче (1782–1859), дяде Ивана Ивановича Панаева, известном в 1820-е гг. авторе идиллий, которыми он стяжал звание «русского Геснера», а также авторе психологической повести «Иван Костин» и немногочисленных других произведений⁹.

⁶ РО ИРЛИ. 3558–3602.

⁷ РО ИРЛИ. 3565.

⁸ Там же. Л. 21 об.–23.

⁹ См.: *Вацуро В. Э. Панаев Владимир Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: В 5 т. М., 1999. Т. 4. С. 514–516.*

Послание к «В. И. П.» является единственным обращением поэтессы к самому именитому из Панаевых, имя которого больше нигде — ни в ее поэтических произведениях, ни в немногочисленных эпистолярных и биографических документах — не встречается. Не упоминает его Шахова и в своей «Автобиографии», написанной в 1894 г., за пять лет до кончины, будучи уже монахиней Марией.

Приведем его текст по журнальной публикации, в которой заметны следы редакторской правки П. А. Плетнева, поддержавшего первые поэтические опыты Шаховой¹⁰:

Покровителю. В. И. П.¹¹

В свои небесные скрижали
 Одно из тайных, добрых дел
 Недавно ангелы вписали:¹²
 Недавно горестный удел
 Сиротки грустной был утешен,
 И на весах суда небес
 Священный подвиг верно взвешен —¹³
 Он имя смертного вознес!
 То имя свято мне.¹⁴ Одна,¹⁵ я
 Незамечаема была,
 И как былинка полевая¹⁶,
 В глуши покинутой цвела!¹⁷
 Мой цвет увял бы безуханно
 Не выждав радостного дня,
 Когда б отрадою¹⁸ нежданной
 Ты не приветствовал меня!
 Горда участием высоким¹⁹,
 Я жить и цвести опять хочу²⁰:
 Пусть я за²¹ призраком далеким
 По свету искрой пролечу,

¹⁰ Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой... С. 348.

¹¹ Разночтения с автографом указываются ниже в сносках.

¹² было: «Недавно ангелы вписали

Одно из тайных добрых дел

В свои Небесные скрижали:»

¹³ «—» — было «,»

¹⁴ было «—»

¹⁵ «,» отсутствовала.

¹⁶ «И как былинка полевая» — было «Как травка даром прозябая».

¹⁷ «В глуши покинутой цвела!» — было «В глуши, в забвеньи расцвела.»

¹⁸ «Когда б отрадою» — было «Когда с отрадою»

¹⁹ «,» отсутствовала.

²⁰ «:» — было «,»

²¹ «Пусть я» — было «Пускай за»

Блесну, угасну — но забвенье
 Не оскорбит души моей²²:
 Ей будет памятно мгновенье²³,
 Когда ты ласкою своей
 Вознес мой дар и вдохновенье!
 Когда ты²⁴, детского пера
 Заметь жалобные строки²⁵
 (Суровых опытов уроки)²⁶.
 Явился гением добра,
 Семьи единственной опорой,
 Надеждой матери больной,
 Давно убитой, для которой
 Детьми лишь светел мир земной²⁷.
 Вся жизнь ее тоской повита²⁸;
 Ее дитя томит недуг —²⁹
 Но³⁰ ты один для них защита,
 Один скорбящих врач и друг!³¹
 Мой робкий дар не избалован
 Молвой и ласкою людской,
 А³² чаще ум мой был взволнован
 Неразделенною тоской!
 Ты, как нежданное светило,
 Ему явил защитный свет —³³
 И сердце снова ощутило
 Забытой радости привет!
 Мои слабеющие руки
 За лиру с трепетом взялись³⁴,
 И вмиг признательные звуки
 На струны робкие слились!³⁵
 Когда загробное забвенье

²² «:» — было «,»

²³ «,» — отсутствовала.

²⁴ «,» — отсутствовала.

²⁵ была «,»

²⁶ «,» — отсутствовала.

²⁷ «.» — было «;»

²⁸ «;» — было «:»

²⁹ «-» — было «,»

³⁰ «Но» — было «И»

³¹ был абзац.

³² «А» — было «Нет!»

³³ «-» — было «,»

³⁴ «,» — было «-»

³⁵ был абзац.

С землей на прах мой упадет —³⁶

Одно приветное мгновенье

Со мною в вечность перейдет!»³⁷

Что же послужило поводом для стихотворного «послания» и о каком «священном мгновении» пишет в нем Шахова? Отправной точкой поиска для нас стал год написания стихотворения, обозначенный на обложке рукописной тетради, — 1839 — и то очевидное обстоятельство, что «обращение» адресовано Панаеву не как литератору. Отметим, что ни одно из 22 стихотворений, находящихся в тетради № 2, в том числе и интересующее нас «послание», не вошли во второй сборник Шаховой, т. к., несомненно, были написаны после полученного в ноябре 1838 г. цензурного разрешения.

Известно, что с середины 1820-х гг. Панаев отходит от литературных трудов и целиком погружается в служебную деятельность, он дослужился до тайного советника и статс-секретаря. С 1832 г. до своей кончины в 1859 г. в течение 27 лет Владимир Иванович занимал пост директором канцелярии министра императорского двора, был также членом многочисленных научных и литературных обществ, в 1833 г., по ходатайству министра народного просвещения А. С. Шишкова, он становится действительным членом Российской Академии.

По характеристике В. Э. Вацура, знакомый со всеми литературными деятелями своего времени, Панаев «в своих литературных вкусах и симпатиях остановился на 1820-х гг., он органически не приемлет современной литературы, начиная с Гоголя, за ее демокритически-разночинный характер и в 1840–50-е гг. представляет в глазах связанного с ним молодого поколения литераторов (его племянник И. Панаев, молодые братья К. С. и И. С. Аксаковы) фигуру архаическую, смешную и реакционную»³⁸. Так, И. И. Панаев вспоминал о своем разговоре с преподававшим в Благородном пансионе при университете профессором Яковом Васильевичем Толмачевым, который как-то спросил своего ученика: «— А что, г. Панаев, <...> вы родственник тому Панаеву, который написал “Идиллии”?»

Этот вопрос преследовал меня. Все начальники и учителя предлагали его мне при вступлении моем в пансион.

— Да, родственник, — отвечал я.

— И близкий?

— Племянник.

— А-а-а! — протянул Толмачев значительно. — “Идиллии” вашего дядюшки образцовые идиллии, единственные у нас в этом роде. Я хоть тридцать лет ничего не читаю, но для Панаева я сделал исключение и прочел его “Идиллии” с великим удовольствием.

³⁶ «←» отсутствовало.

³⁷ Шахова Е. Н. Покровителю: В. И. П. С. 155–156.

³⁸ Вацуро В. Э. Указ. соч. С. 516.

Я сделался любимцем Якова Васильевича (продолжал И. И. Панаев, — Е. А.), хотя не заслужил этого ничем, кроме того, что был племянником моего дяди, не разделяя вовсе мнения достойного профессора об его идиллиях»³⁹.

А. Я. Панаева в своих «Воспоминаниях» писала о Владимире Ивановиче, что о своем племяннике он говорил, что тот «позорит старинную потомственную дворянскую фамилию, которую имел счастье носить, связавшись с разночинцами и торгашами»⁴⁰.

Но вот знакомый с Панаевым с юности, еще по совместному участию в 1810-х гг. в Вольном обществе любителей российской словесности и впоследствии в один с ним год (1833) ставший действительным членом Российской Академии, прозаик и стихотворец, журналист и издатель Борис Михайлович Федоров (1794 или 1798–1875) в воспоминаниях о Панаеве обратил внимание на другие стороны личности своего друга. В частности, Федоров писал, что он был «сострадательным ко всем, заслуживающим участия»⁴¹, которые «нередко могли встречаться с ним и под кровом бедности и страдания»⁴²; «он сам искал случаев быть полезным кому только мог, предупреждая просьбы нежным участием, к перемене на лучшее участи тысячи семейств»⁴³.

Возвращаясь к шаховскому «посланию», в свете последней характеристики естественно задаться вопросом: не является ли «стихотворная благодарность» поэтессы В. И. Панаеву ключом к разгадке имени того, кто непосредственно помог издать второй сборник ее стихотворений?

Обращает на себя внимание активное участие в издании сборника считавшего себя близким другом Панаева Б. М. Федорова, который первым из рецензентов оповестил читателей о выходе из печати новой книги, одновременно публикуя стихотворение Шаховой «Ответ на молитву поэта»: «Поэтические произведения девицы Шаховой, из которых одно мы предлагаем в сем № нашим читателям, вышли отдельною книгою. Они напечатаны на иждивении Императорской Российской Академии, которая подарила все издание в собственность девицы-Поэта»⁴⁴. Его же перу принадлежит и предисловие к «Стихотворениям» Елизаветы Шаховой, подписанное инициалами «Б. Ф.», где Федоров отмечал, что новые произведения автора исполнены «чистыми, возвышенными чувствами, достоинством истинной поэзии»⁴⁵. Одновременно он делал акцент на драматичных обстоятельствах жизни семьи: «Елизавета не выходила из-под семейного крова, но с семи лет уже узнала горечь. Мать ее лишилась зрения. И подверглась нервическому ослаблению сил

³⁹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. / Ред., вступ. статья и примеч. И. Ямпольского. Л., 1950. С. 12–13.

⁴⁰ Головачева-Панаева А. Я. Воспоминания. СПб., 1890. С. 177.

⁴¹ Федоров Б. М. В. И. Панаев. Воспоминания с обзором его идиллий. СПб., 1860. С. 12.

⁴² Там же. С. 14.

⁴³ Там же. С. 17.

⁴⁴ Литературные прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения» на 1839. СПб. 1839. № 5. С. 134.

⁴⁵ Шахова Е. Н. Стихотворения. С. IV.

<...> признаки болезни томительной, каждый год похищающей множество жертв в цвете жизни, к сожалению, едва ли не угрожают и Елизавете, и в то самое время, когда бедное семейство лишилось почти всех средств к своему поддержанию»⁴⁶.

Предисловие Федорова носило не литературный, а биографический характер — он сочувственно и преувеличенно подробно писал о болезни Елизаветы и ее матери, на что обратил внимание в своей рецензии на сборник В. С. Межевич. Называя автора предисловия «ученым мужем» с «бойким пером», он сетовал, что «вошло в моду, при изданиях сочинений живых авторов, прилагать биографии с такими частными подробностями, которые для публики нимало не интересны, и часто не совсем приятны для самих авторов»⁴⁷. Очевидно, выдвигая на первый план бедственное положение семейства Шаховой, Федоров опосредованно утверждал основание для филантропической деятельности В. И. Панаева.

Благотворительность Панаева была известна в обществе, хотя и имела свои особенности: очевидно, нуждающийся в помощи должен был соответствовать нравственным требованиям мецената. Так, актер Иван Алексеевич Григоровский в своих воспоминаниях довольно подробно описал случай «благотворительной помощи» Панаева из своей юности.

В середине 1930-х гг. двадцатилетний Григоровский по рекомендации своего дяди (И. И. Ястребцова) начал работать у Смирдина «на посылках» и как-то попал по поручению к Владимиру Ивановичу, который, услышав о смерти дяди Григоровского, проявил особое внимание, расспросил о кончине дяди, о службе самого Григоровского и изъявил решительную готовность помочь определиться на место: «мы друзья вашего дяди, следовательно, теперь наша обязанность заменить вам его»⁴⁸. В тот же день на радостях молодой человек, приодевшись, пошел в театр, удачно устроился на свободном месте во 2-м ряду и неожиданно «встретил своего благодетеля, сидящего в последних рядах», который, как пишет мемуарист, почему-то «не ответил на мой поклон»⁴⁹.

При следующей встрече поведение Панаева было совершенно иным, о чем Григоровский писал: «Подумав немного, Панаев повел такую речь: “знаете ли вы, мой почтеннейший, что я переменяю о вас мое доброе мнение. В первый раз, когда вы были у меня по поручению Смирдина, вы так скромно были одеты, так прилично держали себя, и вдруг — в тот же день я вижу вас в театре, вы так важно сидите в первых рядах кресел, одеты барином, рядом с вами сидят Генералы!.. Ну, куда вы лезете? Кто вы и что вы такое? Канцелярский чиновник... Я удивляюсь вам, как вы позволяете себе.....!”»

⁴⁶ Шахова Е. Н. Стихотворения. С. II. IV.

⁴⁷ [Межевич В. С.] Современная библиографическая хроника: Русские книги: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839 // Отечественные записки. 1839. Т. 6. Отд. VII. С. 148.

⁴⁸ Григоровский И. А. Из моих воспоминаний. Гл. I–VII // Сборник Московской иллюстрированной газеты. Сост. При участии П. Е. Астафьева. М., типогр. П. Е. Астафьева, 1891. С. 76.

⁴⁹ Там же.

Тут мало по малу стал стихать его гнев, и кончил он тем, что велел мне явиться в его канцелярию для испытания моих способностей»⁵⁰.

Выполнив данное Панаевым «испытание», Григоровский по его приказанию вновь пошел на квартиру с «докладом», о чем писал далее: «Прихожу, говорю: “изволили приказать”...

“Да, перебил он меня; но я все еще опасаясь принять вас на службу, хотя и видел ваши записки. <...>

Итак, даете ли слово исправиться?”

“В чем же мне исправляться, Ваше Превосходительство”, спрашиваю я?

“А в том, чтоб не совать своего носа туда, куда не следует ни по вашему положению, ни по чину, ни по воспитанию, ну, словом, по всему”»⁵¹!

Шахова, очевидно, в большей мере, чем Григоровский, соответствовала благонамеренно-моральному образцу благочестивых героев Панаева, например, из его народной повести «Иван Костин», получившей заслуженное признание публики. В образах русских крестьян Ивана и Дуни автор раскрывал патриархальный характер, «основной чертой которого является осознанное терпение и покорность традиции, в данном случае — родительской власти»⁵². Эти качества присущи и лирической героине сборника стихотворений Шаховой.

Например, сцена неожиданного возвращения Ивана после пятилетней работы в столице в Страстную субботу в родное село Покровское перекликается со стихотворными посвящениями Шаховой матери.

Читаем в повести Панаева: «В это время мать его, кончив все нужные приготовления к наступающему празднику, т. е. перечистив медные иконы, перебив посуду и прибрав получше избушку, стояла на молитве перед образом Воскресения Господня. Она молилась не столько о себе, сколько о своем отсутствующем сыне, о его благополучном возвращении. <...> она, всплеснув руками, с радостным криком бросилась обнимать милого сына; но он упредил ее: он почтительно поклонился ей в ноги и потом уже допустил прижать себя к материнском сердцу»⁵³.

Шахова в стихотворении «Вместо предисловия к матери» писала:

«О, родная моя! сердцем ведает дочь,
Как тяжка для тебя взоров вечная ночь,
Жизнь без малого проблеска зренья.

⁵⁰ Григоровский И. А. Из моих воспоминаний. Гл. I–VII // Сборник Московской иллюстрированной газеты. Сост. При участии П. Е. Астафьева. М., типогр. П. Е. Астафьева, 1891. С. 77.

⁵¹ Там же. С. 78.

⁵² См.: Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра. Под ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1973. С. 209.

⁵³ Панаев В. И. Иван Костин // Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. 1823. Кн. 10. С. 5–6.

День как ночь, свет как тьма, мрачно все для тебя
Но как мать для детей, и детьми жизнь любя,
Ты безропотна, чудо терпенья!
<...>

Ясновидящий ум глубже зорких очей
Проникает меня, и с родимой моей
Мысль — и все бытие мое слито!

Ты души моей жизнь, вещей Гений ты мой,
Лишь в слезинке твоей, да в улыбке родной
Вся и слава моя, и отрада!

Пусть за песни мои порицают меня,
Пусть и хвалит их свет, ты мой главный судья,
Я тебя одну слушаться рада! <...>⁵⁴

Федоров откликнулся на критику Межевича и в следующей — литературной — рецензии на сборник писал: «Ничего не смеем предсказывать, не знаем, что будет вперед, но судя по настоящему, думаем о девице Шаховой много утешительного. Главное достоинство ее стихотворений заключается в безыскусственной простоте, в скромном, умильном выражении энергических мыслей, и, что также замечательно, в самостоятельном, свободном и сильном стихе. Скажите, можно ли равнодушно читать обращение поэта к матери?»⁵⁵ Далее он полностью цитировал стихотворение, соответствующее нравственным требованиям автора «Ивана Костина».

Очевидно, что Шахова не кривила душой, когда назвала помощь, оказанную Панаевым, «священным мгновением»: помимо издания сборника весь тираж его — 800 экземпляров — был предоставлен «в пользу автора».

Следующий сборник «Повести в стихах»⁵⁶ увидел свет только через два года после получения цензурного разрешения. На издание его у Шаховых, очевидно, по-прежнему не хватало средств. Вероятнее всего, возможность издать книгу появилась тоже после получения благотворительной помощи. Так, в ответ на преподнесенный в апреле 1842 года экземпляр второго сборника «Стихотворения» графине А. С. Шереметевой последняя переслала на имя Е. Шаховой 100 рублей⁵⁷.

В дальнейшем, когда Шахова уже поступила в подмосковный Бородинский монастырь, в ее обстоятельствах приняла участие поэтесса, прозаик и переводчица Авдотья Павловна Глинка, жена поэта декабриста Ф. Н. Глинка, хорошо

⁵⁴ Шахова Е. Н. Стихотворения. С. 1–2.

⁵⁵ Русская литература: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839 // Северная пчела. СПб., 1839. 9 ноября, № 254. С. 1015.

⁵⁶ Шахова Е. Н. Повести в стихах. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842. — 167 с.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1088. Оп. 1. № 699. Л. 2–3 об. 1842–1850.

известная в московском обществе своей активной общественной деятельностью. 15 февраля 1846 года она обратилась к С. П. Шевыреву с просьбой помочь с подпиской в пользу «бедствовавшей» Е. Шаховой. С. П. Шевыреву удалось собрать более трехсот рублей⁵⁸. Тем не менее, подготовленный к этому времени к изданию Шаховой новый сборник не был издан — в бумагах цензурного комитета отсутствует запись о поступлении рукописи⁵⁹.

История издания четвертого и последнего прижизненного сборника поэтессы «Мирянка и отшельница», вышедшего из печати в 1849 г.⁶⁰, растянулась на три года, и вошедшее в него благодарное «послание» Панаеву под названием «В. И. П-у» дошло до публики только через 10 лет после первой публикации его в журнале «Современник».

⁵⁸ РО РНБ. Ф. 850 (Архив Шевырева С. П.). № 195. Л. 7–8. См. также: *Волкова Н. С.* Материалы к биографии А. П. Глинки // *Духовные начала русского искусства и образования / материалы IV Всероссийской научной конференции... Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 141–142.*

⁵⁹ См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1, № 1878. Дело о рассмотрении рукописей, поступивших от разных лиц. 1846. 41 л.; Ф. 777. Оп. 1, № 1879. Дело о рассмотрении сочинений, доложенных комитету цензорами. 1846. 55 л.

⁶⁰ *Шахова Е.* *Мирянка и отшельница.* Стихотворения: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849. — 4, 346, IV с.

Н. В. Цветкова

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И С. П. ШЕВЫРЕВ ОБ ОТНОШЕНИИ ИСКУССТВА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Проблема, обозначенная в названии, в жестких идеологических формах получила свое освещение еще в советское время. В известной монографии «Эстетика Белинского» читаем: «В начале 1840 года редакция “Москвитянина” оповестила читателей, что министр просвещения Уваров собрал в своем загородном поместье (Поречье)» некоторых особо уважаемых «ценителей изящного». Профессор Давыдов прочитал здесь «импровизированные лекции», в которых доказывал полное ничтожество «эмпирического учения» об искусстве и превосходство «учения идеального». Философским обоснованием «идеального учения», которое исповедовали «холопы села Поречья», служила шеллинговская концепция, соответственно адаптированная и профанированная. Глубоко заблуждаются «материалисты», полагающие, что поэзия является «зеркалом действительности», утверждали они; «не задача искусства анализировать действительность и доходить до сокровеннейших глубин ее»; эстетическое восприятие основано на «сочувствии с миром невидимым, надземным»¹.

Исследователь цитирует целый ряд высказываний одного из «холопов Поречья», ученика И. И. Давыдова, главного критика «Москвитянина» и антагониста Белинского Шевырева, из его сочинений разных лет: от 1827 г. до 1848-го, даже не подозревая эволюции его взглядов в области эстетики, философских предпочтений и мировоззрения. Главная мысль в этой работе и других исследованиях советского времени — защита и позиционирование натуральной школы, «материалистической концепции, построенной Белинским и служившей обоснованием реализма»² как единственно возможной и верной, с одной стороны, и критика и обвинение противников Белинского как «сторонников «идеального учения об искусстве», «требовавших от искусства эстетического обольщения»³ и т. д., с другой.

В наше время идеологическая односторонность как будто уходит в прошлое, и в книге, изданной к 200-летию Белинского, можно найти утверждение, что

¹ *Соболев П.* Эстетика Белинского. М.: Искусство, 1978. С. 80.

² Там же.

³ Там же. С. 81.

«Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, близкого друга и единомышленника Шевырева, и зальцбруннское письмо Белинского — «это вещи, в сущности, настолько же сходные, сколько и различные», потому что «обе выражают главные для развития России идеи — каждая свою»⁴. Однако проблема отношения искусства к действительности в эстетике Белинского и Шевырева до настоящего времени так и остается непроясненной. Задача настоящей статьи — обращение к актуальному эстетическому вопросу в истории русской критики и журналистики и шире — культуры, оживившемуся в конце 30-х гг. 19 в. В истории отношений критиков этот вопрос остро встает в 40-ые гг. К этому времени Шевырев после заграничной командировки снова возвращается как к преподаванию в Московском университете и, в частности, к чтению в Московском университете лекций по истории древней русской словесности, так и к журналистике, к активному сотрудничеству в «Москвитянине» и созданию критики на основе христианской эстетики. Белинский в начале 40-х гг. становится ведущим критиком сначала в «Отечественных записках», затем в некрасовском «Современнике», в своих статьях создавая теорию остросоциального критического реализма как основу натуральной школы.

В 1840 г., во время выхода из «периода примирения с действительностью», Белинский писал: «Поэзия есть выражение жизни, или лучше сказать, сама жизнь»⁵. Он уточнял, что «искусство, заимствуя у действительности материалы, возводит их до общего, родового, типического значения» (III: 228), что «поэзия не имеет никакой цели вне себя, но сама себе есть цель» (III:232), что «чем выше поэт, тем более он принадлежит обществу, среди которого родился» (III: 237). Так в 1840 году Белинский как будто колеблется: с одной стороны, поэзия «сама себе есть цель», с другой, — поэт «принадлежит обществу», выражая общественные и социальные идеи своего времени.

По мнению советского исследователя, «в 40-е годы он вычленяет и обсуждает два внутренне связанных <...> вопроса: онтологический — о “соотношении искусства с жизнью” и гносеологический — об отношении художественного произведения к “той действительности, которая составляет его содержание”»⁶. Ученый делает вывод о том, что в этот период для критика «художественная деятельность представляет <...> одну из форм жизненной практики. В этом смысле жизнь “всегда выше искусства”»⁷. Анализируя, как изображает писатель жизнь, Белинский, как считает ученый, приходит к выводу, что «в процессе воспроизведения действительности совершается художественное ее усвоение — отбор и

⁴ Монахова И. Р. «Истинный рыцарь духа». Роль Белинского в истории русской литературы // «Истинный рыцарь духа: Статьи о жизни и творчестве В. Г. Белинского // Сост. И. Р. Монахова; Научн. ред. и автор вступ. статьи Ю. В. Манн. М.: Прогресс-Традиция, 2013. С. 415.

⁵ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. литература, 1978. Т. III. С. 225. Далее ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках: римская цифра означает том, арабская — страницу.

⁶ Соболев П. Указ. соч. С. 78.

⁷ Там же.

анализ ее явлений, их типизация и раскрытие внутренней сущности, трактовка в свете идеала»⁸. В чем особенности процесса отбора явлений жизни и его анализа, в свете какого идеала происходит их трактовка в понимании Белинского? Этот вопрос помогает прояснить В. В. Зеньковский, который обратил внимание на то, что картина мира в сознании теоретика натуральной школы Белинского, к середине 40-х гг. человека атеистического сознания, складывается под влиянием секуляризма⁹. В связи с этим в философских представлениях Белинского вопрос о человеке разрешается в большой степени как социальный, так как его картина мира и понимание действительности социально детерминированы, что определяет в его статьях задачи изображения действительности, в первую очередь, ее социальных основ. Н. А. Бердяев считает, что в этот период «происходит разрыв с отвлеченным идеализмом и переход к конкретной действительности»¹⁰.

В отличие от Белинского, С. П. Шевырев к началу 1840-х годов создает христианскую эстетику. Внутренне близкими для него в этот период оказываются «тевтонский философ» Я. Бёме, аббат Ботень, который, по словам современника Шевырева, «столько друг всем философам и людям, сколько они зависимы от Бога»¹¹, и теософ Ф. Баадер, высоко ценивший идеи Православия. Под его влиянием Шевырев определяет свое понимание прекрасного и основ эстетической теории: «Прекрасное мы прежде всего любим, и без любви к нему нет полного им наслаждения. <...> В любви к красоте должно отличить начало духовное от эгоистического, ведущего к кумирслужению перед красотой, которое проповедуется новыми Эстетиками. В этом различии должен быть зародыш Эстетики Христианской. В прекрасном есть божественное, говорит Платон. Сие-то божественное мы должны любить в прекрасном»¹². Шевырев обосновывает «эстетику христианскую», в которой красота имеет божественное начало и в которой главная фигура — человек, «любимое творение своего создателя», поставленное «от Бога в центр природы»¹³. По мысли ученого, «нет человека без религии», и «наклонность в человеке к удивлению есть уже начало религиозного чувства», равно как и начало «в наслаждениях наших произведениями искусства»¹⁴. «В этом чувстве сходятся Религия и искусство, имеющие постоянное *духовное родство*»¹⁵ (курсив мой. — Н. Ц.).

Таким образом, к началу 40-х гг. эстетическая теория, как и мировоззрение Шевырева, имеют религиозный характер. Для него как теоретика искусства и критика важен вывод о «духовном родстве» искусства и религии, о необходимости

⁸ *Соболев П.* Указ. соч. С. 79.

⁹ *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 т. СПб: «Академический Проект» «Раритет», 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 263.

¹⁰ *Бердяев Н. А.* Русский социализм и нигилизм // В. Г. Белинский: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А. А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2011. С. 888.

¹¹ *Гавриил, архим.* История философии: В 6 ч. Казань, 1839. Ч. IV. С. 188.

¹² Москвитянин. 1841. № 6. С. 389.

¹³ Там же. С. 414.

¹⁴ Москвитянин. 1841. № 6. С. 418.

¹⁵ Там же.

соединения искусства и религии, искусства и Церкви. Подобное, по наблюдениям В. В. Зеньковского, происходит в эстетических исканиях и творческой практике Гоголя и Жуковского, И. В. Киреевского и В. Ф. Одоевского. Историк русской философии назвал это явление «христианским гуманизмом».

Искусство слова как имеющее божественное начало осмысливается Шевыревым в начале 1840-х гг. под существенным влиянием изучаемой им древней русской литературы. В понимании слова-логоса он идет вслед за любимым апостолом Христа — Иоанном, называя его «даром людям от Бога» и «внешним выражением самопознающей души человеческой»¹⁶. А в «произведении слова» он видит проявление двух начал «божественной и человеческой деятельности»¹⁷: «первая обнаруживается в нем верою; вторая стремлениями к истинному, доброму и прекрасному в жизни»¹⁸. Шевырев представляет художника слова человеком верующим, носителем христианского идеала, отражающегося в его произведениях. Гоголь в этом плане наиболее близок ему. Вторая редакция гоголевского «Портрета» — повесть, обладающая для Шевырева чертами истинного словесного искусства, о чем он напишет автору: «Ты в нем («Портрете» — Н. Ц.) так раскрыл связь искусства с религией, как еще нигде она не была раскрыта»¹⁹.

Таким образом, в начале 1840-х годов мировоззренческие и эстетические представления Белинского и Шевырева кардинально расходятся: первый — человек, близкий атеистическому сознанию, последователь Гегеля в эстетике, в критических статьях «Отечественных записок» и «Современника» теоретик и создатель натуральной школы, второй — религиозный мыслитель, теоретик и создатель христианской эстетики, воплотившейся в его научной монографии «История русской словесности», в критических статьях «Москвитянина». В понимании вопроса об отношении искусства к действительности, о чем оба они будут говорить в статьях о «Мертвых душах», где этот вопрос, на наш взгляд, станет центральным, их антагонизм проявляется достаточно отчетливо.

Оба критика, несмотря на разницу мировидения и осмысления русской жизни, близки в понимании предмета изображения современной литературы, каковым является, по словам Шевырева, и «грубая, низкая, животная природа человека». Но, в отличие от Белинского, он считает, «...чем ниже, грубее, материальнее, животнее предметный мир, изображаемый Поэтом», «тем выше, свободнее, полнее, сосредоточеннее в самом себе должен являться его творящий дух»²⁰. Благодаря «возвышению субъективного духа в самом поэте» происходит «водворение

¹⁶ Шевырев С. П. История русской словесности: В 4 ч. М., 1859. Ч. 1. Изд. 2. С. VII.

¹⁷ Там же. С. VIII.

¹⁸ Там же. С. IX.

¹⁹ Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. II. С. 299.

²⁰ Шевырев С. П. Похождения Чичикова, или Мертвые души // Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. — М.: ООО «Издательство «Олимп»: ООО «Издательство АСТ», 2002. — С. 156.

гармонии в нашем духе» (с. 156), что, по Шевыреву, является первостепенной задачей искусства.

Для Белинского не в меньшей степени важна «глубокая, всеобъемлющая, гуманная субъективность автора, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем» (V: 51). «Субъективность автора» критик видит в «творении», «беспощадно сдергивающем покров с действительности» (V: 51), в «критической направленности его творчества»²¹. Понимание субъективности у Белинского «сплетается с понятием гуманизма», является синонимом «социальности», «вообще общественно-политической заинтересованности»²². Гоголь для него писатель социальной действительности, сравнимый с Жорж Санд.

По Шевыреву, «субъективное начало» у Гоголя — это способность писателя так изобразить противоречия жизни, героев, чтобы сохранить гармонизирующую функцию искусства. Закономерно, что Шевырев критикует произведение Гоголя за то, «что комический юмор автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей полноте и широком объеме». По Шевыреву, «субъективное начало» у Гоголя — это комический юмор и особая фантазия писателя, благодаря которым он способен так изобразить противоречия жизни, героев, что сохраняется примиряющее с жизнью действие искусства слова. Критик не случайно подробно говорит о разновидностях гоголевской фантазии («ясновидящей», «истиннолюбивой», «хлебосольной»). По Шевыреву, фантазия и юмор писателя должны быть напрямую связаны с изображением жизни: «...ибо искусство свободно; но чем глубже будут они (фантазия и юмор — *Н. Ц.*) проникать в действительность, тем сильнее будет их действие и тем правильнее определится их взаимное между собой отношение, от которого много зависит в грядущем развитии нашего поэта» (с. 182).

Свобода гоголевского «творящего духа» проявляется в совершенно особом юморе, о котором Шевырев говорит профессионально и глубоко в сравнении с юмором писателей европейских (Вольтера, Жан Поля и др.), приходя к глубокому выводу, что «смех принадлежит в Гоголе художнику», «но грусть принадлежит в нем человеку» (с. 157) — поэзия его «не цельная, не единичная, а двойная, распавшаяся» (с. 157).

«Однако, по мысли Шевырева, зияние преодолевается своеобразной диалектикой противоположностей, из которой рождается их единство. <...> Такое понимание внутренней связи двух образующих поэму творческих стихий ... ближе к нашим современным представлениям, чем какое-либо другое объяснение из выдвинутых русской критикой в начале 1840-х годов»²³, — замечает В. М. Маркович.

²¹ Кантор В. К., Осоват А. Л. Русская эстетика середины XIX века: теория в контексте художественной культуры // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 18.

²² Егоров Б. Ф. Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского. М.: Просвещение, 1982. С. 97.

²³ Маркович В. М. Уроки Шевырева // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М.: Высшая школа, 2004. С. 39.

Шевырев подробно объясняет, как достигают цельности художник и его творение: «Чем более глядяемся в подробности изображения, тем более удивляемся тому, как они мастерски прилажены к целому и между собою, и убеждаемся, что достигнуть этого можно только *цельным творческим ясновидением жизни...*» (курсив мой. — Н. Ц.) (с. 175–176).

Благодаря фантазии, по Шевыреву, происходит примирение «чувства человека со своим смехом и слезами», он «преображается в одного *цельного художника*» (курсив мой. — Н. Ц.) (с. 165). Цельность художника способствует творческому воссозданию картины русской жизни, потому что главная «черта фантазии Гоголя есть живое ясновидение мира, им переносимого из бытия существенного в бытие идеального искусства» (с. 166). По Шевыреву, универсальность — основа «бытия идеального искусства», главная гоголевская черта в изображении мира и человека.

Для Белинского, последователя Гегеля, «тем-то и велико создание “Мертвых душ”, что в нем вскрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочам этим придано общее значение» (V: 159). Он подчеркивает отсутствие общечеловеческого как в русской жизни, так и в поэме: ему важен «пафос поэмы, который состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанциональным началом, доселе еще таинственным, доселе еще не открывшимся собственному сознанию <...>» (V: 158). В первой рецензии о «Мертвых душах» критик особенно высоко оценивает «ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая <...> заставляет его проводить через свою *душу живу* явления внешнего мира <...>» (курсив Белинского. — Н. Ц.) (V: 51). По признаку субъективности критик поставит Гоголя выше Пушкина: «<...> Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени» (V: 62).

Б. Ф. Егоров отмечает, что «социальность в это время для него синоним вообще общественно-политической заинтересованности, гуманного внимания к личности...»²⁴. Белинский воспринимает поэму Гоголя в свете «идей романтиков социализма — П. Леру, Ж. Санд»²⁵, с одной стороны, с другой — в свете идей Гегеля как произведение, в котором нет «общечеловеческого». В связи с этими факторами понимание действительности Белинским социально обусловлено и вопрос о человеке разрешается им в большой степени как социальный. Для него важной задачей художника станет при изображении действительности ее анализ и отрицание.

В восприятии западника и гегельянца Белинского²⁶ поэма Гоголя отвечает *главным критериям времени*, как *эстетическим*, решая вопрос об отношении искусства к действительности, так и *историческим*, высвечивая в содержании начала социальные и общественные: «<...> является творение чисто русское,

²⁴ Егоров Б. Ф. Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского. С. 97.

²⁵ Тихонова Е. Ю. Виссарион Григорьевич Белинский // В. Г. Белинский: pro et contra. С. 1032.

²⁶ См.: Манн Ю. В поисках живой души. М.: Книга, 1987. С. 149–165, Егоров Б. Ф. Указ. соч. С. 92–100.

национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, столько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности <...>; творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта — и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое...» (V: 51). Критик говорит о высокой художественности произведения, о его близости к русской жизни и быту, о его национальной, общественной и исторической значимости.

В предмете изображения поэмы Белинскому важнее всего то, что связано с социальной стороной русской действительности: оно определяется им как «выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, столько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности», как «социальное, общественное и историческое...» (V: 51). Критик разделяет отношение Гегеля к категории бытия, который считал: «Для мысли не может быть ничего более малозначащего по своему содержанию, чем бытие»²⁷. Определяя содержание поэмы Гоголя, Белинский использует не категорию «бытие», а категорию «субстанция» и отказывает поэме Гоголя в «общем содержании» (V: 149), потому что «субстанция народа может быть предметом поэмы только в своем разумном определении, когда она есть нечто положительное и действительное, а не гадательное и предположительное <...>» (V: 148).

Шевырев, напротив, в содержании поэмы увидит «бытие» наряду с «бытом», «действительностью», «существенностью», а также «внутренние тайны», «внутренний быт», «внутреннее бытие». Для него реализм Гоголя соотносится не столько с действительностью (как у Белинского), хотя и с ней тоже, но с бытием, понимаемым как духовная жизнь отдельного человека и всей России.

Шевырев видит изображение бытия России в созданных писателем типах русских людей, окруженных миром принадлежащей им деревни, собственного дома с внешним и внутренним интерьерами, подробно объясняя структуру вещного мира в поэме, его связь с миром человека, выявляя главную роль в этом гоголевской «ясновидящей фантазии». Благодаря ей, созерцающей «всега внутреннего человека в различных его видах», изображающей «предметы внешней природы», которые «тесно сопрягаются с человеком <...> приводятся <...> для того, чтобы рисовать нам нас же самих, служить символом отдельного характера, лица или целого народа, чтобы выражать свою внутреннюю жизнь и действия человека» (с. 171), художник «возводит» каждого из героев «на степень общего типа» (с. 172). Шевырев считает, что во всякой вещи, в «бездушном предмете живет сам человек, отражается его личное свойство характера» (с. 172). Так Шевырев объяснит гоголевское «страстное стремление» «увидеть через вещи нечто субстанциональное, высшее, обрести вневременную и общечеловеческую истину»²⁸.

²⁷ Гайденок П. Бытие и разум // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 114–141.

²⁸ Чудаков А. П. Вещь в мире Гоголя // Гоголь: История и современность. М.: Советская Россия, 1985. С. 280. См. также: Топоров В. Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс — Культура, 1995.

При этом критик прекрасно понимает отношение писателя к своим героям, которые отнюдь не вызывают его одобрения. С. П. Шевырев дает им такие характеристики: «приобретатель» Чичиков, «галерея этих странных лиц» (с. 137), оживающая в «пустом» с «праздными мечтами» Манилове, в «крохоборке» Коробочке, в «звере-человеке» Собакевиче — олицетворении «всей жрущей Руси». Почти похожие оценочные определения даны героям Гоголя Белинским: «дура Коробочка», «буйвол Собакевич», «сентиментальная размазня Манилов» (V: 59). Шевырев, как и Белинский, замечают авторское отношение к героям. Но, в отличие от Белинского, он, как и писатель, обеспокоен ненормальностью и нищетой духовной жизни России.

В глубоком постижении человека Шевырев считает Гоголя «достойным учеником» Шекспира и В. Скотта. Русский писатель, подобно им, создает на эстетическом уровне «характеры цельные»: Гоголь «способен видеть ясно каждое лицо, им создаваемое, и проследить его во всех возможных положениях жизни, во всех изгибах и движениях как души, так и тела» (с. 172). В изображении гоголевских персонажей актуализируются философско-эстетические взгляды Шевырева, понимание человека, в котором, как он считает, должны соединиться «в здоровом теле любящая душа и в любящей душе мыслящий дух», чтобы составить «идеал земного человека»²⁹. Критику важно увидеть обращение писателя к внутреннему, т. е. трансцендентальному, человеку («...если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»³⁰), чтобы словом просветить его духовное существо. Анализируя слово Гоголя и сравнивая его со словом Гомера, Шекспира, Данте, критик приходит к выводу, что слово Гоголя позволяет «облечь» всю русскую жизнь, воссоздать ее во всей бытийственно-онтологической полноте.

Шевырев обладает другим, чем Белинский, видением мира и отношением к нему: «...важнейшее значение религиозного сознания в эстетике состояло в том, что оно освобождало художника от абсолютизации причинно-следственной зависимости. Социально-исторический детерминизм дополнялся и заменялся детерминированностью человеческого бытия высшим и вечным нравственным законом»³¹. Как считает А. А. Ермичев, для Белинского итог «философского развития» «не очень определен. Конечно, здесь, в этом итоге имеется антропологизм, идущий и от художественного реализма Белинского, и от Фейербаха»³².

К 1848 году для Белинского «социально-исторический детерминизм» — основное свойство как творчества Гоголя, так и современной литературы, ее

²⁹ Москвитянин. 1841. № 6. С. 415.

³⁰ 2 Кор. 4:16.

³¹ Канунова Ф. З., Айзикова И. А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840 гг.). Новосибирск, 2001. С. 38.

³² Ермичев А. А. Виссарион Григорьевич Белинский: против стереотипов // В. Г. Белинский: pro et contra. С. 39.

«прогресс», олицетворенный в «натуральной школе». «Натуральная школа стоит теперь на первом плане русской литературы» (VIII: 345), — напишет он в своем последнем прижизненном обзоре в некрасовском «Современнике». Защита ее выльется для него в защиту «реальной поэзии» — остро социального критического реализма. По мнению Шевырева, с натуральной школой в России связан упадок искусства, потому что в произведениях ее последователей «почти всегда жалка и безобразна действительность»³³.

Белинский, напротив, понимает ее как прогресс в современной культуре. Решающим фактором в ее возникновении, становлении и успехе он считает творчество Гоголя, понимаемое в свете собственных представлений об искусстве и его отношении к действительности. Успех и самобытность Гоголя, по Белинскому, обусловлен «через исключительное обращение искусства к действительности, помимо всяких идеалов», обращением внимания писателя «на толпу, на массу», на изображение «людей обыкновенных, а не приятных только исключений» (VIII: 351). В творчестве Гоголя Белинский видит близкое ему понимание современного искусства «как воспроизведения действительности во всей истине. Тут все дело в *типах*, а *идеал* тут понимается не как украшение (следовательно ложь), а как отношения, в которые ставит друг другу автор созданные им типы, сообразно с мыслию, которую он хочет развить своим произведением» (VIII: 351–352) (курсив Белинского. — Н. Ц.). И цель Гоголя-художника в современных условиях, когда «искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов» (VIII: 363) и когда в его критике усиливаются «конкретно-социальные аспекты анализа»³⁴, Белинский видит общественную и конкретную, сделав вывод о том, что «преобладающий характер его сочинений — отрицание» (VIII: 351), и спрямив свои высказывания о «Мертвых душах» и практически отказавшись от эстетических оценок.

В 1848 г. Шевырев открыто высказывает совершенно противоположное понимание цели словесного искусства, чем Белинский: «Не задача искусства анализировать действительность и доходить до сокровеннейших глубин ее. <...> Исповедь действительности совершает оно и без того, но бессознательно для самого себя...»³⁵. Этот вывод закономерен в статье, где он критикует «школу западную», «натуральную», школу «прогресса». Ее главным недостатком славянофильский критик считает «отвлеченность от жизни»³⁶, формулируя свое понимание содержания и предмета искусства слова, каковым, по его словам, является «сам человек, его бессмертное и божественное существо, искажающееся в столь разнообразных видах, но, несмотря на все искажения, всегда равно нам близкое и

³³ Москвитянин. 1848. № 1. С. 48.

³⁴ Егоров Б. Ф. Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского. С. 147.

³⁵ Москвитянин. 1848. № 1. С. 47.

³⁶ Москвитянин. 1848. № 1. С. 45.

милое, всегда брат наш — и в тюрьме, где собраны одни преступники, и даже в безумном доме»³⁷. В 20 в. о таком изображении человека и его жизни напишет философ С. Л. Франк, увидев в «составе нравственной жизни человека — в пределах его бытия в этом мире — эту двойственность, это сочетание святости, обязательности нравственных начал реальной человеческой жизни с их несовершенством»³⁸. Франк назовет такое изображение мира и человека в нем «христианским реализмом».

В отличие от Белинского для Шевырева и в конце 40-х гг. отношение искусства к действительности обусловлено духовной позицией автора, его восприятием человека как «брата своего»: «Вина не в материале, не в предметах, а в способе изображения самих предметов, потому что за одно искусство отвечает художник. Иного влечет к себе высокое и важное жизни, другого обыкновенное, третьего самая низкая действительность: искусство принимает все, что есть в мире Божиим <...> оно цельно так же, как мир Божий»³⁹.

Если Белинский с начала 1840-х гг. постоянно повторяет о верности художника слова «действительности», к 1848 г. явно социальной, то Шевыреву в этот же период важно утвердить, что содержание искусства и позиция художника слова, связанные с основами национальной жизни, с самым сокровенным в ней — верой, имеют отношение в большой степени не столько к действительности, сколько к бытию. Он замечает: «Искусство не может существовать без прочных убеждений жизни <...> они вырастают вместе с писателем из жизни того народа, с которым связано его бытие»⁴⁰ (курсив мой. — Н. Ц.). Именно Гоголь, по твердому убеждению славянофильского критика, в современности выразил и быт, и бытие России.

Так в течение почти десятилетия Белинский и Шевырев в статьях о творчестве Гоголя предвосхитили разработку одного из главных вопросов эстетики середины XIX века: об отношении искусства слова к действительности, который обсуждается теоретиками искусства уже новой эпохи, в первую очередь, в диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» 1855 г. В некрасовском «Современнике» ее автор не только продолжит традиции Белинского в области эстетики, но выступит хранителем его памяти и наследником в полемике, опубликовав цикл «Очерков гоголевского периода русской литературы» (1855–1856), где Шевырев станет мишенью его критики. Совсем не случайно, что в некрасовском «Современнике» идейные наследники Белинского Чернышевский и Добролюбов поведут такую же беспощадную войну с его «Историей русской словесности» (1846–1860), какую вел их предшественник с его критическими статьями в «Москвитянине».

³⁷ Там же. С. 54.

³⁸ Франк С. Л. Свет во тьме. М., 1998. С. 198.

³⁹ Москвитянин. 1848. № 1. С. 43–44.

⁴⁰ Там же. С. 49–50.

Появление научной монографии религиозного ученого в эпоху нигилизма и торжества материалистического мировоззрения, господства дарвинизма и естественных наук в образованном обществе России могло вызвать лишь насмешку и раздражение, что и показали отклики в «Современнике». Труд Шевырева и реакция на него Чернышевского и Добролюбова свидетельствовали о расколе русского общества, о противостоянии людей 40-х и 60-х гг.: их мировоззрений, их философских позиций, их научных и культурных ориентиров, их отношений к традициям.

Н. В. Цветкова

**ОТЗЫВ С. П. ШЕВЫРЕВА ОБ И. И. ПАНАЕВЕ
В «НЕКРАСОВСКОМ СБОРНИКЕ»**

Восприятие литератора И. И. Панаева мало изменилось с советского времени, когда подчеркивались его близость с конца 30-х гг. к Белинскому, развитие его творчества в 40-х гг. «в русле т. н. “натуральной школы”, идейным вдохновителем которой был Белинский», выдвижение его «в первые ряды беллетристов нового литературного направления»¹. В наши дни в поле зрения исследователей остаются его критическое наследие² и беллетристика³.

Несомненно, что творческая биография Панаева во многом определилась его знакомством с Белинским, вокруг которого в 40-е гг. образуется кружок, среди участников которого И. С. Тургенев, П. В. Анненков, Н. А. Некрасов, П. Н. Кудрявцев и др. В эти годы Белинский в «Отечественных записках» неизменно благожелательно почти в каждом годовом обзоре говорит о повестях или очерках Панаева. В «Русской литературе в 1843 году» о повести «Тля», в «Русской литературе в 1844 году» о рассказе «Барышня», в рецензии на вторую часть «Физиологии Петербурга» (1845) критик назовет панаевского «Петербургского фельетониста» «лучшей» «из прозаических статей». Здесь же он вспомнит повесть «Тля», которая, по его словам, «так и просится в «Физиологию Петербурга» (VII: 604). А затем благодаря Панаеву определятся и судьба, и лицо «Современника»: важный Некрасову и ценимый Белинским его беллетристический дар отражал позицию журнала, был своеобразным свидетельством победы «натуральной школы».

В современной диссертации важны наблюдения о том, что для Панаева-беллетриста органичным было то, что получило название «натуральная школа»: «Прозаические произведения Панаева имеют много общих черт, несмотря на то, что принадлежат к разным жанрам (повести, очерки, роман, воспоминания) и резкий “переход от романтизма к реализму”» всегда считался заметной чертой литературного пути этого автора. Эти устойчивые черты

¹ *Баландин А. И.* Панаев, Иван Иванович // Русские писатели. Библиографический словарь: В 2 т. Т 2. М.: Просвещение, 1990. С. 121.

² *Шапкова Е. В.* И. И. Панаев — критик. Великий Новгород, 2008.

³ *Карева А. Ю.* И. И. Панаев как литератор: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 2010.

определяются “дагерротипностью”» таланта Панаева, который уже в своих ранних, романтических произведениях описывал внешний, материальный мир, быт (в частности, костюм) более ярко и подробно, чем психологию персонажей, и проявлял особенно внимание к социально значимому еще до того, как оформилась идеология “натуральной школы”. В сороковые годы в рамках “натуральной школы” Панаев развивает те способности, которые проявились в его творчестве уже в тридцатые годы»⁴.

Именно качества Панаева-беллетриста актуализировались в самых важных выступлениях «натуральной школы»: в «Физиологии Петербурга», а затем в «Петербургском сборнике», вышедшем из печати в самом начале 1846 г. и явившимся «важной вехой в становлении и творческом самоопределении натуральной школы»⁵. Здесь были опубликованы роман «Бедные люди» Достоевского, стихи Некрасова, рассказ в стихах «Помещик» и повесть «Три портрета» Тургенева, «Капризы и раздумье» Герцена, статья Белинского «Мысли и заметки о русской литературе» и др. Панаев публикует в «Петербургском сборнике» очерк «Парижские увеселения», рассказав в нем не только о стиле жизни Парижа и парижан, массовой культуре середины 40-х гг, но в первую очередь историю русского человека Николая Александрыча, который проживает доходы со своего имения в постоянном празднике, содержит гризетку Эмму, экономя на собственных нуждах, и даже начинает себя называть на иностранный манер.

О «Петербургском сборнике» как о явлении глубоко чуждом для русской литературы и культуры в своей статье скажет славянофильский критик Шевырев. Обращаясь к его содержанию, критик анализирует с интересом и с хорошим пониманием «Бедных людей» Достоевского, говорит о несомненном новом таланте в литературе, в произведении которого прослеживается «неотразимая печать влияния гоголева»⁶. Оценка «Бедных людей» — единственная похвала в статье и в адрес Достоевского, хотя замечены и чуждые критику и присущие натуральной школе филантропическая, социабельная и цивилизирующая тенденции в повести. Все остальные публикации «Петербургского сборника» получают негативную оценку. Но и в негативном отношении Шевырева к материалам сборника есть свои оттенки.

Критик спорит с Герценом, который «своими софизмами заставляет мыслить»⁷, а также с Белинским, который «пытался сдвигать с пьедесталов все наши литературные славы», негодует на «Колыбельную песню» Некрасова, иронично смеется над Тургеневым, автором стихотворной поэмы «Помещик», и над панаевским очерком «Парижские увеселения».

⁴ Карева А. Ю. Указ. соч. С. 24.

⁵ Маркович В. М. Комментарии // Шевырев С. П. Об отечественной словесности / Сост., вступ. ст., комментарии В. М. Марковича. М.: Высшая школа, 2004. С. 287.

⁶ Шевырев С. П. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 228.

⁷ Там же. С. 242.

Хотя ирония пронизывает всю статью Шевырева, в отношении к Панаеву и Тургеневу, которые у критика при рассмотрении образуют пару, она становится подчеркнуто уничижительной: как панаевский очерк, так и тургеневская поэма разбираются критиком в соотношении с творчеством Пушкина и Гоголя. Так, он говорит, что в поэме «Помещик» «содержание пусто: надобен талант Пушкина, чтобы наполнить жизнью искусства такую пустоту содержания». А герои поэмы — прямая пародия на пушкинских. Да и сам помещик изображен Тургеневым «после гоголевской галереи помещиков»⁸.

Отсылку к Пушкину найдем и при обращении Шевырева к панаевскому очерку «Парижские увеселения». Герои эпизода, разбираемого критиком, — европейски изысканные во внешнем вышколенном великолепии няни — в отношении к воспитанникам идут в ногу с цивилизацией, потому что, по ироничному замечанию Шевырева, «пьют шампанское и бургонское», но не пьют кваса, как «наши барыни»⁹, на что негодовал в поэме «Помещик» Тургенев. Критик «Москвитянина» иронизирует над Тургеневым и Панаевым с их пристрастием к французской жизни, к ее цивилизации. Не случайно, что оба автора, по мнению Шевырева, «разочарованы насчет нашей цивилизации в отношении к балам и кабинетам»¹⁰, в отношении к русским няням.

Критика «Москвитянина» задевают за живое явные галломания и стремление критиковать проявления русской жизни в публикациях Панаева и Тургенева, их похвалы в адрес французской цивилизации и филантропии. Шевырев не может принять панаевское восхищенное описание гуляющих со своими воспитанниками французских нянь, его любование их манерами, стерпеть панаевское в пику славянофилам уничтожающее сравнение их с русскими нянями: «Около бассейна фонтана толпами бегали, играли и резвились дети очень грациозные и ловкие. Их няньки были одеты чисто и со вкусом — и обращались с детьми кротко и внимательно. Глядя на этих детей и на этих няnek, я вспомнил, не знаю, почему-то, других детей и других няnek, не зараженных тлетворным дыханием Запада, которые, утирая грязными лапами носики своих питомцев, приговаривают обычно с сердцем: «Ах ты, сопливый этакой чертенок, прости, Господи!» или что-нибудь вроде этого. И еще вспомнил я... Но здесь, я думаю, вовсе некстати передавать то, о чем припомнил я в ту минуту...»¹¹. Панаев в очерке и разоблачитель русских нравов, и явный общественный антагонист Шевырева. Славянофильский критик парирует автора «Парижских увеселений» и в противоположность ему говорит о русских исторических нянях: «Вспомним хоть няню Пушкина. Ее прославил он портретами няни Татьяны и Ксении»¹².

⁸ Шевырев С. П. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 231.

⁹ Там же. С. 236.

¹⁰ Там же. С. 234.

¹¹ Петербургский сборник. СПб., 1846. С. 225.

¹² Шевырев С. П. Указ. соч. С. 235.

В очерке Панаева и стихотворном рассказе «Помещик» Тургенева прямолинейно отразились тенденции натуральной школы, в которых изображение мира человека и его жизни насквозь материально: на первом плане в них повествование о сниженных проявлениях человеческих чувств, больше всего о проявлениях из области телесного и вещественного. Не случаен эпитаф к «Парижским увеселениям», соответствующий цели изображения: «*Sans danser peut-on vivre un jour? Pour Parisien c'est la devise*» («Можно ли хоть день прожить не танцуя? Парижанина это девиз»). Подобно Панаеву, в «Помещике» Тургенев описывает сниженные эпизоды из примитивной жизни русского помещика, но только семейного.

У персонажей Панаева и Тургенева отсутствует духовное начало, что для мировоззрения религиозного Шевырева было абсолютно неприемлемым. Тем более что рецензия на «Некрасовский сборник» написана в атмосфере подготовки и чтения им публичных лекций по истории древней русской литературы, в год издания первого тома его научной монографии «История русской словесности, преимущественно древней». Закономерно, что в статье, в месте, относящемся к «Парижским увеселениям», для Шевырева важными стали противопоставления словесных рядов: *наш, наши, наше* — их, парижский, парижские, *наша цивилизация* — их цивилизация, *русский* — французский. Противопоставления не только отражают оппозицию Россия — Европа. Шевыреву гораздо важнее смысл русских повторяемых им слов.

Синонимами в приведенных словесных рядах являются слова: наш, наша цивилизация, русский. В словаре В. И. Даля сказано в статье «нашь», (название буквы Н): «нам принадлежащий, собина наша, к нам относящийся, нам свойственный, сродный; близкий тому, что на сей раз называем мы: семье, обществу, государству»¹³.

Как замечает исследователь славянской азбуки Л. В. Савельева, буквенное имя «нашь» входит в следующий смысловой ряд: земля, люди, мыслите, он, покой. Она справедливо говорит, что первоучитель Кирилл создал не просто азбуку, то есть определенное количество букв и их начертание, но придал каждой сакральный смысл, который еще более усиливается в составе «напутного» слова, созданного из буквенных имен. Приведенный в нем ряд предстает в форме стиха и читается как «глобальная антитеза *земля* (как мир материальный, живущий, изменяемый) — *онь, покои* (как мир идеальный, потусторонний, вечный). Эти полюсы макрокосма, в котором пребывает человеческая личность, призваны сформировать в ней чувство мироздания как основу нравственного выбора»¹⁴. Как считает Л. В. Савельева, азбука Кирилла была «призвана сформировать не только

¹³ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. 2. С. 500.

¹⁴ *Савельева Л. В.* Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков. Петрозаводск, 1994. С. 23.

мироощущение, но и социокультурный стереотип поведения. Этот стереотип исходит из христианской идеи об истине как процессе движения к ней в рамках индивидуального человеческого бытия»¹⁵.

Глубокий знаток наследия первоучителя Кирилла, Шевырев в статье о «Петербургском сборнике» подразумевает в антитезе «наш, наше, русский — их, парижский, французский» два противоположных мировосприятия и мировоззрения, формирующих противоположные социокультурные стереотипы поведения.

Не стоит забывать, что к моменту появления рецензии Шевырев — создатель христианской эстетики в критических статьях «Москвитянина», яростный оппонент не только критики и эстетики западника и либерала Белинского, но и его представлений об истории русской литературы. В отличие от Шевырева Белинский считал, что современная русская литература начинается с эпохи Петра, а не с XI века. Шевырев, как и Пушкин, начало русской литературы видел в древности, ценил ее традиции. Древнерусская словесность для него, в отличие от литераторов натуральной школы и Белинского, ее теоретика, — это нечто бытийное, это «выражение жизни народной»¹⁶, его «духовно-душевная жизнь», слагающаяся из науки, искусства и «жизни гражданской и государственной» (с. 8), над которыми главенствует вера как «основа и крепость бытия народного» (с. 9). Главный предмет ее изображения — «внутренняя человеческая жизнь народа» со «всеми стихиями» (с. 10).

В понимании слова, основы словесности, он исходит из православной культуры Древней Руси, в которой оно обозначало и язык и народ: «Нет ни народа, ни языка без произведений слова» (с. VIII). Шевыреву важно заметить, что «Слово — дар людям от Бога», что оно, «как говорили древние, есть выражение самопознающей души человеческой» (с. VII) и что язык выражает «духовное существо» (с. VIII) народа. Шевырев близок в этом определении православной святоотеческой традиции. Задача ученого в его научной монографии — исследовать через слово самопознание русского человека, его духовную составляющую, отличную от других народов.

В связи с таким пониманием истории словесности и самой словесности ученый рассматривает в ее древних памятниках быт и бытие православного человека Руси: его историческую, гражданскую, научную и культурную жизнь. В каждой сфере вера как вертикаль пронизывает и просвещает события, факты, словесные источники, в центре которых оказывается русский человек, национальный характер. Он проявляется и в характеристике языка, «самобытного члена этой всемирной семьи, необходимое звено в целой системе», на нем «говорили и говорят народы — двигатели человеческого образования» (с. 76).

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Шевырев С. П. История русской словесности. М., 1859–1860. Ч. 1–2. Изд. 2. С. 14. Далее ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках с указанием стр.

Шевырев приходит к выводу, что «язык наш, во всемирном своем значении, есть язык народа, призванного сочувствовать всем другим народам мира и откликаться на их разнообразные звуки» (с. 79). Он говорит также о «всемирной отзывчивости» древней словесности и современной ему литературы, имея в виду Пушкина и Гоголя, потому что они продолжают в своем творчестве великие духовные традиции.

Предмет исследования Шевырева — первый период древней русской словесности с его высоким и глубоким содержанием. Он обращается к философскому сочинению Илариона «Закон и Благодать» XI века, излагающему основные догматы христианства с опорой на творения Святых Отцов церкви: Иоанна Дамаскина, Св. Ефрема, Кирилла Александрийского. Ученый осмысляет литературу, которая, по его твердому убеждению, определила духовную жизнь нации, особенности ее исторической судьбы, гражданской и политической жизни русского государства. Его выводы подтверждают анализируемые им труды Феодосия Печерского, Якова Черноризца, Владимира Мономаха, Никифора и т. д.

В первом периоде древней словесности ученый выделяет летописца Нестора, олицетворяющего «личность самого народа русского» и народную совесть. Говоря о памятниках этого времени, Шевырев видит в них глубинную связь с вселенскими источниками: в «Поучении Владимира Мономаха детям» он замечает хорошее знание творений Василия Великого и ссылки на него, в послании митрополита Никифора — псалмов Давида, в «Слове Даниила Заточника» — притч Соломона.

Самое важное при осмыслении памятников древности — осознание их содержания как великого духовного и вечного нравственного в своем значении. При этом автор также осознает их важность и близость современному человеку. Вот почему так естественно для Шевырева видеть в характере юмора Даниила Заточника общее субстанциональное чувство, сближающее древнего автора с Гоголем: «это чудное слияние плачущего смеха и улыбающейся грусти, которые находят примирение в светло-разумной мысли, выливающейся в самую простую народную форму — Русской пословицы, или Соломоновой притчи» (с. 235).

Таким образом, рассматривая в первом томе своей монографии 1846 года первый период древней словесности, Шевырев выявляет ее высокий духовный и нравственный смысл и в то же время самую тесную связь с современным ему человеком и его жизнью и даже современную поэтологическую традицию, например, в области комического. Он прямо скажет об этом: «Так необходимо изучение этих первых начатков нашего Слова, которые снаружи кажутся незначительны, а между тем таят в себе первородные черты Русского духа и служат к объяснению многих явлений в Европейском периоде нашей жизни» (с. 243). Несомненно, что этот вывод и многие другие в его монографии о древней словесности были обращены к нигилистически настроенным в отношении допетровской культурной и литературной традиции западникам, к людям

атеистического сознания, в том числе сотрудникам «Отечественных записок», а затем и Некрасовского «Современника».

Пафос защиты русской культуры будет крепнуть в продолжении научного труда, когда уже в 3 томе ученый напишет о том, что «в древней своей жизни Русский человек, чувствуя выше всего духовное свое назначение, проложил духовные пути сближения и этому принес все на жертву: неужели же в новое время его потомок, пролагая пути сближения материального, позабудет о первых и для единства физического земли своей пренебрежет единством народным в духе?»¹⁷.

В 1859 г. Шевырев продолжает заложенное в самом начале научного труда стремление закрепить в современности понимание духовной сущности и жертвенного величия человека древней Руси, высокое значение ее литературных памятников, чтобы сохранить и утвердить связь времен, и, самое главное, вернуть своему современнику великое представление о себе. Эти интенции, как считает Шевырев, заложены в «Истории русской словесности», в текстах древнего периода, отвечающих до его современности на животрепещущие вопросы жизни.

Ученый уверен, что «Русский народ в древнем периоде своей жизни задал себе главную задачу в произведениях своего слова указать пути для спасения души человеческой <...> На этих книгах основано религиозно-нравственное могущество России, без которого ни реформа Петрова, ни все за ней последовавшие и вновь ожидаемые не имели бы своего правильного и прочного развития»¹⁸ (Курсив мой. — Н. Ц.). Пафос монографии Шевырева и ее идеи оказываются враждебными идеям, в которых формировалась и развивалась натуральная школа, а значит, и ее представителям и теоретикам.

В статье о «Петербургском сборнике», опубликованной в журнале «Москвитянин», эти ключевые идеи и философско-филологические концепты Шевырева присутствуют. Концепт *русская словесность* означает для него ту литературу, которая выросла из древней. Пушкин и Гоголь — ее законные продолжатели и представители в современности. Значение древней словесности и ее истории заключается в возвращении современного русского человека к самому себе, потому что «в произведениях своего слова указаны пути для спасения души человеческой <...> На этих книгах основано религиозно-нравственное могущество России». Именно русская словесность для Шевырева должна определить самосознание современного русского человека, его ментальность.

Древняя русская словесность и творчество Гоголя и Пушкина в статье противопоставлены современной Шевыреву литературе, воплощением которой стали произведения «Петербургского сборника» в стихах, в повестях и очерках, в той беллетристике, которую Белинский защищал как натуральную школу. Для Шевырева самой важной бедой ее стало отсутствие в ней философско-нравственного ядра, изображения русского бытия.

¹⁷ Шевырев С. П. История русской словесности. СПб., 1887. Ч. 3–4. Изд. 2. С. XV.

¹⁸ Там же. С. IX.

В программе натуральной школы Белинского, которого Иван Панаев считал единственным критиком и теоретиком современной литературы, важен быт, социальный мир с его типажам и социальными отношениями, документальность, что продемонстрировали произведения «Петербургского сборника» Некрасова. Произведения натуральной школы, то есть «современная словесность», — это второй концепт в статье Шевырева. Его составляющие: «изображение действительности», филантропическая, цивилизирующая и социальная тенденции, как расшифровывает Шевырев, те «крайности отречения от всего русского, к которым могло привести Петрово преобразование в самых резких своих порывах, отринутых после и самими Петром Великим»¹⁹.

Раздумья Шевырева о Панаеве, Тургеневе и других авторах «Петербургского сборника» по природе онтологические и призывают к восприятию не только социальных основ жизни, но также духовных и бытийных. Как раз это было не знакомо, да и не нужно участникам «Петербургского сборника», в том числе Панаеву. Как пишут современные исследователи, ему, соредктору «Современника», приятелю Белинского и Некрасова, создателю маски Нового поэта, плодовитому беллетристу, был гораздо ближе жанр физиологического очерка с текстуальными совпадениями с французскими очерками, с реальными прототипами, с дагерротипностью, с документальным материалом. Тот самый, по поводу которого Белинский и заговорил о правах беллетристики и ее отличиях от литературы как творческого искусства²⁰.

¹⁹ Шевырев С. П. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. С. 251.

²⁰ См. об этом: Вершинина Н. Л. Русская беллетристика 1830-х — 1840-х годов. Проблемы жанра и стиля: Монография. Псков, 1997; Чернов А. В. Русская беллетристика 20–40-х годов XIX века: Вопросы генезиса, эстетики и поэтики. Новгород, 1997.

М. И. Медовой

НОВЕЛЛА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»: ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА

В разделе «Очерки» журнала «Московский наблюдатель» за 1835 год была опубликована быль «Черный Человек», подписанная «-л-». Ее автором считают Н. Ф. Павлова, потому, очевидно, что этим псевдонимом он пользовался ранее (в «Молве» 1833 года и «Деннице» 1834). Однако известно письмо Н. В. Станкевича Я. М. Неверову от 1 июня 1835 года, в котором автором этого произведения назван Н. А. Мельгунов. «Друг мой, — обращается Станкевич к жившему в доме Мельгунова приятелю, — как плоха статья Мел<ьгунова> «Чер<ный> Чел<овек>». Он давно, с год спрашивал у меня: печатать ли? — я отвечал, что ничего не знаю и чтоб он спросил у тебя. Ты согласился, я и ожидал этого. Но что за жалкие претензии у этого очень неглупого человека! Рад всякому случаю, чтобы размазать его, и рассказ всегда так холоден, бесцветен, слаб»¹. Возникает в такой связи вопрос, кто же был автором этой публикации.

В. П. Вильчинский в книге «Н. Ф. Павлов. Жизнь и творчество», анализируя быль «Черный человек», назвал этот «аллегорический анекдот» «своеобразным подступом» к повести о бедном чиновнике «Демон» (1839), «в идейно-тематическом отношении» близком водевилю «Стар и молод» (1829)². Действительно, как в водевиле Павлова, в «Черном человеке» с явным осуждением представлено едва ли не общее стремление во что бы то ни стало, даже пренебрегая своим человеческим достоинством, добиваться высокого общественного положения, позволяющего приобрести уважение и обогатиться. Потому «сердечная история» девушки, решившейся выйти за нелюбимого, но успешно делавшего карьеру чиновника, с которой начинается быль, обыкновенна. «Демон» же, очевидно, никак с новеллой, фабула которой сводится к ряду случайностей, а герой отнюдь не расчетливый негодяй, не связан. И даже черный цвет упоминается в «Демоне» лишь однажды, когда Андрей Иванович, герой повести, видит черные галстуки в приемной

¹ Станкевич Н. В. Биография. Переписка. Воронеж: Кварта. 2013. С. 199. Далее в названии «Черный» с прописной буквы, в дальнейшем среди псевдонимом Мельгунова — Н. Ливенский, Л.

² Вильчинский В. П. Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество. Л., 1970. С. 30. Ссылки на текст были и очерка «Воспоминания о московских балах» в «Московском наблюдателе» № 1 даются за цитатой в круглых скобках.

властного человека, к которому пришел с намерением свести его с любимой женой и в случае удачи получить покровительство и продвигаться по службе. Сам же Андрей Иванович выглядит благопристойно: «цвет невинности и цвет греха, белый и темно-зеленый давали приличный характер его одежде»³. Впрочем, отвергнутый невестой жених высоко поднялся и, как и Андрей Иванович, добившийся желаемого, награжден, но его путь наверх обыкновенен: он имел связи и покровителя.

Нельзя не обратить внимания на то, что «Черный человек» отличается и от «Демона», и от других повестей Павлова предельным минимализмом. Ни пейзажей, ни интерьеров, ни психологических зарисовок нет в этой причудливой истории; автор — и это важно — обошелся без живописных подробностей, свойственных Павлову, по словам С. П. Шевырева, открывшему «тайну роскошной грации»⁴.

Как ни странно, но законченное произведение В. П. Вильчинский счел незаконченным рассказом. В его изложении новелла сводится к тому, что, увидев в зеркале чиновника в черном и посчитав его вестником грядущей беды, расчетливая невеста отказалась сочетаться браком с нелюбимым, а невольно напугавший ее Иван Матвеевич Варнавский, кандидат девятого класса, никак не может получить «теплого места». Вторую главу, давшую новелле название, Вильчинский, в сущности, оставил без внимания, указав лишь, что «под черным одеянием героя, которым автор объясняет причину всех его жизненных неудач, видимо, следует понимать бедность, неродовитость, отсутствие протекций»⁵. «Черный цвет здесь, — по мнению исследователя, — символ бедности»⁶. Это, конечно, не так. Варнавскому протежирует графиня N, которая, понимая, что «все делается через женщин», как будто сумела «уладить все через невесту чиновника» (645). Варнавский, намереваясь посетить благотельницу, по ошибке, не зная, что она сменила квартиру, попадает на приготовления к свадьбе и всех пугает. Посетитель балов и театров, он страдает вовсе не от безденежья, а в силу стечения обстоятельств. Последнюю реальную возможность устроиться Варнавский потерял, потому что во время прогулки по Невскому проспекту вместе с влиятельным чиновником, на которого надеялся, они встречают карету молодых, и невеста столоначальника, и отвергнутый ею жених узнают друг друга, а неудачник признается спутнику, что разрыв произошел из-за него. Каждый поступок Варнавского — промах, потому что в его жизни все предопределено. «Черный человек» не нравоописательный очерк; быть чужда назидательности и не случайно завершается иронической сентенцией: «Если вы едете в Петербург за местом, не шейте себе черного платья» (651). «Черный человек» — лишенный философской ауры рассказ о непреодолимой силе судьбы, безжалостно преследующей свою жертву. При этом трагедийное

³ Павлов Н. Ф. Избранные сочинения. М., 1989. С. 168.

⁴ Шевырев С. П. Три повести Н. Ф. Павлова // Московский наблюдатель. 1835. № 1. С. 130.

⁵ Вильчинский В. П. Указ. соч. С. 30.

⁶ Там же.

начало автор снижает до уровня бытовой комедии. «Есть, — замечает он, — Эдипы с комедийною маскою» (637).

Рассказчик, посоветовавший приехавшему из Москвы после окончания университета Ванечке Варнавскому, своему знакомому, шить и носить черные одежды, чтобы выглядеть фешенебельно, ведет повествование в духе Л. Стерна. Как и герой английского романиста, Ванечка «родился на свет не впапад» (637), несвоевременно: возвращаясь из церкви, мать родила его, напуганная криком севшего ей на голову ручного ворона. Как известно, ворон — птица зловещая, черная, так что черный цвет всего лишь знак беды, всевозможных неизбежных невзгод⁷. В младенчестве Ваня, которого постоянно укладывали так, что он привык одновременно смотреть в противоположные окна, приобрел косоглазие. Потом он, подобно герою Стерна, упавшему в водосток работавшей мельницы, чудом спасся при разрушении колокольни. Неудачи преследовали его и в Москве, где Варнавский учился в университете и там овладел искусством хорошо писать и еще лучше переписывать. Он много времени посвящал «благочестивым странствиям» по монастырям до тех пор, пока однажды, приняв городского сумасшедшего за грабителя и погнавшись за ним, не попал на съезжую. В другой раз, схватившись с пьяницей, он упал в огромную лужу, но, опаздывая, позволил себе прийти на занятия «чучела чучелом», дав повод студентам, смеясь, уверять, что он из «черной грязи». Позже, в Петербурге, Варнавский действительно черен «как жук»: «черные волосы, черные бакенбарды, черный фрак, черный жилет и галстук, черные черепаховые очки на носу, черная трость в руке — словом, весь черный» (636).

Он может напугать и пугает, но бедолага Варнавский, в отличие от пушкинского Черного человека, не носитель зла, не предвестник несчастья. Невеста, напуганная его неожиданным появлением, ничего не потеряла, сменив жениха и все-таки получив то, что хотела. Достойной любви героини в новелле, далекой от литературных шаблонов, нет. Увлечения Варнавского, носителя «всего идеально-го и воздушного», иллюзорны. Автор словно выворачивает наизнанку обычный водевильный прием неузнавания. Так, Варнавский встречает во время бала даму в желтом, танцует с ней, и им кажется, что они давно знакомы, и только когда разбились его очки, обнаружилась ошибка. Персонажи были лишены своеобразных черт и как будто взаимозаменяемы. Так в «Черном человеке» подхвачен мотив кукольности, развитый в «Пестрых сказках» В. Ф. Одоевского⁸. «Черный человек» — фантазмагория; быль, несомненно, литературная мистификация: рассказанное — то ли сон автора, находящегося в каком-то «Брокене воображения» (645), то ли явь.

⁷ По странному стечению обстоятельств в том же номере «Московского наблюдателя» опубликована стихотворная сказка «Встреча старых знакомых», герой которой — страшный черный ворон-одноворец.

⁸ Вильчинский В. П. Указ. соч. С. 29.

Решить, кто же автор этой новеллы, может помочь то, что иронически настроенный сочинитель счел нужным рассказать о себе. «Я признаюсь Вам, — говорит он, — страх люблю рассказывать про колдунов, монстров, чародеев, привидений и пугалищ всякого рода. Так весело возбудить любопытство читателя без дальнейших издержек изобретения с помощью темно-синего плаща, фиолетовых очков и таинственно нахлобученной шляпы» (636). Такое признание мог сделать только Мельгунов. В предисловии к своей книге «Рассказы о былом и небывалом» (1834) он объявлял слияние фантазии с действительной жизнью задачей искусства и, не претендуя на литературный талант, все же утверждал, что в прозе не должно быть ни голой правды, ни голого вымысла. Нельзя не учесть и того, что в повести Мельгунова «Кто же он», навеянной романом Г. Р. Мэтьюрина «Мельмот-скиталец», выведены и человек-призрак, и странные служители потусторонних сил. Так что Н. В. Станкевич безошибочно назвал автором были «Черный человек» Н. Мельгунова.

Вызывает сомнение, принадлежит ли Павлову анонимный очерк «Воспоминания о московских балах», помещенный в «Смеси» того же номера «Московского наблюдателя», что и «Черный человек». Едва ли можно считать убедительным сравнение лирического отчета об увеселениях минувшей зимы с повестью «Московский бал» (1832), приведенное В. П. Вильчинским в качестве аргумента, уже потому, что в ней Павлов, несмотря на «явные симпатии к окружающему миру», «в критических тонах изображает его участников»⁹. Считать замечания очеркиста о маскарадных костюмах («выставке нарядов, роскоши, щегольства») и о дневном собрании («этом страшном суде красоты, где она является искренна, непритворна, украшена откровенностью»¹⁰) признаками стилистической манеры Павлова вряд ли можно, да и, несомненно, недостаточно для определения авторства. И наконец, содержащиеся в очерке воспоминания о прощании с уезжавшей в Италию З. А. Волконской, к которой Павлов относился с огромным уважением, вовсе не позволяют сделать вывод о принадлежности очерка ему. Напомню, что, по словам очеркиста, этот «очаровательный вечер», ожививший присутствовавших «волшебными голосами», был замечателен; отметив восхитительное гармоническое трио, он продолжал: «Русская песня, которая тем еще более тронула нас, что звучала прощальным звуком, — раздастся теперь на берегах Невы» (203). О каком романе вспоминает автор, можно только гадать, но, очевидно, его судьба была страстному картежнику Павлову, в отличие от Н. Мельгунова, пианиста и композитора, безразлична. Возможно, это был модный в ту пору в Москве алябьевский «Соловей» («Русская песня» А. Дельвига), вариации на тему которого в 1833 году сочинил приятель Мельгунова М. И. Глинка. Нельзя не обратить внимания и на то, что в конце февраля 1830 года, дополняя, по его словам, «дань, которую принесли ей в прощальный час почитатели ее таланта», Мельгунов вскоре после отъезда

⁹ Вильчинский В. П. Указ. соч. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 69.

З. Волконской написал «для ее голоса» два романса «Не говори ни да, ни нет» и «На отъезд...» на стихи Н. Павлова и просил С. П. Шевырева передать их княгине. Он считал, что они должны сохраниться «как документ». Кроме романсов для княгини, Мельгунов послал Шевыреву еще один, тогда же написанный словами: «“Русскую песню”» на слова Дельвига посвящая тебе»¹¹. Этот романс «Русская песня. Ах ты ночь ли, ноченька» был вскоре опубликован. Думается, что в «Воспоминания о московских балах» — очерк не Павлова, а Н. А. Мельгунова. Как бы то ни было, 25 мая 1835 года Мельгунов уехал лечиться за границу, он постепенно становился «русским европейцем», критиком славянофильства и официальной народности¹², а в литературном движении «подвигался с успехом и пользою для отечества»¹³.

¹¹ РО РНБ. Ф. 850. № 370. Л. 213. «Русская песня» вошла в сборник Мельгунова «Песни и романсы» (1832). Не будет лишним напомнить, что в июне 1834 г. М. И. Глинка приехал в Новинское повидаться с Мельгуновым, а 6 сентября прибыл в Петербург (см.: *Глинка М. И. Записки*. М., 1988. С. 61). Замечательную исполнительницу «Соловья» Алябьева Прасковью Арсентьевну Баргтеневу Мельгунов хорошо знал и даже сочинял для нее романсы.

¹² «Вы, привилегированные дети России, — упрекал он в одном из писем С. П. Шевырева, — тянетесь изо всех сил. Чтобы быть оригинальными, быть чем-то не западным, — и не можете» (РО РНБ. Ф. 850. № 370. Л. 213). В такой связи нельзя не указать на существенную неточность, содержащуюся в статье Большой Российской энциклопедии «Мельгунов». «С середины 1840-х годов, — сообщается в статье, — Мельгунов разрабатывал теорию, направленную на примирение западников и славянофилов, <...> которая нашла отражение в его публицистических очерках...» (Большая Российская энциклопедия. Т. 19. М., 2012. С. 692). Мельгунов, действительно, считал целесообразным единение противоборствующих сторон, но, будучи убежден в том, что Россия, развитие которой возможно лишь при твердой опоре на народную основу, — государство Европейское, не теоретизировал по этому поводу. В 1843 г. он, увлеченный немецкой философией, намеревался высказать свое, основанное на опыте и разуме представление о движении человечества к высшему периоду — периоду любви. Этот замысел не был осуществлен.

¹³ набросок некролога, очевидно, написанный В. Ф. Одоевским (РО РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Л. 138).

М. И. Медовой

ПОВЕСТЬ А. В. СТАНКЕВИЧА «ИДЕАЛИСТ» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Повесть А. В. Станкевича (1821–1912) «Идеалист», опубликованная в 1851 г. в альманахе Н. М. Щепкина «Комета», своеобразна, «замечательна по мысли»¹. Она явилась, по словам А. Григорьева, «лирическом результатом печальной и серьезной думы о жизни»². Станкевичу удалось создать яркий, по-своему значительный образ «героя времени».

Сюжет повести прост. Константин Сергеевич Левин после долгого отсутствия возвращается в родное поместье Березово, приносящее порядочный доход. Ему уже за тридцать. Левин не доволен собою, хотя повидал и испытал многое. Некоторое время он провел за границей, побывал в Лондоне, Париже и, видимо, в Италии. Константин Сергеевич читал много, читал на трех языках и благодаря этому приобрел образование, хотя и фрагментарное, но «широкое и разнообразное»; «не имея своего ремесла», он брался за дела разного рода (порой, вероятно, и не вполне благовидные) и справлялся с ними успешно. Всматриваясь в происходящее, Левин охотно общался с людьми разного социального положения и разного достоинства, порой даже с отъявленными негодьями и глупцами. С некоторыми оставался дружен и мог бы обратиться к ним за поддержкой. С женщинами Константин Сергеевич расставался легко, но всегда был с ними добр и честен. Он одинок, не счастлив. Юношеские представления о радостной полнокровной жизни оказались несостоятельными, стремление к любви и преданности, «брошенное матерью в его душу»³, ослабело. «Время идеалов прошло» (522), но Константин Сергеевич не может с ними расстаться. Он не утратил склонности к мечтательности; отсюда и название повести: идеалист, согласно словарю В. Даля, мечтатель, умствователь, человек, увлекающийся несбыточными на деле выдумками. Герой Станкевича существует в пушкинской парадигме:

¹ *Григорьев А. А. И. С. Тургенев и его деятельность // Григорьев А. А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 157.*

² Там же. Григорьев повторяет основную часть своей рецензии на альманах «Комета» (Москвитянин. 1851. № 9–10).

³ *Комета, учено-литературный сборник. М., 1851. С. 505. Далее ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках.*

...грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
<...>
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
<...>
Несносно <...>
Глядеть на жизнь, как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей⁴.

С горечью сознавая, что лучшая часть его жизни прошла, Левин винит в том, что не достиг того, о чем мечтал, только себя, а не среду и обстоятельства. Он, оставаясь «неисправимым идеалистом», задумывается о бесконечности изменчивого мира, надеясь уловить «настоящий смысл жизни, скрытый от него» (503). Константин Сергеевич, ведущий жизнь обывателя, умствователь, а не философ. Он не был адептом той или иной философской школы («чисто немецкий идеал», который он, по мнению А. Григорьева⁵, воспринял, — понятие расплывчатое, неопределенное).

Левин приезжает в Березово отдохнуть от накопившейся усталости, обрести в деревенской тишине покой. Оставшись довольным ведением хозяйства, тем, что у крестьян много скота, он, не зная простонародной жизни, ни во что не вмешивается. Поначалу в родном доме Константин Сергеевич испытывает чувство психологического дискомфорта. Он «вновь переживает свою жизнь» (501). Воспоминания захватывают его врасплох. Невольно вспоминаются и возникают в дреме и в сновидениях картины детства, любящая мать, юношеские надежды, общение с братом, первые впечатления самостоятельной жизни. Сущность Левина выявляется в его переживаниях. И это не «болезненное самолюбие», а душевная чистота и склонность к добру. Уединение Константина Сергеевича вскоре нарушает кузина Ольга Петровна, с которой он был дружен в молодости. Тогда она была влюблена в него и, бережно храня портрет Левина, не переставала желать ему счастья. Она привезла с собой племянницу своего умершего мужа Сонечку. Едва ли не сразу очаровательная девушка пленила Константина Сергеевича, показалась ему «неисчерпаемым сокровищем доброты, искренности, правоты и прямоты, нежности, преданности и страсти» (573). Встречаясь с Сонечкой, он старается расширить ее кругозор, показывает ей дом, библиотеку, они читают книги и потом обсуждают только что прочитанное. Левин привыкает к девушке, и вскоре это его, человека «в глубине души нравственного» (539), пугает. Он не без

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. V. М., 1964. С. 170.

⁵ Григорьев А. А. Указ. соч. С. 160.

оснований предполагает, что Сонечка его непременно полюбит, хотя и не сумеет понять, а потому вместе они будут несчастливы. Опасаясь не соответствовать ее непременно «сильной и разрушительной» страсти, Константин Сергеевич неожиданно для всех, собрав самое необходимое, уезжает в другую свою отдаленную степную деревню.

Горькое чувство не покидает его в дороге. «Томителен бесконечный путь мой, — размышляет Левин. — Мимо, мимо призрак счастья!» (573). Тоскливо и одиноко Константину Сергеевичу в деревне. Он от нечего делать начинает несколько статей, потом пробует сочинить повесть, но «всегда беспокойная мысль уничтожила в Левине художника» (595), и он прекратил это занятие. В одиночестве тоскливо тянулись дни. И хотя Левин охарактеризован автором как «величайший эгоист» (539), все же утверждать, что «любовь к себе одержала в нем победу над любовью к Сонечке» (Н 15. XI–2: 64), в таком контексте несправедливо. Левин искренне желает ей счастья, томится в глуши и в начале зимы, недовольный собой, уезжает в Петербург. Здесь получает он письмо от кузины и узнает, что Александр, его племянник-шалопаи, приехавший в Бердово погостить и оставшийся в доме, женился на Сонечке и что молодые счастливы.

Левин, считавший, что Александр, человек, способный ко всему приспособиться, вовсе не пара Сонечке, потрясен. Его состояние усугубляется ударом колокола, извещающего о похоронах. Погребальная колесница с маленьким гробом дает Константину Сергеевичу, не находящему себе места, повод для символической аналогии. «Хоронят дитя, — подумал Левин. — Лучшее, прекраснейшее из детей умерло для тебя» (605). Он понимает, что упустил возможность стать счастливым, не поверив сердечному порыву, впервые по-настоящему глубоко чувствует, что встречаются в жизни люди «более прекрасные и увлекательные, чем бесконечность <...> мертвых идеалов совершенства» (606). Весной в состоянии экзистенциальной тревоги Левин уезжает за границу. На пароходе неожиданно для себя, потрясенной величию «движущейся пустыни» моря и беспредельности неба, «радостно почувствовал он вновь свою свободу» (608), словно порвались «цепи любви, страдания и страсти». Оставались на его долю, говоря словами И. Бродского, «иллюзии и дорога»⁶. В Европе Левин странствовал, учился, искал, как и прежде, достойного занятия и, как и в России, во многом видел отрицательную сторону. Жизнь его оставалась праздною и пустой, а смерть прошла незамеченной.

«Идеалист» можно рассматривать как полемический парафраз к «нравственной повести» И. И. Панаева «Родственники» (1847), в которой кружок Н. Станкевича, несмотря на признание его выдающейся роли в истории русского просвещения, предстал все же в негативной коннотации. Не без иронии свидетельствовал И. И. Панаев о проблемах, обсуждавшихся в этом «замечательном для своего времени кружке»: здесь «каждый сидел в глубоком раздумье над собственным “я” и любовался, как дитя игрушкой, собственными страданиями», здесь «враждовали и

⁶ Бродский И. А. Пилигримы // Бродский И. А. Соч.: в 7 т. СПб., МСМХСVII. Т. 1. С. 21.

примирялись с действительностью», анализировали поступки людей «с беспощадной строгостью» и «немножко растлевали себя фантазиями»⁷. Один из героев панаевской повести, Иван Федорович, в молодости принадлежал к кругу этих «связанных между собою *высшими интересами* и симпатиями» людей и навсегда сохранил любовь к мистицизму и немецкому романтизму. Тогда, вернувшись из Москвы в деревню, он захотел улучшить положение своих крестьян, но, не зная, как это сделать, ничего и не предпринял. «Все мы, — признавался он, имея в виду членов кружка Н. Станкевича, — пустые и ничтожные фантазеры, не способные ни к чему» (Р: 459).

Со временем Иван Федорович начал хандрить и вдруг, сам не зная как, сошелся браком с Марфой Ильиничной Бутеновой, которая сразу же сакма «приняла бразды правления» (Р: 412). Теперь Иван Федорович не смог оказывать материальную помощь своему воспитаннику Григорию Алексеевичу, которого, скучая в деревне, с согласия матери, вдовы умершего соседа, взял к себе. Выполняя долг воспитателя, он, когда Грише исполнилось девятнадцать лет, повез его в Москву и там представил друзьям в качестве «молодого человека, подающего надежды» (Р: 407). У Григория, вскоре отложившего намерение поступать в университет, появились наставники, посвящавшие его (иронизирует автор) «в глубокие таинства *науки, искусства и жизни*» (Р: 407). Стремясь к самостоятельности, он решил, что ему ничего не остается, как «в качестве недоросля из дворян» заняться литературой. Лишившись поддержки благодетеля, Григорий становится журналистом и с трудом сводит концы с концами. Смерть матери освобождает его от нелюбимой работы. Продав унаследованное имение, Григорий Алексеевич уезжает за границу вместе с состоятельным помещиком, компаньоном которого он фактически становится. Спустя три года Григорий Алексеевич возвращается на родину, и перед ним вновь возникает неразрешимый вопрос, что делать. Чтобы стать «полезным отечеству и самому себе» (Р: 414). Герой Панаева понимает, что ни на что не способен; он не состоятелен прежде всего потому, что оказался вовлечен в сферу праздных философских размышлений и «вечно бродит в идеалах» (Р: 425). Негативное отношение к чудаку Григорию Александровичу и его благодетелю Ивану Федоровичу дополняется карикатурой — образом подленького подростка Петруши, не учившегося нигде, но считающего себя поэтом и философом.

В «Идеалисте» А. Станкевич как бы корректирует то изображение «великого маленького человека», которого представил на суд читателей И. Панаев, снимает неприязнь к философским занятиям, сосредотачивается на переживаемом героем чувстве глубокого психологического дискомфорта, связанного с экзистенциальной потребностью осмысления мира. Писатель, должно быть, помнил признание брата: «Я удовлетворяю самой живой потребности души моей, занимаясь этой наукой (философией. — М. М.)»⁸.

⁷ Панаев И. И. Родственники // Панаев И. И. Избранные произведения. М., 1962. С. 405. Далее ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках: Р: номер страницы.

⁸ Станкевич Н. В. Биография. Переписка. Воронеж: Кварта. 2013. С. 210.

А. Станкевич создал незатейливый и в то же время суггестивный текст; в отличие от И. И. Панаева, он почти не касается семейных отношений и бытовых подробностей, ограничившись разработкой лишь любовной истории. Левин, человек искренний, соvestливый и самостоятельный, мог бы повторить слова Григория Алексеевича: «Я навсегда отравил собственную жизнь. <...> Если бы я мог думать, что сделаю ее счастливой — тогда другое дело!» (Р: 459). Однако история отношений Наташи, влюбленной в Григория Александровича, поверившей, что с ним ее ждет хотя и трудная, но счастливая жизнь в Петербурге, обрисована Панаевым обстоятельно, полна психологически точных деталей и отличается от рассказанной в «Идеалисте». Вопреки воле родителей и родственников, Наталья готова уйти с любимым, но Григорий Алексеевич, прячась за красивыми словами о непременно ожидающих его страданиях, которые лучше пережить одному, отвергает ее, потому она дает согласие на желаемый родственниками брак с богатым пятидесятилетним генералом в отставке. Со временем правильность ее решения становится очевидной: Наталья Николаевна, судя по всему, счастлива.

В «Идеалисте» нет ситуации «Русского человека на *gender-vous*», влюбленность Левина выглядит как перевертыш рассказанной Панаевым истории любви. Константин Сергеевич ошибается в Сонечке, оказывается, в отличие от Григория Алексеевича, в плену иллюзий: очаровательная Сонечка его не любит и не так, как Наталья Николаевна, а по собственной воле выбирает мужа — услужливого Александра, ничтожного племянника Левина. Неосуществленность личного счастья не обедняет духовный мир Левина, не унижает его, тогда как герой Панаева, о дальнейшей жизни которого ничего не говорится, сознает свое жалкое бессилие, свое ничтожество, оправдываясь принадлежностью к поколению ни на что не способных рефлекторов. Для Константина Сергеевича связь с поколением — категория прежде всего возрастная, и в своей безрадостной доле он никого не винит, понимая, что не среда его заела, что он таков, каков есть, и сам во всем виноват. Напряженные переживания, если угодно, экзистенциальное мышление героя придают повествованию повышенную экспрессивность. По словам Н. А. Некрасова, «мысль читателя постоянно и сильно возбуждена» (Н 15. XI–2: 62)⁹.

Повесть А. Станкевича замешана на богатом литературном субстрате. Левин, рефлектирующий и гордый, напряженно ищущий в происходящем потаенный смысл «страдающий эгоист», несомненно, отражение образа Печорина. Рисуя портрет героя, автор как будто намекает на это. Обратив внимание читателей на «довольно привлекательное и не совсем обыкновенное лицо» (498) Константина Сергеевича, Станкевич отмечает, что взгляд его «проницательных и гордых глаз» «был особенно замечателен своим изменчивым и сложным выражением» (498): обычно спокойный, порой «то делался он бродячим и ищущим, то тоскливым и сухим» (там же). Его «странный взгляд» однажды насторожил опасавшуюся беспокойств Сонечку. Примечательно, что будущий разлад обозначился, когда они

⁹ Впервые опубликовано: Современник. 1851. № 5. Отд. III. С. 24.

обсуждали роман Лермонтова. Сонечке понравился «чудесный Максим Максимыч», «бедную княжну» и Бэлу ей было жаль, но Печорина, которому сочувствует Константин Сергеевич, она сочла злодеем и чудовищем. Левин не подражатель, не эпигон, не осовремененный, как Тамарин, двойник Печорина, но его мировосприятие сродни лермонтовскому. В юности Константин Сергеевич «ничего не ищет, не требует от жизни» (504), а позже «бережет себя, как скряга свое сокровище» (505). Эти замечания отсылают читателю к Лермонтову: первое — к стихотворению «Парус», второе — к «Думе»:

Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Забывтый скупостью и бесполезный клад¹⁰.

Созвучна «Думе» и горькая мысль Левина: «Томителен бесконечный путь мой!» (573). Константин Сергеевич мог бы, конечно, припомнить лермонтовскую строку «Печально я гляжу на наше поколенье», но, занятый собой, он не готов в чем-либо упрекать ровесников. При этом ему, очевидно, хотелось бы понять причины их и своих неудач. Одну из них герой Станкевича усматривает в том, что теперь «перестали жить по обычаю отцов» (506). Всматриваясь в портреты предков, развешанные в доме, он отмечает в их холеных лицах сходство, отсутствие своеобразных запоминающихся черт. Его поколению спокойствие и удовлетворенностью действительностью не свойственны, и все же Константин Сергеевич испытывает недовольство собой, понимая, что его предки действовали, а он лишь смотрел на жизнь. При этом ностальгия по ушедшему, омертвевшему быту ему чужда. Поэтому, соглашаясь с А. Григорьевым в том, что эти «искренние» страницы повести передают настроения, близкие многим стихотворениям Н. П. Огарева, все же считать, что они только «расположили» те же чувства¹¹, невозможно; даже цитируемый им фрагмент:

Я ждал: знакомых мертвецов
Не встанут ли вдруг кости,
С портретных рам, из тьмы углов
Не явятся ли в гости...¹² —

не убеждает в этом. Тем более что далее у Огарева читаем вовсе не идентичную переживаниям героя повести строку: «И страшен был пустой мне дом». Да и настроения и надежды юности (запас «снов золотых»), припоминающиеся Левину в старом доме, думается, ближе «Дороге жизни» Е. А. Баратынского, чем к упомянутой в рецензии А. Григорьева шиллеровской оде «К радости».

¹⁰ Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л., 1954. Т. 2. С. 114.

¹¹ Григорьев А. А. Указ. Соч. С. 164. Критик ошибочно передал цитируемые строки «Ностальгия» стихотворению «Старый дом», в котором элегические переживания так же сводятся к безотчетному страху: «И мне страшно вдруг стало» (Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1956. С. 98).

¹² Огарев Н. П. Указ. соч. С. 113.

Левина в родном доме заинтересовали лишь два портрета, представлявшие одну и ту же женщину, одну из его бабушек, в молодости и в старости. Они заставили задуматься о ее печальной участи. Бежавшая из дома с возлюбленным и вскоре брошенная им, она, несчастная, всеми презираемая, сварливая и озлобленная, жила в доме пожалевшего ее родственника. Так вскользь возникала в повести тема непреодолимой силы страсти (верности сердцу) и положения женщины в обществе. Ни Левин, ни Сонечка, характер которой, по мнению Н. А. Некрасова, «обрисован с большою верностью» (Н 15. XI–2: 65), на безудержное, стихийное чувство не способны. Потому и бесперспективен путь замкнувшегося в себе героя. Символом его гордого одиночества предстает в повести черный орел. «Приветствую тебя в моей пустыне», — чудится Константину Сергеевичу в дорожной дреме его голос. «Достойный товарищ, сказал ему орел, <...> пари, как я, и гордо созерцай до последней минуты твоей» (598). Эти слова вспоминает Левин на палубе парохода, увидав потом большого орла в полете, который появляется и в поэме Некрасова «Саша».

В когорту «лишних людей» А. Станкевич ввел неожиданного героя. Не удивительно, что Некрасов, признавая, что прозаик, коснувшись «лица типического, подметил в нем много новых и характерных сторон, собрал и соединил многие отличительные черты его» (Н 15. XI–2: 65), утверждал, что Станкевич «вовсе не понял характера своего героя» (Н 15. XI–2: 63), что, «верная во многих частностях, повесть не верна в целом» (там же). Некрасову Левин казался едва ли не панаевским персонажем — вероятным посетителем философского кружка, где «много говорят о высоком и прекрасном, а делать никто ничего не делает», где развивается «в человеке самолюбие и способность самонаслаждения» (там же). Он, таким образом, настаивал на том, от чего А. Станкевич принципиально отказывался, — на прямой зависимости героя повести от книжных и философских влияний, в особенности от воздействия кружка брата. А. Станкевич рисовал Левина умствованием самостоятельным, человеком, для которого бытие невольно стало волнующей и неразрешимой проблемой. Некрасов, иронизируя над ученостью «глубокого труса» (там же) Левина, представлял героя времени иным. Потому любовная история «драпирующегося в мантию» Идеалиста, как известно, подводила поэта к замыслу поэмы «Саша» (1855). Левин, не претендовавший на решение социальных проблем, предшествовал ее герою — либералу Агарину, охарактеризованному как «крылья свои опаливший орел» (Н 15. IV: 26). Видя в Левине человека «весьма обыкновенного» и болезненно самолюбивого, Некрасов писал: «Вообще Гамлет Щигровского уезда имеет много общего с Левиным, или с Идеалистом: они одного поля ягоды; только у первого больше самосознания» (Н 15. XI–2: 63). Однако Левин не опьянен презрением к самому себе, не теряет достоинства, он вовсе не жалок, не болезненно самолюбив и на натуру не сетует. Его одиночество — и это важно — экзистенциально.

Тургеневского же Гамлета можно было бы сравнить с героем другой эпистолярной повести А. Станкевича — «Ипохондрик» (1847). Ее персонаж так же, как Гамлет

Щигровского уезда, «закопался в самом себе»¹³. Неудовлетворенный безрадостным существованием, он ведет переписку с приятелем; его письма — своего рода исповедь, подробный отчет о впечатлениях и размышлениях о жизни. Ипохондрик, остро осознавая свою ненужность, напряженно ищет ответы на мучащие его вопросы: «что я такое и для чего живу», «почему же нет у меня ни к чему охоты» (30). «Натура моя, — думает он, — одна из самых слабых, темных и самых жалких натур» (37). Гуляя по Петербургу, Ипохондрик всматривается в людей, чем-то занятых, куда-то спешащих, и порой, особенно встречая знакомых, задумывается, почему, хотя праздность мучительна, ему не удастся найти места в жизни. При этом он не идеализирует действительность, искренне сочувствует беднякам, измученным повседневностью. «Смотрю на угнетенных и раздавленных сильными, на истерзанных вечным трудом и потом, — пишет он и продолжает: — смотрю и убеждаюсь, и верю, что цель жизни не наслаждение» (39). Герой повести, сомневаясь, что сможет стать чиновником, подумывает, не заняться ли ему торговлей. Гражданской деятельности он боится, где найти себе применение, не знает. На какое-то время, все же «укрепившись мыслью о долге», определился он в канцелярию, но, чувствуя, что невольно теряет свою индивидуальность, через полгода оставил службу и уехал в деревню, собираясь стать успешным хозяином. Его имение в порядке, спустя некоторое время молодой помещик влюбляется, но его невеста выходит замуж за другого, и Ипохондрик продолжает одинокую жизнь, по-прежнему ничего не делая.

Герою Станкевича, склонному к самоуничижению, но считающему себя не хуже других благополучных людей, хочется понять причины своей «гибели». «Во мне, — размышляет он, задумываясь о причинах своего неустроенного существования, — были возможность трудиться, наслаждаться и жить подобно всем другим людям» (48). Недовольный собой, постоянно занятый самоанализом, герой повести задумывается о смысле существования, о «требованиях другой, лучшей жизни», ему, как и тургеневскому Гамлету, присущи, несомненно, черты мечтателя. При этом «оригиналу» Станкевича, оторванному от повседневной действительности, свойственно понимание того, что только подлинные убеждения побуждают человека действовать, и в этом корень всего.

Нельзя не заметить, что в образах Ипохондрика и тургеневского Гамлета оказалось реализованным однажды высказанное Н. В. Станкевичем замечание: «Удалившись от людей, человек должен или унизиться, или сделаться гипохондриком»¹⁴. В «Идеалисте», повести, оказавшейся злободневной, характеристические черты героя запечатлены убедительно, сигнатуру болезни, превращающей в пустоцвет мыслящего человека, А. Станкевич прописал уверенно. Он представлял Левина таким, каким хотел, пытаясь выявить сложность этой новой романтической личности.

¹³ Станкевич А. В. Ипохондрик. Письма к приятелю // Современник. 1848. Т. VIII. № 3. С. 32. Далее ссылки на это издание даются за цитатой в круглых скобках: С: номер страницы.

¹⁴ Станкевич Н. В. Указ. соч. С. 286. Любопытно, что, рассуждая об умных людях, не уживающихся с теми явлениями, к которым без малейшего труда привыкает масса, Д. И. Писарев в статье 1862 г. «Базаров» (рисует образ, подобный Ипохондрику (см.: Писарев Д. И. соч.: в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 16).

«Повесть написана хорошо, но не более», — сообщал И. С. Тургеневу тогда друживший с ним взыскательный и злой на язык Е. Феоктистов, прочитав «Идеалиста». Словно оспаривая мнение Некрасова, он писал далее: «Дело в том, что лицо, которое он вывел в этой повести... он сам, Станкевич»; «Повесть его, — продолжал Феоктистов, — результат всей его жизни, оттого она хороша, оттого в ней много верного анализу, много, что идет прямо от сердца, — но кроме этого Станкевич едва ли что-нибудь напишет, потому что у него нет никакого знания действительности»¹⁵. Феоктистов оказался прав — Станкевич, с которым он был знаком, действительно, женившись на Е. К. Бодиско, двоюродной сестре Т. Н. Грановского, постепенно отошел от литературных занятий. Но Левин, безусловно, не alter ego отнюдь не беспристрастного автора. Тем не менее, замечание Феоктистова свидетельствует о жизненности созданного Станкевичем образа.

Левин, несомненно, значительнее на словах стремящегося осчастливить мир Агарина. Левин предшествовал не только этому герою Некрасова, но и тургеневскому Рудину. Трагический герой Станкевича, как и Рудин, одарен «фантазией, поэтическим чувством, глубоким анализом» (595). В каждом из них живет не дух праздного беспокойства, а любовь к истине. И тот и другой одиноки, не счастливы; плохо зная Россию, и Рудин, и Левин, каждый по-своему, не в ладах с действительностью. Есть нечто схожее даже в их чертах: лицо Рудина «неправильное, но выразительное и умное», лицо Левина «довольно правильное и не совсем обыкновенное»; у каждого героя по-своему замечательные глаза (у Дмитрия Николаевича темно-синие, «славные»). Не случайно в «Эпилоге» «Рудина» (исключая концовку 1860 года) возникает важнейший мотив повести А. Станкевича — мотив непрерывного бесперспективного странничества. Дмитрий Николаевич признается в том, что испортил себе жизнь и «не служил мысли как следует», объявляет себя Вечным жидом, бесприютным скитальцем, а Лежнев, прощаясь с ним, говорит: «...может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение»¹⁶. В «Эпилоге» Рудин предстает, как и Левин, «бесприютным скитальцем». Когда в 1858 году был опубликован новый роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», А. Григорьев указал на «внутреннее сродство в идее», породившей Лаврецкого и Левина. По его словам, идея «дошла в „Идеалисте“ до сознания и только перешла в *дело* в Лаврецком»; Лаврецкий, уверял критик, «такой же идеалист, но в нем есть плоть, кровь, натура»¹⁷.

Повесть А. В. Станкевича, не имевшая больших художественных достоинств, быстро забылась, стала восприниматься чуть ли не как допотопное сочинение. Однако в ней «современный герой» изображен «довольно верно» и предстает как «некая живая характерность» (Ф. Шеллинг), что существенно и что сделало это произведение заметной вехой на пути литературного развития.

¹⁵ Цит. по: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Л., 1961. Письма. Т. 2. С. 417.

¹⁶ *Тургенев И. С.* Указ. соч. М.; Л., 1963. Соч. Т. VI. С. 367.

¹⁷ *Григорьев А. А.* Указ. соч. С. 166.

П. М. Тамаев

**К 170 ГОДОВЩИНЕ ВЫХОДА В СВЕТ СТАТЬИ А. С. ХОМЯКОВА
«О ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ»**

Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии.

А. С. Пушкин

В марте 1847 г. В. А. Панов (1819–1849), воспитанник Московского университета, один из первых начинателей науки о славянах, выпустил альманах «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год» (935 страниц). В данном издании Панов выступил как составитель и редактор, написал за подписью «редактора» два предисловия — к подборке сербских народных песен (об их истории, современном бытовании, жанровом своеобразии) и к стихотворному отрывку из 5-й главы романа Павловой «Двойная жизнь»¹ (с проникновением в сюжет главы и смысл романа в целом). Его перу принадлежит также пояснение-предупреждение о помещении «критики» К. Аксакова, написанной еще для сборника 1846 г. В данном тексте Панов нацеливает читателя на то, что есть критика и есть критика, в которой важен не внешний повод журнальных статей, а их внутреннее содержание.

По составу материалов и кругу авторов сборник 1847 г. напоминал предыдущую книгу 1846 г., однако стал более объемным, а главное, цельным. Весь разножанровый состав представленных в сборнике-альманахе материалов должен был показать «полноту разумного развития» русской науки и искусства. Книга должна заключать в своем содержании существенное и в частях, и в целом. На это обстоятельство указал К. Аксаков в начальном тезисе своих критических заметок: «В сборнике, как голосе не одного человека, а нескольких, находится более или мене общее направление, общий голос; это хор...»².

Особое место в сборнике-альманахе занимают статьи А. С. Хомякова, К. С. Аксакова. Предназначавшаяся еще для предыдущего «Московского сборника»

¹ Павлова К. К. Двойная жизнь: Очерк К. Павловой. М.: Тип. Готье и Монигетти, 1848.

² Аксаков И. С., Аксаков К. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 167.

работа К. Аксакова «Три критические статьи г-на Имрек» состояла из рецензий на три петербургских издания: подготовленный В. А. Соллогубом сборник «Вчера и сегодня», «Опыт истории русской литературы» А. В. Никитенко и «Петербургский сборник» Н. А. Некрасова. В редакционном примечании говорится, что аксаковская критика отвечает духу времени, которая не гоняется «за современностью внешней и случайною»³. Заметим, что это суждение редактора Панова вполне относится и к статье Хомякова «О возможности русской художественной школы», в которой проблема внутренней жизни народа не только заявлена как романтический идеал⁴, но и основательно осмыслена и прописана. Задолго до публикации Хомяков делится мнением о готовящейся статье как о глубоко продуманном труде: «Многое из основных принципов будет не только смело думано, но смело выражено, без чего оно осталось бы совершенно непонятным»⁵ (I: 168). Вера и убежденность в своих идеях им оценивается так: «Перечитывая, нахожу только строгое и последовательное изложение начал» (I: 170). Выражение этих «начал» критик-философ предваряет планом статьи, определяющим вектор развития его мысли: «Народность искусства. — Народность пауки. — Будущее торжество Русского начала. — Еврейство. — Цельность Русской жизни. — Выгоды нашего положения. — Народное искусство. — Перевоспитание» (I: 168).

Итак, онтологические и эстетические начала национальной культуры впервые А. С. Хомяковым были изложены в работе 1847 г. «О возможности русской художественной школы», основная идея которой заключается в возвращении русского человека, писателя, художника к самому себе. Однако вопрос о философско-эстетическом манифесте Хомякова требует особого пояснения: необходимо, хотя бы в некоторой степени, обозначить духовно-интеллектуальный контекст, который помогает уяснить то, что сказанное Хомяковым — не некое умозрительное построение, не философско-эстетические декларации московской литературной партии, но стремление понять, постигнуть духовную глубину национального искусства и его художественного строя.

В историко-литературных построениях сложилась традиция отыскивать точку отсчета какого-то явления, поворота в развитии словесности. Поэтому требуются новые свидетельства об атмосфере бытования и развития русской литературы.

³ Аксаков И. С., Аксаков К. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 167.

⁴ Примечательно то обстоятельство, что, начиная с В. Г. Белинского и до сегодняшнего времени, критический метод Хомякова характеризуют как романтический. Для современного филолога «очевидны романтические истоки» хомяковских представлений об искусстве. (См., напр.: Тихомиров В. В. «Московские литературные и ученые сборники» (1846 и 1847) в контексте русской литературной критики и журналистики 1840-х годов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. № 3. С. 136–140). Заметим, что такой позитивистский подход исключает все ценностные интерпретации, тогда как цельное мировоззрение русского мыслителя базировалось на основе церковного (соборного) сознания, которое было направленным на поиски первопричин и субстанциональных начал.

⁵ Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1900. Т. I. С. 168. Далее статьи и письма Хомякова цитируются по этому изданию, ссылки даются за цитатой в круглых скобках: римская цифра означает том, арабская — страницы.

К сожалению, не в достаточной мере оказались востребованы (даже в настоящее время) историко-философские статьи Н. В. Гоголя «о сущности русской поэзии», вошедшие в состав его духовного завещания «Выбранные места из переписки с друзьями», значительная часть которого посвящена раздумьям о судьбе и назначении русского слова, русского писателя. Здесь же была высказана мысль о том, что «другие уже пришли времена».

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» как убеждение звучит мысль о том, что со смерти Пушкина русская поэзия не угасла, но она начинает выходить из круга, очерченного русским гением, так как «образовались стихии новой жизни и раздаются вопросы, которые дотол не раздавались»⁶. Другие времена рожают иную поэзию: «Теперь уже ничем не возьмешь — ни своеобразием ума своего, ни картинной личностью характера, ни гордостью движений своих, — христианским, высшим воспитанием должен воспитываться теперь поэт»⁷. У поэзии теперь другое назначение — «вызывать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу, которую Сам небесный Творец наш считает перлом Своих созданий»⁸.

В наших размышлениях о русской художественной школе важно также учитывать и сердечный опыт Хомякова. Человеческая и творческая биография Хомякова чрезвычайно насыщена событиями горестными: Создатель испытывает его, словно праведного Иова. Потери близких его сердцу людей рождали не ропот и беспросветную скорбь, но молитву, совершался труд для пользы других, бескорыстный; внутренняя, углубленная молитва, благоговейные слова и жесты увенчивали моменты утрат и их переживание. Тогда-то и рождались шедевры духовной словесности. В 1846 г. в журнале «Библиотека для воспитания», инициатором издания которого был Д. А. Валуев, Хомяков поместил посмертный биографический очерк «Дмитрий Александрович Валуев». По существу, эта вещь может быть охарактеризована как некролог-похвала, надгробное слово, некрологический словесный портрет с элементами жития. Но говорить об этом нужно не только как о тенденции, типологии; следует углубленно постигать исторический феномен каждой духовно-творческой жизненной судьбы конкретного русского человека. Свой подвиг (любимое слово-образ Хомякова) Алексей Степанович видел в том, чтобы уменьшить силу мирового зла. Ради этого жил и творил его «брат и сын» Дмитрий Валуев. Сказать о нем современникам и потомкам значило для Хомякова противостоять злу и лжи. Им движет желание представить читателю подлинного героя времени, восславить его негромкий подвиг на ниве истинного просвещения, смирение высокое. Жизненные обстоятельства, мудрые наставники, вторая семья, пансионат, университет, а главное, долголетняя внутренняя работа умственная,

⁶ Гоголь Н. В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. С. 258.

⁷ Там же. С. 266.

⁸ Там же.

душевно-сердечная, — все это приуготавливало Дмитрия к «общему делу добра и истины», «к развитию не науки только, но и жизненному началу души человеческой». Болезнь и «семимесячное уединение в чужой земле» утверждали юношу в истинности «пути избранного» (III: 401). Хомяков эти два жизненных обстоятельства в судьбе Мити воспринимает и объясняет в традиции духовных писателей, у которых телесная немочь, например, считалась за «игло благое и бремя легкое», а уединение или «продолжительное безмолвие» рождали в сердце «слово». Аскеза и сердечное трезвение, определившие свободный выбор, поступки, дело и судьбу русского молодого человека, биограф представляет как неустанную работу, преодолевшую раздвоенность, которую переживали люди поколения Хомякова, так как «наука поступила к нам из чужой страны и не сроднилась с нашей жизнью». Внутреннее делание самого себя помогло Дмитрию Валуеву усвоить европейскую науку, но при этом жить «полною жизнью веры. Он жил не в душу живую, которая есть эгоизм, но в дух животворящий, который есть любовь» (III: 402). Сюжет некрологического очерка подчинен основополагающей для Хомякова идее: «важнейшее в человеке <...> — дело то есть крестное исповедание Христа» (V: III: 135), поэтому жизнь его выписана как постепенное восхождение по духовной лестнице. Эта художественная задача и обусловила то тщание, с которым автор рисует облик идеального русского юноши. Заключительная часть некрологического очерка может быть воспринята как развернутая эпитафия в духе В. А. Жуковского («Он сердцем кроток был, чувствителен душою...» — «Сельское кладбище», 1802) или надгробное похвальное слово (жанр, часто встречающийся в древнерусской словесности), в котором доминирует панегирическая интонация. Думается, Хомяков стремится синтезировать традиции как светской, так и духовной литературы. Финальный авторский монолог звучит сдержанно, и тем не менее ораторская интонация от этого не пропадает: он обладает высокой степенью упорядоченности: «Обширная разнообразная ученость, свободный и сильный ум, искренняя и горячая любовь к правде, совершенное отсутствие эгоизма, полная преданность общему делу, теплота милосердия <...> девичья чистота жизни и помыслов <...> твердость души <...> Твердая и неуклонная воля» (III: 409). Сложный синтаксический строй заключительного монолога Хомякова свидетельствует о его серьезной творческой работе, в которой он стремится постигнуть один из феноменов русской жизни.

Русское воззрение, русская художественная школа — это и пора роста, время развития национальной культуры, историко-культурного типа, как выражался Данилевский. Хомяков был убежден, что нашим художникам необходимо усвоить европейское культурное богатство, однако они не должны этим богатством подавляться. Нужно любовью обнять произведения всех школ, и сделаться свободным деятелем. Школа, по мысли славянофилов, — это и пора ученичества, и время созревания творца. Обретенная во время ученичества и становления свобода не делает художника автономным и абсолютно независимым, но свобода становится

тогда свободой, когда она предстанет в виде тождества свободы и единства («свободы в единстве и единства в свободе»), когда художник получит значение живого органа в великом организме. Одним словом, по Хомякову, школа — синоним русского начала, начал как совокупность основных положений, принципов.

Антиномическая природа статьи «О возможности русской художественной школы» свидетельствует, что разговор пойдет не о гении и обыкновенных талантах, не о первенстве повествовательного рода над поэтическим, не о стиле и жанрах, а о существенном, о национальном культурно-историческом типе. Не случайно достаточное место в этой, да и других статьях цикла занимают размышления о европейском (католическом и протестантском) и ветхозаветном образе жизни. Русский тип отличает *«полнота и цельность разума»*, *«животворные способности разума»* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — П. Т.) Критик не приемлет *«одностороннего развития рассудка»*, составляющего *«характеристику нашего мнимого просвещения»*. Вопрос о русской художественной школе, искусстве, художнике ведется Хомяковым в религиозно-философском плане, ядро которой составляет принцип самосознания, устремление в свой внутренний, духовный мир. «Последовательное изложение начал» предполагает утверждение необходимости такого же самопознания и для своего народа, точнее, философ-критик открывает национальное измерение своего собственного самосознания, без которого личность оказывается ущербной. Поэтому ключевыми формулами, возникающими в процессе этого акта, стали: *«образ самосознающей жизни»*, *«скрытый синтез, зависящий от внутренней жизни народа»* *«живое сознание фактов»*, *«живая личность народа»*, *«духовное побуждение»*. Отсюда же проистекает убеждение, что каждый народ имеет свои художественные школы, ибо искусство и творец — органическая часть его: *«Искусство не есть произведение одинокой личности и ее эгоистической рассудочности <...> Художник не творит собственно своею силою: духовная сила творит в художнике. Поэтому очевидно, что всякое искусство должно быть и не может быть не народным. Оно цвет духа живого, восходящего до сознания...»* (I: 73–100).

В рецензии на оперу Глинки, в некрологах-статьях об Иванове и Аксакове Хомяков размышляет о своеобразии русского искусства, его заветах, традициях, творческом национальном акте и, наконец, о феномене русского художника. Русское создание состоялось, ибо выразило коллизии, много раз повторявшиеся в нашей истории. Скорбь и страдания борьбы, лежащие в основании русской оперы, национального мелоса, унаследованы от музыкального предания. В посмертных, а поэтому глубоко личных словах-статьях «Картина Иванова. Письмо к редактору “Русской беседы”», «Сергей Тимофеевич Аксаков» Хомяков показывает процесс рождения русского художника, нахождения им своего верного, достойного Предмета, пребывания в нем и рождения стиля выражения его. «Странное явление», что шестидесятилетний человек становится почти в одночасье великим писателем. Объяснение этой метаморфозе нужно усматривать в последовательности

выхода книг Аксакова-отца, но не в этом главное, а в предмете, в его видении и принципах изображения: «Он захотел вспомнить старые годы, прежние, тихие радости». В своих созданиях писатель «сохранил простоту и прямоту в отношении к предмету», поэтому «искусство дается ему свободно <...> Оно приходило, как приходило к древним векам, неисканное, неосознанное. В этом-то и состоит неподражаемая искренность произведений первоначальной поэзии» (III: 370–234) (курсив мой. — П. Т.).

Удивительной ясности постижения феномена художника Иванова и его создания достигает Хомяков в письме-статье к Ивану Аксакову. Необычен Предмет его картины, что потребовало от художника «устранить всякий личный произвол». Более того «высокой простоты» в выражении можно было добиться в том случае, если создатель не станет «как видимое третье между предметом и его выражением». Цель была достигнута: явление Христа на полотне предстало в духе Священного писания: «Спаситель поставлен на далеком плане. Иванов не впал в искушение выдвинуть Его вперед <...> Черты Спасителя остались сравнительно неопределенными: узнать Его можно только по общему характеру Его образа и по какой-то странно-знаменательной поступи, в которой видна несокрушимая сила кротости, смирения, идущего на подвиг деятельности и терпения. Зато как живо и естественно сделалось все движение переднего плана <...> Как наглядно выразилось значение мира ветхозаветного, радостно протягивавшего руки к грядущему, лучшему Завету, к далекому образу и, так сказать, иконе Христа» (III: 352–365). Такой «результат» возникает не вдруг, а благодаря «нашей внутренней жизни», питаемой песнями, языком, семейным обычаем, но более всего Божьим храмом.

Духовно-эстетическое наследие Хомякова следует рассматривать не только сквозь призму славянофильской доктрины, как чаще всего делают исследователи, но как органическую часть философско-филологических исканий и усилий многих. В этом смысловом пространстве (такой контекст предлагается в нашей работе впервые) существуют и перекликаются тематически и словесно главы из духовного завещания Гоголя: «О лиризме наших поэтов», «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», «В чем же наконец *существо* русской поэзии и в чем ее особенность»; цикл статей В. И. Даля 1840–1860-х гг., представляющий собой опыт национального, народного самосознания⁹; статьи Ф. И. Буслаева о древней литературе и народной словесности, в которых ученый выделяет первооснову нашей словесности «верования и просветленные идеалы древней Руси»¹⁰; программные статьи А. А. Григорьева. В них критик заявил, что разговор о русской школе должен вестись не в конкретно-историческом плане, не принимать вид

⁹ Подробнее о цикле статей В. И. Даля см.: Тамаев П. М. Статьи В. И. Даля в контексте раздумий о народной словесности // Вестник Ивановского государственного университета. 2001. Серия «Филология». Вып. 1. С. 53–61.

¹⁰ Буслаев Ф. И. Повесть о Горе Злочастии; Идеальные характеры Древней Руси; Русские духовные стихи // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М.: Художественная литература, 1990. С. 262.

позитивистско-просветительских раздумий о прогрессе в литературе. Необходимо переключить смысловые регистры в иной план — в сущностный. Требуется размышлять не о гоголевской школе, его последователях, проблематике и приемах этого направления, а необходимо постигать то, как художник видит мир и человека, «ибо ничто в такой степени не необходимо художнику, как мирозерцание»¹¹. Понятия «натуральная школа» и «мирозерцание художника» у Григорьева разведены, более того, они выступают антиподами.

Таким образом, раздумья Киреевского, Хомякова, Григорьева, братьев Аксаковых о русском воззрении, о русской художественной школе по своей природе онтологические. В литературе середины XIX столетия многие произведения звучат так же, как молитва и национальное исповедание: «Рыцарь на час» Н. А. Некрасова, «Я задремал, главу понуря» А. К. Толстого, «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» Ф. И. Тютчева; А. Н. Майкова: «Не говори, что нет спасенья, // Что ты в печалях изнемог: // Чем ночь темней, тем ярче звезды, // Чем глубже скорбь, тем ближе бог...»¹². Центральными напряженными вопросами для каждого мыслителя станет проблема мирозерцания русского художника, своеобразия духовно-творческого акта («художества»), предмета, или по уточнению И. А. Ильина, «укорененья в субстанции, а не в своей личной выдумке»¹³, лиризма, слова, особых форм произведения.

¹¹ Григорьев А. А. Литературная критика. М.: Художественная литература, 1967. С. 324.

¹² Майков А. Н. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1984. Т. I. С. 281.

¹³ Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 324.

А. В. Вдовин

НЕКРАСОВ В РУССКОМ ШКОЛЬНОМ КАНОНЕ ДО 1917 ГОДА: ИСТОРИЯ, РЕПЕРТУАР, ЧАСТОТНОСТЬ

История бытования текстов Н. А. Некрасова в русской школе до революций 1917 года почти не изучена. Работы об этом единичны, поскольку сбором фактического материала мало кто занимался. Созданная в 2011–2013 гг. мною совместно с Р. Г. Лейбовым база данных (корпус) «Состав русских имперских хрестоматий 1805–1918» позволила опираться на огромный, доселе не введенный в оборот, массив сведений и изучать траекторию вхождения каждого автора в русские хрестоматии и книги для чтения, не говоря уже об официальных школьных программах по литературе. Предлагаемая заметка посвящена бытованию поэзии Некрасова в этом типе школьной литературы и описывает основные тенденции, какими они выглядят на основе содержания более чем 100 хрестоматий с 1860 по 1918 год.

Всего наша база данных содержит 13740 вхождений за 1805–1918 годы: за одно вхождение принято наличие одного текста (или фрагмента) в хрестоматии или книге для чтения. Поскольку тексты Некрасова начали перепечатываться в них только с 1860 г. (об этом — далее), корректно работать с подкорпусом 1860–1918, чтобы поэзия Некрасова предстала в современном ей контексте. Подкорпус с 1860–1918 г. содержит 11269 вхождений.

Сразу нужно кратко охарактеризовать состав корпуса. В него вошло немногим более 100 хрестоматий и книг для чтения, авторских школьных антологий, предназначенных для гимназий и реальных училищ Министерства народного просвещения. Другие типы учебных заведений (относившихся к другим ведомствам и министерствам) представлены в корпусе минимально — несколькими изданиями хрестоматий для женских учебных заведений или хрестоматий для медресе и др. Коммерческие, частные и духовные учебные заведения в базы не представлены.

Структура школьного литературного канона дореволюционной России может быть лучше всего представлена в виде пирамиды (заимствую ее у Мартина Гини): на узкой вершине располагается короткая и жесткая официальная министерская программа (основные вехи ее кодификации — 1852, 1871, 1890, 1905, 1912); затем ниже идет более широкой срез хрестоматий и книг для чтения, и наконец, самое

широкое основание занимают школьные учебники, которые традиционно включают больше всего сведений о тех или иных текстах и авторах.

Поэзия Некрасова была официально включена в школьную программу лишь в 1905 г. Отныне в курсе 7 класса гимназий в разделе «Новейшая русская литература» изучался блок «поэты-народники», куда вошли следующие произведения Некрасова: «Несжатая полоса», «Внимая ужасам войны...», «Саша», «Поэта и гражданин», «Орина, мать солдатская», «Мороз, Красный Нос», отрывки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины», «Рыцарь на час». Такой состав текстов, на самом деле, закреплял долгую и сложную историю бытования некрасовских стихотворений в хрестоматиях, начиная с 1860 года (срединный срез пирамиды). Поэтому наиболее интересно проследить, какие именно тексты и когда оказались в русских хрестоматиях (и каких). Всего с 1860 по 1918 г. тексты Некрасова встречаются в учебных книга 277 раз (вхождений). В Таблице 1 представлены наиболее часто встречающиеся в хрестоматиях и книгах для чтения тексты Некрасова.

Таблица 1. Наиболее частотные тексты Некрасова в хрестоматиях (1860–1918, с частотностью 5 и более вхождений)

Текст (и наиболее частотный отрывок)	Число вхождений	Год первого вхождения
Мороз, Красный нос Мороз-воевода	30 13+	1880
«Внимая ужасам войны...»	24	1863
Крестьянские дети Мужичок с ноготок	22 7+	1863
Влас	20	1862
Саша Рубка леса	16 6	1861
Кому на Руси жить хорошо Ермил Гирич	16 4	1896
Школьник	14	1861
Несжатая полоса	13	1863
Зеленый шум	7	1880
Русские женщины	7	1907
Дедушка Мазай и зайцы	6	1894
Сеятелям	6	1905
«Блажен незлобивый поэт...»	5	1891
На Волге	5	1903
Пчелы	5	1901

Из таблицы видно, что и в 1860–70-е гг. некоторые стихотворения Некрасова уже перепечатывались к хрестоматиям и были весьма популярны. В первую очередь, это «Внимая ужасам войны...», «Крестьянские дети», «Влас», «Школьник». Они вошли в школьный обиход на волне Великих реформ и, в частности, реформы системы начального образования. Новая пореформенная образовательная идеология подразумевала отбор текстов, которые были бы близки и понятны школьнику из крестьян и мещан, и для этой цели многие стихотворения Некрасова подходили едва ли не идеально.

Наиболее частотный текст Некрасова, поэма «Мороз, Красный нос», конечно же, появилась в школьных пособиях далеко не сразу, — лишь в 1880 г. и прочно заняла лидирующее положение лишь к началу XX в., потеснив многие ранее гораздо более популярные тексты.

Если кратко характеризовать историю «хрестоматизации» Некрасова, какая еще не написана, то основные вехи здесь выглядят следующим образом. Почин принадлежит преподавателям русской словесности в Ревеле С. Шафранову и И. Николичу, которые в 1860 г. впервые включили отрывок из поэмы Некрасова «Тишина» в свою «Русскую хрестоматию для употребления в училищах прибалтийских губерний». В 1861 году известный педагог Игнатий Паульсон перепечатал в своей «Книге для чтения и практических упражнений в русском языке» сразу три текста Некрасова — «Школьник», «Перед дождем» и отрывок из поэмы «Саша». Далее важной вехой стал 1863 год, когда Андрей Филонов ввел в состав своей «Русской хрестоматии» еще большее число некрасовских текстов — 10: помимо уже вошедших в упомянутые хрестоматии это были «Влас», «Внимая ужасам войны...», «Муза», «Крестьянские дети», «На родине», «Несжатая полоса», «Памяти приятеля», «Так, служба...», «Утренняя прогулка». Таким образом, можно говорить, что Филонов и его книга сыграли самую значительную роль в распространении некрасовских текстов в русской школе, задав его основной вектор на десятилетия, поскольку книга была рекомендована Министерством народного просвещения для гимназий и неоднократно переиздавалась.

Завершая разговор о пособиях 1860-х гг., нельзя не упомянуть, что в 1866 г. два некрасовских текста — «Влас» и «Внимая ужасам войны...» — вошли в 11-е издание самой главной хрестоматии XIX века — «Русской хрестоматии» А. Д. Галахова, переизданной до 1917 г. более 30 раз и ставшей настольной книгой для многих поколений российских гимназистов. В 1870–90-е гг., в наиболее консервативный период «толстовского классицизма», репертуар некрасовских текстов пополнялся не очень быстро и обильно. Разумеется, лишь вхождение Некрасова в официальную программу в 1905 г. повлекло за собой небывалый всплеск индексации его текстов в хрестоматиях и резкое расширение круга перепечатываемых текстов. В диахронии частотность текстов Некрасова по десятилетиям можно представить в виде таблицы № 2:

Таблица 2. Частотность текстов Некрасова в хрестоматиях по десятилетиям

Частотность	1860–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1918
На фоне поэзии	25 из 1680 (1,5%)	3 из 435 (0,7%)	10 из 274 (3,6%)	14 из 698 (2%)	117 из 2653 (4,4%)	108 из 2340 (4,6%)

Эта таблица отражает взлеты (1860-е, 1880-е, 1900-е) и падения (1870-е, 1890) не популярности Некрасова в школьном обиходе, а колебания в образовательной политике, которая в целом запрещала преподавать его поэзию в учреждениях ведомства Народного просвещения. По многочисленным мемуарам и по некоторым хрестоматиям мы, тем не менее, знаем, что Некрасова продолжали читать, и особенно после его смерти, на начало 1880-х, пришелся подъем в том числе и школьного интереса к его творчеству.

Если представлять данные нашего корпуса в абсолютных цифрах, то в Таблице 3 можно видеть рейтинг четырех самых частотных авторов школьного обихода — Пушкина, Крылова, Лермонтова и Жуковского. Именно их тексты чаще всего перепечатывались в хрестоматиях. Некрасов с его 2,0% от общего числа вхождений занимает, конечно же, скромное, но не последнее место.

Таблица 3. Абсолютная частотность в корпусе (наиболее частотные авторы)

% (абс.)	Автор
12,6	Пушкин
9,1	Крылов
5,5	Лермонтов
5,3	Жуковский
2,0	Некрасов

Еще один параметр, по которому можно характеризовать место Некрасова в школьном обиходе, — соотношение с другими поэтами. В Таблице 4 представлена абсолютная частотность русских поэтов XVIII–XIX числом вхождений более 100.

Таблица 4. Частотность поэтов (1860–1918, абсолютная, с числом вхождений 100 и более)

Автор	Частотность
Пушкин	1248
Крылов	1063
Жуковский	576
Лермонтов	568
Кольцов	346
Майков А. Н.	377
Некрасов	277
Фет	227
Никитин И. С.	220
Толстой А. К.	219
Тютчев	217
Полонский	184
Державин	183
Дмитриев И. И.	162
Батюшков	120
Ломоносов	100

Из таблицы видно, что по абсолютной частотности текстов в хрестоматиях Некрасов занимает 7 место в интервале 1860–1918, уступая из его современников лишь А. Н. Майкову.

В заключение этого краткого обзора — несколько слов о наиболее редко встречаемых в хрестоматиях стихотворениях Некрасова. Вот список единичных (1) вхождений с указанием года (Таблица 5):

Таблица 5. Тексты Некрасова
с единичными (1) вхождениями

Текст и число вхождений	Год
В больнице	1878
Сват и жених	1914
«В столицах шум, гремят витии...»	1907
Дедушка (поэма)	1913
Дума	1907
«Когда из мрака заблужденья...»	1891
Медвежья охота	1916
Молодые	1916
Муза	1863
О погоде	1912
Памяти приятеля (Памяти Белинского)	1863
Песня о труде	1907
Праздному юноше	1912
Родина	1905
С работы	1909
Свобода	1891
Сон	1907
«Стихи мои! Свидетели живые...»	1905
«Так, служба! сам ты в той войне...»	1863
«Ты еще на жизнь миеешь право...» (З<и>не)	1912
Утренняя прогулка	1863
«Я за то глубоко презираю себя...»	1912

Этот краткий обзор текстов Некрасова в школьном обиходе дает лишь самые общие, но необходимые для дальнейших исследований представления о присутствии поэта и его текстов в российской дореволюционной школе.

III. ПУБЛИКАЦИИ

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ЛЮДЕЙ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ НЕКРАСОВА

Публикуемые письма дополняют существующее собрание писем современников Некрасова — людей из его ближайшего окружения. К таковым относятся врачи, на чьем попечении находился поэт в последний период своей жизни, — Христиан Теодор Альберт Бильрот и Николай Андреевич Белоголовый, — подруга поэта и наследница части его имущества Селина Лефрен-Потчер, юрист и исполнитель его завещания Алексей Михайлович Унковский.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Российской Государственной библиотеке и Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом). Текстологические принципы, порядок расположения текстов (в хронологическом порядке) и характер комментария повторяют принципы, принятые для публикации писем в указанных изданиях.

ПИСЬМА БИЛЬРОТА Х. Т. А. К БЕЛОГОЛОВОМУ Н. А.

(ПУБЛИКАЦИЯ Р. Ю. ДАНИЛЕВСКОГО, М. Ю. СТЕПИНОЙ)

Личности врачей, окружавших Некрасова в период его последней болезни, в силу ее специфики, оставались на периферии внимания исследователей его биографии. Между тем развитие отечественной медицины — как науки, так практической деятельности — теснейшим образом связано с культурой и общественным движением, образованием и журналистикой, включая «Отечественные записки» 1870-х годов. Некрасов был лично знаком со многими замечательными представителями этой профессиональной прослойки. И если подробности, касающиеся сугубо медицинской стороны, остаются частностями (хотя и неизвлекаемыми из личной истории), — то профессиональная этика, кругозор, общественное значение современных Некрасову светил медицинской науки соотносимы по культурному масштабу, тем более — когда о поэте и врачах можно говорить как о собеседниках.

Публикуемые ниже письма Бильрота не вошли в издание «Briefe von Theodor Billroth» (Hannover und Leipzig, 1902): в именном указателе нет фамилий ни Н. А. Белоголового, ни Некрасова.

Краткие сведения об участниках переписки и упоминаемых ими коллегах дополняют представление о мире страждущих и лечащихся и об их возможностях в последние годы жизни поэта.

Христиан Теодор Альберт Бильрот (нем. Christian Albert Theodor Billroth) (26.04.1829–06.02.1894) — немецкий (австрийский) хирург, один из основоположников современной абдоминальной хирургии, профессор Цюрихского и Венского университетов, автор 160 печатных трудов, в т. ч. классического учебника («Общая хирургическая патология и терапия», 1863). Учитель плеяды выдающихся хирургов. Первым произвел новаторские операции, в т. ч. по поводу рака; две основные принципиальные схемы операции носят его имя. Активно способствовал развитию гигиены. Скрипач, пианист, друг И. Брамса. Автор сочинения «Кто такой музыкально одаренный человек?», рассматривающего музыкальную одаренность с научной точки зрения. В числе русских пациентов Бильрота был Н. И. Пирогов, которого Бильрот считал своим учителем.

12 апреля 1877 г. Бильрот провел Некрасову операцию по поводу новообразования прямой кишки, что продлило поэту жизнь на 8 месяцев: как явствует из его письма, это был хороший результат. Операция была проведена в домашних условиях; общая анестезия хлороформом была новаторской методикой. Подробнее см.: *Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. СПб., 2009. Т. 3. С. 574–576.*

Николай Андреевич Белоголовый (17.10.1834–18.09.1895) — врач, общественный деятель, публицист, мемуарист. Получил домашнее воспитание в семье декабриста А. П. Юшневского, а позднее А. В. Поджио, оставил о них воспоминания. Служил в Иркутске, с 1865 по 1881 гг. жил в Петербурге, где занимался вольной практикой, пользуя каждого нуждающегося в помощи, кто обращался к нему. Был консультирующим врачом многих известных людей, в т. ч. М. Е. Салтыкова-Щедрин, И. А. Гончарова, Я. П. Полонского, В. М. Гаршина и др. Занимался благотворительностью. Был личным другом С. П. Боткина.

С 1875 г. консультировал больного Некрасова. Принимал самое активное участие в жизни Некрасова вплоть до последних его минут. Оставил врачебный отчет о его предсмертной болезни, адресованный медикам; несмотря на преобладание подробностей медицинского характера, в тексте запечатлены важные события и высказывания поэта в последний период жизни. (*Белоголовый Н. А. Болезнь и последние дни жизни Н. А. Некрасова // Новое время. 1877. № 661, 31 декабря; Болезнь Николая Алексеевича Некрасова // Отеч. зап. 1878. № 10. С. 314–340; Врачебные ведомости. 1877. № 33. С. 1. Публикация отчетов Белоголового вызвала возмущение сестры поэта, А. А. Буткевич; ей возражал Г. З. Елисеев, считавший внимание публики к последним дням поэта общественно значимым событием (см. письмо к ней Г. З. Елисеева: РО ИРЛИ. Ф. 203. Ед. хр. 103. Л. 12)).*

Письма Бильрота печатаются по автографу: РО РГБ (арх. Белоголового). Ф. 6, ед. хр. 43–46. Письма, 8 шт. На немецк. яз. (На конверте ошибочно указано: Бильдота). Перевод Р. Ю. Данилевского.

1

Вена, 20 мая 1877 г.
Альзерштрассе, 20

Уважаемый коллега,

весьма признателен Вам за сведения о господине Некрасове. Несмотря на то, что я еще при отъезде моем не сомневался, что операционное вмешательство не представляет опасности, и искусственная прямая кишка будет хорошо функционировать, я все же надеялся, что успех операции благоприятнее восподействует на страдания бедного пациента, чем Вы это описываете. Случаи подобного рода слишком редки, чтобы какой-нибудь хирург, говорящий правду, заявил бы о большом личном опыте; насколько мне известно, даже старейшие и наиболее опытные хирурги Германии — мои учителя Баум¹ и Лангенбейтц² никогда не делали операций при таких обстоятельствах. Также и в Париже они при *strictura recte*³ производятся крайне редко. Единственно только в Лондоне, в особенности Кёрлингем (Curling)⁴, была проделана такая же операция, какую сделал я; его описание субъективного облегчения страданий больного исключительно благоприятно.

Сожалею, что наш пациент в этом отношении не получил тех преимуществ, какие можно было бы ожидать, исходя из физиологически-патологических предпосылок. Небольшое выпадение слизистой оболочки почти всегда имеет место при *Anus artificatio*⁵, но оно не опасно, оно даже препятствует иногда проникновению кала в нижний участок, что хорошо.

Вы очень обяжете меня, если продолжите свои сообщения. Мои самые дружеские поклоны господину пациенту, *его жене и сестре*⁶, а также коллеге Богдановскому.

Преданный Вам

д-р Т. Бильрот

2

Берхтерсгаден под Зальцбургом
8 августа 1877 г.

Уважаемый коллега!

Только что получил письмо Ваше из Фридрихсроды; это прелестное место хорошо мне знакомо; там я праздновал свою свадьбу, заложив тем самым

¹ Баум, Вильгельм (1799–1883) — немецкий хирург, учитель Т. Бильрота. Профессор Грайфсвальдского и Гёттингенского университета, член Леопольдины (крупнейшей академии естествоиспытателей Германии).

² Возможно, имеется в виду Лангебек, Бернгард фон (1810–1887) — немецкий хирург, учитель Т. Бильрота, Ф. Эсмарха, Р. У. Кренлейна, К. Тирша, Э. Ю. Гурльга и др. Профессор хирургии в Гёттингене, Киле, Берлине. Издатель (вместе с Т. Бильротом и Гурльгом) «Архива клинической хирургии». Основатель (в 1872) и председатель немецкого хирургического общества.

³ Сужение прямой кишки.

⁴ Кёрлинг Томас Близард (1811–1888) — британский врач, профессор хирургии, член Королевского колледжа хирургов, автор многочисленных трудов, сделавший крупный вклад в историю медицины.

⁵ Искусственный задний проход.

⁶ Слова, отмеченные курсивом, вписаны над строкой.

основы счастья дома моего. — С сожалением я узнал, что Вы страдаете глазами, и надеюсь, что Вам станет лучше; Вам непременно поможет прекрасный воздух Тюрингии.

С большим интересом я прочел Ваши сообщения о Некрасове. Притом что, к сожалению, пациент испытывает сильные боли, то обстоятельство, что он еще жив и может передвигаться, весьма важно и достаточно интересно, и, как я полагаю, это и есть следствие операции. Боли же могут быть только результатом распада опухоли в G⁷ и продолжающегося ее периферического роста, против них следует применять ни что иное, как уколы морфина. Жаль, что атония прямой кишки и всего организма зашла столь далеко, иначе питание могло бы быть лучше. Со вчерашнего дня я нахожусь здесь, в Берхтесгадене, чтобы отдохнуть и литье⁸. Поскольку я живу здесь со своей семьей, и жена моя сама ведет хозяйство, я очень доволен. Здешние отели и пансионаты оставляют, правда, желать лучшего, иначе в этом великолепно расположенном месте летом отдыхало бы больше семейств. Здесь я останусь до 15 сентября, затем поеду в северную Италию и 9 октября буду уже в Вене.

Жаль, что я не смогу принять Вас в Вене, так как, судя по Вашему письму, Вы будете там раньше.

С дружеским поклоном

Т. Бильрот

3

Вена, 31. 10. <18>77 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Чрезвычайно признателен Вам за Ваше письмо. Прошло уже 5 месяцев (а не 2, как Вы случайно, наверное, мне написали) со времени операции, и с точки зрения самой операции, следует считать результат положительным или благоприятным. О том, что пациент так страдает, сожалею от всего сердца; но, к несчастью, я не знаю средства, которое избавило бы его от этих страданий. Поскольку Вы ничего не пишете о своей глазной болезни, предполагаю, что у Вас всё хорошо. Если проф. Богдановский⁹ в Петербурге, прошу Вас передать ему сердечный поклон, а также господину Некрасову и его жене.

Преданный Вам Т. Бильрот

4

Уважаемый коллега!

⁷ Первая буква слова «Gedärm» (кишечник).

⁸ Нижняя строка в рукописи отсутствует.

⁹ Богдановский Евстафий Иванович (1833–1888) — русский хирург, академик Императорской Медико-хирургической академии, заслуженный профессор Императорской Военно-медицинской академии, тайный советник, создатель хирургической школы. Вместе с Т. Бильротом провел операцию Некрасову.

Большое спасибо за Ваше интересное и подробное сообщение о кончине Некрасова. Судя по фактам, известным мне из литературы, едва ли кто-либо еще из оперируемых при подобных обстоятельствах жил после операции столь долго.

С сожалением узнаю, что Вы больны, и всем сердцем желаю Вам скорейшего улучшения.

Прошу Вас передать мои дружеские поклоны семейству Некрасова.

Преданный Вам

Т. Бильрот

Вена, 23. 1. <18>78 г.

ПИСЬМА СЕЛИНЫ ЛЕФРЕН-ПОТЧЕР К А. М. УНКОВСКОМУ

(ПУБЛИКАЦИЯ Н. Н. ПАЙКОВА, М. Ю. СТЕПИНОЙ)

Селина Лефрен-Потчер — актриса французской труппы Михайловского театра, близкая подруга Некрасова (подробнее о ней см.: Н 15. XIII-2: 333, 675; *Степина М. Ю.* Некрасов и Селина Лефрен-Потчер: Комментарии к реконструкции эпизода биографии // Некрасовский сборник. СПб., 2008. Вып. XIV. С. 175–204). Унковский Алексей Михайлович (1829–1894) — юрист, общественный деятель, один из исполнителей завещания Некрасова (второй — А. Н. Ераков).

Письма печатаются по автографу и прилагаемому частичному переводу писем на русский язык (пер. неизвестен): РО ИРЛИ. Ф. 202 (Н. А. Некрасова). Оп. 1. № 302. Lefresne, Céline. Лефрен, Селина. Письма ее (2) к Унковскому Алексею Михайловичу по поводу выплаты денег по завещанию Некрасова Н. А. С приложением писем (2) Мал... к неустановленному лицу. На фр. языке. 2) Пер. их на русский язык. 1878 г., апр. 9–17. 14 лл.

РО ИРЛИ. Ф. 202 (Н. А. Некрасова). Оп. 1. № 302. Lefresne, Céline.

Лефрен, Селина. Письма ее (2) к Унковскому Алексею Михайловичу по поводу выплаты денег по завещанию Некрасова Н.А.

С приложением писем (2) Мал... к неустановленному лицу.

На фр. языке.

2) Пер. их на русский язык.

1878 г., апр. 9–17. 14 лл.

Сверка имеющегося перевода с оригинала и перевода остальных писем Н. Н. Пайкова.

1

Л. 2 об. Приписка внизу листа С. Лефрен:

Madame Gerder¹⁰
Измайловский полк
в Тарасовом переулке
д. 12 кв. 15.

¹⁰ Лицо неустановленное.

Л. 3–3 об., 4–4 об., 5–5 об.

14 апреля 1878.

Милостивый государь.

Дольше, чем следовало для правильности уплаты долга М.¹¹ Н. Некрасов, взятою на себя М. Феодором Некрасовым, я откладывала свое решение. Сегодня (теперь) я окончательно решила и хочу сообщить Вам мои размышления. Что я хотела Вам сообщить, это то, что мои 5000 рубл., если их реализовать теперь, не имеют, считая их на франки, той ценности, которую они имели в обыкновенное время. Я не знаю и почти (?) такой возможности или <1 нрзб> и надо было бы для того, чтобы М. Н. Некрас был бы настолько любезен, и по особому случаю это не было бы ему предосудительным (на что я не смею надеяться), и оставил бы эту сумму у себя, например, до будущего года в такое же время, увеличивая ее теперь приблизительно на треть равной той суммы, которую она потеряла теперь при размене, это увеличило бы долю в 5000 до 6700 приблизительно. Я сомневалась чтобы он мог и захотел бы согласиться на это, а между тем, в общем, ничто не даст мне уверенность, что в будущем году в такое же время эта сумма в 6700 будет больше 5000, размен.(?) в обыкновенное время.

Я предлагаю Вашему обсуждению эту идею только очень робко и предоставляю Вам решить предлагаема <1 нрзб> В случае возможно (?) что она оказалась неподходящей превратить (променять) мой долг (долно?) в 10, 500 р., одну часть на вексель срочной (платимой) 14 Апреля 1879 и другую на русскую ценность, которую я бы Вас попросила выбрать, если возможно, сравнив Ваше мнение с мнением того лица, который написал письмо, прилагаемое к этому письму, а после того как Вы замените деньги ценными бумагами, прошу Вас переслать их мне, предоставляя Вашему усмотрению способ пересылки. В случае, если эта комбинация окажется настолько же непригодной, как и первая, то прошу вас <пропуск в переводе примерно на 1 слово. — М. С.> М^{ме} Gerder, которая возьмет на себя труд получить и купить ценность (ценную бумагу), но, чтобы не терять времени, я предпочла бы гораздо больше первый способ, не говоря уже, что Ваша личная оценка имеет больше веса в этом деле, чем ее, которая есть только эхо (отголосок) другой стороны и далеко не достаточно заинтересована, чтобы вникнуть в этот вопрос.

Одним словом, Вы понимаете мою идею, (в случае?) покупки моими деньгами ценных бумаг, которые я всякое время могла бы продать в Париже. Вы пришлете мне эти ценности и вексель М. Н., а вексель М^{ме} Буткевич¹², или в случае согласия, маловероятно, М. Н. Вы пришлете мне оба векселя и вексель М^{ме} Буткевич.

В случае, если бы мое предложение было принято N. T. N.¹³, само собою разумеется, мне не было бы никакого интереса (смысла) воспользоваться им до срока, значит, раньше года.

Не видите ли Вы какой-нибудь риск для меня при этой комбинации?

¹¹ Здесь и далее: первая буква *monsieur*.

¹² Анна Алексеевна Буткевич.

¹³ Лицо неустановленное.

В общем, надо было бы, чтобы покупка этих ценностей была бы сделана быстро, пока (бумаги) не поднялись, пока не началась война, это мое скромное мнение, Вы можете решить окончательно. Во всяком случае, хоть (?) что бы было получить поскорее ответ N.(?) Н. (в случае если Вы найдете возможным предложить) и сейчас же после его ответа (в случае если Вы ему сделаете это предложение) или сейчас, если Вы его ему не сделаете) или будет отказ, будьте так добры выбрать сами между ценными бумагами, указанными в этом письме, те, которые выгодны для меня, как в отношении верности, так и по отношению колебания в ценности с точки зрения продажи, не забывая (считаясь) при этом (с тем), что я ничего не имела бы против маленькой прибавки, в размере его на других ценностях.

Прошу Вас пожертвовать мне немного времени на раздумья по получении моего письма и не отказать мне в <1 нрзб> (ответить мне), не дожидаясь результата переговоров. Я Вам, во всяком случае, буду очень обязана за Ваши хлопоты и буду очень счастлива, если бы когда-нибудь могла бы Вам это доказать. В случае, если бы Вы приехали в Париж на выставку, я буду очень счастлива лично поблагодарить Вас.

Примите пока мою самую искреннюю благодарность и уверения в моей признательности — С. Lefresne.

<На л. 5 об. небрежным, возможно, поспешным почерком:>

Пишу M^{dmе} Гердер, чтобы дать ей свои инструкции на тот случай, если бы Вы не могли взять на себя покупку моих ценностей. В таком случае, Милостивый Государь, я была бы Вам очень обязана, если бы Вы сообщили ей это, немедленно возвращая ей вексель или письмо Г^{на} Мало¹⁴ (у Господина Саседа).

Влагаю в письмо вексель, документ М. Н. Некрасова¹⁵.

Я посылаю моему другу эти расписки в случае Вашего отказа заняться моими делами до конца, но я горячо настаиваю, Cher monsieur, чтобы Вы это сделали (т.е. довели бы дело до конца, я бы Вас очень просила об этом).

Чтобы не терять времени, я предвижу случай, если М. Н. Некрасов согласился бы принять мой долг за меньшую сумму, в таком случае я предпочитаю ценные бумаги, которые дали бы мне возможность пользоваться в случае надобности моими деньгами.

2

Л. 2–2 об. (пер. 11 об.–12)

Альфред Сасед
Биржевой маклер
Улица Монмартр, 169
14, ул. Граммон, 14

Мой дорогой друг

¹⁴ Лицо неустановленное.

¹⁵ Документа в конверте нет.

Я Вам говорила два дня тому назад, что я попрошу проверить (проконтролировать сведения, справки), которые я Вам сообщила. Я видела еще одно компетентное лицо, которое советует не брать русских выигрышных бумаг. Это лицо рекомендует предпочтительно большие жел. дор. линии, как Николаевскую Екатеринин. (я не вполне уверена в последнем названии, но оно приблизительно такое. Вот уже два банкира, которые в курсе дел этой страны, которые согласны в том, чтобы отдать предпочтение железнодорожным акциям другим процентным бумагам как менее чувствительным изменениям понижению и повышению. Теперь предоставляю Вам решение. Что же касается благовременности это другое дело. В этом <1(?)> уже финансовые вопросы, это, как Вы знаете, вопросы мира и войны, и про это я не знаю ничего больше Вас.

Совершенно преданная

А. Мала.....¹⁶

3

Madame Gerder

Измайловский полк
в Тарасовом переулке
д. 12 кв. 15

Л. 1–1 б. (пер. 12 об. –13)

Альфред Сасед
Биржевой маклер
Улица Монмартр, 169
14, улица Граммон, 14

Как я Вам обещала, мой дорогой друг, я пишу Вам сегодня, чтобы дать Вам справки или указания, которые Вы у меня просили. Я Вам уже сказала вчера вечером, что мне посоветовали русские выигрышные бумаги, которые, кажется, на хорошем счету, которые могли бы быть для Вас целесообразны. Другой банкир, очень сведущий в русских бумагах, советует отдать предпочтение помещению денег в акции больших железнодорожных линий, как, напр., С.-Петербург–Варшавская, по причине того, что эти ценности не имеют ничего общего с Русским фондом (казначейством, кладом?) и вследствие этого не так чувствительны к событиям, которые, к сожалению, ожидаются. Вот все справки, которые я могла получить до сих пор. Я не встретила другое лицо, которое старалась видеть и которое могло бы мне дать полезный совет. Если завтра будет удачным, я Вам еще напишу.

Совершенно преданная Вам

А. Мала.....

¹⁶ Лицо неустановленное.

Л. 6–6 об., 7–7 об.

14 апреля 1878

Милостивый государь

Вот еще ценная бумага, о которой мне говорили, не знаю, насколько она лучше той, на которую указали раньше, и я должна ознакомить Вас с нею.

Эта последняя оплачивается золотом во Франции и в Англии (и имеет (?)).

вот на этом последнем предположении я останавливаюсь, потому что облигация поднималась бы в зависимости от понижения и не было бы выгодным для меня предпринять эту денежную операцию, которая ставила бы меня всегда в зависимости потери при понижении. Мне сегодня только хочется пополнить мои указания (если еще не поздно) в общей сложности мне нужно чтобы бумаги были верные (чтобы они были гарантированы не только русским государством, но и материально и (?) были бы оплачиваемы во Франции золотом (процент, я хочу сказать) взять (?) при таком случае при котором (будучи настолько же верные как другие) имела бы перед другими то преимущество, что они оплачивались во Франции золотом.

Вот, Милостивый Государь, что мне надо было Вам сказать, рискую, что это опоздает, но может и прийти вовремя. М. N. Nekrasoff имел уже время дать отзыв, а может быть, еще не успел приобрести проценты (меры?). Будьте добры, в случае, если бы Вы не могли взять на себя мое маленькое дело, доставить Г^{же} Гердер это письмо и записку она содержит как дополнение к моим первым указаниям. Заметьте хорошенько, что я не назначаю точно ни одну, ни другую, одинаково верные <1>, предпочитаю (разве в случае только подходящей разницы покупной цены ту, которая дала бы мне возможность получить золотом во Франции.

Извиняюсь и благодарю все сразу.

C. Lefresn

— (?) Москва

Вот адрес Г^{жи} Гердер.

Госпожа Гердер.

Измайловский полк.

в Тарасовом переулке

д. 12 кв. 15

в С. Петербурге

**ПРОШЕНИЕ ПАНАЕВЫХ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА
И ПЕТРА ИВАНОВИЧА АЛЕКСАНДРУ II ОБ ОТКАЗЕ ОТ НАСЛЕДСТВА
ПОСЛЕ ПАНАЕВА ИВАНА ИВАНОВИЧА В ПОЛЬЗУ ЕГО ЖЕНЫ
ПАНАЕВОЙ АВДОТЬИ ЯКОВЛЕВНЫ. КОПИЯ. 1862**

(ПУБЛИКАЦИЯ М. Ю. СТЕПИНОЙ)

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 382. Панаевы И. И., А. Я., В. И. Оп. 2. Ед. хр. 20.

Рукопись представляет собой сложенный вдвое лист формата А3, желтоватая бумага, коричневые чернила. Слово «Копія» вписано в правом верхнем углу над фигурной скобкой другим почерком. Нумерация страниц архивная, проставлена карандашом.

Всепресветлейший, Державнейший,
Великий Государь Император
Александр Николаевич,
Самодержец всероссийский,
Государь всемилостивейший!
Просят отставные полковник
Александр и подполковник
Петр Ивановы Панаевы, а о чем,
тому следуют пункты.

1.

В Санктпетербургском Гражданском Надворном Суде производится дело об имуществе, оставленном после умершего бездетно родного племянника нашего коллежского Секретаря Ивана Иванова Панаева. В настоящее время по закону Т X СВ. Зак Гражд 1^й части (год 1857) ст 1148 п 1141, наследницами после него Ивана Панаева состоят вдова его Авдотья Яковлева Панаева в указной четвертой части, а в остальном пожизненно родительница его вдова Гвардии поручика Марья Якимова Панаева. В случае отречения сей последней от прав на наследство или смерти ея, наследниками к трем частям всего имущества покойного Ивана

Панаева по словам 1137 ст. X т Св Зак Гр. 1^й части, состоим мы просители (как дяди) и за смертью третьего брата нашего Тайного Советника Владимира Иванова Панаева сын его Коллежский Ассессор Петр Владимиров Панаев (Л. 1). Не желая воспользоваться в этом случае наследством после покойного племянника нашего Коллежского Секретаря Ивана Панаева, мы, на основании 1266 ст X т Св. Зак. Гр. (изд. 1857 г.) 1^й части, долгом считаем заявить Санктпетербургскому Гражданскому Надворному Суду, что мы со своей стороны отныне, навсегда, за себя и за наследников своих отрекаемся от прав на наследство, после покойного племянника нашего Коллежского Секретаря Ивана Иванова Панаева, и предоставляем части своего наследства вдове его, Ивана Панаева Авдотье Яковлевой Панаевой и потому всеподданнейше просим.

К сему

К сему

Дабы повелено было сие наше отречение, в Санкт-Петербургском Гражданском Надворном суде, принять и следуемые нам, после покойного племянника нашего Коллежского Секретаря Ивана Панаева, части наследства, из всего оставшегося после него движимого имущества, в чем бы оное не <так! — М. С.> заключалось, отдать в вечное, полное и неотъемлемой владение вдовы его Авдотьи Яковлевой Панаевой. Причем долгом считаем присовокупить, что документы, доказывающие родство наше с покойным Иваном Панаевым представлены в Гражданский надворный Суд сонаследником нашим Петром Владимировичем Панаевым. 1862 года <оставлен пробел для числа. — М. С.> дня к поданию (Л. 1 об.) надлежит в Санктпетербургский Гражданский Надворный Суд.

прошению

прошению

Прошение сие, со слов просителей писал и набело переписывал Студент Императорского Казанского Университета Евгений Паналиманов(?). Полковник Александр Иванов Панаев руку приложил и верю прошение сие подать Сыну моему Инженер Подполковнику Ипполиту Александровичу Панаеву

Подполковник Петр Иванов Панаев руку приложил и верю прошение сие подать Инженер Подполковнику Ипполиту Александровичу Панаеву

подпись рук Полковника Александра и Подполковника Петра Ивановых Панаевых удостоверяю подписом(?) и казенною печатью —

Лаишевский земский Исправник Смирнов

Жительства имеем Александр

Панаев в Казанской Губернии,

Лаишевского уезда в сельце Городке,

Петр Панаев в Казанской же
губернии, Лаишевского уезда
в селе Емельянове. (Л. 2)

Панаев Александр Иванович (1788–1868) — полковник в отставке, лаишевский уездный предводитель дворянства (1834–1836), помещик Казанской губ.

Панаев Петр Иванович (1792–?) — подполковник в отставке, помещик Казанской губ.

Панаев Ипполит Александрович 28.07.1822–1901) — двоюродный брат И. И. Панаева, инженер-путеец, писатель, философ. В 1856–1866 гг. заведовал хозяйственными делами «Современника». Автор воспоминаний о Некрасове.

ПИСЬМА А. Ф. ТАРАСОВА К Е. Н. МОНАХОВОЙ

(ПУБЛИКАЦИЯ Е. Н. МОНАХОВОЙ)

Рукописи предоставлены Е. Н. Монаховой из семейного архива.

Конверт 1

Ленинград, Д-104
Литейный, 36
Музей Н. А. Некрасова
Монаховой Елене Николаевне
152222 Ярославль
П. Окт. ткачи, Музей Некрасова

Многоуважаемая Елена Николаевна!

Простите, что не сразу ответил на Ваше письмо: 3 июля у нас очередной Некрасовский праздник и все эти дни пропадаю в Ярославле на всевозможных заседаниях, комиссиях, согласованиях и прочем.

Спасибо Вам и за приглашение в Ленинград, и за предложения по комплектованию, и подробности о вашей музейной жизни.

После ухода из отдела Ольги Владимировны¹ связь наших музеев как-то ослабла. А надо нам ее поддерживать и укреплять.

Вы не пишете, когда именно (в каком месяце) намечается юбилей Вашего музея. Если осенью или в конце года, то, быть может, и удастся мне или кому-либо из сотрудников побывать у Вас.

В зависимости от времени определится и тема возможного выступления.

В летние месяцы поездка невозможна: и работы у всех много. И отпуска.

Я не помню, были ли Вы у нас в Карабихе. Если не были, то проситесь на 3 июля к нам на Некрасовский праздник². Или кого другого присылайте. Здесь и уточним возможность размещения у нас выставок.

¹ Ольга Владимировна Ломан, возглавившая в 1953 г. филиал Всероссийского музея А. С. Пушкина — Мемориальный музей-квартиру Н. А. Некрасова на Литейном пр., 36. Автор кн. «Некрасов в Петербурге» (Лениздат, 1985) (Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге – Петрограде – Ленинграде); «Некрасов и просвещение» (Ярославль, 1957).

² Традиционный Праздник поэзии, который по сей день проводится в Карабихе в первую субботу июля.

(В Карабихе для их экспонирования у нас есть маленькая комнатка. В ней сейчас выставка фондов «Некрасов и декабристы». При плане следующих лет возможно использование комнаты для Вашей выставки, но это надо детально продумать. В Грешневе под Вашу выставку можно выделить весь второй этаж «музыкантской».)

Теперь о приобретениях.

У нас с Вашим музеем одна общая беда: Вы — бедные родственники у Пушкина, а мы — у Яр<ославского> историко-архит<ектурного> музея. У нас тоже закупочная комиссия общая и краеведы задают тон. Правда, у нас голос погромче Вашего и, если очень нужно, то своего добиваемся.

Палехские работы (какую-то часть), может быть, и удалось бы купить, но надо их видеть, отобрать. Ни Вам, ни палешанам я ничего конкретного сказать не могу, не видев работ и не зная примерной стоимости их.

Может быть, если нельзя показать сами работы, нам пришлют фотоснимки с них с примерной оценкой оригиналов?

Я с 16 июля иду в отпуск. Вторую половину августа буду работать. Если к этому времени что-то прояснится, можно бы было вести уже деловой разговор.

Я никуда не поеду. Если письмо или кто-то из палешан приедут во время отпуска, через день-два всё можно решить (буду рыбачить на Которосли).

О сборнике Ярославском³. Все предыдущие выпуски готовил я. С последним столько пришлось возиться и хлопотать (сменилось руководство издательства. Теперь у руля люди, далекие от Некрасова, и им надо втолковывать элементарные вещи) что я решил больше за составление не браться — так заявил издателям, так отвечаю и авторам на их предложения.

А кроме меня вряд ли кто возьмется за это дело.

Во всяком случае в ближайшем будущем выход следующего сборника не предвидится.

Вот таковы дела.

Посетителей у нас, особенно в летние месяцы, с каждым годом все больше. Приходится даже сдерживать поток, чтобы не погубить экспонаты и здания.

Весной сдал в издательство свою книжку «Некрасов в Карабихе» (12 печ. л.)⁴, где анализирую и жизнь и стихи некрасовские.

Сейчас рецензируют, читают редактора. Надеюсь в середине след<ующего> года прислать авторский экземпляр к Вам в музей.

Через 2 годика собираюсь на пенсию, передам Карабиху в молодые руки.

Приезжайте к нам на Некрасовский праздник 3 июля.

Привет всем.

26/VI.76

А. Тарасов

³ О Некрасове: Сб. статей / Сост. А. Ф. Тарасов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1958. Вып. 1; 1968. Вып. 2; 1971. Вып. 3; 1975. Вып. 4.

⁴ Анатолий Тарасов. Некрасов в Карабихе. Верхне-Волжское книжное изд-во, 1977. Книга выдержала переиздания в 1982 и 1989 гг.

Конверт 2.

Елене Николаевне Монаховой

Уважаемая Елена Николаевна!

Благодарю Вас за подарок музею и ленинградские музейные новости.

Официальную благодарность прилагаю.

Завтра должна приехать из Костромы Ваша сотрудница (прислала телеграмму, но фамилию не сообщила. Уж не Вы ли это?) Если это не Вы, письмо передам ей.

Чтобы не возвращаться больше к прошлогодней истории с палешанами, скажу, что Вам нужно было сразу по получении письма от Ренэты Сергеевны⁵ купить открытку и написать на ней, что работы берет Ленинград. Я бы не вводил в заблуждение директора заповедника и не хлопотал о деньгах.

Что из себя представляет «московский журналист и писатель» Н. К. Некрасов⁶, спросите у О. В. Ломан. Она даст ему самую точную характеристику. О существовании у него на дому «музея» знаю. Знаю, как он «собирался», примерно знаю, что у него есть, хотя дома у него не бывал и желания быть там не испытываю

Жалею об одном — что у него осела подлинная фотография А. С. Некрасова.

Все остальное — ерунда. Понятие «карабихские вещи» — растяжимое. Можно показывать стопки с инициалами «Н. Н.», купленные в начале 1900х годов Ф. А. Некрасовым для жены Натали Николаевны в Париже, и приписывать их поэту. («Н. Н.»)

О наших новостях не пишу: какие могут быть в наш суетный, быстротекущий век новости у деревенских жителей?

Ваша коллега увидит нашу жизнь завтра... Она и расскажет.

Всего Вам доброго.

А. Тарасов.

4/II.77

Карабиха

P. S. Что Вы как хитро упаковали бандероль? Пришлось разрывать оболочку по кусочкам целых полчаса.

<На отдельном листочке.>

Перечитал еще раз Ваше письмо и увидел, что не ответил на вопрос о передвижной выставке⁷.

⁵ Ренета Сергеевна Шукинская, возглавлявшая Мемориальный музей-квартиру Н. А. Некрасова на Литейном пр., 36 с 1979 по 1989 гг.

⁶ Николай Константинович Некрасов (1915–1993) — внучатый племянник Некрасова (сын К. Ф. Некрасова).

⁷ Передвижная выставка Е. Н. Монаховой «Петербург Некрасова и Салтыкова-Щедрина» впервые была сформирована на базе Музея-квартиры Н. А. Некрасова на Литейном, 36 в 1978 г. На ней, в частности, экспонировался портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина кисти И. Н. Крамского. Автором афиши выставки (двойной портрет на фоне Петербурга), выполненной в технике офорта, был Э. Х. Насибулин. Единственным городом, где выставку успели показать, был Калинин (ныне Тверь): она была развернута на двух этажах Музея М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ее оформлял художник Всероссийского музея А. С. Пушкина Константин Егорович Севастьянов.

У нас в Карабихе — постоянная экспозиция и дублировать ее какой-то выставкой резона нет. В Грешневе на 2 этаже есть комната, в которой обычно летом Ярославский художественный музей устраивает выставки репродукций. Помещение это можно бы использовать, но я не могу поручиться за сохранность вещей, т. к. там всего одна уборщица — и женщина не совсем аккуратная. Дом на отшибе и по вечерам не охраняется.

Сейчас идет разговор о создании народного музей в Аббакумцевской школе (как школа она уже не функционирует — нет учеников). Но что там будет и каковы условия хранения, пока не знаю. А. Т.

<На официальном бланке>

Министерство культуры РСФСР
Управление культуры Яроблисполкома
Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник
Филиал
Музей-усадьба Н. А. Некрасова «Карабиха»
С. Карабиха, Ярославской обл. Индекс 152222 телефон 96-41-87
№ 10 4 февраля 1977 г.
195256, Ленинград,
Пр. Науки, дом 18, кв. 213
Елене Николаевне Монаховой

Уважаемая Елена Николаевна!

Примите нашу сердечную благодарность за переданные Вами в дар музею:

Триптих «Некрасов в Петербурге» — офорт Э. Х. Насбулина⁸,

«Сон в пути» — офорт Е. О Мартилы⁹ и

Н. А. Добролюбов — гравюра Брокгауза¹⁰.

Желаем Вам успехов на ниве музейной и личной жизни.

Заведующий Музеем-усадьбой

А. Тарасов

Конверт 3.

Ленинград
Литейный, 36
Музей-квартира Н. А. Некрасова
152222 Ярославль

⁸ Энгель Хариевич Насибулин — художник, скульптор, график, иллюстратор многих книг русской классической литературы.

⁹ Елена Оскаровна Мартилы — живописец, график, театральный декоратор, автор эстампов «Ленинградцы. 1941–1942 годы». Офорт, подаренный Карабихе, был посвящен теме «Русские женщины».

¹⁰ Портрет Добролюбова (гравюра на стали), изготовленный в типографии Ф. А. Брокгауза в Лейпциге и опубликованный в первом издании «Сочинений Н. А. Добролюбова» (1862), подготовленном Н. Г. Чернышевским.

п/о Кр. Ткачи
Музей Некрасова

<На бланке Музея-усадьбы Н. А. Некрасова «Карабиха»>

№ 25 24 февраля 1977 г.

Уважаемая Ренета Сергеевна¹¹!

Не так давно в какой-то газете я прочел, что у Вас в Ленинграде существует «скорая помощь природе» — организация, которая лечит деревья¹²...

К сожалению, никак не мог потом найти эту газету и установить координаты этой «скорой помощи».

Вероятно Вашему Пушкинскому заповеднику они помогают.

Не сообщите ли Вы адрес и название этой организации?

У нас постепенно начал усыхать 150-летний дуб (растет на берегу верхнего пруда, который лет 40 стоял без воды. К 150-летию Некрасова мы пруд почистили и заполнили водой. Вероятно изменился водный режим и это сказалось на дубе).

Хочется хотя бы получить письменную консультацию — как помочь дубу.

После визита к нам Аллы Константиновны¹³ новостей нет.

Желаю успехов Вам и Вашему коллективу.

От души поздравляю всех с днем 8го марта, желаю Вам и коллегам Вашим процветания и благоденствия.

А. Тарасов

Конверт 4.

Ленинград, пр. Науки, дом 18 кв. 213
Елене Николаевне Монаховой
152222, Ярославль, п/о Кр. Ткачи, Музей Некрасова
Карабиха, 17/III-77

Уважаемая Елена Николаевна.

Благодарю Вас за присланные в дар музею материалы, особенно — за фотографии (открытки).

И. К. Соколова¹⁴ подготовила в помощь экскурсоводам, принимающим иностранцев, специальную сводную разработку: «Некрасов за рубежом» (разделы: Личная связь Н.; произведения писателей данной страны в журналах Н.,

¹¹ Письмо адресовано Р. С. Щукинской.

¹² Этой проблемой занималась Кафедра защиты леса, древесиноведения и охотоведения Лесотехнической академии Ленинграда. Через Е. Н. Монахову А. Ф. Тарасов связался с профессором кафедры Алексеем Алексеевичем Ливеровским (1903–1989) (химик, писатель, охотник), который консультировал музейных сотрудников по поводу сохранения исторических деревьев.

¹³ Алла Константиновна Киселева — поэт, литературовед, экскурсовод; работала научным сотрудником Музея-квартиры Н. А. Некрасова на Литейном, 36.

¹⁴ Ирина Константиновна Соколова, научная сотрудница Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н. А. Некрасова «Карабиха» с 1968 г.

отношения Н. к ним; издания произведений Н. в данной строке). Присланные Вами открытки будут хорошим наглядным пособием к разработке.

Что же касается выставок, то Вы меня не поняли. Ничего плохого о выставках Вашего музея я не говорил. Качество их, уровень и оформительский — вне всяких сомнений. Уверен, что такая выставка будет с интересом и пользой смотреться в любом месте. Однако менее всего пользы она принесет в Карабихе, ибо на эту же тему здесь построена стационарная экспозиция. Какой бы подбор экспонатов Вы не сделали, все-таки это выставка. По объему, композиции, завершенности наша экспозиция, занимающая 10 зал (350 кв. м.), Вашу выставку перетянет. После стационарной экспозиции смотреть выставку на ту же тему будет только небольшая часть экскурсантов (70% посетителей приезжают в Карабиху организованно, по предварительной заявке. Экскурсия с посещением мемориальных комнат занимает 1,5 часа. На это время бюро путешествий и др. заказчики и планируют транспорт и всю дальнейшую работу с туристами в Карабихе).

Да и помещения приличного для Вашей выставки у нас нет. Вы, вероятно, видели комнатку для выставок в нашем музее. Она занимает всего 10–12 кв. м. В ней мы устраиваем выставки фондов, приуроченные к юбилейным датам. Делали и выставку «Н. и С.-Щедрин», о которой Вы пишете, к юбилею С. Щ. Думаю, что с несравненно большей пользой Ваша выставка найдет применение в Салтыковских местах.

Могу подсказать Вам и еще один адрес: в с. Заозерье, Угличского района, где протекало детство С., существует народный музей. В нем есть и раздел, посвященный С-Щ. Конечно, по качеству и составу экспонатов он уступает Вашей выставке.

Не списаться ли Вам с ними? М. б. они смогут подготовить помещение для Вашей выставки. Там предложенная выставка будет гораздо нужнее и полезнее. Примерный адрес: Ярославская обл., Угличский р-н, с. Заозерье. Заозерский дом Культуры. Народный музей. Если соберетесь ехать, до Углича — любым путем (по ж. д., автобусом или паромом). От Углича можно лететь самолетом (около 20 мин.). Может быть Вашей выставкой заинтересуется и Угличский районный музей. Они летом принимают большой поток туристов с пароходов.

Передайте пожалуйста нашу благодарность Вашему супругу¹⁵ и Е. О. Мартину за их работы. К Некрасову современные нам художники не так часто обращаются, и их внимание заслуживает всяческого одобрения. Обе работы сделаны профессионально и стали хорошим пополнением нашей коллекции. Вы спрашиваете мое мнение. Я не искусствовед и в вопросах искусства дилетант. Даже от экскурсоводов я не требую буквального следования своей методичке, предоставляю каждому искать свои конкретные пути построения экскурсии. А творцу-художнику разве можно давать рецепт? Дай бог, чтобы почаще разные художники обращались к классике. Тогда будет больше разных произведений.

¹⁵ Э. Х. Насибулину.

И последнее — о палешанах. Мне как-то неловко читать Ваше сообщение, что Вы заказали для Карабихи работу и собираетесь подарить ее музею¹⁶.

Музей у нас — государственный. На пополнение фондов он получает достаточное количество средств. При музее существует закупочная комиссия, которая отбирает и оценивает работы художников. Если Вы прислали в дар открытки — это еще понятно и приятно. Но зачем же уподобляться дореволюционных меценатам и покупать для музея за свой счет работы художников? Или у вас миллион на книжке? Такие подарки не в духе нашего времени.

Желаю Вам здоровья и успехов в жизни.

А. Тарасов

Конверт 5.

Заказное

Ленинград, Литейный, 36.

Музей Н. А. Некрасова

Елене Николаевне Монаховой

152222 Ярославль п/о Кр. Ткачи, музей Некрасова

Уважаемая Елена Николаевна!

Благодарю Вас за практическую помощь музею в лечении дуба. Ответы на вопросы специалистов прилагаю. Срезы вышлю бандеролью в ближайшие дни (3/VI).

Простите, если мое предыдущее письмо чем-то показалось Вам обидным. Обижать Вас я не хотел, а изложил свой взгляд на предложенный Вам подарок.

Постараюсь объяснить его, как Вы объяснили мотивы сейчас.

Когда художник или другой творец дарит музею свое произведение, это понятно. В конце концов абсолютное большинство людей выражают себя в своих творениях и делает это для других (только единицы извращенных, больных самолюбий способны таить свои создания, любоваться ими в одиночку).

Когда коллекционер, собиравший десятилетия какую-то коллекцию, дарит ее в конце концов музею, — тоже понятно. Коллекция это тоже — его «произведение», в нее вложены поиски, замысел и т. п. и он находит удовлетворение в общественной оценке результата.

Когда ученый или писатель завещает свою библиотеку или другое собрание музею или наследники его в память о нем сами передают ее, это тоже понятно.

Когда владелец какой-то вещи, имеющий музейную ценность, приходит к решению сделать ее всеобщим достоянием и дарит музею — прекрасно.

¹⁶ Речь идет о даре, который через Е. Н. Монахову предложили Карабихе художники Николай Федорович Вихрев (1909–1983) и Константин Сергеевич Бокарев (1928–2007), впервые иллюстрировавший «Кому на Руси жить хорошо» в стиле палехской миниатюры. После Пушкина и русских сказок Некрасов был наиболее востребованным сюжетом для миниатюристов Палеха. Предложенный дар — две шкатулки с росписью на сюжеты некрасовских произведений — не были приняты А. Ф. Тарасовым из соображений щепетильности.

Примеров всему этому — множество. И это хорошо.

А вот когда музейный работник, заработки которого я знаю, от своего имени и на свои деньги заказывает для другого аналогичного музея произведения, — мне кажется это уже какой-то претензией, широким жестом с подтекстом.

У нас в Карабихе несколько лет подряд живет по месяцу и более оренбургский художник. Он пишет «времена года Карабихи». Хороший художник и пишет хорошо. Но есть у него одна причуда: привозит с собой рублей по 600–800 — и тешит натуру.

Видит бригаду рабочих, реконструирующих дом, подзывает одного из них: — «Вот вам 30 рублей».

Мужики бегут за водкой. Работа — в сторону.

Попросит ребенка сорвать цветок — рубль «на конфеты». Узнав о приезде «барина-художника», в Карабиху стекаются все местные выпивохи — поздравляют с прибытием.

Каждому отпускается по «пятерке».

Мне пришлось вмешаться и поставить все на свои места. Потом, когда мы хорошо познакомились, я убедился, что человек он хороший, а вот причуду свою побороть не может. В молодые годы он устраивал в ресторанах гулянки по неделе — угощал всех, кто подходил.

Ему было на что это делать. Это еще от старых гуляк купчиков — господ, которые не знали куда деть наследственное...

Вольно или невольно, но за всем этим где-то в глубине (а порой — и на поверхности) лежит чувство превосходства дающего над принимающим.

Если бы Вы сразу сказали мне, что делаете это в память об отце, которого я хорошо помню еще с довоенных лет, я бы принял Ваш подарок как должное, и ни словом бы не усумнился в искренности и этичности Ваших решений.

Если бы Вашему решению не предшествовали некоторые обстоятельства, о которых ниже, я бы тоже ничего не написал Вам, хотя бы и подивился.

Ваше решение связалось в моем представлении с общим «контекстом»...

Вы еще молодая и, вероятно, по молодости не всегда отдаете полный отчет своим словам, жестам, действиям...

Не я первый — наши сотрудницы обратили внимание на тон Вашего разговора и Ваших замечаний при знакомства с экспозициями Карабихи. Чуть-чуть свысока.

Вы, например, без тени смущения предложили часть экспонатов из зала, посвященного «Последним песням», перенести в Вашу выставку, или поместить Вашу выставку в этом зале, как будто экспозиция — случайный подбор экспонатов, которые без ущерба можно переставлять, изымать, заменять...

Не нова и Ваша ирония по поводу некоторых копий, представленных у нас. Для Вас это все вновь, а я 30 лет слушаю споры о возможности или невозможности экспонирования копий.

Есть теория и есть жизнь. Есть два направления в музейном деле: «пуристов-эстетов» и практиков. У каждого направления — свои аргументы. К какому бы направлению мы ни принадлежали, мы обязаны с должным уважением относиться к сторонникам противоположного.

Вот этого уважения мы сотрудники «Карабихи» и не почувствовали у Вас. На этом фоне Ваше сообщение, что Вы заказали для Карабихи какое-то произведение за свой счет и прозвучало, если хотите, оскорбительно. Как будто Карабиха — бедный родственник, который сам не может ничего заказать, оплатить и не знает что ему нужно.

Потому я и ответил Вам, что вдавываясь в объяснение, не столь деликатно.

И сейчас считаю, что есть разница между подарком музею какой-то вещи (картины и т. п.) имеющейся у человека, решившего, что ее место — там, и заказом сотрудницы музея за свой счет произведения для другого аналогичного музея.

Вдумайтесь во все сказанное, и Вы поймете меня.

Извините за многословность. Я ответил откровенностью на Вашу откровенность.

Еще раз благодарю Вас за помощь в лечении дуба.

Всего Вам доброго.

29/V 77.

А. Тарасов.

Карабиха

P. S. 3/VI Письмо задержал до подготовки срезов дуба. Посылаю одновременно. Пожалуйста, перешлите их вместе со справкой Вашим знакомым специалистам и попросите дать совет.

Не сердитесь на меня.

А. Т.

Конверт 6.

Ленинград, Литейный, 36

Музей Н. А. Некрасова

Елене Николаевне Монаховой

1652222, Ярославль п/о Кр. Ткачи, Музей Некрасова

<В конверт вложено официальное приглашение:>

Уважаемый товарищ!

Управление культуры Ярославского облисполкома, Ярославская организация и музей-заповедник приглашают Вас на некрасовский праздник поэзии 2 июля 1977 года в музей-усадьбу Н. А. Некрасова «Карабиха».

В программе праздника — выступления писателей, книжный базар, концерт.

Начало торжественной части в 12 часов.

Анатолий Федорович Тарасов (1918–1996) — исследователь жизни и творчества Н. А. Некрасова. Первый директор государственного литературно-мемориального музея-заповедника «Карабиха» (1947–1984). Автор краеведческих

книг «Карабиха. Музей-усадьба Н. А. Некрасова в с. Карабиха: путеводитель» (Ярославль: Ярославское книжное изд-во, 1956), «Некрасовские места» (Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1977), «Некрасов в Карабихе» (Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1977) (выдержали неск. изданий, в т. ч. на англ., фр., нем. яз.), составитель сборников «О Некрасове» (вышло 4 вып.).

Елена Николаевна Монахова — литературовед, поэт, художник. С 1972 по 1999 г. сотрудник Всероссийского музея А. С. Пушкина, из них в 1974–1977 — сотрудница Музея-квартиры Н. А. Некрасова на Литейном, 36. Автор каталога прижизненных иллюстраций к произведениям Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина из собрания музея. Ныне, с 1999 г., хранитель фонда Оригинального рисунка и Документа в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Личное знакомство с А. Ф. Тарасовым состоялось благодаря дружбе последнего с ее отцом, Н. Н. Монаховым, с которым они были сокурсниками по филологическому факультету ЛГУ (ныне СПбГУ).

Карабиха. Конец 1960-х. А. Ф. Тарасов, Г. А. Глаголева, Е. Н. Монахова

Фото Н. Н. Монахова

Семейный архив Е. Н. Монаховой

А. М. Берёзкин

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О НЕКРАСОВЕ 2000–2010

2000

1. *Бицилли П. М.* Неопубликованная рукопись Петра Михайловича Бицилли: Заметки о лексических и тематических совпадениях и заимствованиях у русских авторов-классиков / Publ., comment. et notes de Petkova G. // *Rev. des études slaves*. P., 2000. Т. 72, fasc 1/2. P. 233–254.
Текстологический и сравнительный анализ стихов Н. А. Некрасова и Т. Г. Шевченко.
2. *Вершинина Н. Л.* Н. А. Некрасов // Краеведческий материал на уроках литературы и во внеклассной работе: Учебно-методич. Пособие. Псков, 2000. С. 33–37.
3. *Вершинина Н. Л.* Псковская губерния и творчество Н. А. Некрасова // Псковский научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2000. № 13. С. 142–144.
4. *Королькова Г. Л.* Поэтические традиции Н. Некрасова в творчестве В. Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. М., 2000. Вып. 3. Т. 2. С. 314–318.
5. *Лазаренко Г. П.* «...В душе каждого человека есть клапан, открывающийся только поэзией» // Некрасов Н. А. Стихотворения. Поэмы. М., 2000. С. 5–28.
6. *Макеев М.* Поэзия и правда // Некрасов Н. А. Поэзия. М., 2000. С. 5–11.
7. *Макеев М. С.* Проблема ангажированности и свободы поэзии. Маяковский и Некрасов // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000. С. 71–75.
Сопоставительный анализ творчества поэтов.
8. *Смирнов С. В.* Поиски потаенного смысла в произведениях Некрасова: (Штрихи к истории идеологической биографии поэта) // Потаенная литература. Иваново, 2000. Вып. 2. С. 33–40.
Неадекватная интерпретация стихотворений Н. А. Некрасова «В деревне», «Несжатая полоса», «Забытая деревня» в истории революционно-демократической (XIX в.) и советской критики.
9. *Степина М. Ю.* Н. А. Некрасов и Н. А. Полевой. К истории взаимоотношений // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000. С. 62–71.
10. *Строганов М. В.* [Рецензия] // Новое лит. обозрение (М.) 2000. № 42. С. 390–395.

Рец. на кн.: Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль. 1991. 222 с.; Карабиха: Историко-литературный сборник. Вып. 2; Ярославль, 1993. 355 с.; Карабиха: Историко-литературный сборник. Вып. 3. Ярославль, 1997. 368 с.

2001

1. *Алексеева О. Б.* Юбилейная тридцатая Некрасовская конференция // Рус. лит. (СПб.) 2001. № 2. С. 235–240.
2. *Арзамасцев В.* «Карабиха, родная сторона...» // Мир музея = World of museum. (М.). 2001. № 4. С. 2–12.
3. *Баталова Т. П., Федянова Г. В.* Военная лирика Н. А. Некрасова 1854–1856 годов в контексте русской журнальной поэзии // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова. Коломна, 2001. С. 115–123. Состоялась в конце января — начале февраля 2000 г. в ИРЛИ (Пушкинский Дом).
4. *Бек Т.* Не юбилейный Некрасов: Заметки на полях с любовью // Лит. газ. (М.). 2001. № 49. С. 13.
5. *Беседина Т. А.* Эпопея народной жизни: («Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 214 с.: ил. (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 24). Библиогр.: с. 202–213.
6. *Вершинина Н. Л.* Поэтика «возможного» сюжета в лирике Н. А. Некрасова и риторическая культура // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики. Материалы Международной научной конференции 3–5 сент. 2000 г. В 2-х частях. Ч. 2. Гродно, 2001. С. 41–46.
7. *Вершинина Н. Л.* Пушкинская традиция в лирике Н. А. Некрасова: Поэтика «возможного» сюжета // Михайловская пушкиниана: «У каждого времени свой Пушкин». Сб. науч. статей. М., 2001. Вып. 14. С. 60–66.
8. *Влащенко В. И.* «Жестокая дума» Некрасова: Современная интерпретация стихотворения «Родина» // Лит. в shk. (М.). 2001. № 6. С. 2–8.
9. *Грачева И. В.* Тайнопись поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Лит. в shk. (М.). 2001. № 1. С. 7–10.
10. *Дымова И. А.* «Петербургский дворник» В. И. Даля и «Извозчик» Н. А. Некрасова: (К вопросу о генезисе жанра стихотворной новеллы) // Вторые международные Измайловские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В. И. Даля, 25–27 октября 2001, Оренбург. Оренбург, 2001. С. 29–33.
11. *Журавлева А. И.* Анализ одного перепева: («Колыбельная песня» Н. А. Некрасова) // Актуальные проблемы современного литературоведения. М., 2001. Вып. 5. С. 62–64.
«Колыбельная песня» Н. А. Некрасова как перепев «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова.
12. *Кабанова А. П.* «Уведи меня в стан погибающих»: К 180-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Дельфис = Delphis. (М.). 2001. № 4. С. 19–23.

13. *Крылов А.* Кому на Руси жить хорошо? // Новая юность. (М.). 2001. № 49. С. 156–161.
О последних годах жизни Н. А. Некрасова.
14. *Курбатов В.* И снова душу обожгло // Лит. Россия. (М.) 2001. № 17. С. 7.
О современном восприятии творчества Н. А. Некрасова.
15. *Мельгунов Б. В.* О первых юбилеях русских писателей: (И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов) // Рус. лит. (СПб.). 2001. № 4. С. 148–153.
К истории литературной жизни России 2-й половины XIX в.
16. *Мостовская Н. Н.* Две «прощальных повести»: «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Последние песни» Некрасова // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова. Коломна, 2001. С. 100–106.
17. *Мельгунов Б. В.* Журналы Н. А. Некрасова как коммерческое предприятие // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова. Коломна, 2001. С. 107–114.
18. Некрасовский сборник / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Редколлегия: О. Б. Алексеева, Б. В. Мельгунов (отв. Ред.), М. Ю. Степина, СПб.: Наука, 2001. Т. XIII. 287 с.
Содержание: Содержание: *Володина Н. В.* Диалог Некрасова с Пушкиным в стихотворении «Поэт и гражданин». С. 9–10; *Вершинина Н. Л.* «Онегинские» мотивы в лирике Некрасова. С. 10–16; *Заборова Р. Б.* К изучению поэтических диалогов Некрасова. С. 17–25; *Кошелев В. А.* Литературные «похищения» в поэме Некрасова «Несчастные». С. 26–39; *Мельгунов Б. В.* К атрибуции романа «Три страны света». С. 40–49; *Громова Л. П.* Некрасов и Краевский. (К истории литературных отношений). С. 50–58; *Мельник В. И.* Типология житийных сюжетов у Некрасова. (К постановке вопроса). С. 59–65; *Ермакова З. П.* «Мать» Некрасова как романтическая поэма. С. 66–74; *Пайков Н. Н.* О некоторых новациях в современном музейном строительстве, о «литературной мемориальности» и вновь о роли Некрасова в русской культуре. (По поводу одной музейной концепции). С. 75–103; *Вершинина Н. Л.* Анекдот и идиллия в структуре беллетристической прозы Некрасова 1840-х годов. С. 104–114; *Балакин А. Ю.* К вопросу об авторстве фельетона «Выбранные места из приятельских писем». С. 109–114; *Громов В. А.* Из разысканий о Некрасове. 1. «Псовая охота»: (К датировке цензурного разрешения и выхода в свет). С. 115–118; 2. К вопросу об авторстве рецензии на альманах «Комета». С. 118–120; *Демченко А. А.* Некрасов, Чернышевский и «Обязательное соглашение» в «Современнике» середины 1850-х годов. С. 121–125; *Мельник В. И.* «Кому на Руси жить хорошо»: Проблема христианского сознания в поэме. С. 126–134; *Мостовская Н. Н.* Тургенев и вечер памяти Некрасова в Париже. С. 135–140; *Зельдович М. Г.* Некрасоведческий эпизод научных штудий академика А. И. Белецкого. С. 141–147; *Алдошина Н. Б.* И. И. Панаев — рецензент «Современника» С. 48–186; *Новиков А. Е.* Поэзия Некрасова и некоторые реалии современности. С. 187–192; *Мустафина Е. А.* Н. Готорн в «Современнике» Некрасова. С. 193–199;

- Из материалов «Современника», запрещенных цензурой. Натаниель Готорн (Nathorne): (Публ. М. Ю. Степиной). С. 200–217; Из переписки А. С. Зеленого: Публ. Б. В. Мельгунова). С. 218–227. *Сорокина Н. М.* Некрасов и живописцы двора Его Величества. С. 228–230; *Куприяновский П. В.* Странички сердечной памяти [Воспоминания о В. Е. Евгеньеве-Максимове]. С. 231–235; *Розанова Л. А.* Линия жизни. (Из писем В. Е. Евгеньева-Максимова и воспоминаний о нем). С. 236–244; *Мостовская Н. Н.* Библиография литературы о Некрасове. 1987—начало 2000. С. 245–270. Указ.: С. 272–285.
19. *Скатов Н. Н.* Сочинения: В 4 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука, 2001. 535 с.: ил.- Библиогр.: с. 534.
 20. *Степанов А. В.* «Пел он воплощение...»: (О стиле Некрасова) // Рус. яз. в шк. (М.). 2001. № 6. С. 52–56.
 21. *Татаркина С. В.* Диалог в структуре романа А. Я. Панаевой и Н. А. Некрасова «Мертвое озеро» // IV Сибирская школа молодого ученого. Томск, 2001. Т. 2. С. 348–353.
 22. *Шанский Н. М.* Гимн гуманизму: (О стихотворении Н. А. Некрасова «Пророк») // Рус. яз. в шк. (М.). 2001. № 6. С. 48–52.
Лексико-семантический анализ.

2002

1. *Баталова Т. П., Федянова Г. В.* Цикл Н. А. Некрасова «Тишина» (1857) в контексте русской журнальной поэзии // Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни. Псков, 2002. Т. 1. С. 296–303.
2. *Борисова И. М.* Графический эквивалент текста и рифма в стихотворных произведениях Н. А. Некрасова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2002. № 6. С. 24–28.
3. *Борисова И. М.* Курсив Н. А. Некрасова как средство маркирования пространственно-временных форм // Пространство и время в художественном произведении. Оренбург, 2002. С. 199–204.
4. *Борисова И. М.* Функции курсива в поэзии Н.А. Некрасова // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста. Бийск, 2002. Вып. 7, ч. 1. С. 23–31.
5. *Вершинина Н. Л.* Некрасов Н. А. // Псковский биографич. Словарь. Псков, 2002. С. 327.
6. *Вершинина Н. Л.* «Фантастическое» – «нефантастическое» в стилях русской прозы 1830–1840-х годов (Н. А. Некрасов и Э. Т. А. Гофман) // Literatur-wissenschaftliche und lingnistische Forschungsaspokte der phantastischen Literatur. Sonderdruck, 2002. S. 311–320.
7. *Вершинина Н. Л.* «Я» и «Другой» как формы выражения авторского сознания в ранних произведениях Н. А. Некрасова // Meninis tekstas: Suvokimas: Analize. Interpretacija. Nr.3. Moksliniu straipsniu rinkinys. Vilnius, 2002. S.271–277.

8. *Вигерина Л. И.* Стихотворение Н. А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...»: текст и подтекст // Пушкинские чтения. 2001. СПб., 2002. С. 11–15.
9. *Губайловский В.* Цитаты из Некрасова // Арион: Журнал поэзии. — М., 2002. — Т. 9, № 35. С. 72–74.
Заметки о поэтике Н. А. Некрасова.
10. *Данилова Н. К.* Два стихотворения Н. А. Некрасова о Н. А. Добролюбове // Пушкинские чтения. 2001. СПб., 2002. С. 14–5.
Анализ стихотворений «Я покинул кладбище унылое» и «Памяти Добролюбова».
11. *Дерябина Е. П.* Фет и Некрасов: к истории взаимоотношений // А. А. Фет и русская литература. Курск, 2002. С. 172–180.
12. *Дымова И. А.* Временная организация художественного мира стихотворных новелл Н. А. Некрасова // Пространство и время в художественном произведении. Оренбург, 2002. С. 124–129.
13. *Дымова И. А.* Пространственная организация художественного мира стихотворных новелл Н. А. Некрасова // Жанровое своеобразие русской и зарубежной литературы XVIII–XX веков. Самара, 2002. С. 116–126.
14. *Дымова И. А.* Стихотворные новеллы Н. А. Некрасова в аспекте генезиса жанра // Проблемы литературных жанров. Томск, 2002. Ч. 1. С. 158–161.
15. *Дымова И. А.* Сюжеты стихотворных новелл Н. А. Некрасова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2002. № 6. С. 29–34.
16. *Золотцев С.* Миг и вечность любви: (Судьба стихотворения Н. А. Некрасова «Тройка») // Подъем. Воронеж, 2002. № 3. С. 198–212.
17. *Илюшин А.* Граф Олизар. Некрасов. Огарев: Из истории славянской поэтической эротики // Комментарии. М.; СПб., 2002. № 23. С. 248–265.
Разыскание о стихотворениях из архива К. И. Чуковского «Я поляк, и русской деве» (приписывается Г. Олизару) и «Казнь Эраты» (предполагаемый автор — Н. А. Некрасов), а также о стихотворении Н. П. Огарева «Русские друзья».
18. *Карабиха: Ист.-лит. сб. / Сост. Мельгунов Б. В.; Редкол.: Данилова М. Д. и др. — Ярославль: Изд-во Александра Рутмана, 2002. Вып. 4. 342 с.*
Содержание: *Розанова Л. А.* Братство, единение людей в изображении Н. А. Некрасова. С. 5–34. *Кошелев В. А.* «Малые формы» в поэтике Н. А. Некрасова. С. 35–45. *Краснов Г. В.* Лирическая поэма в творчестве Н. А. Некрасова («Мать»). С. 46–51. *Алдошина Н. Б.* А. В. Дружинин в «Современнике» Н. А. Некрасова: По новым материалам. С. 52–82. *Громов В. А.* К разрыву Н. А. Некрасова с И. С. Тургеневым: Poleмическая направленность объявления «Об издании «Современника» в 1862 году» С. 83–90. *Мельгунов Б. В.* Был ли Некрасов в Карабихе летом 1868 года. С. 91–96. *Ильин Л. А.* К поэтическим откликам на смерть Н. А. Некрасова: Стихотворный цикл С. Д. Дрожжина, посвященный кончине поэта. С. 97–113. *Замаренова О. А.* Первая историческая картина из жизни русского писателя: Об истории создания и бытования картины Н. Н. Ге «Александр Сергеевич Пушкин в селе Михайловском» из Некрасовского собрания. С. 117–132. *Пономарева И. А.*

- Каталог мемориальных предметов Н. А. Некрасова в собрании музея «Карабиха». С. 133–142. *Зуева Л. Б.* Литературные сборники 1843–1925 гг., включающие произведения Н. А. Некрасова, в собрании музея «Карабиха». С. 143–162. *Великанова С. И.* Материалы по изучению бытовой обстановки 1860–1870-х гг. в России: Публ. и вступ. ст. Е. А. Кокориной и И. А. Пономаревой. С. 163–182. Каталог книг и периодики гражданской печати собрания библиотеки музея-заповедника Н. А. Некрасова «Карабиха»: Сост.: Е. А. Маленкина, В. А. Михайлова, В. С. Станюлис, А. В. Тюмин; под ред. А. А. Севастьяновой и Т. И. Гулиной. С. 183–224. *Яковлев В. И.* Описи дворянских имений Ярославской губернии первой четверти XIX века: К проблеме поиска источников по музеефикации Грешнева. С. 225–245. *Кокорина Е. А.* Формирование имения и строительство усадьбы Карабиха в XVIII — начале XX вв. С. 246–254. *Сорокина Н. М.* Отношения владельцев усадьбы Карабиха с причтом церкви иконы Казанской Божьей матери в селе Богородском, что на Карабитовой горе, с конца XVIII по начало XX вв.: По материалам государственного архива Ярославской области и филиала в Ростове. С. 255–259. *Полознев Д. Ф.* Опись усадьбы Карабихи 1843 года. С. 260–261. *Красильников Г. В.* «Да помянут нас добрым словом»: Материалы к истории школы в селе Абакумцево. С. 262–266. *Некрасов А. Ф.* Мои воспоминания о Н. А. Некрасове и его близких: Публ. Б. В. Мельгунова. С. 267–274. *Кокорнова О. М.* Жизнь усадьбы Карабиха в конце XIX — начале XX века: Письма родных к Константину Федоровичу Некрасову. С. 275–302. *Ермолин Е. А.* Единственные собеседники: О своеобразии поздней лирики Юлии Жадовской. С. 303–309. *Некрасов В. Ф.* Третий Некрасов [О Н. К. Некрасове — внучатом племяннике Н. А. Некрасова]. С. 310–316. *Бегунов Ю. К.* Историческая повесть А. Я. Артынова «Сказание Смутного времени о граде Ростове, митрополите Филарете и княжне Марии Ивановне Лобановой». С. 319–340.
19. *Кашина Н. К.* «Благодарный» Некрасов В. Розанова // Н. А. Некрасов: современное прочтение. Кострома, 2002. С. 117–124.
О статьях В. В. Розанова, посвященных творчеству Н. А. Некрасова.
20. *Красильников Г. В.* Две библиотеки в жизни Н. А. Некрасова: (Материалы к биографии поэта) // Усадебные библиотеки — история и современность. Ярославль, 2002. С. 28–31.
21. *Краснов Г. В.* Поэт и гражданин: (Некрасов и Пушкин) // Н. А. Некрасов в кругу современников. Коломна, 2002. С. 86–93.
Влияние А. С. Пушкина на творчество Н. А. Некрасова. Анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин».
22. *Краснов Г. В.* Н. А. Некрасов в кругу современников / Колом. гос. пед. ин-т. — Коломна, 2002. 215 с.
23. *Лобарева В. С.* Полемиическая направленность стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин» // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста. Бийск, 2002. Вып. 7, ч. 1. С. 132–135.
Полемика с пушкинской традицией в стихотворении Н. А. Некрасова.

24. *Люизье А.* О водевиле «Вот что значит влюбиться в актрису!», или Некрасов — литературный ремесленник // Рус. лит. (СПб.). 2002. № 4. С. 167–172.
Водевиль Н. А. Некрасова как переделка комедии французских драматургов Н. Фурнье и А. Арну «Тиридат, или комедия и трагедия».
25. *Машевский А.* «Мерещится мне всюду драма...»: О современном прочтении Некрасова // Нева. (СПб.). 2002. № 6. С. 193–209.
26. *Мельгунов Б. В.* Рисунки на рукописях Некрасова // Время и текст. СПб., 2002. С. 214–219.
27. *Мишина Г. В.* О трех типах диалога в поэзии Н. Некрасова // Жанровое своеобразие русской и зарубежной литературы XVIII–XX веков. Самара, 2002. С. 126–133.
28. *Мишина Г. В.* «Чудо» в поэзии Николая Некрасова // Учен. зап. Стерлитамак. гос. пед. ин-та и Стерлитамак. фил. Акад. наук Респ. Башкортостан. Стерлитамак, 2002. Вып. 1. С. 158–162.
29. *Морозов Н. Г., Пайков Н. Н., Степина М. Ю.* К 180-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Рус. лит. (СПб.). 2002. № 4. С. 222–229.
Обзор юбилейных конференций, посвященных Н. А. Некрасову (Кострома, 5–6 декабря 2001 г.; Ярославль, 8–9 декабря 2001 г.; Санкт-Петербург, 28–29 января 2002 г.).
30. *Мостовская Н. Н.* Некрасов и П. В. Анненков: Проблема личных и творческих взаимоотношений // Рус. лит. (СПб.). 2002. № 4. С. 142–148.
31. Н. А. Некрасов: современное прочтение: К 180-летию со дня рождения рус. нац. поэта: Материалы межвуз. науч. конф., Кострома, 5–6 дек. 2001 г. / Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова и др.; Редкол.: Лебедев Ю. В. (отв. ред.) и др. — Кострома, 2002. — 218 с.
Содержание: *Мостовская Н. Н.* Некрасов в восприятии П. В. Анненкова. С. 82–88.
Шмелева Ю. В. Легенды и притчи Н. А. Некрасова и Н. С. Лескова. С. 88–97.;
Морозов Н. Г. Некрасовские мотивы в прозе И. А. Бунина. С. 97–105. *Коптелова Н. Г. Д.* Мережковский о Н. Некрасове. С. 105–117.
32. *Наумова Н. А.* Почему некрасовский «Современник» не опубликовал роман Достоевского «Село Степанчиково» // Историко-литературный сборник. Тверь, 2002. Вып. 2. С. 95–101.
33. *Николаева С. Ю.* Концепция «бражничества» в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 2002. Ч. 8. С. 42–48.
Взаимосвязь темы бражничества и темы народного счастья в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в контексте переосмысления Н. А. Некрасовым древнерусской «Повести о бражнике».
34. *Раменский О. Е.* Властитель дум: К 180-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Res philologica. Архангельск, 2002. Вып. 3. С. 152–156.
35. *Семенцова Т. А. Б. Н.* Алмазов как поэт-юморист. Традиции лирики Н. А. Некрасова // Культура. Филология. Методика. Смоленск, 2002. Вып. 2. С. 71–77.

36. *Стадников Г. В.* О стихотворении «Душно! Без счастья и воли...» в свете проблемы «Некрасов и Гейне» // Рус. лит. (СПб.). 2002. № 3. С. 113–119.
Стихотворение Н. А. Некрасова в свете поэтики сборника стихотворений Г. Гейне «Романсеро».
37. *Строганов М. В.* Из предыстории «Кому на Руси жить хорошо» // Историко-литературный сборник. Тверь, 2002. Вып. 3. С. 102–106.
Трагедия Н. А. Некрасова «Забракованные» как источник для главы «Пир» в поэме «Кому на Руси жить хорошо».
38. *Чепкасов А. В.* Миф и символ в критическом дискурсе Д. С. Мережковского: («Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев») // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе XX века. Томск, 2002. С. 33–43.
39. *Чилингарян Е. К.* К вопросу о прототипах образов поэта и гражданина Н. Некрасова // Лрабер асаракакан гидутюннери – Вестн. обществ. наук. Ереван, 2002. № 1. С. 165–174. — Примеч.: Рез. арм.
Прототипы образов стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и Гражданин».

2003

1. *Азбукина А. В.* Символика образа соловья в поэзии 2-й половины XIX века: («Некрасовская школа» и романтическое направление) // Русская и сопоставительная филология: Сист.-функцион. аспект. Казань, 2003. С. 200–204.
2. *Бахор Т. А.* Л. А. Мей и Н. А. Некрасов: (О типологических связях в версификации) // Художественный текст и языковая личность. Томск, 2003. С. 170–174.
О языке и стиле произведений поэтов.
3. *Вершинина Н. Л.* Лирика Некрасова // Русская классика: Пособие для учащихся старших классов и поступающих в вузы. Псков, 2003. С. 131–141.
4. *Вершинина Н. Л.* Николай Алексеевич Некрасов // Псковский край в литературе. Псков, 2003. С. 311–318.
5. *Вершинина Н. Л.* Особенности выражения национального самосознания в поэзии П. Ф. Якубовича и некрасовская традиция // Некрасов и поиски национального самосознания. Ярославль, 2003. С. 26–29.
6. *Влащенко В. И.* Проблема любви-ненависти в лирике Н. А. Некрасова // Североведческие исследования. СПб., 2003. Вып. 1. С. 134–135.
7. *Ильин В. В.* Н. А. Некрасов в жизни и творчестве А. Т. Твардовского // Смоленские говоры — литературный язык — культура. Смоленск, 2003. С. 197–202.
8. *Калинина Т. Ж.* Тип повествователя в малых лиро-эпических формах Н. А. Некрасова // Филология. Культурология. Речевая коммуникация. Ярославль, 2003. С. 37–40.
9. *Козлов Б. М.* «Версты, дали...»: Лит.-краевед. ст. / Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2003. 186 с.: портр.
Литературная жизнь Костромы 1917–1987 гг., с. 8–136; Литераторы земли Костромской, с. 137–185.

10. *Лебедев Ю. В.* О духовно-нравственных истоках поэзии Н. А. Некрасова // Филология и школа. М., 2003. Вып. 1. С. 311–326.
11. *Мишина Г. В.* Пространственно-временная организация художественного мира поэмы Н. А. Некрасова «Тишина» // Третьи международные Измайловские чтения, посвященные 170-летию приезда в Оренбург А. С. Пушкина, 9–10 окт. 2003 г. Оренбург, 2003. Ч. 1. С. 199–206.
12. Некрасов и поиски национального самосознания: Некрасов в контексте рус. культуры: Материалы конф. / Гос. лит.-мемориал. музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха»; Ред.: Пайков Н. Н., Яновская Е. В. Ярославль: Александр Рутман, 2003. 96 с.
Содержание: *Филипповский Г. Ю.* Пушкинские романтические традиции в творчестве Некрасова. С. 19–23. *Вершинина Н. Л.* Особенности выражения национального самосознания в поэзии П. Ф. Якубовича и некрасовская традиция. С. 26–29. *Кононова Н. В.* Некрасовские традиции в романе З. Н. Гиппиус «Чертova кукла». С. 29–30. *Люизье А.* Николай Некрасов и Александр Дюма — этапы в развитии профессионального автора в России и Франции в середине XIX века. С. 31–39.
13. *Павловская О. А.* Поэтический цикл Н. А. Некрасова «Ночлеги» в контексте поздних творческих исканий // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: Филология. Иваново, 2003. Вып. 1. С. 80–86.
14. *Пайков Н. Н.* Структура лирического сознания в эволюции замысла «Драмы для чтения» Н. А. Некрасова «Медвежья охота» // Филология. Культурология. Речевая коммуникация. Ярославль, 2003. С. 3–7.
О сюжете лирической комедии «Медвежья охота».
15. *Порошенков Е. П.* Природа и человек в творчестве Некрасова-поэта // Проблемы целостного анализа художественного произведения. Борисоглебск, 2003. Вып. 3. С. 3–13.
16. *Скатов Н. Н.* «Спаситель Пушкин!» (Пушкин в творческом развитии Некрасова) // Пушкин: исследования и материалы. СПб., 2003. Т. 16–17. С. 315–322.
17. *Лебедев Ю. В.* О духовно-нравственных истоках поэзии Н. А. Некрасова // Филология и школа. (М.). 2003. Вып. 1. С. 311–326.
18. *Смирнов А.* Четыре облика русской Эвтерпы // Вопр. лит. (М.). 2003. Вып. 3. С. 296–303.
Образ Музы в поэзии А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. А. Фета и А. А. Блока.
19. *Смирнов С. В.* Обращения В. В. Розанова к некрасовской идеологической биографии // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии. Кострома, 2003. С. 194–206.
20. *Стахов В. П.* Поэзия великого духа: (Читая Некрасова). СПб., 2003. 63 с.
21. *Строганов М.* [Рецензия] // Новое лит. обозрение. (М.). 2003. № 62. С. 517–518.
Рец. на кн.: *Беседина Т. А.* Эпопея народной жизни: («Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова). СПб., 2001. 214 с.

22. Сыроватко Л. А. М. Гаркави и некрасоведение // Балт. филол. курьер. Калининград, 2003. № 3. С. 193–198.
23. Тамаев П. М. Контекст и поэтика стихотворения Н. А. Некрасова «Похороны» // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: Филология. Иваново, 2003. Вып. 1. С. 86–92.
24. Тарасова М. А. Николай Алексеевич Некрасов — предприниматель // Путь в науку. — Ярославль, 2003. Вып. 8. С. 97–101.

2004

1. Алдошина Н. Б. К творческой истории стихотворения И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и А. В. Дружинина «Загадка» // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в вузе и школе. Ярославль, 2004. С. 47–58.
2. Алесковская Е. В., Глевенко Е. Ю. Книги коллекции мемориального музеяквартиры Н. А. Некрасова // Михайловская пушкиниана. М., 2004. Вып. 37. С. 69–71.
3. Белов С. В. Первый издатель Ф. М. Достоевского // Книжная культура Петербурга. СПб., 2004. С. 38–46.
Н. А. Некрасов как первый издатель Ф. М. Достоевского.
4. Вершинина Н. Л. Н. А. Некрасов о В. К. Третьяковском // В. К. Третьяковский: К 300-летию со дня рождения: Материалы Междунар. конф. 12–13 марта 2003 г. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского научного центра РАН, 2004. , 2004. С. 148–162.
5. Вершинина Н. Л. О пародийности в использовании гофмановского мотива Некрасовым-прозаиком 1840-х годов // Ирония и пародия. Самара, 2004. С. 82–97.
6. Функции гофмановского мотива «человек-автомат» в прозе Н. А. Некрасова (рассказ «Двадцать пять рублей»).
7. Дымова И. А. Метрика стихотворных новелл Н. А. Некрасова // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Оренбург, 2004. № 11. С. 62–68.
8. Дымова И. А. Фольклорная песня как источник стихотворных новелл Н. А. Некрасова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2004. № 5. С. 7–3. Библиогр. С. 13. Анализ стихотворений Н. А. Некрасова «В дороге», «Еду ли ночью по улице темной», «Похороны», «Что думает старуха, когда ей не спится».
9. Ермолин Е. А. Ф. И. Тютчев. Н. А. Некрасов. Д. С. Мережковский // «Тут целый мир, живой, разнообразный...» — Ярославль, 2004. С. 9–13.
Д. С. Мережковский о личности и творчестве Ф. И. Тютчева и Н. А. Некрасова.
10. Калинина Т. Ж. Авторские «Сказки» Н. А. Некрасова в контексте проблемы становления лиро-эпической природы его творческой индивидуальности // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в вузе и школе. Ярославль, 2004. С. 82–86. В частности, о сказках «Баба-Яга, Костяная нога» и «Царевна Ясносвета».
11. Комышкова Т. П. «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...»: (Функционирование архетипического мотива в произведениях М. Горького, И. Бунина, А. Солженицына) // Горьковские чтения. 2002. — Н. Новгород, 2004. С. 239–244.

- Функции архетипической сюжетной схемы из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» в повести М. Горького «Детство» и рассказах И. А. Бунина «Волки», А. И. Солженицына «Матренин двор».
12. *Красильников Г. В., Оторочкина А. Е.* Грешневская библиотека Некрасовых: опыт реконструкции // Русская усадьба XVIII — начала XX веков. Ярославль, 2004. С. 38–44.
 13. *Лобанова Ю. В.* Фет и Некрасов: две линии русской литературы // XVIII Фетовские чтения: Афанасий Фет и русская литература. Курск, 2004. С. 156–162.
А. А. Фет и Н. А. Некрасов как представители московской и петербургской школы в русской литературе 2-й половины XIX в.
 14. *Макеев М. С.* Мертвые души вдоль железной дороги: о «фиктивной» датировке и одном источнике замысла «Железной дороги» Н. А. Некрасова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. М., 2004. № 4. С. 24–37.
 15. *Мандель Б.* Поэма Н. А. Некрасова «Современники»: Не прочесть ли заново? // Вопр. лит. (М.). 2004. Вып. 2. С. 346–355.
 16. *Мельгунов Б. В.* Некрасов на «повороте к правде» (лето 1845 года) // Рус. лит. (СПб.). 2004. № 3. С. 134–143.
Становление Н. А. Некрасова как поэта в контексте общественно-литературной жизни России.
 17. *Никulichев Ю.* Бог, мамона и обыкновенные новые люди: От «Кто виноват?» к «Что делать?» // Вопр. лит. (М.) 2004. Вып. 2. С. 140–175.
Идеологическая платформа некрасовского «Современника» в контексте литературно-общественной ситуации 1846–1862 гг. в России.
 18. *Пайков Н. Н.* О феномене драматизации в поэтическом творчестве Н. А. Некрасова // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в вузе и школе. Ярославль, 2004. С. 62–70.
 19. *Пайков Н. Н.* Проблема авторефлексии лирического субъекта в поэзии Н. А. Некрасова // Язык и культура. Ярославль, 2004. Т. 1. С. 114–123. — Библиогр.: С. 122–123.
 20. *Пайков Н. Н.* Проблема интенциональности и художественный автоцентризм в поэзии Н. А. Некрасова // Эйхенбаумовские чтения. Воронеж, 2004. Вып. 5 (ч. 1). С. 139–145. Библиогр.: с. 145.
 21. *Слонь О. В.* О типологии элегических композиций Н. А. Некрасова // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Оренбург, 2004. № 11. С. 69–74.
 22. *Степина М. Ю.* XXXII Всероссийская Некрасовская конференция // Рус. лит. (СПб.). 2004. № 4. С. 210–213. Состоялась 26–27 января 2004 г. в Санкт-Петербурге.
 23. *Тарасова О. А.* Книги, изданные А. А. Буткевич, в фонде редких книг музея «Караби-ха» // Русская усадьба XVIII — начала XX веков. Ярославль, 2004. С. 32–38.
Произведения Н. А. Некрасова, изданные его сестрой, в фондах музея.
 24. *Татаркина С. В.* Диалог в структуре романа А. Я. Панаевой и Н. А. Некрасова «Мертвое озеро» // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Барнаул, 2004. № 4. С. 66–69.

25. *Филонов М. М.* Одиссея журнала «Отечественные записки» // Мир библиогр. (М.). 2004. № 2. С. 26–31.
26. *Шапкина Е. В.* Образ чужбины-иноземщины и родного дома в поэзии Н. А. Некрасова 1850-х годов // Культурный контекст в гуманитарном образовании. Велик. Новгород, 2004. С. 60–68.
27. *Шпилевая Г. А.* Жиль Блаз «Петербургских углов»: «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» Н. А. Некрасова и литературные традиции // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. М., 2003–2004. № 7/8. С. 75–83.
Связь незавершенного романа Н. А. Некрасова с традициями европейского плутовского романа.
28. *Шпилевая Г. А.* Жиль Блаз «петербургских углов»: (К вопросу о жанре и художественном методе романа Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова») // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Воронеж, 2004. № 1. С. 87–111.
В частности, художественные поиски Н. А. Некрасова в контексте рецепции в русской литературе 1-ой половины XIX в. традиции плутовского романа.
29. *Шпилевая Г. А.* «Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К⁰» Н. А. Некрасова: (Топосы Петербурга и Москвы в тексте о хлыщах) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петерб. Чтения. 2004. СПб., 2005. С. 107–115.
Комические акценты в характеристике петербургского и московского локуса в повести Н. А. Некрасова.
30. *Шпилевая Г. А.* Беллетристика Н. А. Некрасова в свете эйхенбаумовской концепции «массовой литературы» // Эйхенбаумовские чтения. Воронеж, 2004. Вып. 5 (ч. 1). С. 14–17.
31. *Шпилевая Г. А.* О художественных мирах Н. А. Некрасова и Ф. И. Тютчева // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы. Орел, 2004. С. 152–155.
32. *Шпилевая Г. А.* «Усадебные» тексты в романе Н. А. Некрасова «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» // Русская усадьба XVIII — начала XX веков. Ярославль, 2004. С. 3–6.
33. *Щепакова Т. Н.* Эпическая поэзия Н. А. Некрасова и жанровая живопись художников-передвижников // Художественный текст и культура: Материалы междунар. науч. конф., 2–4 окт. 2003 г. Владимир, 2004. С. 145–150.
34. Аврора. — СПб., 2004. — 144 с. В 5-й номер журнала вошли «стихобиографические повести» Э. Шевелева, посвященные М. Ю. Лермонтову, Н. А. Некрасову, И. С. Никитину, М. Горькому.

2005

1. *Борисова И. М.* Графический облик поэзии: «Лесенка», курсив, графический эквивалент текста: (На материале поэзии Н. А. Некрасова, его предшественников

и современников): Автореф. дис. канд. наук; Филологические науки: 10.01.08 / Самар. гос. ун-т. Самара, 2003. 20 с.

2. *Борисова И. М.* К вопросу о специфике функционирования курсива в стихотворной речи: (На материале поэзии Н. А. Некрасова) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2005. № 11. С. 32–38.
3. *Борисова И. М.* Курсив и «чужое слово» в стихотворных произведениях Н. А. Некрасова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2005. № 2. С. 80–83. — Библиогр.: с. 83.
Курсив как способ маркирования различных видов «чужого слова» (цитат, аллюзий, реминисценций и др.) в поэзии Н. А. Некрасова.
4. *Вершинина Н. Л.* Н. А. Некрасов // История русской литературы XIX века: В 3-х ч. М., 2005. Ч. 3 (1870–1890-е гг.). С. 95–119.
5. *Вершинина Н. Л.* Александр Яхонтов и некрасовское сатирическое направление в поэзии 1840–1850-х годов // *Satyra w literaturach wschodnioslowianskich VI*, pod redakcja Wandy Sypu. Bialystok, 2005. S. 69–77.
6. *Голуб В. Я.* Филологический анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Зеленый шум» // Русский язык в синхронном и диахроническом аспекте. Борисоглебск, 2005. С. 42–53.
7. *Дымова И. А.* Система персонажей в структуре стихотворных новелл Н. А. Некрасова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2005. № 2. С. 71–79.
8. *Жукова И. М.* Лирический цикл в творчестве Н. А. Некрасова и Ф. И. Тютчева: К проблеме содержательности композиции стихотворного произведения // Актуальные проблемы анализа художественного произведения. Курган, 2005. С. 25–28.
9. *Карташева Н. А.* «Романизация» лирического сюжета в поэзии Н. А. Некрасова середины XIX века // Аспирант. вестн. ОГПУ. Оренбург, 2005. № 3. С. 138–149.
10. *Климова М. Н.* Между Власом и Кудеяром, или Еще раз о финале поэмы А. А. Блока «Двенадцать» // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе. Томск, 2005. С. 96–103. Библиогр.: с. 103.
Проблема интерпретации образа Христа в поэме в свете рецепции А. А. Блоком очерка Ф. М. Достоевского «Влас» и легенды Н. А. Некрасова «О двух великих грешниках».
11. *Котикова П. Б.* Ф. А. Кони и Н. А. Некрасов в «Пантеоне» и «Литературной газете» (1840-е гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. М., 2005. № 3. С. 145–158.
Публикации Н. А. Некрасова в изданиях Ф. А. Кони «Пантеон русского и всех европейских театров» и «Литературная газета» (фельетоны, рассказы, водевили).
12. *Михайлова М. А.* Источники для изучения истории усадьбы «Карабиха» второй половины XIX— начала XX века // Путь в науку. Ярославль, 2005. Вып. 10. С. 170–174.
13. *Мишина Г. В.* Образ храма в поэзии Н. А. Некрасова // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. М., 2005. Вып. 33. С. 185–188.

14. *Пайков Н. Н.* Проблема психологизма в лирике Н. А. Некрасова // *Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова*. Кострома, 2005. № 8. С. 54–59.
15. *Пименов Е. А., Пименова М. В.* Мифологема «судьбы» и способы ее объективации в произведениях Н. А. Некрасова // *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов*. Волгоград, 2005. С. 220–225.
16. *Серман И.* Поэзия любви и злобы // *Vittorio: Междунар. науч. сб., посвящ. 75-летию Витторио Страды*. М., 2005. С. 495–504.
17. *Скатов Н.* Почему мы не любим Некрасова? // *Лит. газ. (М.)*, 2005. № 6. С. 13.
О новом прочтении произведений поэта.
18. *Смирнов В. Б.* Идея «национального сознания» в некрасовских «Отечественных записках» середины 1870-х годов // *Зарубежная и российская журналистика*. Волгоград, 2005. С. 124–135.
19. *Тангалычев К.* Записки охотника // *Дон. Ростов н/Д.*, 2005. № 1. С. 191–196.
О творчестве и личности Н. А. Некрасова.
20. *Таран И. С.* Цикл Н. А. Некрасова «Последние элегии» и две концепции итоговости авторского творчества // *Молодежь III тысячелетия*. Омск, 2005. С. 186–188.
21. *Федякин С. Р.* [Рецензия] // *У книж. полки*. М., 2005. № 2. С. 78–79.
Рец. на кн.: *Скатов Н.* Некрасов. М., 2004.
22. *Шибанов В. Л.* О современных поэтических переводах Н. А. Некрасова и С. А. Есенина на удмуртский язык // *Гуманитарные исследования: теория и реальность*. — Саранск, 2005. С. 194–202.
23. *Шпилевая Г. А.* Динамика развития прозы Н. А. Некрасова: Учеб. пособие / Воронеж. гос. пед. ун-т. Воронеж, 2005. 67 с. — Библиогр.: с. 66.

2006

1. *Ахмедов М.* Остаётся бессмертие: Размышления с Николаем Алексеевичем Некрасовым // *Лит. Россия*. М., 2006. № 35. С. 6.
2. *Белов С. В.* Память сердца: [Из истории взаимоотношений Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова] // *Книга в пространстве культуры*. М., 2006. Вып. 1(2). С. 119–121.
3. *Бержайте Д.* О традициях русской любовной лирики XIX века (Н. Некрасов и Ф. Тютчев) // *Literatūra = Литература*. Vilnius, 2006. № 48(2). С. 22–35.
4. *Габдуллина В. И.* «Некрасов — явление историческое»: Исследование личности и творчества поэта в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // *Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та*. Сер.: Гуманит. науки. Барнаул, 2006. № 6. С. 98–104.
5. *Головин В. В.* Н. А. Некрасов: три опыта в одном жанре // *Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств*. СПб., 2006. № 1. С. 80–85.
Жанровая традиция колыбельной в поэзии Н. А. Некрасова: «Подражание Лермонтову» (пародия «Казачьей колыбельной» М. Ю. Лермонтова), «Песня Еремашке» и стихотворение «Баюшки-баю».
6. *Данилевский Р. Ю.* «Между искусством, коммерцией и революцией»: (Монография о Н. А. Некрасове) // *Рус. лит. (СПб.)*. 2006. № 3. С. 255–257.

Рец. на кн.: *Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution.* — Zürich, 2005.

7. *Дымова И. А.* К проблеме жанровой дифференциации стихосложения Некрасова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2006. № 11. С. 26–30.
8. Карабиха: Ист.-лит. сб.- Ярославль: Рутман, 2006. — 318 с. Вып. 5. Ред. кол.: Б. В. Мельгунов, Н. Н. Пайков, Е. В. Яновская.
Содержание: *Розанова Л. А.* Русский интеллигент в изображении Н. А. Некрасова. С. 5–30. *Кошелев В. А.* Тип русского школьника в художественном сознании Некрасова. С. 31–48. *Люизье А.* Некрасов и деньги. С. 48–57. *Мостовская Н. Н.* Поэт и совесть. С. 57–66. *Штилевая Г. А.* О сюжетной модели «соблазнения» в ранних прозаических произведениях Н. А. Некрасова: («Повесть о бедном Климе». «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»). С. 66–73. *Калинина Т. Ж.* «Малая» поэма Н. А. Некрасова «На Волге (Детство Валежникова)» и процессы трансформации романтической лиро-эпической формы. С. 73–79. *Филипповский Г. Ю.* Концепт ночи в поэтических текстах Некрасова: («Кому на Руси жить хорошо»). С. 80–98. *Алексеев П. П.* Некрасовский поэтический эпос в аспекте византийской культурной традиции. С. 98–112. *Краснов Г. В.* Мир Тютчева в поэзии Некрасова. С. 115–119. *Пайков Н. Н.* Чтение Некрасовым Толстого и письма его к писателю как акт духовного самосознания поэта. С. 120–129. *Баталова Т. П., Федянова Г. В.* Библейские истоки 151-го стиха в поэме Некрасова «Тишина». С. 130–135. *Ерофеев Ю. Н.* О поездке «тонкого человека» во Мстеру: Дорожные наблюдения. С. 136–140. *Смирнова Л. Л.* Некрасов и Писемский. «Странные сближения» [Сюжетные переключки в творчестве писателей (поэма Н. А. Некрасова «Саша» и роман А. Ф. Писемского «Богатый жених»; «Медвежья охота» Некрасова и «Люди сороковых годов» Писемского)]. С. 140–149. *Деревягина Е. В.* «Литературный омут» Н. В. Успенского: Герои и прототипы. С. 149–156. *Мельгунов Б. В.* Некрасов в творческой судьбе Трефолева. С. 157–166. *Дубровская Е. Ю.* Поэты из народа: Российские военнослужащие в Финляндии в годы первой мировой войны. [Темы и образы творчества Некрасова]. С. 166–181. Два письма к Некрасову от ярославских «друзей-приятелей»: (Публикация *Б. В. Мельгунова*). [Публикация писем И. Г. Григорьева (1872) и Е. И. Седова]. С. 185–186. Письма Селины Потше-Лэфрен к Николаю Некрасову: (Публикация и комментарии *М. Ю. Степиной*). С. 187–195. *Филатов Ф. Н.* Ружья Некрасова. С. 196–208. Эскилибрисы частных лиц в собрании фонда редкой книги музея Н. А. Некрасова «Карабиха»: Каталог (Публ. *О. А. Тарасовой*). С. 209–225. Письма из Карабихи: А. Ф. Тарасов — С. И. Великановой: (Публ. *Н. М. Сорокиной*). С. 225–254. *Некрасов В. Ф.* О современной мифологии вокруг Некрасова и о переезде некрасовской коллекции из Москвы в Карабиху. С. 254–263. *Краснов Г. В.* Ярославский маршрут творческой истории романа Л. Н. Толстого «Война и мир». С. 267–270. *Марасанова В. М.* Иван Семенович Унковский — ярославский губернатор в 1861–1877 годах. С. 271–278. *Яновская Е. В.* Деятельность К. Ф. Некрасова в 1-й Государственной думе России:

- По письмам. С. 278–293. *Рязанцев Н. П.* Русская дворянская усадьба в первые годы революции. С. 293–305. *Салова Ю. Г.* Экскурсионно-краеведческая работа в ярославских школах в первой трети XX века. С. 306–315.
9. *Красильников Г. В.* Ярославское литературное окружение Н. А. Некрасова: Автореф. дис. ... канд. наук; Филологические науки: 10.01.01 / Иван. Гос. ун-т. Иваново, 2006. 18 с.
 10. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука, 2006. Т. 1. 580 с.
 11. *Макеев М. С.* Поэт и покровитель: из истории издания сборника Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. М., 2006. № 5. С. 102–115.
Визит Н. А. Некрасова к В. А. Жуковскому в начале 1840 г. и его роль в истории издания сборника.
 12. *Мишина Г. В.* Две молитвы в поэтическом мире Н. А. Некрасова // Тр. Стерлитамак. фил. Акад. наук респ. Башкортостан. Сер.: Филологич. науки. Уфа, 2006. Вып. 3. С. 78–81.
Анализ стихотворений Н. А. Некрасова «Молебен» и «Час молитвы».
 13. Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: Материалы конф. / Гос. лит.-мемор. музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха»; Ред.-сост.: Яновская Е. В. Ярославль: Рутман, 2006. 105 с.
Содержание: *Мельгунов Б. В.* Журнальный контекст водевиля Н. А. Некрасова и Ф. А. Кони «Утро в редакции». С. 3–10. *Смирнов С. В.* Чеховские обращения к имени и творчеству Некрасова. С. 20–26. *Баталова Т. П.* Н. А. Некрасов и А. Н. Майков: поэтический диалог. С. 39–40. *Глушаков П. С.* «Это написано для наших дней!»: Некрасов и литература русского зарубежья [Публикации в рижских газетах «Слово» и «Сегодня», посвященные 50-летию со дня смерти Н. А. Некрасова (1928 г.).] С. 98–104.
 14. *Пайков Н. Н.* «Человек жизненной рутины» в поэзии Н. А. Некрасова. Статья первая. Этика жизнестроительства // Рус. лит. (СПб.). 2006. № 4. С. 15–30.
 15. *Пильд Л.* Некрасовские мотивы в поэме Случевского «Поп Елисей» // Собрание сочинений: К шестидесятилетию Л. И. Соболева. М., 2006. С. 456–468.
 16. *Пудова А. А.* Эволюция образа поэта в лирике Н. А. Некрасова // Утренняя заря: Молодеж. литературовед. альм. М., 2006. С. 75–81.
 17. *Рамазанова Г. Г.* Поэтические реминисценции в поэме А. Майкова «Машенька» // Русское литературоведение на современном этапе. М., 2006. Т. 1. С. 149–153.
Ироническое переосмысление топики романтизма в поэме А. Н. Майкова «Машенька» в свете аллюзий на «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина и стихотворений Н. А. Некрасова.
 18. *Розанова Л. А.* Тема и образ «честного сердца» в структуре произведений Н. А. Некрасова // Проблемы школьного и вузовского анализа литературного произведения в жанрово-родовом аспекте. Иваново, 2006. С. 38–58. Библиогр.: с. 57–58.

19. Румянцева В. Н. Маска в стихотворных фельетонах середины XIX века: (На примере произведений Н. А. Некрасова, В. С. Курочкина, Д. Д. Минаева) // *Художественный текст: варианты интерпретации*. Бийск, 2006. Ч. 2. С. 156–162.
20. Слонь О. В. Жанр сценки в ролевой лирике Н. А. Некрасова и его композиционные особенности // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. Оренбург, 2006. № 11. С. 51–56.
21. Слонь О. В. «Колизей» Н. А. Некрасова в контексте традиции романтического отрывка // *Художественный текст: варианты интерпретации*. Бийск, 2006. Ч. 2. С. 203–207. Анализ поэтики стихотворения Н. А. Некрасова в сопоставлении с «Отрывками» Е. А. Баратынского и «Отрывком» М. Ю. Лермонтова.
22. Смирнов А. А. Жанровая романтическая традиция в лирике Н. А. Некрасова начала 1860-х годов // *Филол. науки*. М., 2006. № 2. С. 30–35.
23. Сухих И. Н. Художественный мир Некрасова: Спор об искусстве: поэт как гражданин // *Мир рус. слова*. СПб., 2006. № 3. С. 56–64.
24. Троицкий Н. А. Классики русской литературы и революционное народничество 1870-х годов: (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин) // *Освободительное движение в России*. Саратов, 2006. Вып. 21. С. 118–125.
25. Шпилевая Г. А. «Вертеровский» след в романе Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1841–1848) // *Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова*. Кострома, 2006. Т. 12. № 7. С. 69–70.
26. Шпилевая Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 271 с.
27. Шпилевая Г. А. Н. Некрасов и В. Высоцкий: «о несходстве сходного» // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки*. Воронеж, 2006. № 1. С. 271–281. Сравнительный анализ творчества.
28. Шпилевая Г. А. О жанровых особенностях фельетонов Н. А. Некрасова // *Художественный текст и культура*. Владимир, 2006. С. 55–61.
29. Шпилевая Г. А. «Провинциальные», «московские» и «петербургские» тексты романа Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843–1848 гг.) // *Печать и слово Санкт-Петербурга: Петерб. чтения 2005*. СПб., 2006. С. 129–134.
30. Шпилевая Г. А. Образ петербургской книжной лавки в «массовом» романе Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света» // *Печать и слово Санкт-Петербурга: Петерб. чтения 2005*. СПб., 2006. С. 135–140.
31. Zink A. [Recensio] // *Ztschr. für Slawistik*. В., 2006. Bd 51, H. 4. S. 488–490. Rec. ad op.: Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. — Zürich, 2005.

2007

1. Алдонина Н. Б. А. А. Григорьев в «Современнике» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева // *Российская словесность: эстетика, теория, история*. СПб.; Самара, 2007. С. 142–152.

- История публикации в «Современнике» стихотворения А. А. Григорьева «Прощание» (1854) из цикла «Борьба», посвященного Л. Я. Визард.
2. *Алиференко Е. И.* Фольклорный аспект изучения поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Глава «Крестьянка» (к методике научного поиска) // Альм. Соверм. Науки и образования. Тамбов, 2007. № 3, ч. 1. С. 11–15.
 3. *Глевенко Е. Ю.* К вопросу об истории библиотеки Н. А. Некрасова // Пушкин. музей. СПб., 2007. Вып. 4/5. С. 136–138.
 4. *Грачева И. В.* Художественное своеобразие поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины» // Лит. в шк. (М.). 2007. № 6. С. 20–23.
 5. *Грушевская К. И.* Любовная лирика Н. А. Некрасова в историко-функциональном освещении // Poetica: Инновац. Идеи молодых ученых-филологов. Ставрополь, 2007. С. 244–247.
Особенности восприятия любовной лирики Н. А. Некрасова читателями разных поколений.
 6. *Гудонене В.* «Назови мне такую обитель...» Н. А. Некрасова в контексте компаративистики // Русистика и компаративистика. М., 2007. Вып. 2. С. 56–64.
Тема народного стона в тексте Н. А. Некрасова и ее переосмысление в литературной и фольклорной русской и литовской традиции.
 7. *Журавлева А. И.* Островский и Некрасов: художественная продуктивность органической народности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. М., 2008. № 3. С. 46–53.
 8. *Ильина Л. Ю.* Образ славянки / русской женщины в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Славянский мир: общность и многообразие. Коломна, 2007. Ч. I. С. 79–82.
 9. *Камалова Л. А.* Традиции русского фольклора в лирике Н. А. Некрасова // Татьяна день. Казань, 2007. Вып. 4. С. 49–56.
 10. *Карташева Н. А.* К вопросу о специфике циклизации в лирике Н. А. Некрасова 1850–1870-х гг. // Аспирант. вестн. ОГПУ. Оренбург, 2007. № 7. С. 69–73.
 11. *Карташева Н. А.* Прозаизация жанра элегии в лирике Н. А. Некрасова 1840–1850-х гг // Аспирант. вестн. ОГПУ. Оренбург, 2007. № 6. С. 53–58.
 12. *Клименко О. В.* Диалог как средство создания иронического подтекста в лирике Н. А. Некрасова // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества. Оренбург, 2007. Т. 2. С. 181–188.
 13. *Климова М. Н.* Между Кудеяром и Власом: К вопросу о финале поэмы А. А. Блока «Двенадцать» // Сиб. филол. журн. Барнаул и др., 2007. № 2. С. 50–55.
Интерпретация образа Христа в поэме А. А. Блока «Двенадцать» в свете «Легенды о двух великих грешниках» Н. А. Некрасова и очерка «Влас» Ф. М. Достоевского.
 14. *Кшинодзер М.* Творчество Александра Блока в контексте некрасовских традиций (на материале анализа стихотворения «Ангел-хранитель» // Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе. М.; Магнитогорск, 2007. С. 143–146.

15. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Отв. ред.: Б. В. Мельгунов. Сост.: А. М. Березкин, Н. Н. Мостовская. СПб.: Наука, 2007. Т. 2. 555 с.
16. *Макеев М. С.* О «странности» и «искренности» стихотворения Н. А. Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...»: «Экономический» подтекст лирического произведения // Вест. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. (М.). 2007. № 6. С. 9–21.
Эпизод с арендой в 1846 г. «Современника» и отстранением В. Г. Белинского от участия в доходах журнала как реальная предыстория стихотворения Н. А. Некрасова, являющегося подражанием стихотворению А. В. Кольцова «Расчет с жизнью».
17. *Мельгунов Б. В.* XXXIII Всероссийская Некрасовская конференция // Рус. лит. (СПб). 2007. № 1. С. 286–292. Состоялась 30–31 января 2006 г. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова).
18. *Мельник В. И.* Божий Промысел в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Филол. Зап. Воронеж, 2007. Вып. 26. С. 34–47.
19. *Мехтиев В. Г.* Стиль Н. А. Некрасова: Поэзия и духовность // Духовные начала русского искусства и образования. Вел. Новгород, 2007. С. 191–196.
20. *Мишина Г. В.* Тема праведничества в творчестве Н. А. Некрасова // Проблемы диалогизма словесного искусства. Стерлитамак, 2007. С. 180–182.
21. *Монин Я.* Великий гражданин: (К 185-й годовщине со дня рождения Н. А. Некрасова) // Рус. слово. (СПб.). 2007. № 7. С. 217–253.
22. *Нечай А. И., Будко А. А., Иванова Л. Д.* Болезнь и лечение Николая Алексеевича Некрасова // Пушкин. музей. СПб., 2007. Вып. 4/5. С. 34–47.
23. *Ословская Н. П. И. И. Срезневский и Н. А. Некрасов: По письмам Некрасова к Срезневскому* // И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре. Рязань, 2007. С. 132–139. В тексте статьи публикуются 5 писем Н. А. Некрасова 1848–1850 гг. к И. И. Срезневскому как цензору журнала «Современник».
24. *Пайков Н. Н.* Восьмая межрегиональная научная конференция «Н. А. Некрасов в контексте русской культуры» // Рус. лит. (СПб.). 2007. № 2. С. 226–232. Состоялась 29–30 июня 2006 г. в мемориальной усадьбе Н. А. Некрасова «Карабиха».
25. *Пайков Н. Н.* Поэтическая топика в лирике Н. А. Некрасова // Эйхенбаумовские чтения. Воронеж, 2007. Вып. 6. С. 48–54. Миф о поэте-творце в поэзии Н. А. Некрасова.
26. *Пайков Н. Н.* «Человек жизненной рутины» в поэзии Н. А. Некрасова. Статья вторая. Поэтика и творческая рефлексия. Аспекты духовного мировидения // Рус. лит. (СПб.). 2007. № 1. С. 47–72.
27. *Полежаева Т.* Карабиха: вчера, сегодня, завтра // Юность. (М.), 2007. № 6. С. 9–21. О доме-музее Н. А. Некрасова.

28. Полякова Г. В. Цикл Н. А. Некрасова «Стихотворения, посвященные русским детям»: Духовные и фольклорно-мифологические мотивы // *Res philological*. Архангельск, 2007. Вып. 6. С. 28–38.
29. Попов Д. Ходасевич, Блок и Некрасов // *Рус. филология*. Тарту, 2007. № 18. С. 103–106. Сочетание реминисценций из поэзии Н. А. Некрасова и А. А. Блока в лирике В. Ф. Ходасевича.
30. Северикова Н. М. Устарел ли Некрасов?: К 185-летию со дня рождения национального поэта // *Соврем. гуманитар. исслед.* М., 2007. № 2. С. 115–119.
31. Слонь О. В. Композиция цикла «Последние элегии» Н. А. Некрасова // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. Оренбург, 2007. С. 49–52.
32. Степина М. Ю. По поводу топонимики петербургского текста Некрасова: («Еду ли ночью по улице темной...» и «Я посетил твоё кладбище...» в свете мемуарных источников) // *Петербургские чтения*. СПб., 2007. — 2006. С. 111–121.
33. Сухих И. Русская литература. XIX век: Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877) // *Звезда*. (СПб.). 2007. № 11. С. 212–230.
34. Сысоева Н. П. Феномен Н. А. Некрасова в контексте русской литературы XIX века // *Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та*. Оренбург, 2007. № 2. С. 90–101.
35. Терентьева О. Н. Бисубстантивные предложения с оценочной семантикой в произведениях Н. А. Некрасова // *Русское слово и высказывание: рациональное, экспрессивное и эмоциональное*. М., 2007. С. 55–58.
36. Тиманова О. И. Сказка Н. А. Некрасова «Баба Яга, костяная нога» в контексте жанровых традиций русской литературы // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки*. СПб., 2007. № 8(34). С. 87–101.
37. Шпилевая Г. А. Прозаические интенции в «петербургском» стихотворении Н. А. Некрасова «Утро» (1874) // *Петербургские чтения*. СПб., 2007. — 2006. С. 107–110.
38. Erdmann E. [Recensio] // *Osteuropa*. Stuttgart, 2007. Jg. 57, H. 10. S. 133–135. Rec. ad op.: Luisier A. Nikolaj Nekrasov. Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. — Zürich, 2005. 303 S.
39. Klioutchkine K. Between sacrifice and indulgence: Nikolai Nekrasov as a model for the intelligentsia // *Slavic rev*. Stanford, 2007. Vol. 66, № 1. P. 45–62. Мировоззрение и творчество Н. А. Некрасова; его роль в культурной жизни России XIX в.

2008

1. Бахрам З. Декабристская тема в поэзии Некрасова // *Голоса молодых ученых*. М., 2008. Вып. 21. С. 5–12.
2. Вдовин А. Формирование посмертной репутации Н. А. Добролюбова в 1861–1862 гг. // *Рус. филология*. Тарту, 2008. № 19. С. 61–64. Роль Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова в литературной канонизации Н. А. Добролюбова (по материалам журнальных публикаций «Современника» 1861–1862 гг.).

3. *Грязнова А. Т.* Неизвестный Некрасов: (Лингвопоэтический анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Сон») // Рус. яз. В шк. (М.). 2008. № 1. С. 51–54.
4. *Зиновьева О. А.* Концептуализация образа Италии в поэзии Н. А. Некрасова // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе: (Лингв. и лингв. метод. аспекты). М., Кострома, 2008. С. 320–322.
5. *Карташева Н. А.* К вопросу о социальности лирики Н. А. Некрасова // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья. Елабуга, 2008. Ч. 1. С. 65–71.
6. *Карташева Н. А.* «Романизация» сюжета в любовной лирике Н. А. Некрасова 1850–1860-х гг. // Интеграция науки и образования как условие повышения качества подготовки специалистов: Материалы XXIX преподават. науч.-практич. Конф., 21–22 апр. 2008 г. Оренбург, 2008. Т. 8. С. 64–74.
7. *Кладова Н. А.* Ф. М. Достоевский о Н. А. Некрасове в аспекте вопроса о будущем России // Вестн. Костром. гос. пед. ун-та им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2008. № 3, с. 160–165. Народный миф и будущее России в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского в свете отношения писателя к народнической идеологии и поэтике Н. А. Некрасова.
8. *Клепикова О. В.* Поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины»: Проблемы изучения // *Littera Terra*. Екатеринбург, 2008. Вып. 4. С. 263–267.
9. *Клименко О. В.* Ирония «прозы любви» в лирике Н. А. Некрасова // Интеграция науки и образования как условие повышения качества подготовки специалистов: Материалы XXIX преподават. науч.-практич. конф., 21–22 апр. 2008 г. Оренбург, 2008. Т. 8. С. 83–91.
10. *Макарова С. Н.* Особенности изображения кающегося грешника в лирике Н. А. Некрасова // Литература и культура в контексте христианства. Образы, символы, лики России. Ульяновск, 2008. Ч. 1. С. 73–77.
11. *Макеев М. С.* Роберт Бернс и Томас Карлейль в поэтическом самоопределении Н. А. Некрасова в середине 1850-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. (М.). 2008. № 2. С. 62–71.
12. *Матлин М. Г., Макарова С. Н.* О содержании мотива «путь» в русском традиционном сознании и творчестве Н. А. Некрасова // «Русская идея» как идея единства народов России. Ульяновск, 2008. С. 196–200.
13. *Матяш С. А., Слонь О. В.* Композиция некрасовского цикла «Три элегии» // Художественный текст: варианты интерпретации. Бийск, 2008. Ч. 1. С. 195–200.
14. *Мельник В. И.* «И голые икры блестели...» // Лит. Россия. (М.). 2008. № 34/35. С. 12–13. О поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».
15. *Мишина Г. В.* Концепт «тишина» в творчестве Н. А. Некрасова с точки зрения воплощения идеи природосообразности // Проблемы образотворчества и смыслопорождения в словесном искусстве: Сб. ст. к 80-летию проф. В. А. Зарецкого. Стерлитамак, 2008. С. 235–243.

16. Мишина Г. В. Образотворческая триада детство — природа — Храм в произведениях Н. А. Некрасова: Автореф. дис. ... канд. наук; Филологические науки: 10.01.01 / Удм. Гос. ун-т. Ижевск, 2007. 22 с.
17. Некрасов в контексте русской культуры: Материалы науч. конф. / Государственный литературно-мемориальный музей заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха»; Ярославский региональный центр некрасоведческих исследований при ЯГПУ им. К. Д. Ушинского / Ред.- сост.: Н. Н. Пайков, Е. В. Яновская. Ярославль, 2008. — 120 с. Содержание: Самарина Н. Г. Московский текст в литературе XX века: Историкографический обзор. С. 5–10; Шпилевая Г. А. Об эстетической антропологии Н. А. Некрасова. С. 10–14; Баталова Т. П., Федянова Г. В. Литературные источники 150-го стиха поэмы Н. А. Некрасова «Тишина» — «...Но не предшественница сна». С. 15–18; Филипповский Г. Ф. «Обаяние поэзии детства» в текстах Н. А. Некрасова. С. 19–21; Макеев М. С. К проблеме соотношения «личного» и «литературного» начал в цикле «Три элегии». С. 21–23; Еленова М. Ю. Н. А. Некрасов о России и русском народе в произведениях о крымской войне. С. 24–27; Писчурникова Т. А. Соредакторство Н. Некрасова и М. Салтыкова-Щедрина. С. 27–31; Вершинина Н. Л. А. Н. Яхонтов и Н. А. Некрасов в литературном процессе 1840–1850-х гг. С. 32–39; Смирнов С. В. Н. А. Некрасов и А. К. Толстой. С. 39–47; Бекедин П. В. Стихотворный отклик В. М. Гаршина на смерть Н. А. Некрасова. С. 47–52; Мотеюнайте И. В. Некрасовская цитата в лесковском «Шерамуре». С. 53–56; Красильников Г. В. Ярославское окружение Н. А. Некрасова: (Материалы к изданию). С. 57–60; Шашкова Е. В. Первые публицистические опыты И. И. Панаева. С. 60–66; Смирнов С. В. Ярославский крестьянин в письмах И. С. Аксакова к родным. С. 66–71; Смирнова Л. Л. О характере литературных публикаций на страницах «Губернских ведомостей» Верхневолжья в 1850–1880-х гг. С. 72–80; Соколова И. К. Литературные коллекции в фондах музея-заповедника Н. А. Некрасова «Карабиха». С. 80–83; Оторочкина А. Е. «Я хочу в университет поступить...»: К вопросу о восприятии проблем образования русским дворянством в первой половине XIX века. С. 85–90; Яновская Е. В. К. Ф. Некрасов — участник художественной жизни провинции. С. 90–92; Мурзо Г. В. «В муке и в радости»: Письма К. Ф. Некрасова к жене. С. 93–100; Ковалева Г. В. Русская усадьба в жизни и творчестве А. И. Эртеля. С. 101–102; Лётин В. А. Карабиха — черный сад: Название усадьбы в контексте тюркоязычных топонимов ярославщины. С. 103–108; Rogozina E. Ю. К вопросу изучения иллюстраций к произведениям Н. А. Некрасова (К. Н. Чичагов, иллюстрации к поэме Н. А. Некрасова «Современники»). С. 108–111; Данилова М. Д. «Взглянув чрез много, много лет...»: Проект. С. 111–115; Почему закрыли Петербургский клуб художников? Публикация, вступительная статья и комментарии Н. М. Сорокиной. С. 116–119.
18. Некрасовский сборник. Ред. коллегия: А. М. Берёзкин, Б. В. Мельгунов, М. Ю. Степина. СПб.: Наука, 2008. [Вып] XIV. 288 с.

- Содержание: *Березкин А. М.* Семантика компоновки: Авторские построения поэтических сборников Некрасова. С. 3–45; *Филипповский Г. Ю.* Молодой Некрасов: аспекты поэтики. I. Мифопоэтика Некрасова («В дороге»). С. 46–56. II. Мотив греховного искушения (грехопадения) в ранней поэзии Некрасова С. 566–674; *Мельник В. И.* Христианская святость и христианские подвижники в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины». С. 68–73. *Ермолаева Н. Л.* Тема судьбы в творчестве Н. А. Некрасова. С. 74–82; *Дымова И. А.* Стих новелл Н. А. Некрасова. С. 83–90; *Мельгунов Б. В.* Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. С. 91–102; *Шпилевая Г. А.* «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» Н. А. Некрасова и традиции авантюрного романа. С. 103–111; *Вершинина Н. Л.* Некрасовская традиция в поэзии А. Н. Яхонтова 1840–1850-х гг. С. 112–119; *Алдонина Н. Б.* Некрасов, Григорович, Дружинин (из истории литературных отношений 50-х гг. XIX в.). С. 120–129; *Тимашиова О. В.* А. Ф. Писемский и Н. А. Некрасов: Эпизоды творческих соприкосновений и полемики. С. 130–139; *Бекедин П. В.* Вокруг стихотворения «Блажен незлобивый поэт...». С. 140–159; *Кошелев В. А.* О стихотворении Некрасова «Зеленый Шум»: (Некрасов и Фет). С. 160–168; *Дерябина Е. П.* Некрасов в мемуарах А. А. Фета. С. 169–174; *Степина М. Ю.* Некрасов и Селина Лефрен-Потчер: Комментарии к реконструкции эпизода биографии. С. 175–204; *Мустафина Е. А.* Образ Европы в журнале «Современник» в 1847 г. С. 205–217; *Борисова И. М.* К вопросу о графическом облике поэзии Н. А. Некрасова. С. 218–226; *Деревягина Е. В.* Н. А. Некрасов и «Современник» в оценке «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. С. 227–232; *Мостовская Н. Н.* Из полемики вокруг «Воспоминаний о Беллинском» Тургенева. С. 233–238; *Смирнов С. В.* По поводу реального комментария к произведениям Н. А. Некрасова. С. 239–245; *Березкин А. М.* «Прелестная Зама» и ее «Милый»: (Литературный источник некрасовского стихотворения «Песня Замы»). С. 246–250; *Эльзон М. Д.* Заметки комментатора. С. 251–252; *Иванова Е. В.* Некрасовские мотивы в новгородской периодике конца XIX—начала XX в. С. 253–259; Из архива петербургской конторы «Современника»: (Публ. Б. В. Мельгунова). С. 260–271.
19. *Пайков Н. Н.* «Философия жизни» поэта Н. А. Некрасова // Культура. Литература. Язык. Ярославль, 2008. С. 87–93.
 20. *Русский Н. А.* С. Н. Терпигорев о Н. А. Некрасове // XII Державинские чтения. Институт русской филологии. Тамбов, 2008. С. 48–50. Образ Н. А. Некрасова в «Воспоминаниях» С. Н. Терпигорева.
 21. *Сердюкова О. И.* Романтическая образность в стихотворении Н. А. Некрасова «Стихи мои! Свидетели живые...» // Предромантизм и романтизм в мировой культуре: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию проф. И. В. Вершинина: В 2-х т. Самара, 2008. Т. 2. С. 52–58.
 22. *Смирнов В. Б.* Опыт реконструкции содержания альманаха «Зубоскал» // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 8, Литературоведение. Журналистика. Волгоград,

2008. Вып. 7. С. 58–64. Реконструкция содержания сатирического альманаха «Зубоскал», задуманного Ф. М. Достоевским и Н. А. Некрасовым (по материалам писем Достоевского 1845 г. и текстам Д. В. Григоровича).
23. *Степина М. Ю.* Мотив мучительства в воспоминаниях о Некрасове // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петерб. чтения — 2007. СПб., 2008. С. 136–145. Мотив мучительства в устном рассказе И. С. Тургенева об отношениях Н. А. Некрасова со своей возлюбленной и его литературно-бытовой контекст.
24. *Степина М. Ю.* Н. В. Савельев-Ростиславич — один из первых рецензентов Н. А. Некрасова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. Аспирант. тетр. СПб., 2008. № 38(82). С. 326–330.
25. *Степина М. Ю.* XXXIV Всероссийская Некрасовская конференция // Рус. лит. (СПб.). 2008. № 4. С. 236–239. Состоялась в Санкт-Петербурге 28–29 января 2008 г.
26. *Таран И. С.* Итоговая книга стихов Н. А. Некрасова «Последние песни»: Линии творческого генезиса // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2008. Вып. 4. С. 128–135.
27. *Шильникова О. Г.* Популяризаторская критика как структурно-функциональная часть «толстого» журнала // Изв. Рос. Гос. пед. ун-та. Общество и гуманитар. Науки. СПб., 2008. № 11(75). С. 96–103. Роль критических статей журнала Н. А. Некрасова «Отечественные записки» в популяризации современной русской и зарубежной литературы.
28. *Шпилевая Г. А.* Пушкинская и некрасовская концепции авантюрного романа // Михайловская пушкиниана. Псков; Сельцо Михайловское, 2008. Вып. 4. С. 188–192. Авантюрные мотивы в прозе А. С. Пушкина, неосуществленный замысел романа «Русский Пелам» и роман Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» в контексте взглядов писателей на приключенческую литературу.
29. *Шпилевая Г. А.* Эпос и лирика Н. А. Некрасова: Трансформация образов // Античность и христианство в литературах России и Запада. Владимир, 2008. С. 69–73.
30. *McDonald E.* Russua's Juvenal of Russia's Horace? Nekrasov's satirical personae // Rus rev. Syracuse (N. Y.) 2008. Vol. 67. № 4. P. 597–621. Сатира в поэзии Н. А. Некрасова: традиции Ювенала и Горация в его творчестве; его восприятие древнеримской поэзии.

2009

1. *Абилова Э. Х.* О роли и предназначении поэта и поэзии в лирике М. Гафури и Н. Некрасова // Молодежь. Образование. Наука. Уфа, 2009. С. 152–156.
2. *Баталова Т. П.* К творческой истории поэмы Н. А. Некрасова «Тишина» // Филологические чтения. Оренбург, 2009. С. 33–38.
3. *Баталова Т. П.* «Уличные впечатления» Н. А. Некрасова: Сюжет и время // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома, 2009. С. 97–104.

4. *Борисова И. М.* «Лесенка» и перенос (enjambement) в поэзии Н. А. Некрасова // Филологические чтения. Оренбург, 2009. С. 38–42.
5. *Бралина Г. М.* «Размышления у парадного подъезда» Н. А. Некрасова»: (Жанровый аспект анализа) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2009. № 11. С. 20–23.
6. *Добренко Е.* Раешный коммунизм: Поэтика утопического натурализма и сталинская колхозная поэма // Новое лит. обозрение. (М.). 2009. № 98. С. 133–180. Жанр колхозной поэмы в литературе сталинской эпохи: стилизация лубка и апелляции к некрасовской традиции.
7. *Захаров С. В.* Н. А. Некрасов и Л. Н. Толстой // Язык, культура, менталитет: Проблемы изучения в иностранной аудитории. СПб, 2009. С. 277–282. К истории творческих связей писателей.
8. *Карабиха: Историко-литературный сборник / Ред. Н. Н. Пайков; Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха». Ярославль, 2009. Вып. 6. 415 с.*

Содержание: *Пайков Н. Н.* Светлой памяти Бориса Владимировича Мельгунова (1939–2006). С. 3–14; *Прозоров Ю. М.* Меланхолическая традиция: Поэтический диалог Дж. Мильтона, В. А. Жуковского, Н. А. Некрасова. С. 17–24; *Смирнов С. В.* В. А. Жуковский и Н. А. Некрасов: Неповторимые повторения. С. 24–34; *Краснов Г. В.* Самоутверждение лирического героя в ранних стихах Некрасова. С. 35–38; *Шпилевая Г. А.* «Антипушкинский» сюжет Н. А. Некрасова. С. 39–46; *Елепова (Карушева) М. Ю.* Проблема взаимоотношений России и Европы в поэтических произведениях Н. А. Некрасова о Крымской войне. С. 46–57; *Филипповский Г. Ю.* Некрасов как поэт-шестидесятник. С. 57–62; *Калинина Т. Ж.* О художественном своеобразии некрасовской поэмы «Мать». С. 62–59; *Данилова М. Д.* «Нет меры хмелю русскому...»: (Опыт историко-культурного комментария к «пьяному» мотиву в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»). С. 69–83; *Мельник В. И.* И. А. Гончаров и Н. А. Некрасов: (К истории взаимоотношений в 1840-е годы). С. 83–88; *Лебедев Ю. В.* А. Н. Островский и Н. А. Некрасов: (Деловые и творческие связи). С. 89–104; *Березкин А. М.* «Бездна пространства» в поэзии Некрасова: (О семантическом потенциале некрасовского поэтического текста). С. 104–115; *Пайков Н. Н.* Поэзия Н. А. Некрасова как художественный мир. С. 116–136; *Березкин А. М.* О проекте «Некрасовской энциклопедии». С. 136–140; *Талашов Г. П.* Н. А. Некрасов и Ф. А. Кони. С. 43–154; *Шашкова Е. В.* И. И. Панаев — обозреватель и публицист журнала «Современник». С. 155–174; *Алдонина Н. Б.* А. В. Дружинин и И. И. Панаев: (К истории конфликта 1851 г.). С. 174–191; *Степина М. Ю.* Некрасов и Иван Федорович Горбунов. С. 191–199; *Бекедин П. В.* Н. А. Некрасов и В. М. Гаршин. С. 199–220; *Вершинина Н. Л.* Место Н. А. Некрасова в системе ценностей социалистического реализма (1940–1950-е годы). С. 221–230; Н. А. Некрасов в движении времени: Из переписки Д. Е. Максимова и Л. А. Розановой. (Публикация и комментарии

- Л. А. Розановой). С. 230–238; *Замаренова О. А.* Художник И. Д. Захаров — автор первого прижизненного портрета Н. А. Некрасова. С. 241–250; *Красильников Г. В.* Воспоминания грешневских крестьян господ Некрасовых о браках: Правда и вымысел. С. 250–264; Прижизненные издания нот, романсов и песен на стихи Н. А. Некрасова в собрании музея Н. А. Некрасова «Карабиха»: (Составление и комментарии И. К. Соколовой). С. 264–271; *Смирнова Е. В.* Планировка и развитие архитектурного ансамбля усадьбы Карабиха в период с 1740-х по 1820-е годы. С. 271–280; Коллекция фарфоровой посуды в собрании музея Н. А. Некрасова «Карабиха» (Составление и комментарии М. Б. Гречиной). С. 280–295; Экслибрисы библиотек в собрании редких книг музей Н. А. Некрасова «Карабиха» (Составление и комментарии О. А. Тарасовой). С. 295–312; *Самарина Н. Г.* Источниковедческие исследования в литературных музеях: (На примере «Толстовских ежегодников» Государственного музея Л. Н. Толстого). С. 312–330; *Смирнова Л. Л.* «Ярославские губернские ведомости» в 1870–1880-е годы. С. 333–343; *Мурзо Г. В.* «Простейшие элементы жизни»: (Письма К. Ф. Некрасова к С. Л. Щерба). С. 344–368; *Яновская Е. В.* К. Ф. Некрасов и провинциальная культурная среда: Коллекции, художественная жизнь. С. 369–386; *Шустрова И. Ю.* «Тяжкие доли» крестьянской семьи в пореформенной России: (По материалам волостных судов Ярославской губернии). С. 386–399; *Салова О. Г.* Пушкинский юбилей 1899 года как фактор культурных инициатив ярославской интеллигенции. С. 400–412.
9. *Карташева Н. А.* «Он проповедует любовь...»: Н. В. Гоголь в поэзии Н. А. Некрасова // «Нужно любить Россию...»: Материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя, Оренбург, 10–11 апр. 2009 г. Оренбург, 2009. С. 94–103.
 10. *Карташева Н. А.* Прозаизация жанра элегии в лирике Н. А. Некрасова 1840–1850-х гг. в контексте русской элегической традиции // Изв. Самар. Науч. центра РАН. Самара, 2009. Т. 11. № 4(3). С. 739–744.
 11. *Кладова Н. А.* Судьба Н. А. Некрасова-поэта в творческом осмыслении Ф. М. Достоевского // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2009. № 1. С. 59–64.
 12. *Кладова Н. А.* Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов: Творческий диалог. М.: Спутник+, 2009. 80 с.
 13. *Кладова Н. А.* «Странность противоречия» в восприятии творчества Ж. Санд в России: (В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов) // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома, 2009. С. 94–97.
 14. *Клименко О. В.* Ирония «прозы любви» в лирике Н. А. Некрасова // Изв. Самар. Науч. центра РАН. Самара, 2009. Т. 11. № 4(3). С. 745–748.
 15. *Климова Н. Ю.* Речевой портрет ямщика в стихотворении Н. А. Некрасова «В дороге» // Русское народное слово в языке и речи. Саров, 2009. С. 184–189.

16. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3-х т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука, 2009. Т. 3: 1867–1877 / Отв. ред.: Мельгунов Б. В.; Сост.: Березкин А. М., Мостовская Н. Н., Степина М. Ю.. 705 с.
17. Макарова С. Н. Мотив пути в лирике Н. А. Некрасова // *Личность. Культура. О-во = Culture. Personality. Soc.* М., 2009. Т. 11. Вып. 4. №№ 51–52. С. 457–463.
18. Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МГУ, 2009. 234 с.
19. Макеев М. С. «Стих, как монету, чекань...»: «Поэтическая экономия» Некрасова в цикле «Подражание Шиллеру» (1877) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* М., 2009. № 3. С. 55–59.
20. Острейковская Н. В. Поэзия Н. А. Некрасова в оценке Е. В. Новосильцевой // *Встречи в библиотеке: авторы и читатели.* Тверь, 2009. С. 109–114. О статье Т. Толычевой (псевдоним Е. В. Новосильцевой) «Поэзия Некрасова» (1878 г.), перепечатанной в 1906 г. под названием «Поэзия Некрасова — подделка под народность» (в сборнике «Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь и сочинения». М.).
21. Пайков Н. Н. В. С. Высоцкий и Н. А. Некрасов: Схождение лирических систем // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* М., 2009. № 1. С. 163–168.
22. Пайков Н. Н. Художественный образ выдающейся личности в творческой интерпретации Н. А. Некрасова // *Культура. Литература. Язык.* Ярославль, 2009. С. 144–150.
23. Примочкина Н. Н. Творчество Н. А. Некрасова в восприятии М. Горького // *Лит. в шк. (М).* 2009. № 8. С. 13–15.
24. Ромащенко С. А. Некоторые аспекты проблемы вариативности финала: (Н. А. Некрасов. «Мороз, Красный нос») // *Поэтика финала.* Новосибирск, 2009. С. 316–319.
25. Слонь О. В. Жанр ролевого отрывка в лирике Н. А. Некрасова и его композиционные особенности // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та.* Оренбург, 2009. № 11. С. 24–28.
26. Слонь О. В. Рамочные компоненты ролевой лирики Н. А. Некрасова // *Художественный текст: варианты интерпретации.* Бийск, 2009. С. 316–319.
27. Смирнов С. Монументализация фантомов: Некоторые особенности бытования идеологической биографии Н. А. Некрасова // *Вопр. лит. (М.).* 2009. Вып. 6. С. 77–79.
К истории восприятия поэзии и личности Н. А. Некрасова его современниками и последующей литературной критикой (конец XIX—XX вв.).
28. Степина М. Ю. «Мцыри» М. Ю. Лермонтова: К вопросу о литературной традиции стихотворения Н. А. Некрасова «Баюшки-баю» // *Петербургские чтения — 2008. Ч. 2.* СПб., 2009. С. 63–68.
Перекличка текста стихотворения Н. А. Некрасова с песней рыбки над умирающим Мцыри в поэме М. Ю. Лермонтова.
29. Таран И. С. Истинная поэзия в понимании Н. А. Некрасова: (На материале «Последних песен») // *Святоотеческие традиции в русской литературе.* Омск, 2009. Вып. 5. С. 95–106.
К характеристике эстетической концепции Н. А. Некрасова.

30. *Фаликов И.* Стыд стиха // *Арион: Журнал поэзии.* М., 2009. Г. 16. № 63 С. 87–103. Проблема поэтической иерархии во 2-й половине XIX в. (привлекается статья Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты») и в современную эпоху.
31. *Филипповский Г. Ю.* Мотив весны в поэзии А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова // *Русская литература XIX—XX веков в современном мире.* Кострома, 2009. С. 41–49.
32. *Шаикова Е. В.* Тема усадьбы в поэзии Н. А. Некрасова середины 1840-х годов // *Русская усадьба XVIII — начала XXI вв. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации.* Ярославль, 2009. С. 56–62.
33. *Шпилевая Г. А.* Петербургский кружок «умников» и «говорунгов» в романе Н. А. Некрасова «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» // *Петербургские чтения — 2008. Ч. 2.* СПб., 2009. С. 59–62. Русские литераторы (В. П. Боткин, Ф. М. Достоевский, В. Г. Белинский) как прототипы героев романа Н. А. Некрасова.
34. *Яковлева Л. В.* Некоторые аспекты претворения в музыке лирики Некрасова // *Актуальные проблемы истории, теории и методики современного музыкального искусства и художественного образования.* Оренбург, 2009. С. 199–204.

2010

1. *Зубова Л.* «Исторический романс» Тимура Кибирова // *Текст и тексты.* Новосибирск. 2010. С. 168–177. Пародийное переосмысление текстов Н. А. Некрасова, М. Ю. Лермонтова и А. А. Блока в стихотворении Т. Кибирова («Что ты жадно глядишь на крестьянку...»).
2. *Климова Н. Ю.* Элементы лексико-семантического поля «Родина» в лирике первого периода творчества Н. А. Некрасова // *Проблемы языковой картины мира на современном этапе.* Н. Новгород, 2010. С. 69–73.
3. *Козлова Н. В., Ван Вэньхуэй.* Тема поэта и поэзии в лирике Н. А. Некрасова // *Диалог культур — диалог о мире и во имя мира.* Комсомольск-на-Амуре, 2010. С. 55–60.
4. *Кузнецова И. С.* Циклические структуры первых сборников А. Фета и Н. Некрасова // *Вестн. НГУ. Сер.: История, филология.* Новосибирск, 2010. Т. 9, вып. 2. С. 167–172.
5. *Макарова С. Н.* Идеал человека в гражданской лирике Н. А. Некрасова // *Лит. в shk. (М.).* 2010. № 7. С. 2–5. К вопросу о синтезе христианской традиции и революционных идей в поэзии Н. А. Некрасова.
6. *Мелихов А.* Муза мести и радости // *Нева.* (СПб.). 2010. № 2. С. 233–242. Поэзия А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова в истории русской культуры.
7. *Мишина Г. В.* Образотворческая модель МАТЬ—ДИТЯ как этическая доминанта некрасовской поэзии // *Тр. Стерлитамак. фил. Акад. наук Респ. Башкортостан.* Сер.: Филологические науки. Уфа, 2010. Вып. 4. С. 163–166.

8. *Пайков Н. Н.* Некрасовская традиция в поэзии А. Т. Твардовского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. (М.). № 3. С. 84–94.
9. *Пайков Н. Н., Сорокин А. А.* Феномен некрасовского фельетона в контексте литературных исканий эпохи // Вестн. слав. культур. М., 2010. № 3(17). С. 69–78.
10. *Пайков Н. Н.* [Рецензия]. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. (М.). 2010. № 2. С. 134–138.
Рец. на кн.: *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М.: МГУ, 2009.
11. *Самарина Н. Г.* Интерпретация литературных источников в историко-литературных сборниках «Карабиха» // Рус. лит. (СПб.). № 1. С. 254–258.
Обзор публикаций 5-ти выпусков сборника (Ярославль, 1991, 1993, 1997, 2002, 2006 гг.).
12. *Софийская М. Ю.* [Степина М. Ю.] Некрасовский семинар и Первые Некрасовские чтения в Пушкинском Доме // Рус. лит. (СПб.). 2010. № 1. С. 265–268.
Семинар состоялся 24–26 февраля 2009 г.; Некрасовские чтения — 2 апреля 2009 г.
13. *Степина М. Ю.* «Непротиворечивый» облик // Рус. лит. (СПб.). 2010. № 1. С. 248–251.
Рец. на кн.: *Макеев М.* Николай Некрасов: Поэт и предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М.: МГУ, 2009. 234 с.
14. *Успенский Ф.* Молоток Некрасова: «Квартира» О. Мандельштама между стихами о стихах и гражданской поэзией 1933 года // Дар и крест: Памяти Н. Трауберг. СПб., 2010. С. 319–338.
Проблема интерпретации стихотворения О. Э. Мандельштама «Квартира тиха, как бумага...», в частности строк «Как будто вколачивал гвозди / Некрасова здесь молоток».
15. *Чайковская И.* Разборки мемуаристов: Д. В. Григорович против А. Я. Панаевой // Нева. (СПб.). 2010. № 10. С. 125–189. Полемика Д. В. Григоровича в «Литературных воспоминаниях» с оценкой И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. Дюма в «Воспоминаниях» А. Я. Панаевой.
16. *Шашкова Е. В.* Родной дом и чужбина в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Лит. в шк. (М.). 2010. № 7. С. 5–7.

ПРОПУСКИ

1997

1998

1. *Альми И. Л.* О структуре «большой формы» в лирике Н. А. Некрасова («Рыцарь на час») // Альми И. Л. Статьи о поэзии и прозе. Владимир, 1998. Кн. 1. С. 224–232.
2. *Альми И. Л.* Стихотворение Н. А. Некрасова «Похороны». Лирический сюжет и жанровая форма // Альми И. Л. Статьи о поэзии и прозе. Владимир, 1998. Кн. 1. С. 219–223.
Традиции причети в стихотворении Н. А. Некрасова.

3. *Альми И. Л.* О некоторых особенностях поэтики Н. А. Некрасова // Альми И. Л. Статьи о поэзии и прозе. Владимир, 1998. Кн. 1. С. 200–218.
На материале стихотворений «В деревне», «О погоде» и поэмы «Мороз, Красный нос».
4. *Ванюков А. А.* Ахматова и Некрасов: (Унаследованное и новаторское в жанровой структуре «Реквиема») // Филологические этюды. Саратов, 1998. Вып. 1. С. 113–117.
5. *Жилякова Э. М.* Христианские мотивы и образы в творчестве Н. А. Некрасова (1830–1850-е годы) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 269–282.
6. *Илюшин А. А.* Поэзия Некрасова: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 76 с. (Перечитывая классику). Библиогр.: С.76.
7. *Кульбас Д. Г.* Работа над языком поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (Монолог Яким Нагого) на практическом занятии по русской литературе XIX в // Язык и стиль художественного произведения. Курган, 1998. С. 42–44.
8. *Макеев М.* Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998. С. 91–105.
9. *Макеев М. С.* Пушкин в художественном сознании Н.А.Некрасова. Анализ одного эпизода // Пушкин и русская культура. М., 1998. — С. 91–96.
Присутствие имени Пушкина в одном из рукописных вариантов поэмы «Кому на Руси жить хорошо».
10. *Мишин Г.* «Милый и единственный друг» // Памятники Отечества. М., 1998. № 1/2. С. 156–160.
Образ З. Н. Некрасовой в последних стихотворениях поэта.
11. *Отроценко Е.* Григорьев — Эдельсон — Достоевский: (Эпизод из истории критич. мысли) // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998. С. 159–160.
Устные высказывания Ап.Григорьева о поэзии Н.А.Некрасова как общий источник для статей Е. Н. Эдельсона «Стихотворения Н. Некрасова» (1864 г.) и Ф. М. Достоевского «Свидетель в пользу Некрасова» («Дневник писателя», 1877 г.).
12. *Подгорная И. П.* Ритмико-композиционный анализ стихотворения Н. Некрасова «Что ты, сердце мое, расхотелось?» // Анализ художественного текста. Литературоведческие штудии. Омск, 1998. С. 25–28
13. *Смирнов В. Б.* «Отечественные записки» и русская литература 70–80-х годов XIX века / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 1998. 263 с. Библиогр. в конце глав.
14. *Шарафадина К. И.* Цикл «Три элегии» Некрасова — опыт жанрового исследования // Анализ художественного текста. Литературоведческие штудии. Омск, 1998. С. 40–45.
15. *Эткинд Е. Г.* Музыкальный принцип в композиции поэмы // Эткинд Е. Г. Материя стиха. СПб., 1998. С. 407–478.
Анализ поэм Н. А. Некрасова («Балет») и А. А. Блока («Возмездие», «Двенадцать»).

16. *Serman I.* Происхождение одной поэтической формулы: Гоголь и Некрасов // *Rev. des études slaves*. P., 1998. Т. 70, fasc 3. С. 641–647.
Анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт» в контексте общественно-политической жизни времени его создания.

1999

1. *Вершинина Н. Л.* Лирика Н. А. Некрасова и риторическая традиция // *Малые жанры: теория и история: Материалы межвузовской конференции*. Иваново, 3–6 февраля 1997 г. Иваново, 1999. С. 103–113.
2. *Виколов С.* Могучая и бессильная: (Опыт нетрадиционного прочтения Н. А. Некрасова) // *Наш современник* (М.) 1999. № 7. С. 186–200.
3. *Ермакова З. П.* Две речи Ф. Д. Батюшкова о Н. А. Некрасове // *Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове, 1947–1958*. Саратов, 1999. С. 254–262.
4. *Королькова Г. Л.* Поэтические традиции Н. Некрасова в творчестве В. Высоцкого // *Мир Высоцкого: Исследования и материалы*. М., 1999. Вып. 3. Т. 2. С. 314–318.
5. *Лазаренко Г. П.* «...В душе каждого человека есть клапан, открывающийся только поэзией» // *Некрасов Н. А. Стихотворения. Поэмы*. М., 2000. С. 5–28.
6. *Перов С. Г.* Чтобы знали, чтобы помнили: (М. И. Семеновский и Н. А. Некрасов) // *Земля Псковская, древняя и современная: Тез. докл. к науч.-практ. конф.* 1998 / 99 гг. Псков, 1999. С. 135–138.
7. *Солодкова С. В.* Библейские реминисценции в лирике А. К. Толстого и Н. А. Некрасова // *Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге*. Волгоград, 1999. Вып. 4. С. 32–33.
8. *Строганов М. В.* [Рецензия] // *Новое лит. обозрение* (М.) 1999. № 36. С. 392–395. Рец. на кн.: *Смирнов С. В.* Автобиография Некрасова. Новгород, 1998. 209 с.
9. *Строганов М. В.* [Рецензия] // *Новое лит. обозрение* (М.) 1999. № 39. С. 410–411.
10. Рец. на кн.: *Сапогов В. А.* Анализ художественного произведения: (поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»): Пособие по спецкурсу. Псков, 1999.
11. Некрасов. Островский. Федотов. Петров. Крамской: Биогр. повествования / Сост., общ. ред. Болдырева Н. Ф. Челябинск: Урал LTD, 1999. 441 с.: ил.- (Жизнь замечательных людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 38).
12. *Яковлев В. И.* К вопросу об исторических взглядах Н. А. Некрасова // *Путь в науку*. Ярославль, 1999. Вып. 5. С. 52–55.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Н1 — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 12-ти т. М., 1948–1953.

Н2 — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 15-ти т. Л., СПб., 1981–2000.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**билова Э. Х. 267
Августа (Козмина), старица 161
Авенариус А. А. 101
Авенариус А. Е. 100
Авенариус А. П. 99–106
Авенариус В. П. 99, 101–104
Авенариус Г. Х. 100
Авенариус М. П. 99, 101
Авенариус Н. П. 99–101
Авенариус П. А. 101
Авенариус Я. А. 99–101
Агин А. А. 147
Азадовский М. К. 111, 113, 114
Айзикова И. А. 182
Аксаков И. С. 169, 208, 209, 213
Аксаков К. С. 12, 13, 145, 150, 151, 153, 169, 208, 209
Аксаков С. Т. 212, 213
Аксаковы 150, 214
Аксененко Е. М. 157, 158, 163, 165
Алдоница Н. Б. 99, 100, 155
Александр II 230
Алексеев И. 40
Алексеев М. П. 78, 84
Алексеев П. А. 41
Алипанов Е. И. 159
Альми И. Л. 17
Алябьев А. А. 198
Анненков П. В. 80, 139, 186
Антоний (Бочков), игумен 162, 163
Антонович М. К. 41
Арнольд Ю. К. 132
Аронсон М. И. 128
Арсеньев С. Ф. 104
Асенкова В. Н. 17, 18, 81
Астафьев П. Е. 171, 172
Ахшарумов В. Д. 102, 103
Баадер Ф. 177
Базанов И. И. 113
Байрон Дж. Г. 31, 126
Бакунин Ал. А. 55
Бакунин Н. А. 60
Бакунин П. А. 55
Бакунина А. А. 60
Бакунина Т. А. 60
Баландин А. И. 186
Балинский И. М. 120
Банников И. 8
Баратынский Е. А. 127, 159, 204
Барсуков Н. П. 149
Бартенева П. А. 198
Батеньков Г. С. 111
Батюшков К. Н. 10, 147, 159, 219
Баум В. 223
Бахтин М. М. 23
Бахтурин К. А. 8
Белинский В. Г. 8, 10, 11, 27–31, 51–53, 55, 58–60, 62, 80, 81, 117, 118, 127, 131–133, 136, 138, 139, 141–146, 148, 149, 151–154, 175–184, 186, 187, 190, 192, 193, 209, 220
Белов В. И. 87–90
Белоголовый Н. А. 110, 125, 221
Бем А. Л. 70
Бёме Я. 177
Бенедиктов В. Г. 8, 129, 158, 159, 163, 166

- Бердяев Н. А. 177
 Берёзкин А. М. 33, 243
 Берёзкина С. В. 43
 Берковский Н. Я. 30
 Бернет Е. — см. Жуковский А. К.
 Бессонов Б. Л. 130
 Бестужев М. А. 111
 Бестужев Н. А. 110, 111
 Бестужевы 114
 Бильрот Х. Т. А. 221
 Бирих А. К. 29
 Блок А. А. 104
 Блок А. А., жена Л. А. Блока 104
 Блок Л. А. 104
 Богданов В. И. 39
 Богдановский Е. И. 223, 224
 Боград В. Э. 36, 99, 115
 Бодиско Е. К. 207
 Бойко М. 18
 Бокарев К. С. 239
 Боккаччо Дж. 79
 Бороздна И. П. 8
 Боткин В. П. 5, 51, 55, 58, 59, 61, 62,
 80, 141
 Боткин С. П. 119
 Брамс И. 222
 Брант Л. В. 142, 143
 Бродский И. А. 201
 Брокгауз Ф. А. 236
 Броневский Д. Б. 102
 Буданова Н. Ф. 46
 Булгарин Ф. В. 20, 118, 130, 140, 142,
 152, 153
 Бунин И. А. 97
 Бурачок С. А. 102
 Буренин В. П. 82
 Буслаев Ф. И. 213
 Буткевич А. А. 222, 227
 Бухаркин П. Е. 159

В. Луганский — см. Даль В. И.
 Вадковский Ф. Ф. 111
 Валентин, доктор 115, 119
 Валуев Д. А. 210, 211
 Валуев П. А. 150
 Ванновский П. С. 104
 Василий Великий 191
 Вацуро В. Э. 7, 127, 130, 166, 169
 Вдовин А. В. 215
 Веймар Э. 147
 Велланский Д. М. 117
 Венгеров С. А. 99, 106
 Вершинина Н. Л. 16, 23, 27, 193
 Веселовский А. Н. 7, 70
 Викторова Ф. А. -- см. Некрасова З. Н.
 Вильчинский В. П. 194–197
 Вингебер К. 158, 160, 173
 Виноградов В. В. 28
 Вихрев Н. В. 239
 Владимир Мономах 191
 Власова З. И. 111
 Волкова Н. С. 174
 Волконская З. А. 197, 198
 Волконский С. Г. 111
 Вольтер Ф. М. А. 179
 Вревская Е. Н. 103
 Вревский Б. А. 103
 Вревский П. А. 103
 Вревский С. А. 103
 Вульф Е. Н. 103
 Вяземский П. А. 127

Габерманн И. 100
 Гавриил, архимандрит 177
 Гагарин И., князь 161
 Гадамер Г. Г. 27, 28, 32
 Гаевский В. П. 102, 104, 128
 Гайденко П. 181
 Галахов А. Д. 217
 Гаркави А. М. 36, 56, 144
 Гегель Г. В. Ф. 59, 178, 180, 181
 Георгиевский П. Е. 102
 Гердер (Gerder) 229
 Герцен А. И. 54, 55, 80, 85, 104, 117,
 118, 149, 187
 Герштеккер Ф. 103
 Гёте И. В. 59, 60
 Гин М. М. 11, 12, 46, 97, 160

- Гинзбург Л. Я. 10
Гини М. 215
Глаголева Г. А. 242
Глинка А. П. 173, 174
Глинка М. И. 197, 198, 212
Глинка Ф. Н. 173
Гнедич Н. И. 147
Гогниев И. Е. 8
Гоголь Н. В. 6, 20, 21, 81, 101, 145, 146, 149, 152, 161, 163, 169, 176, 178–184, 188, 191, 192, 210, 213
Голенищев-Кутузов И. Н. 82
Гольцгоер Ф. Г. 101, 102
Гомер 144, 182
Гомина И. И. 39
Гончаров И. А. 50
Горбенко Е. П. 125, 126, 129, 138, 155
Гордон П. 103
Горохова Р. М. 84
Грановский Т. Н. 55, 207
Гребенка Е. П. 148, 166
Греч Н. И. 45, 134, 142, 152, 153
Грибоедов А. С. 163
Григорович Д. В. 104, 131, 147, 148, 155
Григоровский И. А. 171, 172
Григорьев А. А. 31, 152, 199, 200, 204, 207, 213, 214
Григорьев Г. Г. 104
Григорьев П. В. 39, 40
Громова Л. П. 132
Грот К. К. 150
Грот К. Я. 129
Грот Я. К. 101, 129–132, 136, 139, 143, 147, 149, 150, 153, 154
Гуменная Г. Л. 23
Гурльг Э. Ю. 223
Гущин А. Д. 104
Гущин В. А. 100
Гюго В. 29, 45
г-н Имрек — см. К. С. Аксаков
- Давыдов И. И. 175
Даль В. И. 148, 189, 199, 213
- Даниил Заточник 191
Данилевская М. Ю. — см. Степина М. Ю.
Данилевский Н. Я. 102, 103, 211
Данилевский Р. Ю. 221
Данте А. 76–85, 144, 182
Данченко В. Т. 85
Дашков П. Я. 40
Дельвиг А. А. 127, 128, 136, 197, 198
Державин Г. Р. 219
Диккенс Ч. 44, 45
Дмитриев И. И. 219
Дмитриев, становой 110
Добренко Е. 268
Добролюбов Н. А. 71, 72, 75, 81, 96, 101, 115, 118, 185, 236
Долгушин А. В. 37, 38
Доманский В. А. 81
Достоевский Ф. М. 13, 37, 43, 46–50, 149, 150, 187
Дрентельн А. Р. 104
Дружинин А. В. 79, 80, 99, 100, 103–110, 114, 115, 120–124
Дрыжакова Е. Н. 49
Дурново П. 116
Дядьковский И. Е. 117
- Е**вгеньев-Максимов В. Е. 39, 40
Евнин Ф. И. 46
Егоров Б. Ф. 106, 115, 179, 180, 183
Елизавета, послушница — см. Шахова Е. Н.
Елисеев Г. З. 95, 222
Ераков А. Н. 33, 225
Ермичев А. А. 177, 182
Ершов П. П. 134
Есенин С. А. 97
Ефрем Сирий 191
- Ж**ан Поль (наст. имя Рихтер (Richter) Иоганн Пауль Фридрих) 179
Жданов В. А. 115
Жданович П. П. 104
Железников П. С. 79

- Жемчужников Л. М. 102
Житомирская С. В. 110, 111, 113
Жорж Санд 43, 51–53, 179, 180
Жуковский А. К. 8
Жуковский В. А. 6–10, 13–15, 31, 93,
127, 128, 130, 144–146, 149, 159,
178, 211, 218, 219
Жуковский Ю. Г. 41
Журавлева А. И. 30
- З**аборова Р. Б. 35, 37
Загорский П. А. 117
Загоскин М. Н. 138
Загуляев М. А. 82
Затворницкий Н. М. 99—100
Зеньковский В. В. 177, 178
Зильберштейн И. С. 50, 110, 111, 113,
114
Змеев Л. Ф. 120
Зотов В. Р. 102, 103, 139
Зубков М. Н. 163
Зыкова Г. А. 135
- И**ванов А. 148, 161, 212
Иванова Д. 116
Иванова Л. М. 110, 111, 113
Ивановский И. И. 102, 103
Игнатий (Брянчанинов) 161, 163
Извольский П. А. 113
Иларион 191
Ильин И. А. 214
Иноземцев Ф. И. 110
Иоанн Дамаскин 191
Исаков С. Г. 163
Искандер — см. Герцен А. И.
- К**азарян П. Л. 113
Казимировский Я. Д. 111, 112
Калинич Ф. П. 102
Каменский Д. И. 103, 104
Кантор В. К. 179
Канунова Ф. З. 182
Карамзин Н. М. 128, 130, 147
Карамзина С. Н. 128
Карева А. Ю. 186, 187
Карлейль Т. 81
Карцов А. П. 103
Катенин П. А. 79, 85
Кафанова О. Б. 43, 81
Кербиков О. В. 120
Кёрлинг Т. Б. 223
Киреевский И. В. 144, 178, 214
Кирилин А. Н. 104
Кирилл Александрийский 191
Кирилл, первоучитель 190
Киселева А. К. 237
Клюев Н. А. 97
Коведяев Е. Н. 103, 104
Колбасин Е. Я. 53
Кольцов А. В. 219
Комарова Т. С. 110, 113, 115
Кони А. Ф. 34
Кони Ф. А. 132, 134–136, 139, 142,
143, 152
Константин Николаевич, Великий
князь 101
Коптев Д. И. 129, 154
Корман Б. О. 16–18, 21, 22, 46
Корнейчуков Н. В. — см. Чуковский К. И.
Корнилов И. П. 114
Корсаков М. С. 113
Корсаков П. А. 165, 166
Корсакова Л. П. 166
Котов А. Э. 49
Коцебу А. фон 131
Кошелев В. А. 5, 131
Краевский А. А. 127, 132, 136, 143,
147, 151–154
Край К. 147, 152
Крамской И. Н. 235
Краснов Г. В. 35, 36, 38
Кренлейн Ф. У. 223
Кронеберг А. И. 149
Кронеберг М. А. 54
Круглова Л. К. 81
Крылов А. 245
Крылов И. А. 6, 127, 143, 144, 147,
218, 219

- Кудрявцев П. Н. 78, 186
Кузнецов М. И. 46
Кукольник Н. В. 130, 147
Куликов Н. И. 139
Кульбин Н. 106, 107
Кульчицкий А. Я. 103
Кункль А. А. 38
Куприн А. И. 56
Курнанд И. А. 102
Курочкин Н. С. 40
Куторга М. С. 153
Кюхельбекер В. К. 80
- Л.** — см. Мельгунов Н. А.
Лангебек Б. фон 223
Лангенбейтц — см. Лангебек Б. фон
Лангер В. П. 165
Ларионова Е. О. 20
Лебедев Ю. В. 87, 90, 91
Левин Ю. Д. 7, 78
Лейбов Р. Г. 215
Лермонтов М. Ю. 7, 29–31, 93, 96, 97, 103, 146, 152, 204, 218, 219
Лермонтова М. М. 103
Леру П. 180
Лесков Н. С. 50
Лефрен-Потчер С. 221, 225, 226, 229
Ливенский Н. — см. Мельгунов Н. А.
Ливенцов М. А. 114, 121
Ливеровский А. А. 237
Лозинский М. Л. 82–85
Ломан О. В. 233, 235
Ломоносов М. В. 128, 219
Лонгинов М. Н. 103, 109
Лотман Ю. М. 159
Лукулл Л. Л. 112
Львов Л. Ф. 110, 111
Любимов Н. А. 49, 50
- Мазер** К. П. 114
Майков А. Н. 149, 157, 163, 214, 219
Майковы 128
Макаров С. О. 81
Макашин С. А. 31
Максимов С. В. 90
Максимович А. Я. 35
Малиновский П. П. 99, 114–121, 123, 124
Малис Г. Ю. 120
Малова М. И. 35
Манапова В. Э. 28
Манн Ю. В. 176, 180
Мануйлов В. А. 29, 30
Мария, монахиня — см. Шахова Е. Н.
Маркович В. М. 180, 187
Марттила Е. О. 236
Мартынова О. П. — см. Павлова О. П.
Масанов И. Ф. 99, 115
Маслов И. И. 106–110, 114
Матханова Н. П. 113
Мачтет Г. А. 39
Медведников 111
Медовой М. И. 194, 199
Межевич В. С. 8, 132, 140, 152, 171, 173
Мезенцев Н. В. 39
Мей Л. А. 101, 102, 163
Мейер Я. И. 108, 110
Мейлах Б. С. 172
Мелуа А. И. 99
Мельгунов Б. В. 66, 92, 132, 139, 140, 142, 143, 155
Мельгунов Н. А. 194, 197, 198
Мельникова Н. Н. 48
Менцов Ф. Н. 8, 158, 159, 160
Мильтон Дж. 144
Мин Д. Е. 80, 81, 83–85
Мироненко М. П. 110, 111
Мироненко С. В. 110, 111
Митропольский А. С. 118
Михаил Федорович 93, 94
Михайловский Н. К. 41
Михельсон М. И. 30
Модзалевский Б. Л. 158
Мокиенко В. М. 29
Монахов Н. Н. 240, 242
Монахова Е. Н. 233, 235–237, 239, 241, 242
Монахова И. Р. 176

- Мостовская Н. Н. 37
 Муравьев А. М. 111, 159
 Муравьев М. Н. 41, 86
 Муравьев Н. М. 111
 Муравьев-Амурский Н. Н. 113
 Муравьев-Апостол А. З. 111
 Муравьева Е. Ф. 111
 Мэтьюрин Г. Р. 197
 Мюнх-Беллинсгаузен Э. Ф. 159
- Н.** Станицкий — см. Панаева А. Я.
 Насибулин Э. Х. 235, 236, 238
 Неверов Я. М. 194
 Невский В. А. 120
 Некрасов А. С. 235
 Некрасов К. Ф. 235, 248, 258, 265, 269
 Некрасов Ф. А. 226, 235
 Некрасова Е. А. 71
 Некрасова З. Н. 36, 37, 53, 220
 Некрасова Н. Н. 235
 Нестор 191
 Никита, садовник А. В. Дружинина
 108, 109
 Никитенко А. В. 130, 149, 151, 154,
 156, 209
 Никитин И. С. 163, 219
 Никитина Т. Г. 29
 Никифор Важеозерский 191
 Николаев П. А. 126
 Николич И. 217
 Норов А. С. 79
- Оболенский** Е. П. 111, 112
 Обольянинов 110
 Огарев Н. П. 54, 104, 163, 204
 Огарева М. Л. 54
 Огольцев В. М. 29
 Одоевский В. Ф. 12, 13, 127, 128, 149,
 178, 196, 198
 Ольхин А. А. 38–41
 Ольхин М. Д. 141
 Опульская-Громова Л. Д. 48
 Орлов А. И. 111
 Осповат А. Л. 179
- Островский А. Н. 131, 155
 Очкин А. Н. 151
- Павлов** И. П. 119
 Павлов Н. Ф. 194–198
 Павлова К. К. 208
 Павлова О. П. 86
 Падерная М. 8
 Пайков Н. Н. 225
 Панаев А. И. 230–232
 Панаев В. И. 165–167, 169–172, 174,
 225, 230, 231
 Панаев И. А. 57, 231, 232
 Панаев И. И. 10, 11, 51–55, 57, 60, 61,
 103, 115, 121, 128, 139, 140, 142,
 143, 149, 155, 156, 166, 169, 170,
 186–189, 193, 201–203, 230, 231
 Панаев П. В. 231
 Панаев П. И. 230, 232
 Панаева (Головачева) А. Я. 51–58,
 60–63, 139, 140, 170, 230, 231
 Панаева М. Я. 230
 Панаевы 167
 Панов В. А. 208, 209
 Панченко А. М. 157, 161
 Паульсон И. 217
 Пейкер А. А. 104
 Персин И. С. 110–114
 Персин М. И. 114
 Персин М. С. (Персин 2-й) 99,
 106–110, 113, 114
 Персин Н. С. (Персин 1-й) 106, 107,
 113, 114
 Персин С. И. 114
 Пети П. 147
 Петр I 137, 190, 192, 193
 Петрашевский М. В. 102, 104
 Петров О. А. 34–36
 Печенегов П. (?) 8
 Пирогов Н. И. 101, 110, 117
 Писарев Д. И. 50, 206
 Писемский А. Ф. 50
 Платон 177

- Плетнев П. А. 125–133, 135–138, 141–156, 167
Плеханов Г. В. 31
Плещеев А. Н. 33, 39, 40
Плюшар А. 165
Погодин М. П. 149, 153
Поджио А. В. 111, 113, 222
Подолинский А. И. 8, 159
Подшивалова Е. А. 16
Полевой Н. А. 79, 130, 137, 140, 142, 147, 152, 158
Половцов А. А. 99, 106
Полонский Я. П. 219
Поляков В. П. 133
Попов А. Н. 102, 103
Попов П. С. 106
Потапова Г. Е. 126, 127
Прийма Ф. Я. 131
Прозоров Л. А. 118, 120
Проскурина В. Ю. 126–128
Пузыревский И. А. 103
Пушкин А. С. 5, 7, 8, 10, 15, 17, 20, 21, 23, 26, 31, 33, 45, 80, 93, 96, 97, 101–103, 126–128, 135, 136, 159, 161, 180, 188, 190–192, 200, 208, 210, 218, 219, 234, 239, 242
Пущин И. И. 110–112
Пятницкая Л. А. 111
- Раич** С. Е. 8
Рейсер С. А. 128, 131
Ремизова Н. А. 16
Розен А. Е. 8
Розенблюм Л. М. 46, 47
Розин Н. П. 126, 138
Ростопчина Е. 134
Руденская М. 102
Руденская С. 102
Рулье К. Ф. 117
Рюль И. Ф. 117
- Савельева** Л. В. 189
Салтыков-Щедрин М. Е. 31, 35, 36, 42, 102, 103, 222, 235, 238, 242
Сапогов В. А. 87, 91
Сасед А. 227, 228
Свистунов П. Н. 111
Своев В. Н. 104
Селиванов В. В. 90, 91
Семевский М. И. 114
Сенковский О. И. 134, 143, 151, 158
Сеченов И. М. 119
Сибиряков А. 113
Сибиряков М. 113
Сиверс А. А. 106
Сильчевский Д. П. 39
Скабичевский А. М. 39, 40
Скотт В. 182
Смирдин А. Ф. 12, 171
Смирнов, исправник 231
Смирнов С. В. 87, 96, 97
Смирнов-Сокольский Н. П. 112
Соболев П. 175–177
Соллогуб В. А. 12, 149, 209
Соловьев М. П. 31
Соколова И. К. 237
Станкевич А. В. 199, 202, 203, 205–207
Станкевич Н. В. 8, 104, 194, 197, 201, 202, 205
Стасюлевич М. М. 139
Степанова Л. И. 29
Степина М. Ю. 51, 53, 66, 68, 79, 81, 125, 221, 225, 230
Стерн Л. 196
Стефанович 110
Стремоухов П. Н. 104
Строльман А. Г. 100, 101
Стромилов С. И. 8
Струговщиков А. Н. 103
Струговщиков С. Д. 104
Струйский Д. Ю. 8
Струков Д. Н. 79, 80
Ступин Н. Д. 137
Суворин А. С. 77
Сусанин И. 93, 94
Сушков Д. П. 8
Сю Э. 43, 44, 45–48

- Тамаев П. М.** 208
Тамарченко Г. Е. 115
Тарасов А. Н. 11
Тарасов А. Ф. 11, 94, 233–237, 239, 241, 242
Тимофеев А. В. 8
Тирш К. 223
Титов Н. И. 104
Тихомиров В. В. 209
Тихонова Е. Ю. 180
Тишкин Г. А. 49
Толмачев Я. В. 169, 170
Толстой А. К. 96, 214, 219
Толстой Л. Н. 38, 155
Толстой Ю. В. 102–104
Толычева Т. — см. Новосильцева Е. В.
Топоров В. Н. 28, 181
Траум 8
ТрEDIAKовский В. К. 28
Трефурт Ф. Л. 110
Трубецкие 112
Турбин В. Н. 30
Тургенев И. С. 5, 27, 28, 33–37, 50, 61, 62, 80, 106, 109, 127, 128, 149, 155, 186–189, 193, 199, 207
Тютчев Ф. И. 7, 214, 219
- Уваров С. С.** 144, 175
Унковский А. М. 221, 225, 228
Успенский Г. И. 40
- Фанд-Дим Ф.** (псевд.; наст. имя Кологривова Е. В.) 79, 80, 83–85, 138
Федоров Б. М. 170, 171, 173
Федоров В. А. 111
Федотов Д. Д. 116–118, 120
Федотов П. А. 103, 104, 106
Фейербах Л. А. 182
Феодосий Печерский 191
Феоктистов Е. 207
Фет А. А. 163, 219
- Феттерлейн К.** 99, 101
Фигнер В. Н. 39
Филомафитский А. М. 117
Филонов А. 217
Фишер Е. 79
Флакман Д. 79
Фомичев А. А. 127
Фонвизин Д. И. 101, 163
Фонвизин М. А. 111, 112
Франк С. Л. 184
Фридрих Гальм (Halm) — см. Мюнх-Беллингаузен Э. Ф.
- Хаминов И. С.** 113
Хомяков А. С. 161, 208–214
- Цветкова Н. В.** 175, 186
- Чаадаев П.** 161
Черашняя Д. И. 16
Чернов А. В. 193
Чернышевский Н. Г. 54, 55, 184, 185, 236
Черняк Я. З. 54, 55
Чириков С. Г. 102
Чудаков А. П. 181
Чуковский К. И. 17, 21, 22, 24, 31–33, 53, 56
Чулков В. И. 16
- Шай Ф. И.** 102
Шафранов С. 217
Шахов Н. Н. 157, 158
Шахова Е. Н. 8, 157–164, 165, 166, 167, 169, 170–174
Шашкова Е. В. 93, 186
Шевченко Т. Г. 163
Шевырев С. П. 78, 79, 145, 152–154, 174–193, 195, 198
Шекспир В. 182
Шелаева А. А. 126, 127, 151, 152
Шелехов Д. 101

Шеллинг Ф. В. Й. 117, 207
Шереметева А. С. 173
Шипулинский П. Д. 110
Шишков А. С. 169
Шлейермахер Ф. 28
Шмелев И. 97
Штакенберг А. И. 111
Шульгин И. П. 102, 103
Шумахер В. П. 112

Щеглов Н. Т. 102
Щепкин Н. М. 199
Щукинская Р. С. 235, 237

Эбергардт И. И. 102
Экк В. В. 110

Энгельгардт М. А. 38
Эсмарх Ф. 223

Юдин Т. И. 120
Юнгмейстер Ю. 147
Юшневский А. Л. 111

Языков 8, 159
Якобсон Р. О. 23
Яков Черноризец 191
Якубович П. Ф. 8, 111, 250, 251
Якушкин И. Д. 111, 112
Ямпольский И. Г. 139, 140, 170
Янушкевич А. С. 144
Ястребцов И. И. 171

Moravcevic N. 47

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
К «БИБЛИОГРАФИИ ЛИТЕРАТУРЫ О НЕКРАСОВЕ»

- Азбукина** А. В. 250
Аксаков И. С. 264
Алдони́на Н. Б. 245, 247, 252, 259, 265, 267
Александр II 246
Алексеев П. П. 257
Алексеева О. Б. 244, 245
Алесковская Е. В. 252
Алиференко Е. И. 260
Алмазов Б. Н. 249
Альми И. Л. 271, 272
Анненков П. В. 249
Арзамасцев В. 244
Арну А. 249
Артынов А. Я. 248
Ахматова А. А. 272
Ахмедов М. 256
- Балакин** А. Ю. 245
Баратынский Е. А. 259
Багалова Т. П. 244, 246, 257, 258, 264, 266
Батюшков Ф. Д. 273
Бахор Т. А. 250
Бахрам З. 262
Бегунов Ю. К. 248
Бек Т. 244
Бекедин П. В. 264, 265, 267
Белецкий А. И. 245
Белинский В. Г. 261, 265, 268, 270
Белов С. В. 252, 256
Берёзкин А. М. 243, 261, 264, 265, 267
Бержайте Д. 256
Бернс Р. 263
- Беседина** Т. А. 244, 251
Бицилли П. М. 243
Блок А. А. 251, 255, 260, 262, 270, 272
Болдырев Н. Ф. 273
Борисова И. М. 246, 254, 255, 265, 267
Боткин В. П. 270
Бралина Г. М. 267
Будко А. А. 261
Бунин И. А. 249, 252
Буткевич А. А. 253
- Ванюков** А. А. 272
Вдовин А. В. 262
Великанова С. И. 248, 257
Вершинина Н. Л. 243–246, 250–252, 255, 264, 265, 267, 273
Вигерина Л. И. 247
Визард Л. Я. 260
Викулов С. 273
Влащенко В. И. 244, 250
Володина Н. В. 245
Высоцкий В. С. 243, 259, 269, 273
Вэньхуэй В. 270
- Габдуллина** В. И. 256
Гаркави А. М. 252
Гаршин В. М. 264, 267
Гафури М. 266
Ге Н. Н. 247
Гейне Г. 250
Глевенко Е. Ю. 252, 260

Глушаков П. С. 258
Гоголь Н. В. 245, 268, 273
Головин В. В. 256
Голуб В. Я. 255
Гончаров И. А. 267
Гораций 266
Горбунов И. Ф. 267
Горький М. 252, 253, 254, 269
Готорн (Hawthorne) Н. 245
Гофман Э. Т. А. 246
Грачева И. В. 244, 260
Гречина М. Б. 268
Григорович Д. В. 265, 271
Григорьев А. А. 259, 272
Григорьев И. Г. 257
Громов В. А. 245, 247
Громова Л. П. 245
Грушевская К. И. 260
Грязнова А. Т. 263
Губайловский В. 247
Гудонене В. 260
Гулина Т. И. 248

Даль В. И. 244
Данилевский Р. Ю. 256
Данилова М. Д. 247, 264, 267
Данилова Н. К. 247
Демченко А. А. 245
Дервягина Е. В. 257, 265
Дерябина Е. П. 247, 265
Добролюбов Н. А. 247, 262
Достоевский Ф. М. 249, 252, 255, 256,
260, 263, 266, 268, 270, 272
Дрожжин С. Д. 2487
Дружинин А. В. 247, 252, 265, 267
Дубровская Е. Ю. 257
Дымова И. А. 244, 247, 252, 255,
257, 265
Дюма А. 271

Евгеньев-Максимов В. Е. 246
Елепова (Карушева) М. Ю. 264, 267
Ермакова З. П. 245, 273
Ермолаева Н. Л. 265

Ермолин Е. А. 248, 252
Ерофеев Ю. Н. 257
Есенин С. А. 256

Жадовская Ю. В. 248
Жилякова Э. М. 272
Жорж Санд 268
Жукова И. М. 255
Жуковский В. А. 258, 267
Журавлева А. И. 244, 260, 272

Заборова Р. Б. 245
Замаренова О. А. 247, 268
Зарецкий В. А. 263
Захаров И. Д. 268
Захаров С. В. 267
Зеленой А. С. 246
Зельдович М. Г. 245
Зиновьева О. А. 263
Золотцев С. 247
Зубова Л. В. 270
Зуева Л. Б. 248

Иванова Е. В. 265
Иванова Л. Д. 261
Ильин В. В. 250
Ильин Л. А. 247
Ильина Л. Ю. 261
Илюшин А. А. 247, 272

Кабанова А. П. 244
Калинина Т. Ж. 250, 252, 257, 267
Камалова Л. А. 260
Карлейль Т. 263
Карташева Н. А. 255, 260, 263, 268
Карушева М. Ю. — см. Елепова (Ка-
рушева) М. Ю.
Катков М. Н. 265
Кашина Н. К. 248
Кибиров Т. Ю. 270
Кладова Н. А. 263, 268
Клепикова О. В. 263
Клименко О. В. 260, 263, 268
Климова М. Н. 255, 260

- Климова Н. Ю. 268, 270
Козлов Б. М. 250
Козлова Н. В. 270
Кокорина Е. А. 248
Кокорнова О. М. 248
Кольцов А. В. 261
Комышкова Т. П. 252
Кони Ф. А. 255, 258, 267
Кононова Н. В. 251
Коптелова Н. Г. 249
Королькова Г. Л. 243, 273
Котикова П. Б. 255
Кошелев В. А. 245, 247, 257, 265
Краевский А. А. 245
Крамской И. Н. 273
Красильников Г. В. 248, 253, 258, 264, 268
Краснов Г. В. 244, 245, 247, 248, 257, 267
Кузнецова И. С. 270
Кульбас Д. Г. 272
Куприяновский П. В. 246
Курбатов В. 245
Курочкин В. С. 259
Кшнодзер М. 260
- Л**азаренко Г. П. 243, 273
Лебедев Ю. В. 249, 251, 252, 267
Лермонтов М. Ю. 244, 254, 256, 259, 269, 270
Лесков Н. С. 249
Лётин В. А. 264
Лефрен-Потчер С. 257, 265
Лобанова Ю. В. 253
Лобарева В. С. 248
Люизьер (Luisier) А. 249, 251, 257
- М**айков А. Н. 258
Макарова С. Н. 263, 269, 270
Макеев М. С. 243, 253, 258, 261, 263, 264, 269, 271, 272
Максимов Д. Е. 267
Мандель Б. 253
Мандельштам О. Э. 271
Маленкина Е. А. 248
Марасанова В. М. 257
Матлин М. Г. 263
- Матяш С. А. 263
Машевский А. 249
Маяковский В. В. 243
Мей Л. А. 250
Мелихов А. 270
Мельгунов Б. В. 245–249, 253, 257–258, 261, 264, 265, 267, 269
Мельник В. И. 245, 261, 263, 265, 267
Мережковский Д. С. 249, 250, 252
Мехтиев В. Г. 261
Мильтон Дж. 267
Минаев Д. Д. 259
Михайлов В. А. 248
Михайлова М. А. 255
Мишин Г. 272
Мишина Г. В. 249, 251, 255, 258, 261, 263, 264, 270
Монин Я. 261
Морозов Н. Г. 249
Мостовская Н. Н. 245, 246, 249, 257, 261, 265, 269
Мотеюнайте И. В. 264
Мурзо Г. В. 264, 268, 270
Мустафина Е. А. 245, 265
- Н**аумова Н. А. 249
Некрасов А. Ф. 248
Некрасов В. Ф. 248, 257
Некрасов К. Ф. 257, 264, 268
Некрасов Н. К. 248
Некрасова З. Н. 272
Нечай А. И. 261
Никитин И. С. 254
Николаева С. Ю. 249
Никуличев Ю. 253
Новиков А. Е. 245
Новосильцева Е. В. 269
- О**гарев Н. П. 247
Оксман Ю. Г. 273
Олизар Г. 247
Ословская Н. П. 261
Острейковская Н. В. 269
Островский А. Н. 245, 260, 267, 273
Оторочкина А. Е. 253, 264

Отрощенко Е. 272

Павел Флоренский 251

Павленков Ф. 273

Павловская О. А. 251

Пайков Н. Н. 245, 249, 251, 253,
256–258, 261, 264, 265, 267, 269, 271

Панаев И. И. 245, 259, 264, 267

Панаева (Головачева) А. Я. 246, 253,
259, 271

Перов С. Г. 273

Пильд Л. 258

Пименов Е. А. 256

Пименова М. В. 256

Писемский А. Ф. 257, 265

Писчурникова Т. А. 264

Подгорная И. П. 272

Полевой Н. А. 243

Полежаева Т. А. 261

Полознев Д. Ф. 248

Полякова Г. В. 262

Пономарева И. А. 247

Попов Д. 262

Порошенков Е. П. 251

Примочкина Н. Н. 269

Прозоров Ю. М. 267

Пудова А. А. 258

Пушкин А. С. 244, 245, 247, 248, 251,
258, 260, 266, 270, 272

Рамазанова Г. Г. 258

Раменский Е. О. 249

Рогозина Е. Ю. 264

Розанов В. В. 248, 251

Розанова Л. А. 246, 247, 257, 258, 267

Ромашенко С. А. 269

Румянцева В. Н. 259

Русский Н. А. 265

Рутман А. 247

Рязанцев Н. П. 258

Салова О. Г. 268

Салова Ю. Г. 258

Салтыков-Щедрин М. Е. 259, 264

Самарина Н. Г. 264, 268, 271

Сапогов В. А. 273

Севастьянова А. А. 248

Северикова Н. М. 262

Седов Е. И. 257

Семеновский М. И. 273

Семенцова Т. А. 249

Сердюкова О. И. 265

Серман И. З. 256

Скатов Н. Н. 246, 251, 256

Слонь О. В. 253, 259, 262, 263, 269

Случевский К. К. 258

Смирнов А. А. 259

Смирнов А. К. 251

Смирнов В. Б. 256, 265, 272

Смирнов С. В. 243, 251, 258, 264, 265,
267, 269, 270, 273

Смирнова Е. В. 268

Смирнова Л. Л. 257, 264, 268

Соболев Л. И. 258

Соколова И. К. 264, 268

Солженицын А. И. 252

Солодкова С. В. 273

Сорокин А. А. 271

Сорокина Н. М. 246, 248, 257, 264

Софийская М. Ю. — см. Степина М. Ю.

Срезневский И. И. 261

Стадников Г. В. 250

Станюлис В. С. 248

Стахов В. П. 251

Степанов А. В. 246

Степина М. Ю. 243, 245, 246, 249,
253, 257, 262, 264, 265–267, 269,
271

Страда В. 256

Строганов М. В. 243, 250, 251, 273

Сухих И. Н. 259, 262

Сыроватко Л. А. 252

Сысоева Н. П. 262

Талашов Г. П. 267

Тамаев П. М. 252

Тангалычев К. 256

- Таран И. С. 256, 266, 269
Тарасов А. Ф. 257
Тарасова М. А. 252
Тарасова О. А. 253, 257, 268
Татаркина С. В. 246, 253
Твардовский А. Т. 250, 271
Терентьева О. Н. 262
Терпигорев С. Н. 265
Тиманова О. И. 262
Тимашова О. В. 265
Толстой А. К. 264, 273
Толстой Л. Н. 257, 267, 268
Трауберг Н. Л. 271
Третьяков В. К. 252
Трифонов Л. Н. 257
Троицкий Н. А. 259
Тургенев И. С. 245, 247, 252, 265, 266, 271
Тюмин А. В. 248
Тютчев Ф. И. 250, 252, 254–257
- У**нковский И. С. 257
Успенский Н. В. 257
Успенский П. Ф. 271
Ушинский К. Д. 264
- Ф**аликов И. 270
Федотов П. А. 273
Федякин С. Р. 256
Федянова Г. В. 244, 246, 257, 264
Фет А. А. 247, 251, 253, 265, 270
Филатов Ф. Н. 257
Филипповский Г. Ф. 265
Филипповский Г. Ю. 251, 257, 264, 265, 267, 270
Филонов М. М. 254
Фурнье Н. 249
- Х**одасевич В. Ф. 262
- Ч**айковская И. 271
Чепкасов А. В. 250
- Ч**ернышевский Н. Г. 245, 262
Чилингарян Е. К. 250
Чичагов К. Н. 264
Чуковский К. И. 247
- Ш**анский Н. М. 246
Шарафадина К. И. 272
Шашкова Е. В. 254, 264, 267, 270, 271
Шевелев Э. 254
Шевченко Т. Г. 243
Шибанов В. Л. 256
Шиллер Ф. 269
Шильникова О. Г. 266
Шмелева Ю. В. 249
Шпилевая Г. А. 254, 257, 259, 262, 264–267, 270
Шустрова И. Ю. 268
- Щ**епакова Т. Н. 254
Щерба С. Л. 268
- Э**дельсон Е. Н. 272
Эльзон М. Д. 265
Эргель А. И. 264
Эткинд Е. Г. 272
- Ю**венал 266
- Я**ковлев В. И. 248, 273
Яковлева Л. В. 270
Яновская Е. В. 251, 257, 258, 264, 268
Яхонтов А. Н. 255, 264, 265
- Erdmann E. 262
Klioutchkine K. 262
Luisier A. 259, 262
McDonald E. 266
Petkova G. 243
Serman I. 273
Zink A. 259

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА

- «—ну» («Человек лишь в одиночку...») 33–36, 38, 39
- «...Дни идут... всё так же воздух душен...» 34
- «2-е декабря» 36
- «20 ноября 1861» 71, 73, 75
- «Баба-Яга, Костяная нога» 133, 134
- «Балет» 17
- «Баюшки-баю» 76
- «Блажен незлобивый поэт...» 216
- «В больнице» 17, 107, 110, 220
- «В деревне» 17
- «В дороге» 10, 11, 13
- «В столицах шум, гудят витии...» 220
- «В. Г. Белинский» 110
- «Влас» 216, 217
- «Влюбленному» 74
- «Внимая ужасам войны...» 216, 217
- «Водяной» 9, 130
- «Вор» 18
- «Ворон» 9
- «Выбор» 66, 68, 72, 74, 77, 81–86, 92
- «Гадающей невесте» 17
- «Говору. Записки петербургского жителя Ф. А. Белопяткина» 139
- «Говорун» 139
- «Горящие письма» 64
- «Гробок» 73
- «Два мгновения» 8
- «Дедушка» 114, 220
- «Дедушка Крылов» 143, 144, 147
- «Детство. (Неоконченные записки)» 24
- «Детство» 17
- «Дни благословенные» 159
- «Друзьям» («Я примирился с судьбой неизбежною...») 35
- «Дума» 220
- «Еду ли ночью по улице темной...» 22, 53, 54, 56
- «Железная дорога» 70, 71, 72, 97
- «З<ине>» («Ты еще на жизнь имеешь право...») 36, 37
- «Знахарка» 18
- «К ней» 160
- «К портрету **» 36
- «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» 143, 144, 146, 147
- «Княгиня» 17
- «Когда горит в твоей крови...» 57
- «Когда из мрака заблужденья...» 43, 46, 50, 54, 56, 57, 58, 220
- «Колыбельная песня» 10, 14, 187
- «Кому на Руси жить хорошо» 66, 88, 92, 93, 96, 98, 216, 239, 244, 245, 250, 258, 260, 268, 272, 273
- «М. Е. С<алтыко>ву (При отъезде его за границу)» 35
- «Мечты и звуки» 5, 8, 94, 129, 130

- «Молодые» 220
 «Мороз, Красный нос» 66, 72, 87, 92, 97, 216, 217
 «Муж и жена» 17
 «Муза» 217, 220
 «Музе» 35
 «Мы с тобой бестолковые люди...» 62
 «Мы, посетив тебя, Дружинин...» 109
- «**На** Волге (Детство Валежникова)» 17, 216
 «На улице» 18
 «Надрывается сердце от муки...» 21
 «Недавнее время» 17
 «Необыкновенный завтрак» 142
 «Непонятная песня» 130
 «Несжатая полоса» 110, 216, 217
 «Неужель еще уроки нужны...» 34, 37
 «Новости» 17
 «Нравственный человек» 27, 31
- «**О** погоде» 17, 73, 220
 «О. А. Петрову (В день 50-летнего юбилея)» 36
 «О<сипу> А<фанасьевичу> Петрову» («Умилия сердце человека...») 34
 «Орина, мать солдатская» 73, 164, 216
 «Ответ Лонгинова Тургеневу» 109
 «Отрадно видеть, что находит...» 10
 «Отрывок из записок петербургского жителя» 139
 «Отрывок» («...Я сбросила мертвящие оковы...») 36
 «Отъезжающему» 35
 «Очерки литературной жизни» 142
- «**Памяти** <Асенков>ой» 17, 18, 81
 «Памяти приятеля («Памяти Белинского»)» 217, 220
 «Папаша» 17
 «Песнь Васеньке» 109
 «Песня Замы» 266
 «Песня Любы (Из «Медвежьей охоты»)» 98
- «Песня о труде» 220
 «Петербургские углы» 148
 «Повесть о бедном Климе» 257
 «Пожарище» 94, 95, 97
 «Поражена потерей невозвратной...» 54
 «Послание Лонгинову» 109
 «Последние песни» 34, 36, 240
 «Последние элегии» 96, 110, 256, 263
 «Похороны» 86
 «Поэт и Гражданин» 216
 «Праздному юноше» 36, 220
 «Приговор» («Мы в своей земле многострадальной...» 34–37
 «Провинциальный подьячий в Петербурге» 131
 «Пророк»
 «Прощанье» 73, 74
 «Псовая охота»
 «Пускай мечтатели осмеяны давно...» 18
 «Путешественник» 37
 «Пчелы» 216
 «Пьяница» 10, 14
- «**Размышления** у парадного подъезда» 17
 «Родина» 17, 19, 220, 244, 271
 «Русские женщины» 114, 216, 236, 260, 264, 266
 «Рыцарь на час» 67, 68, 71, 77, 214, 216, 272
 «Рыцарь» 9
- «**С** работы» 91, 220
 «Саша» 205, 216, 217
 «Свадьба» 16, 17, 20–25
 «Сват и жених» 220
 «Свобода» 220
 «Сеятелям» 36, 216
 «Скоро стану добычею тленья...» 73
 «Смолкли честные, доблестно павшие...» 36

- «Современная ода» 31
«Сон» 220, 263
«Споры» 37
«Старость» 36
«Старушке» 17, 24
«Статейки в стихах, без картинок»
138, 139, 140, 141, 143, 144, 148
«Стихи мои!.. свидетели живые...»
220, 266
«Сцены из лирической комедии
“Медвежья охота”» 97
- «Т<ургене>ву» («Ты как поденщик
выходил...») 34, 36, 37
«Так, служба! сам ты в той войне...»
217, 220
«Тишина» 217
«Три страны света» 57, 98
«Три элегии» 33, 74
«Тройка» 16, 17, 247
«Ты не забыта» 86
«Ты всегда хороша несравненно...» 56
- «Убогая и нарядная» 17, 18, 56
- «Умру я скоро. Жалкое наследство...»
38, 86
«Уныние» 38
«Утро в редакции» 142
- «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж
не в своей тарелке» 131
«Филантроп» 17, 20, 21
- «Царевна Ясносвета» 253
- «Чиновник» 17
- «Шила в мешке не утаишь, девушки
под замком не удержишь» 132
«Школьник» 16, 216, 217
- «Элегия» («Пускай нам говорит из-
менчивая мода...») 33
- «Я за то глубоко презираю себя...»
220
«Я посетил твое кладбище...» 53, 54,
74, 75

**УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА
К «БИБЛИОГРАФИИ ЛИТЕРАТУРЫ О НЕКРАСОВЕ»**

- «20 ноября 1860 года (Я покинул кладбище унылое)» 247
- «Баба-Яга, Костяная Нога» 252, 262
«Балет» 272
«Баюшки-баю» 256, 269
«Блажен незлобивый поэт...» 265, 273
- «В деревне» 243, 272
В дороге» 252, 265, 268
«В полном разгаре страда деревенская...» 247
«Взглянув чрез много, много лет...» 264
«Влас» 255, 260
«Вот что значит влюбиться в актрису!» 249
- «Двадцать пять рублей» 252
«Душно! без счастья и воли...» 250
- «Еду ли ночью по улице темной...» 252, 262
- «Железная дорога» 253
«Жизнь и похождения Тихона Тростникова» 254, 257, 259, 265
- «Забракованные» 250
«Забытая деревня» 243
«Загадка» (колл.) 252
«Зеленый Шум» 255, 265
- «Извозчик» 244
- «Колизей» 259
«Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)» 256
«Колыбельная песня» 244
«Кому на Руси жить хорошо» 244, 245, 249, 250, 251, 257, 260, 267, 271, 272
«Крестьянка (глава из поэмы «Кому на Руси жсть хорошо»)» 260
- «Мать» 245, 247, 267
«Мертвое озеро» (колл.) 246, 253
«Мечты и звуки» (сб.) 258
«Молебен» 258
«Мороз, Красный нос» 253, 260, 261, 262, 263, 269, 272, 273
- «На Волге (Детство Валежникова)» 257
«Несжатая полоса» 243
«Несчастные» 245
«Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К» 254
«Ночлеги» 251
- «О погоде» 272
- «Памяти Добролюбова» 247
«Песня Еремушке» 256
«Петербургские углы» 254
«Повесть о бедном Климе» 257
«Подражание Лермонтову» 256

- «Подражание Шиллеру» 269
«Последние песни» (сб.) 245, 266, 269
«Последние элегии» 256, 262
«Похороны» 252, 253, 271
«Поэт и гражданин» 245, 248, 250
«Прелестная Зама» 265
«Пророк» 246
«Псовая охота» 245
- «**Р**азмышления у парадного подъезда» 267
«Родина» 244, 270
«Русские второстепенные поэты» 270
«Русские женщины» 260, 263, 265
«Рыцарь на час» 271
- «**С**аша» 257
«Современники» 253, 264
«Сон» 263
«Стихи мои! Свидетели живые...» 265
«Стихотворения Н. Некрасова» (сб.) 272
«Стихотворения, посвященные русским детям» 262
- «Сцены из лирической комедии “Медвежья охота”» 251, 257
«**Т**ишина» 246, 251, 257, 264, 266
«Тонкий человек, его приключения и наблюдения» 254, 270
«Три страны света» (в соавт. с А. Я. Панаевой) 245, 259
«Три элегии» 263, 264, 272
«Тройка» 247
- «**У**тро в редакции» 258
«Утро» 262
- «**Ч**ас молитвы» 258
«Что думает старуха, когда ей не спится» 252
«Что ты, сердце мое, расходилося?» 272
- «**Я** за то глубоко презираю себя...» 261
Я посетил твоё кладбище...» 262
- <Из статьи «Комета, учено-литературный альманах...»> 245

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. СТАТЬИ

<i>В. А. Кошелев.</i> «Перечел всего Жуковского...»: о поэтическом самоопределении Некрасова.....	5
<i>Н. Л. Вершинина.</i> К проблеме своеобразия описательного стиля в лирике Некрасова	16
<i>Н. Л. Вершинина.</i> Реплика В. Г. Белинского «И что за топор его талант!» в аспекте герменевтики.....	27
<i>А. М. Берёзкин.</i> Загадка адресата в стихотворении «-ну» («Человек лишь в одиночку...»)	33
<i>С. В. Берёзкина.</i> «И в дом мой смело и свободно...» (к литературной истории сюжета).....	43
<i>М. Ю. Степина.</i> Некрасов и А. Я. Панаева: несколько частных соображений....	51
<i>М. Ю. Степина.</i> Стихотворение Некрасова «Выбор» в контексте его лирики	66
<i>С. В. Смирнов.</i> О «труднообъяснимых» местах поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос».....	86
<i>Е. В. Шашкова.</i> О характере использования новгородских реалий в поэзии Некрасова	93

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Н. Б. Алдонина.</i> Н. А. Некрасов, А. В. Дружинин и их окружение (А. П. Аvernариус, М. С. Персин, П. П. Малиновский)	99
<i>М. Ю. Степина.</i> Литературная деятельность Некрасова в оценках П. А. Плетнева	125
<i>Е. М. Аксененко.</i> Е. Н. Шахова — современница Некрасова — в литературном процессе 1840–1860-х гг. Статья I.....	157
<i>Е. М. Аксененко.</i> Е. Н. Шахова — современница Некрасова — в литературном процессе 1840–1860-х гг. Статья II	165
<i>Н. В. Цветкова.</i> В. Г. Белинский и С. П. Шевырев об отношении искусства к действительности	175
<i>Н. В. Цветкова.</i> Отзыв С. П. Шевырева об И. И. Панаеве в «некрасовском сборнике»	186

<i>М. И. Медовой.</i> Новелла «Черный человек»: проблема авторства.....	194
<i>М. И. Медовой.</i> Повесть А. В. Станкевича «Идеалист» в литературном контексте	199
<i>П. М. Тамаев.</i> К 170 годовщине выхода в свет статьи А. С. Хомякова «О возможности русской художественной школы».....	208
<i>А. В. Вдовин.</i> Некрасов в русском школьном каноне до 1917 года: история, репертуар, частотность	215

III. ПУБЛИКАЦИИ

Неизданные письма людей из окружения Некрасова.....	221
Прошение Панаевых Александра Ивановича и Петра Ивановича Александру II об отказе от наследства после Панаева Ивана Ивановича в пользу его жены Панаевой Авдотьи Яковлевны. Копия. 1862	230
Письма А. Ф. Тарасова к Е. Н. Монаховой.....	233
Библиография литературы о Некрасове 2000–2010	243
Условные сокращения	274
Указатель имен	275
Указатель имен к «Библиографии литературы о Некрасове».....	284
Указатель произведений Н. А. Некрасова.....	289
Указатель произведений Н. А. Некрасова к «Библиографии литературы о Некрасове»	292

Научное издание
НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК. XV–XVI

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом) РАН*

Корректор *М. Ю. Данилевская*
Компьютерная верстка *А. А. Сурнина*

Подписано в печать 01.07.2019. Формат 70×108 ¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 18,5
Заказ № 10640-19. Тираж 100 экз.

Издательство межрегиональной общественной организации
социально-гуманитарных научных исследований
«Историческое сознание»
Адрес: г. Брянск, ул. Молодой Гвардии, д. 41, комната 2
Тел.: +7(4832) 72-40-49
E-mail: info@histsoznanie.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8 (496) 726-54-10

ISBN 978 - 5 - 7164 - 0977 - 4

9 785716 409774